

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЦЕНТРОСОЮЗА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КООПЕРАЦИИ»

ЧЕБОКСАРСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КООПЕРАЦИИ

Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Сборник материалов

*Республиканской научно-практической конференции,
посвященной памяти доктора юридических наук, профессора,
почетного работника высшего профессионального образования
Российской Федерации, заслуженного работника образования
Чувашской Республики Аркадия Сизого
(8 ноября 2019 г.)*

Чебоксары
2020

УДК 343(082)
ББК 67.408я43
А43

Редакционная коллегия:

В.В. Андреев – доктор исторических наук, профессор;
М.А. Кириллов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный за выпуск ***М.А. Кириллов***

*Утверждено Научно-редакционным советом
Чебоксарского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации*

А43   **Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии:** сборник материалов Республиканской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного работника образования Чувашской Республики Аркадия Сизого (8 ноября 2019 г.). – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2020. – 456 с.
ISBN

В сборник включены материалы Республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии», проведенной 8 ноября 2019 г. на базе кафедры криминологии и правоохранительных органов Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации и посвященной памяти Аркадия Сизого, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин в период с 1998 по 2011 г.

УДК 343(082)
ББК 67.408я43

ISBN

© Коллектив, 2020
© ЧКИ РУК, 2020

ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Е.В. Алеева, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Актуальность работы определена возрастающей динамикой должностных преступлений на всех уровнях власти, что подтверждает обзор судебной практики и данные многих регионов Российской Федерации. Многие составы преступлений, содержащиеся в Особенной части УК РФ, имеют признаки, сходные с признаками других составов преступлений. Разграничения преступлений между собой их составов с учетом правил квалификации при наличии конкуренции уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: сложность разграничения; присвоение; растрата; отлучия; мошенничество; злоупотребление; должностные полномочия; объект; собственность; общественная опасность.

Как пишет Н.А. Каменский, проведенный сравнительный анализ материалов судебной практики по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 201 УК РФ, а также по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 285 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях может причинять имущественный ущерб не только равный, но и больший по сравнению с должностным злоупотреблением [6].

Так, например, при совершении преступления служащими в коммерческих и иных организациях встречались случаи причинения имущественного ущерба на сумму в 19 млрд 900 млн руб., 2 млрд 214 млн руб., 1 млрд 087 млн руб. и т.д. [2]. Коррупция в частной сфере представляет не меньшую общественную опасность, чем в области публичных отношений. Кроме того, деятельность ряда юридических лиц с негосударственной формой собственности зачастую связана с решением общественно значимых задач в научной сфере, медицине и образовании, на стратегически важных, бюджетно- и градообразующих предприятиях, объектах жизнеобеспечения, оборонно-промышленного, топливно-энергетического, агропромышленного комплексов, в организациях, являющихся крупными субъектами кредитно-финансовой сферы, а также участвующих в выполнении государственных контрактов, реализации федеральных (региональных) целевых программ и приоритетных национальных проектов и т.д.

Происходящие объективные процессы в экономике, в том числе связанные с приватизацией государственного имущества, увеличивают роль организаций «частного» сектора. В этой связи опасность подобных преступлений представляется нам порой недооцененной. Маловероятно, что в ближайшие годы в доктрине уголовного права сложится единое мнение по вопросу соотношения субъектного состава преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях, и должностных преступлений. Вместе с тем одним из актуальных в настоящее время вопросов является правильное определение нормы закона при квалификации злоупотребления полномочиями, совершенного специальными субъектами, отнесенными к числу должностных лиц Федеральным законом от 13.07.2015 № 265-ФЗ в случае, если преступление было совершено до его вступления в законную силу.

Так, согласно ст. 9 УК РФ, преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Из указанного правила о действии закона во времени есть исключение. Уголовный закон может распространяться на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона. Общие условия обратной силы уголовного закона закреплены в ст. 10 УК РФ, предусматривающей применение новых норм в случае, если они устраняют преступность деяния, смягчают наказание или иным образом улучшают положение лица, совершившего преступление.

Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единых подходов при выборе нормы закона. Так, например, в период с декабря 2008 г. по декабрь 2012 г. Т., являясь должностным лицом – генеральным директором открытого акционерного общества, единственным акционером которого является Российская Федерация, осуществивший злоупотребление полномочиями в это время, обвинен в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ [1].

В большинстве других случаев следственно-судебная практика идет по пути признания лиц, совершивших злоупотребление полномочиями при исполнении обязанностей в государственных (муниципальных) предприятиях и акционерных обществах с доминированием государственного капитала до вступления в силу Федерального закона от 13.07.2015 № 265-ФЗ, служащими коммерческих и иных организаций, а не должностными лицами.

Н.А. Егорова обращает внимание на то, что верхние пределы санкций ч. 1 ст. 201 и 285 УК РФ одинаковы (4 года лишения свободы), санкция ч. 1 ст. 285 УК РФ более мягкая: в ней альтернативно предусмотрены штраф в меньших размерах, чем в санкции ч. 1 ст. 201 УК РФ, лишение права

занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного вида наказания (в санкции ч. 1 ст. 201 УК РФ его нет). Автор делает вывод, что ч. 1 ст. 285 УК РФ должна применяться к деяниям лиц, совершивших злоупотребление полномочиями (ч. 1 ст. 201 УК РФ) до введения в действие новой редакции п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, т.е. имеет обратную силу [5].

По нашему мнению, в случае совершения злоупотребления полномочиями служащими государственных и муниципальных предприятий, а также акционерных обществ с доминированием государственного капитала нельзя сделать однозначный вывод о том, улучшает ли Федеральный закон от 13.07.2015 № 265-ФЗ их положение служащих государственных и муниципальных предприятий, а также акционерных обществ с доминированием государственного капитала, совершивших злоупотребление полномочиями.

Определить, улучшено либо ухудшено положение «новых» субъектов гл. 30 УК РФ при совершении ими злоупотреблений полномочиями, – достаточно сложный вопрос, требующий урегулирования на законодательном уровне. Преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 201 и 285 УК РФ, согласно ст. 15 УК РФ относятся к категории средней тяжести, а квалифицированные составы (ч. 2 ст. 201 и ч. 3 ст. 285 УК РФ) являются тяжкими преступлениями. Однако при анализе видов наказаний следует обратить внимание, что штраф в ч. 1 ст. 201 УК РФ установлен в размере до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев.

В санкциях ч. 1 ст. 285 УК РФ штраф определен в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев, т.е. данный конкретный вид наказания в ст. 285 УК РФ установлен в меньшем размере, чем в ст. 201 УК РФ. Назначение наказания в виде штрафа за злоупотребление в коммерческих и иных организациях в размере большем, чем предусмотрено за должностное злоупотребление, может ущемлять права лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Например, лицо, выполняющее управленческие функции на государственном (муниципальном) предприятии, совершившее злоупотребление полномочиями до вступления в силу Федерального закона от 13.07.2015 № 265-ФЗ, при назначении наказания в виде штрафа в размере, более чем в 80 тыс. рублей вправе потребовать переквалификации своих действий со ст. 201 на ст. 285 УК РФ с целью назначения штрафа в меньшем размере. Следует также обратить внимание, что в ч. 1 ст. 201 УК РФ в качестве альтернативного вида наказания предусмотрены обязательные либо исправительные работы, а в ч. 1 ст. 285

УК РФ – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет [4].

Привлечение к уголовной ответственности за должностное преступление при условии назначения вышеуказанных видов наказания в данном случае также будет улучшать положение субъекта, так как в УК РФ наказания расположены в порядке от менее строгого к более строгому [7].

При рассмотрении других видов наказаний в анализируемых нормах следует учитывать, что арест в ч. 1 ст. 285 УК РФ предусмотрен сроком от четырех до шести месяцев. В ч. 1 ст. 201 данный вид наказания может назначаться на срок до 6 месяцев.

В ч. 2 ст. 201 УК РФ в качестве альтернативных основных видов наказаний предусмотрены штраф и принудительные работы. В ч. 3 ст. 285 УК РФ в качестве наказания предусмотрено только лишение свободы, являющееся более строгим наказанием. Касаясь практического аспекта правоприменения, полагаем, что до внесения законодательных изменений судебным органам необходимо назначать наказание лицам, совершившим злоупотребление полномочиями в качестве служащих государственных и муниципальных организаций до вступления в силу Федерального закона № 265-ФЗ, не в большем размере, чем предусмотрено в санкциях ст. 201 и 285 УК РФ.

Применение конфискации, которое возможно в случае квалификации деяний по ст. 285 УК РФ, к вышеуказанным «новым» субъектам не соответствует требованиям ч. 1. ст. 10 УК РФ, так как ст. 201 УК РФ не входит в перечень преступлений, по которым согласно гл. 15.1 УК РФ применяется данная мера уголовно-правового характера. Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях могут представлять повышенную общественную опасность по сравнению с общественной опасностью злоупотреблений должностными полномочиями, ответственность за которые предусмотрена ст. 285 УК РФ.

С учетом данного вывода, а также необходимостью реализации мер, направленных на устранение коллизий, возникающих при определении нормы закона (ст. 201 или 285 УК РФ), действовавшей на момент совершения деяния, следует унифицировать санкции в указанных статьях.

Список литературы

1. Постановление Рудничного районного суда г. Кемерово от 13.03.2017. Дело № 1-84/2017. URL: <https://rudnichny.kmr.sudrf.ru> (дата обращения: 08.05.2019).

2. Приговор Первомайского районного суда г. Мурманска от 22.11.2010. Дело № 1-340/10. URL: <https://perv.mrm.sudrf.ru> (дата обращения: 08.05.2019).
3. Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга от 23.06.2017. Дело № 1-219/2017. URL: <https://promyshlenu.orb.sudrf.ru> (дата обращения: 08.05.2019).
4. Приговор Среднеахтубинского районного суда Волгоградской области от 31.01.2017. Дело № 1-30/17. URL: <https://ahtub.vol.sudrf.ru> (дата обращения: 08.05.2019).
5. *Егорова Н.А.* Новеллы Уголовного кодекса о должностных преступлениях // Законность. 2016. № 2. С. 34–38.
6. *Каменский Н.А.* О некоторых проблемах квалификации злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных организациях // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2019. № 1 (57). С. 241–250.
7. *Федорин Н.К.* Причинная связь при бездействии в уголовном праве // *Juvenis scientia*. 2017. № 6. С. 42–45.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Е.В. Алеева, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с уголовной ответственностью за злоупотребление полномочиями в зарубежных странах, и практическому применению наиболее актуальных законодательных норм. В последние годы наблюдается увеличение числа привлекаемых к уголовной ответственности лиц, осуществляющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, о чем свидетельствуют данные судебной статистики.

Ключевые слова: должностные полномочия; злоупотребление; превышение должностных полномочий; управленческие функции; квалифицирующие признаки; законодательство; крупный ущерб.

Для полного раскрытия вопроса об ответственности за злоупотребление полномочиями считаем целесообразным провести сравнительный анализ с зарубежным законодательством. Анализ уголовного законодательства ряда стран ближнего зарубежья свидетельствует о том,

что в отдельных государствах рассматриваемая норма сформулирована тождественно или приближено к положениям уголовного законодательства РФ. Так, ч. 1 ст. 250 УК Республики Казахстан [4] сконструирована аналогично ч. 1 ст. 201 УК РФ, а вот квалифицированный состав существенно отличается.

Если по ч. 2 ст. 201 УК РФ повышенная опасность рассматриваемого посягательства связана с наступлением тяжких последствий, то по ч. 2 ст. 250 УК РК – со специальным субъектом и причинением крупного ущерба. При этом, если по ст. 201 УК РФ последствия в виде существенного вреда и тяжких последствий – это оценочные категории, то по ст. 250 УК РК – четко определенные законодателем. По нашему мнению, конструкция УК РК в этой части изложена более удачно, поскольку для понимания «существенности» и «тяжести» вреда по ст. 201 УК РФ необходимо опираться на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», в котором размер причиненного ущерба точно не определен. Что касается признаков специального субъекта, то казахский законодатель к таковым отнес: руководящих работников финансовой организации, банковского и (или) страхового холдинга, крупных участников (крупных акционеров) – физических лиц, руководителей, членов органа управления, руководителей, членов исполнительного органа, главных бухгалтеров крупного участника (крупного акционера) – юридического лица финансовой организации [1].

Сравнивая данные положения с содержанием примеч. 1 к ст. 201 УК РФ, отметим, что формулировка российского закона позволяет охватывать более широкий круг субъектов по сравнению с УК РК. Сходство с положениями ст. 201 УК РФ обнаруживается и в Уголовном кодексе Кыргызской Республики. Разница заключается в характере общественно опасных последствий – по ч. 1 ст. 233 УК Кыргызской Республики – это значительный вред. При этом в диспозиции рассматриваемой нормы конкретизируется форма вины по отношению к общественно опасным последствиям – умысел или неосторожность.

Подобная конкретизация формы вины по отношению к последствиям для ст. 201 УК РФ не свойственна, соответственно о форме вины можно судить исходя из толкований в судебной практике и научной доктрине. В ч. 2 ст. 233 УК Кыргызской Республики, в отличие от УК РФ и УК РК, не предусмотрена повышенная уголовная ответственность за наступление более тяжких последствий. Здесь говорится

только о специальном субъекте – «служащие государственного или муниципального предприятия, хозяйственного общества, в котором государство или муниципальное образование владеет акциями (долями) в уставном капитале».

Анализ УК Беларуси свидетельствует о том, что здесь отсутствуют отдельные нормы за злоупотребление полномочиями и злоупотребление должностными полномочиями. В ст. 424 УК Беларуси предусмотрена ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями [3]. А.М. Хлус пишет о том, что данное преступление совершается с использованием предоставленных должностному лицу служебных полномочий. Это объективное обстоятельство, которое в процессе расследования подлежит установлению и подтверждению указанием на конкретные деяния и соответствующие им служебные полномочия [6]. Как отмечает указанный автор, в составе рассматриваемого преступления можно выделить несколько материальных элементов, которым в результате деяния причиняется ущерб или вред [6].

Так в ст. 424 УК Беларуси идет речь о «причинении ущерба». При этом в рассматриваемой статье УК речь идет об ущербе, который выражается в «крупном размере» или в «существенном вреде правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам».

В примечании к гл. 35 УК Беларуси «Преступления против интересов службы» крупным размером (ущербом в крупном размере) признается «размер (ущерб) на сумму в двести пятьдесят и более раз превышающий размер базовой величины, установленный на день совершения преступления» [3].

Часть 3 ст. 424 УК Беларуси закрепляет повышенную уголовную ответственность для лиц, перечисленных в ч. 1, в случае наступления тяжких последствий в результате их деяния, что соответствует положениям ч. 2 ст. 201 УК РФ.

Схожесть положений белорусского законодательства мы находим в УК Монголии. В соответствии со ст. 22.1 УК Монголии злоупотребление властью и служебным положением относится к гл. 22 УК Монголии «Против коррупции». Объективная сторона данного преступления характеризуется следующими признаками: действием или бездействием, состоящим в использовании должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы; причинением значительного вреда государственным или общественным интересам, социалистической собственности либо охраняемым законом правам и интересам граждан; наличием причинной связи между злоупотреблением властью и названными последствиями [5].

В ст. 295 УК Испании установлено, что «фактический или юридический руководитель учрежденного или образующегося объединения, который для собственной выгоды или выгоды третьих лиц, превышая свои должностные функции, мошеннически распорядится имуществом объединения либо заключит обязательства за счет объединения, прямо причиняя существенный экономический ущерб его членам, казначеям, совладельцам счета или собственникам имущества, ценных бумаг или денег, которыми он распоряжался, наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до четырех лет или штрафом в размере тройной стоимости полученной прибыли» [2].

Анализируя данные положения УК Испании, А.В. Семенюк пишет: «в качестве субъекта преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 295 УК Испании, выступает фактический либо юридический руководитель как учрежденного, так и только создающегося объединения» [2].

Наиболее мягкое наказание за злоупотребление полномочиями предусмотрено в УК Кыргызской Республики. Самое строгое, если ориентироваться на наказание в виде лишения свободы, – в УК Беларуси. При этом санкции уголовного законодательства всех анализируемых стран СНГ предусматривают в качестве основного или дополнительного наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Что же касается УК РФ, то санкция ч. 1 ст. 201 данный вид наказания не предусматривает, что выглядит нелогично, учитывая тот факт, что субъект преступления по ч. 1 ст. 201 УК РФ – специальный и эта «особая характеристика» субъекта связана с характером занимаемой им должности или выполняемой деятельности. Кроме того, сравнение ч. 1 ст. 201 УК РФ с положениями ч. 1 ст. 285 УК РФ свидетельствует о том, что санкция ч. 1 ст. 285 УК РФ предусматривает в качестве основного наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет. Учитывая вышеизложенное, предлагаем в санкции ч. 1 ст. 201 УК РФ также предусмотреть данный вид наказания.

Таким образом, по результатам проведенного исследования следует сделать следующие выводы: УК стран романо-германской правовой семьи (в частности, ФРГ, Франции, а также Испании) используются способы, направленные на установление ответственности за совершение такого уголовно-наказуемого деяния, как злоупотребление полномочиями, в частности:

– в УК Франции не предусмотрена уголовная ответственность за совершение рассматриваемого уголовно-наказуемого деяния, но регламентирована уголовная ответственность за злоупотребление доверием;

– в УК ФРГ предусмотрена ответственность за злоупотребление полномочиями, однако она является квалифицирующим признаком такого преступления, как злоупотребление доверием (мошенничество);

– УК Испании предусматривает уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями в ст. 295. При этом в качестве субъекта данного преступления выступают как юридические, так и фактические руководители юридических лиц. В положениях УК КНР содержится обособленная группа статей, которые имеют сходство со ст. 201 УК РФ и регламентирующих уголовную ответственность за совершение различных видов служебных злоупотреблений.

УК Республики Казахстан, устанавливая уголовную ответственность за совершение злоупотребления полномочиями, регламентирует другие квалифицирующие признаки злоупотребления полномочиями (в данном случае речь идет о специальном субъекте, а также причинением крупного ущерба). Кроме того, в данном УК нашли свое отражение легальные определения целого ряда понятий, которые имеют значение для квалификации рассматриваемого уголовно наказуемого деяния [4].

Согласно с положениями УК Республики Беларусь лиц, которые уполномочены выполнять управленческие функции как в коммерческих, так и в других организациях, следует относить к должностным лицам. По этой причине законодатель в УК РБ уголовную ответственность отдельно за злоупотребление полномочиями не предусмотрел.

Список литературы

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.
2. Уголовный кодекс Испании. URL: http://artlibrary2007.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc (дата обращения: 08.12.2019).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 // Эталон – Беларусь Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 08.12.2019).
5. Семенюк А.В. Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Молодой ученый. 2019. № 13. С. 206–208.
6. Хлус А.М. Уголовно-правовое и криминалистическое понимание объекта преступного посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями // Синергия. 2018. № 3. С. 73–78.

О ТЕХНИКЕ ОПУБЛИКОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ

А.М. Алексеев, ст. преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
(г. Чебоксары)

В статье рассматриваются техника и нормы опубликования нормативных актов.

Ключевые слова: техника; опубликование; нормативные акты.

Для обеспечения соблюдения норм права необходимо, чтобы они стали известны всем. Это относится не только к законам, но и к подзаконным актам, которые также затрагивают значительное число граждан или групп населения. В основе этого правила – презумпция, согласно которой объективная невозможность узнать содержание нормативных актов логически должна освобождать от обязанности их выполнения.

Право на информацию о новых законах и иных нормативных актах – это одно из признанных международным сообществом прав человека. Государство обязано уважать данное право и содействовать его реализации.

Проблема доступности, открытости законодательства приобретает особое значение еще и потому, что в качестве «информаторов» по законодательству сегодня все чаще выступают различного рода коммерческие структуры, которые далеко не всегда способны обеспечить полную и достоверную информацию о законах. Более того, нередко под видом законов они воспроизводят даже не самые последние их проекты. В их публикациях встречаются неточности и ошибки.

Главное же значение опубликования состоит в том, что оно является необходимым условием вступления нормативных актов в силу, их применения, действительности, следовательно, обязательной силы правовых норм.

Для того чтобы все нормативные акты были доведены до сведения граждан, которых они непосредственно или косвенно касаются, в законодательстве предусматриваются нормы по опубликованию юридических актов.

Опубликование – это действие, заключающееся в доведении нормативных актов до сведения всех граждан, кому они адресованы.

При публикации нормативного акта указываются его реквизиты:

- вид;
- наименование;
- дата принятия;
- должностное лицо, его подписавшее;
- место;
- дата подписания;
- регистрационный номер.

Для законов и подзаконных нормативных правовых актов обязательным способом предания гласности является публикация, т.е. распространение актов при помощи СМИ. В настоящее время их чаще всего печатают в официальных сборниках документов.

Сроки опубликования. На этот счет установлены следующие правила. Законы подлежат опубликованию в течение семи дней после их подписания Президентом РФ. Указы должны быть доведены до всеобщего сведения путем опубликования в течение 10 дней после их подписания.

Постановления Правительства РФ подлежат официальному опубликованию не позднее 15 дней со дня их принятия, а при необходимости немедленного широкого их обнародования доводятся до всех граждан через СМИ безотлагательно.

Ведомственные акты официально публикуются в течение 10 дней после их регистрации.

Трудно объяснить установление различных сроков для опубликования нормативных актов, ведь смысл этого мероприятия идентичен во всех случаях. Вот почему в литературе неоднократно высказывалось мнение привести законодательное закрепление сроков опубликования к единому знаменателю. Более того, в некоторых государствах эта идея реализована и практика показала эффективность такого шага. Идея комплексного урегулирования вопросов опубликования актов разной юридической силы в одном акте (законе) находит воплощение и в практике отдельных субъектов РФ. Например, Законом Воронежской области от 07.07.2006 № 86-ОЗ «О порядке опубликования, вступления в силу нормативных правовых актов органов государственной власти Воронежской области и порядке опубликования иной официальной информации» урегулирован порядок опубликования не только законов, но и других актов, принятых областной Думой, а также администрацией области.

Официальные источники опубликования. Законы публикуются в «Парламентской газете», «Российской газете» или «Собрании законодательства Российской Федерации» (кроме того, в начале 2013 г. начал

работу официальный электронный источник опубликования нормативных актов – портал на сайте Правительства РФ). Указы Президента РФ подлежат официальному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановления Правительства РФ имеют тот же источник официального опубликования – «Российская газета» и «Собрание законодательства Российской Федерации». Ведомственные нормативные правовые акты подлежат официальному опубликованию в «Российской газете», «Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти». Сохранилась и такая форма официального оглашения, как ведомственная рассылка. Она осуществляется в целях доведения ведомственных актов до их исполнителей и обычно нормативно регламентируется самими ведомствами.

Неоднократно в юридической литературе высказывалось предложение о целесообразности установления единого печатного органа официального опубликования нормативных правовых актов разных уровней. Это позволило бы сконцентрировать нормативный материал и облегчить адресатам пользование им. Кроме того, можно было бы уменьшить расходы на их издание. Тем самым был бы облегчен процесс их учета и систематизации. Целесообразность создания единого органа официального опубликования подтверждает и положительный опыт его функционирования в целом ряде зарубежных государств – Италии, Франции, ФРГ и др.

В настоящее время «Собрание законодательства Российской Федерации» как официальный источник практически приближается к тому, чтобы быть единым источником опубликования федеральных нормативных актов. Но, пожалуй, один из самых сложных вопросов при создании единого источника опубликования нормативных актов – следует ли помещать в него ведомственные акты? Это позволит достичь интеллектуального удобства в пользовании, но тогда объем «Собрания законодательства Российской Федерации» значительно возрастет, что, скорее всего, усложнит физическое пользование этим изданием.

На федеральном уровне, равно как и на уровне отдельных субъектов РФ, для оперативного доведения правовой информации до широких слоев населения практикуется опубликование нормативных правовых актов в массовых периодических изданиях, которым придается статус официального источника опубликования. В России, например, это «Российская газета». Следует, однако, учитывать, что в СМИ целесообразно публиковать не все, а лишь наиболее важные нормативные

акты, требующие широкого обнародования. Помещение иных многочисленных актов со всеми их реквизитами в периодическом издании неизбежно приведет к его перегрузке обязательными публикациями.

Неофициальные источники опубликования. Помимо официального опубликования нормативных правовых актов, существуют другие формы их оглашения. Акты, требующие срочного и широкого обнародования, наряду с опубликованием в официальных изданиях могут быть обнародованы по радио и телевидению, а также в Интернете. Акты, не имеющие общего значения, подлежат рассылке определенному кругу органов и организаций. Все нормативные акты могут быть опубликованы в иных печатных изданиях, переданы по каналам связи и др. Ничто не мешает их опубликовать и в виде отдельного издания. Однако эти варианты опубликования не признаются официальными.

Язык опубликования. Заслуживает особого внимания вопрос о языке официального опубликования нормативных правовых актов, который имеет значение, прежде всего, для республик в составе Российской Федерации. Не случайно он затрагивается специальным законодательством об опубликовании нормативных правовых актов и законами о языках, принятыми на федеральном и республиканском уровнях [2].

Здесь действует следующее правило. Тексты законов и других федеральных актов должны быть опубликованы как на русском языке, признанном государственным на всей территории РФ, так и на государственных языках республик в составе Российской Федерации. В соответствии с Законом от 20.10.1992 № 11 «О языках народов Республики Хакасия» тексты законов и других правовых актов, принятых высшими органами государственной власти республики, публикуются на двух языках – русском и хакасском. В Законе от 10.06.1992 № 221-ХП «О языках народов Республики Бурятия» установлено, что тексты законов и постановлений органов государственной власти республики публикуются на бурятском и русском языках. Что касается документов местных органов власти и управления, то они принимаются и объявляются или на русском, или на бурятском языке – в зависимости от контингента населения. В местностях компактного проживания других национальностей (эвенки, татары, немцы и др.) наряду с государственными языками может использоваться язык большинства населения данной местности.

Такой подход, когда в качестве государственного на территории республики действуют одновременно несколько языков, дает больше возможностей для преодоления возникающих языковых коллизий и поэтому представляется наиболее целесообразным. Вместе с тем реа-

лизация нормы о необходимости опубликования нормативных правовых актов, изложенных на разных языках, весьма непроста (особенно в условиях многонациональной республики). Сказывается недостаточная подготовленность материальной, организационной и лингвистической баз.

Конечно, вопросы официального опубликования нормативных правовых актов могут решаться субъектами РФ неоднозначно. Но в любом случае при информационном обмене в сфере законодательства необходимо исходить из проблемы «взаимоотношения языков» в рамках единой Федерации.

Ограничительные грифы. Существует категория нормативных правовых актов, на которые требование обязательного опубликования не распространяется. К ним относятся законы, другие нормативные правовые акты, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера. Это делается, как правило, в интересах обороны или государственной безопасности страны. Очевидно, что какие-то нормативные правовые акты должны оставаться «закрытыми» даже в условиях демократического правового государства. Однако при этом важно не допускать необоснованного присвоения ограничительных грифов. Результатом чрезмерной засекреченности правовых актов может стать такое нежелательное явление, как «отчуждение от права». Необходимо также учитывать, что присвоения ограничительного грифа в ряде случаев требует не весь акт, а лишь определенная его часть (статья, пункт, абзац).

Значимость вступления нормативных актов в силу. М.С. Студеникина отмечает, что нормы права, устанавливающие порядок вступления законов в силу, позволяют избежать неоправданных задержек с их опубликованием [1]. Как известно, используя сугубо технический прием задержки с опубликованием, государственные органы, не относящиеся к законодательной ветви власти, могут на длительное время отсрочить вступление в силу уже принятого закона, заблокировав тем самым его реализацию. К сожалению, установленная норма не подкреплена никакой ответственностью за ее несоблюдение. Кроме того, сложно найти основание, которое могло бы запретить заинтересованным структурам задерживать срок официального опубликования закона.

Поскольку момент вступления нормативных актов в силу напрямую связывается с их опубликованием, следует выяснить, когда же таковой наступает. В Институте законодательства и сравнительного правоведения комментируют данную ситуацию следующим образом:

«Формулировка «со дня опубликования» предполагает, что день опубликования включается в срок вступления акта в силу; формулировки «после дня официального опубликования» и «после опубликования» означают, что срок вступления в силу акта начинается со следующего дня после дня его официального опубликования».

Способы вступления нормативных актов в силу. Момент вступления в силу нормативных правовых актов определяется различными способами.

Первый способ. В законодательстве устанавливается следующее общее правило: нормативный акт вступает в силу после определенного срока со дня его опубликования. Нет особой необходимости доказывать, какую важную роль играет вступление закона в силу не сразу после его опубликования, а по прошествии определенного срока, позволяющего субъектам права уяснить содержание нормативного акта, пока он находится в состоянии «бездействия», сообразовать с ним свое поведение. Однако сроки вступления в силу различаются в зависимости от того, о каком виде нормативного акта идет речь. На сей счет установлены следующие правила:

– законы вступают в силу по истечении 10 дней после дня их официального опубликования;

– указы Президента РФ, имеющие нормативный характер, вступают в силу по истечении семи дней после дня их официального опубликования;

– постановления Правительства РФ, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус федеральных органов исполнительной власти, а также организаций, вступают в силу по истечении семи дней после дня их официального опубликования;

– ведомственные нормативные акты вступают в силу по истечении 10 дней после дня их официального опубликования.

Практика свидетельствует, что это общее правило мало используется.

Второй способ. Чаще используется другое правило: нормативный акт вступает в силу с указанной в нем конкретной календарной даты. В большинстве случаев устанавливаемая конкретная дата увеличивает временной разрыв между днем опубликования закона и днем введения его в действие. Например, УК РФ был принят 13 июня 1996 г., а вступил в силу с 1 января 1997 г.; Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) был принят 29 декабря 1995 г., введен в действие (за некоторыми исключениями) с 1 марта 1996 г. Бесспорно, такая регламентация сроков вступления законов в силу обеспечивает гражданам более детальное

ознакомление с самим законом, осмысление вводимых им новелл, а законодателю дает возможность настроить общественное мнение на их неуклонное исполнение.

Третий способ. Вступление закона в силу со дня его официального опубликования стало приоритетным способом в последнее время. Но объяснить эту тенденцию объективными причинами, кроющимися в самой специфике принятых законов, весьма затруднительно. В число законов, вводимых в действие непосредственно со дня опубликования, попали законы, совершенно разные и по своему объему, и по кругу субъектов, которым они адресованы, и по характеру регулируемых отношений. В этой группе есть законы, состоящие всего из одной-двух статей, а есть и такие, которые насчитывают 100 статей и более.

Четвертый способ. Закон вступает в силу при наступлении определенного события или при условии совершения каких-либо действий. Отлагательное условие для вступления закона в силу – довольно распространенный вариант при определении начального момента действия закона во времени. Наиболее отчетливое проявление этот вариант находит в случаях, когда речь идет о связи вступления закона в силу с принятием какого-то специального законодательного акта. Например, в Федеральном законе от 30.11.1994 № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ГК РФ) предусматривалось, что гл. 17 ГК РФ вступает в силу со дня введения в действие нового ЗК РФ.

Прием отлагательных условий для определения даты вступления в силу используется иногда как своеобразная уловка, чтобы отсрочить на значительное время реализацию уже принятого закона. Причины такой «отсрочки» могут быть самыми разными, в том числе конъюнктурными. Безусловно, М.С. Студеникина права, когда утверждает, что «в законодательной деятельности абсолютным должно быть правило – закон может приниматься только тогда, когда для этого созрели все условия. Если же этого нет, то работа на «опережение» в законотворчестве, под каким бы предлогом она ни проводилась, не может поощряться. Само же последующее использование в такой ситуации приемов отсрочки введения в действие уже принятых законов должно признаваться нелегитимным» [1].

Если рассматривать данные способы вступления нормативных правовых актов в силу с точки зрения простоты и точности определения момента вступления в силу закона, наиболее предпочтительным, полагаем, выглядит способ, при котором в законе указывается конкретная календарная дата, с которой закон вводится в действие. Однако

даже он не во всех случаях является удобным. Это связано с многоэтапной процедурой принятия, согласования и одобрения законов.

Список литературы

1. Студеникина М.С. Кодификация законодательства об административной ответственности // Российская юстиция. 1996. № 8.
2. Тенчов Э.С. Язык уголовного закона // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под. ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 577–586.
3. Юртаева Е.А. Законодательная техника и основа языкового оформления законодательных актов в российской империи // Журнал российского права. 2000 № 8. С. 145–154.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СЕМЬЯХ

А.М. Алексеев, ст. преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
(г. Чебоксары)

В статье рассматривается одно из приоритетных научных направлений – сравнительное правоведение, в частности исследуются проблемы классификации правовых семей в доктринальных источниках, устанавливаются критерии, особенности юридической техники в странах романо-германской, англо-саксонской, мусульманской правовой семьи.

Ключевые слова: юридическая техника; правовая семья; романо-германская (континентальная); семья право; англо-саксонская (семья общего права); прецедентное право; мусульманская правовая семья.

Юридическая наука уделяет особое внимание юридической технике, которая служит теоретической основой ведения различных видов правовой работы, формирует умение и навыки для разрешения практических ситуаций, возникающих в процессе юридической деятельности и ее государственного регулирования. Значимое место в процессе исследования юридической техники занимает сравнительное правоведение [1; 4].

На сегодняшний день в мире существует более 220 государств (по некоторым оценкам более 250). Все они используют право как средство регулирования общественной жизни. Есть ли что-либо общее между всеми этими национальными системами права? На этот вопрос

дает ответ сравнительный анализ правовых систем разных стран. Право государств можно классифицировать по группам, или семьям.

Семьи права (или правовая система мира) – это группы национальных систем права, имеющих сходные юридико-технические признаки, главным из которых является форма права. Помимо этого, при выделении семей права мы должны учитывать глобальные правовые идеи, структуру права, правовую культуру, традиции права, особенности происхождения и эволюции различных систем права и др.

Рассмотрим особенности юридической техники в каждой из правовых семей, известных современному юридическому сообществу [2; 3; 5–8].

Романо-германская (континентальная) семья права (или профессорское право). В состав данной семьи входят национальные системы, возникшие в континентальной Европе на основе соединения римских, канонических и местных традиций (Франция, Германия, Испания, Швеция и др.). Все эти страны в той или иной мере реципировали, т.е. взяли за основу, римское право, но не конкретные нормы, а его принципы. Основным источником права (формой права) является нормативный акт, который занимает не менее 70 % общего числа других форм права. Используется также юридический прецедент (когда закон неясен, противоречив), но не более чем на 15 %. Не сбрасываются со счетов и обычаи, хотя они считаются устаревшим источником права. По сравнению с другими семьями здесь широко используется юридическая доктрина, поэтому эту семью права еще называют профессорским правом. Ученые активно помогают юрисдикционным органам в процессе разрешения сложных дел.

По своему содержанию национальные системы этой группы логичны и доктринальны. Ученые, наряду с представителями государственных органов, привлекаются не только для разрешения сложных дел или дел, по которым отсутствуют законоположения, но и к работе над законопроектами. Зачастую они становятся инициаторами издания того или иного нормативного акта. О том, что ученые создают понятийный аппарат для законодательства, и говорить не приходится.

По структуре континентальное право делится на отрасли, а те, в свою очередь, на подотрасли и институты. Рассматривая конкретный случай, правоприменитель должен, прежде всего, решить, к какой отрасли права относится дело, а потом в ее составе искать соответствующую норму права.

Право стран данной правовой семьи хорошо систематизировано. Старые, сложившиеся отрасли права подвергаются кодификации, т.е.

глубокой переработке, в результате которой создается органичный акт, обычно называемый кодексом.

Между нормативными актами существует иерархическая зависимость, смысл которой сводится к следующему: нормативный акт, принятый вышестоящим органом, имеет преимущество перед нормативным актом, принятым органом, нижестоящим в государственной иерархии, и в случае противоречия между ними отменяет положения акта нижестоящего. Существует иерархия и между источниками права: законодательные акты имеют преимущество перед всеми другими формами права (прецедентом, обычаем). Все дело в том, что в этих странах в правовом регулировании велика роль государства.

Материальное право важнее процессуального, призванного обслуживать его применение. Это означает, что, если отсутствуют доказательства по делу, нельзя отказать в принятии его к рассмотрению. Однако если в процессе рассмотрения дела доказательства не будут в наличии, дело будет проиграно.

Такое правило отчасти существует потому, что в странах этой системы используется инквизиционный процесс, когда суд является активным субъектом в процессе и сам принимает меры по сбору доказательств. В гражданском процессе, конечно, велика роль состязательности, но и здесь суд может быть очень активным. В этих странах иерархична и судебная система (местные суды, апелляционные, кассационные, высшие). За всеми судами контроль ведет министерство юстиции.

Англосаксонское право (семья общего права, прецедентное право, судейское право). В состав англосаксонской семьи права входят Великобритания и страны, которые исторически входили в британскую колониальную систему (США, Австралия, Канада и др.). В настоящее время в Британское Содружество входят 36 государств. Англосаксонское право развивалось не учеными-юристами, а юристами-практиками на основе рассмотрения ими конкретных правовых казусов.

Особенности общего права следующие. Основным источником права является прецедент. На сегодня он составляет около 50 % общего числа других форм права, но ранее этот процент был гораздо выше. Законы (статуты) все больше используются в правовом регулировании. Их доля уже составляет около 40 %. Если в Европе право рассматривают как совокупность предусмотренных законом правил, то для англичанина право – в основном то, к чему приведет судебное рассмотрение. Более того, закон не считается таковым до тех пор, пока судебная практика его не апробирует и пока не накопится опыт его приме-

нения. Используются и обычаи, но они имеют второстепенное значение. Юридическую доктрину в Великобритании недооценивают, так как английское право обязано больше судьям, чем ученым.

Прецедентной семье права свойственна прагматичность. Это означает, что любое дело должно быть доведено до конца, даже если нет нормы закона. Казуистичность английского права связана с тем, что прецеденты создаются применительно к конкретному случаю. Принцип разрешения дела формулируется после описания всех признаков дела и исследования всех доказательств. Другой судья, прежде чем применить этот принцип, должен сравнить рассматриваемую ситуацию с той, которая описывается в прецедентном решении.

Представление о том, что прецедент сковывает судью, во многом обманчиво именно потому, что судья сам решает, совпадает данная ситуация с той, на основе которой вынесен прецедент, или нет. Поскольку полного совпадения никогда не бывает, судья может прецедент отбросить. Отсутствие выраженной системы правовых норм – отличительная черта.

Это относится не только к прецедентам, которые создавались по мере необходимости, но и к статутам, поскольку законы формировались под воздействием судебной практики, не отличающейся системностью. Здесь нет деления права на отрасли. Правда, имеет место такое понятие, как «институты права». Вопрос о том, к какой отрасли права относится тот или иной казус, поставит в тупик любого английского юриста. Однако не стоит отрицать систематизацию в виде сборников и обзоров судебной практики.

Прецедентное право не приемлет деления права на частное и публичное. Между прецедентами нет иерархии. Они фактически главенствуют над законами в том смысле, что закон, не получивший судебного толкования, т.е. «не обросший» или не опосредованный прецедентами, еще не считается настоящим законом. Таковым он станет, когда будет представлен на фоне конкретного случая. Все это означает, что государство выполняет минимальную роль в правотворчестве.

Процессуальное право в странах, составляющих эту семью, имеет приоритет перед материальным. Это результат жесткого правила: любое дело должно получить разрешение. Если нет материальной нормы, судья может ее создать, но если нет доказательств, ничто не поможет: ведь решение должно быть мотивированным и отличаться развернутым анализом доказательств.

Процесс рассмотрения дел состязательный. Это касается как гражданского, так и уголовного процесса. Для результатов рассмотрения дела вина особого значения не имеет. Внимание судьи, прежде всего,

приковано к выяснению того, имел ли место в действительности сам факт (преступления, причинения ущерба). Может быть, поэтому в англосаксонской семье права распространены сделки о вине (мы не можем доказать факт убийства, но накажем подсудимого за неуплату налогов).

Мусульманская семья права. В эту группу входят страны Арабского Востока и некоторые африканские страны (например, Нигерия). К мусульманской семье права принадлежит около 50 государств, где проживает в общей сложности более 900 млн человек.

Мусульманское право – это система норм, выражающих в религиозной форме волю религиозной знати. Ислам исходит из того, что право пришло от Аллаха, который открыл его через своего пророка Мухаммеда. Право Аллаха дано человечеству раз и навсегда, поэтому им надо руководствоваться, а не создавать его под влиянием изменяющихся условий социальной жизни.

Вот примеры правовых норм ислама: «...мусульманин имеет преимущество перед немусульманином (например, в Сирии президентом страны может стать только мусульманин); мужчина имеет преимущество перед женщиной»; «...женщины не избирают и не избираются»; «...женщины наследуют половину доли, которую унаследовал бы мужчина»; «...жена не имеет права подавать на развод. Такое право принадлежит только мужу...»; «...показания двух женщин равны показаниям одного мужчины»; «...в Иране (согласно Уголовному кодексу) женщина, появившаяся без паранджи, наказывается 74 ударами плетью».

Эта семья права имеет религиозное содержание. Основным источником права является Коран, представляющий собой 4 тысячи коротких фрагментов, среди которых встречаются правовые строфы (их около 250, в том числе 70 по вопросам гражданского права, 30 – уголовного права, 15 – уголовного процесса, 70 – по вопросам правового положения личности мужчины). Коран органически дополняется Сунной (правила, записанные учениками Мухаммеда), в которой выделяется раздел Иджма, где содержатся правовые нормы, введенные богословами и юристами путем толкования правовых строф Корана и Сунны. Вот почему современный судья ищет правовые основания для дела не в Коране и Сунне, а в Иджме и не обращается к Корану, а ссылается на автора, авторитет которого общепризнан. Основная задача мусульманского права – сохранить связь между законодательством (государством) и Кораном (Аллахом).

Таким образом, труды ученых (богословов и юристов), зафиксированные в Иджме, а также в учебниках, имеют обязательную силу и защищаются судами. Различить, где религиозная, а где юридическая доктрина, весьма трудно. Скорее всего, мусульманское право представляет собой религиозно-юридические комментарии. Европейцы пытались помочь арабам в правовом урегулировании жизни. Удалось сделать многое: были созданы законы и даже некоторые кодексы. Такие вопросы, как, например, управление государством, использование государственных финансов, наказания за преступления, получили отражение в законодательных актах (удельный вес которых около 30 %). Сейчас процесс создания законодательных норм набирает силу. Ориентиром при этом служит опыт европейских стран. Однако в сфере мусульманского права прочно остались:

- вопросы правового положения личности;
- семейные вопросы;
- наследование.

Небольшое количество уголовных и гражданских вопросов получили урегулирование с помощью прецедентов. Однако их удельный вес составляет не более 10 %. Обычаи применяются, если они не противоречат религиозным нормам и если религиозные нормы не регулируют ситуацию. Таким образом, постепенно идет сужение применения религиозных норм. Сейчас уже можно говорить о существовании в этих странах двух независимых систем права: светской и мусульманской.

Процесс формирования светского законодательства, по мнению теологов ислама, не подрывает его основы. Большое значение в этом отношении имеют два постулата: 1) если законы противоречат исламскому праву, вся ответственность за это ложится на органы государства (мусульманина упрекнуть не в чем); 2) согласно Корану, верующие должны соблюдать законы, поскольку сам Коран предписывает им подчиняться властям.

Для мусульманского права характерна достаточная степень казуистичности. Она задана религиозными источниками, в которых содержатся конкретные правовые положения. Абстрактность не является отличительной чертой исламского права. В мусульманском праве нет четкости и строгости формулировок, даже если эти правила применяются. Например, непонятно, когда мужчина имеет преимущество перед женщиной: при входе в автобус, при покупке товаров? Для европейцев это кажется невероятным.

В религиозных источниках нет структурированности и системности. Применительно к мусульманскому праву невозможно вести речь

о четком выделении отраслей права. В параллельной светской системе права деление на отрасли все же просматривается.

Выделяют уголовное, гражданское, судебное право, а также властное право – государственное и административное. Но и в светской системе права отсутствует понятие о частном и публичном праве.

Мусульманский суд состоит из одного судьи (кади). При этом отсутствуют кассационные и надзорные инстанции, не считая главы государства. Однако во многих странах стали создавать многоступенчатую систему судов. Первая страна, которая совершила прорыв в этом отношении, – Турция. По ее пути движутся Египет, Сирия и др. Самым стойким приверженцем норм мусульманского права является Иран.

Семья обычного права (африканское право). Обычное право охватывает в основном государства Африканского континента. Традиционное право Африки – это совокупность неписаных правил поведения, устно передающихся из поколения в поколение и защищаемых государством.

Основным источником права здесь является обычай. Скажем, умер глава юридической фирмы, находящейся в столице Уганды г. Кампале. Встал вопрос о наследовании. Суд, использующий нормы обычного права, присудил имущество общине, из которой вышел умерший, а жену умершего (европейку по происхождению) – его старшему брату.

Первоначально обычай охватывал всю общественную жизнь и действовал в экономической, политической, имущественной, семейной и уголовной сферах. Однако завоевание стран Африки европейцами и расширение связей с другими государствами сделали обычай недостаточным. Европейцы стали помогать народам Африки создавать право по-своему (создавать законы и суды).

Вмешательство коснулось:

- финансовых служб;
- полицейских служб;
- здравоохранения;
- просвещения;
- публичных работ;
- уголовных деяний.

В результате обычное право оказалось сведенным к области частной жизни (семейные, земельные, имущественные, наследственные и другие отношения). Кое-где обычное право сохранилось и в уголовных правоотношениях.

Новое право отражало правовую традицию страны-метрополии: там, где присутствовали англичане, большее развитие получила судеб-

ная практика (прецеденты), а там, где побывали французы, упор делался на законодательство. Однако любые новые законы встречают у населения противодействие. За пределами столиц люди продолжают жить согласно обычаям.

Своеобразно и отношение людей к праву (правосознание): они испытывают уважение и беспрекословное повиновение обычаям. Этому способствует и коллективистское сознание в целом, которым отличаются африканские народы.

Главное в обычном праве – соблюдение обязанностей. Субъективные права африканцам практически неизвестны. Нормы обычного права в основном находятся в памяти вождей, которые являются их хранителями. К тому же при отсутствии специальных правоохранительных органов, в частности судов, вожди рассматривают и правовые казусы. В странах, о которых идет речь, не развиты не только юридические учреждения, юридические профессии, но и юридическая наука.

В настоящее время африканское право представляет собой «двухслойный пирог», в котором первый слой – обычное право, второй – европейское, при этом второй слой по толщине явно уступает первому.

Образование в Африке межгосударственных объединений (например, ОАЕ – Организация африканского единства) способствовало начавшемуся процессу формирования общетерриториального (континентального) права, но его источники пока не сложились.

Российская правовая система в контексте мировых семей права. К какой правовой семье принадлежит российское право? На этот счет существуют две точки зрения. Большинство ученых придерживаются точки зрения, согласно которой российское право вышло из лона романо-германской правовой семьи (имеется в виду дореволюционный период развития российской национальной семьи), и после метаморфоз, произошедших с ним в советский период, продолжавшийся несколько десятилетий, оно постепенно возвращается в эту семью права.

Вторую точку зрения отстаивает В.Н. Синюков. Суть его позиции заключается в следующем: российская правовая семья есть центр славянской правовой семьи, которая может считаться самостоятельной и своеобразной.

Самобытность русской государственности состоит в традиционном вмешательстве государства во все сферы общественной жизни (право в России в основном формируется государством, по крайней мере, связь права с государством всегда была тесной).

У славянской группы стран прослеживаются общие условия экономического развития (большое место занимают коллективные формы хозяйствования).

Отмечается и особый тип социального статуса личности (отсутствует четкая линия между интересами личности и государства).

Славянские страны имеют культурно-историческую общность. Им присущи и морально-психологическая общность (доброта, жалость, коллективистское сознание и др.), и религиозно-этическая общность (в этих странах доминирует православная ветвь христианства).

Однако думается, это относится к характеристике сознания людей вообще и правосознания в частности. Все вышеперечисленное к праву как системе обязательных норм, а тем более к юридической технике, имеет косвенное отношение.

Представляется, что Россия все же вливается в континентальную семью права, пусть медленно и допуская при этом отступления и ошибки. Россия должна будет решить еще много задач, чтобы стать частью континентальной семьи права. Первоочередными из них являются, как представляется, две:

- 1) расширить использование прецедента;
- 2) убрать идеологические остатки в нормативных актах (как в преамбулах, так и в содержании нормативных актов).

Список литературы

1. Баранов В.М., Кузнецов А.П., Изосимов С.В. Юридическая техника: обзор материалов научно-практического семинара // Юрист. 2000. № 1. С. 54–70.
2. Бехруз Х. Сравнительное правоведение: учебник для вузов. Одесса-М.: ТрансЛит, 2008. 503 с.
3. Давид Р. Основные правовые семьи современности / пер. с фр. М.А. Крутоголова, В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1967. 496 с.
4. Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1997. 136 с.
5. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с фр. М.: Волтерс Клувер, 2009. 584 с.
6. Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах. Общая и особенная части. М., 2000.
7. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. / пер. с нем. М., 2000. Т. 1. 480 с.; там же. Т. 2. 518 с.

ВИНА В СИСТЕМЕ СМЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

А.С. Безруков, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В настоящее время накоплено достаточное количество материалов отраслевых юридических наук, касающихся вопросов внутреннего отношения субъекта к своему юридически значимому противоправному поведению. Однако выработанные в отраслевых юридических науках подходы к институту вины зачастую однобоки и противоречат друг другу. Следует помнить о том, что правовое регулирование в различных отраслях частного и публичного права имеет свои специфические особенности правового регулирования, что не может не сказаться на различии подходов к институту юридической ответственности в целом и категории вины в частности.

Ключевые слова: вина; категории вины; виновность; ответственность; форма юридической ответственности; мотив и цель.

Для целей определения вины в праве существует ряд понятий, содержание которых наиболее близко по смыслу к категории вины. В первую очередь, это термин «виновность». Очень часто в научной литературе термины «вина» и «виновность» идут «рука об руку» и даже отождествляются между собой. Попробуем определить, как соотносятся между собой данные юридические понятия, активно применяемые в теории права, а также отраслевыми науками.

Первый подход к соотношению понятий вины и виновности заключается в отождествлении данных терминов. Некоторые ученые в своих исследованиях, посвященных институту вины, вообще не рассматривают отдельно от вины термин «виновность». Их взгляды на тождественность вины и виновности подтверждаются тем, что слово «виновность», как правило, стоит в скобках, после слова «вина».

Однако большинство авторов не считают вину и виновность тождественными категориями, вкладывая в них различный по содержанию смысл, – при этом термин «виновность» значительно шире по содержанию и соотносится с «виной» как общее с частным, – включают в содержание термина помимо вины: «объективные обстоятельства или, например, С.В. Векленко добавил в указанное понятие еще и «процессуальное закрепление вины правоприменителем» [1]. Можно говорить о том, что фактически в рамках данного подхода наличие виновности означает наличие состава правонарушения, тогда как вина – признак субъективной стороны.

В рамках следующего подхода ученые признают виновность как принцип юридической ответственности, согласно которому для привлечения к ответственности обязательно требуется установить вину субъекта. Встречаются точки зрения, как правило, в уголовном праве, что виновность: характеризует состояние доказанности вины субъекта, определяет качественное динамическое состояние вины определенного субъекта к определенному деянию, является признаком объективной стороны правонарушения, который характеризует психическое отношение к содеянному и подлежит доказыванию.

Обособленно выглядит мнение А.И. Рарога, который считал, что «виновность» не является правовой категорией, и, соответственно, в праве следует использовать только термин «вина» [5].

Как видим, в юридической науке вопрос соотношения понятий «вина» и «виновность» по-прежнему носит дискуссионный характер, до сих пор не выработано единого мнения по этой проблеме, что, на наш взгляд, затрудняет возможности категориального аппарата в теории права по выработке дефиниций.

Обобщая рассмотренные точки зрения, выскажем собственное мнение по данному вопросу. Во-первых, считаем, что термин «виновность» не тождествен «вине», использование его в праве обусловлено необходимостью доказывания вины, его не следует включать в объективную сторону правонарушения, так как в той или иной мере подлежит доказыванию; она связана с психическим состоянием и отношением к содеянному субъекта.

Во-вторых, отметим, что для признания виновности субъекта необходимы: факт совершения деяния, отвечающего юридическим критериям правонарушения; наличие субъекта, отвечающего юридическим критериям правонарушителя; должна быть определена форма вины; дана отрицательная оценка деянию юрисдикционным органом; вынесено и вступило в силу решение о привлечении к ответственности.

С учетом вышесказанного можно определить, что виновность представляет собой доказанную вину физического или юридического лица в форме умысла или неосторожности, получившую отрицательную оценку со стороны государства.

Отметим, что актуальность определения виновности и отграничения ее от вины связана также еще и с появлением в России института присяжных, назначение которого как раз и заключается в определении виновности подсудимого. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 339) определяет круг вопросов, которые обязаны разрешить присяжные: «...1) доказано ли, что деяние имело место; 2) доказано ли, что

это деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния». В этом случае оправдательный вердикт присяжных о невиновности подсудимого означает ли отсутствие состава преступления и вины? Видимо нет, иначе бы было невозможно отменить подобное решение. Однако на практике подобные оправдательные решения отменяли часто при пересмотре.

Применительно к институту присяжных в науке разработан подход к определению виновности как наказания за нарушение нравственных норм, т.е. вердикт суда присяжных основан на представлениях присяжных о добре и зле, они не обладают специальными правовыми познаниями и оценивают вину субъекта с точки зрения социальной вредности содеянного. Отличие подхода к вине и виновности здесь заключается в признании природы вины не только правовой, но и социальной, и присяжные оценивают вину субъекта не с правовой точки зрения.

Для построения общетеоретической модели категории вины необходимо также проанализировать, как соотносится понятие «вины» с терминами «правонарушение», «состав правонарушения», «субъективная сторона правонарушения», определить, чем отличается вина от принципа вины.

В теории права существует огромное количество схожих между собой определений правонарушений, большинство из которых исходит из универсальных признаков. Поэтому предлагаем исходить из признаков, которые наиболее часто встречаются в определениях правонарушений, а именно: противоправность, виновность, общественная опасность, а также обязательное осуждение со стороны государства в виде привлечения к ответственности.

Понятия «противоправность», «виновность», «общественная опасность» нами уже в работе упоминались, отметим лишь еще раз, что все правонарушения обладают противоправностью, но наличие общественной опасности правонарушения традиционно признается только за преступлениями. Считаем, что общественной опасностью (пусть в меньшей степени, иногда даже значительно меньшей) обладают все правонарушения, независимо от их отраслевой природы.

Признавая вину как обязательный признак субъективной стороны правонарушения, ученые спорят о соотношении вины и субъективной стороны. Отдельные авторы, толкуя расширительно понятие самой вины (включая в нее мотив, цель), отождествляют вину с субъективной стороной правонарушения. Иные ученые вообще соотносят понятие вины с самим правонарушением, включая в вину не только субъективную сторону, но и элементы объективной стороны состава правонарушения.

Мы придерживаемся позиции, согласно которой субъективная сторона любого правонарушения включает в себя как самостоятельные, но тесно связанные между собой, явления: вину, мотивы, цель и эмоции. Таким образом, будучи основным и наиболее значимым элементом субъективной стороны, вина отграничена от мотивов, цели и эмоций. Последние влияют на содержание и степень вины, однако не входят в ее понятие.

Мотив и цель психологически тесно связаны друг с другом. Эту связь удачно проиллюстрировал Н.С. Таганцев, приводя в качестве примера желание удовлетворить голод [6]. В этом случае мотив – желание поесть, а цель – насытиться. Ученые-психологи под мотивом подразумевали исходную побудительную причину для активизации человеческой деятельности, однако, у них возникали при этом затруднения по поводу выявления факторов, способных выступить в качестве таких побудительных причин. Например, часть ученых считает достаточным и необходимым наличие одного фактора – потребностей, переживаемых субъектом в виде желания или влечения. Другие расширяют этот перечень, включая сюда и иные факторы, например, чувства, эмоции, интересы, приводя в качестве примера несовершеннолетних, которые зачастую могут совершить преступление «из интереса» (например, угнать мотоцикл, чтобы посмотреть на него поближе, «пощупать»).

Категория цели в психологии достаточно активно и полно исследовалась, и в настоящее время ее принято определять как желаемое будущее, к которому стремится индивид путем осуществления определенной деятельности. Как видим, здесь можно выделить два значимых момента – образ желательного будущего и активное стремление к нему в виде деятельности. Одного желания совершить противоправное действие и получить желаемый результат явно недостаточно, поэтому обязательно необходимо «активное» стремление, т.е. волевое усилие, иначе мотив и цель останутся в виде нереализованного желания в сознании субъекта. Отметим, что в процессе совершения противоправного деяния мотив и цель существуют в динамике – могут отклоняться от первоначально возникших.

Спорную точку зрения высказывали П.С. Дагель [2] и В.А. Ойгензихт [4], считающие мотив и цель неотъемлемой составной частью вины. Тогда возникает вопрос касательно неосторожных правонарушений, в которых юридически отсутствуют цель и мотивы. При этом законодательно речь идет о форме вины в виде неосторожности. Есть мнение некоторых авторов, согласно которому и в неосторожно совершенных правонарушениях можно вычленить определенные мотивы и

цель, реализуемые в виде поведения, несовместимого с надлежащим исполнением обязанностей (отсутствует должная внимательность, осторожность и т.п.) и не распространяющие свое действие на последствие деяния, т.е. эти последствия выступают лишь побочным «продуктом» от основной цели субъекта («вторичное последствие» для индивидуума), характеризующей отрицательным отношением к правилам поведения.

В.А. Нерсисян в отношении неосторожных преступлений высказался однозначно: «...ссылка на мотив и цель преступления недопустима...» [3]. Действительно, для решения вопроса о наличии либо отсутствии вины мотивы и цели значения не имеют, важнее определить степень осознания субъектом противоправности своего деяния и наличие свободного волеизъявления при совершении этого деяния.

В современный период времени нормативно закреплены, как правило, мотивы преступлений, например, «низменные побуждения», «корысть», «личный интерес», «месть» и т.д. Однако в правоприменительной практике выявляются проблемы, связанные с расплывчатостью определения их содержания, четкого толкования подобных мотивов до сих пор нет. И нельзя забывать о том, что зачастую в правонарушениях побудительные причины (мотивы) могут отличаться сложностью и многообразием, поэтому подобные юридические формулировки не раскрывают все мотивы, присутствующие у субъекта на момент совершения деяния.

Все вышесказанное подводит нас к следующим выводам. Мотив и цель на самостоятельной основе, наряду с виной, входят в структуру субъективной стороны правонарушения. Мотив и цель, в отличие от вины, в правонарушении присутствуют не всегда (или хотя бы их наличие не имеет значения для выявления субъективной стороны). Мотивы и цели могут носить положительный с точки зрения социума «окрас», однако, юридического значения это иметь не будет. Однако отметим значимость мотивов и цели для субъективной стороны правонарушения: косвенно, наличие мотива и цели подтверждает наличие вины субъекта в правонарушении. Более того, их значение, как самостоятельных элементов, особенно важно для квалификации уголовных преступлений, где зачастую преступный характер деяния определяется именно в зависимости от наличия мотивов и цели; также они могут иметь значение при выявлении отягчающих и смягчающих обстоятельств в преступлении.

В психологии эмоции и чувства, так же, как и вина в виде осознания и волевого усилия, представляют собой форму отражения реальной действительности. Однако, в отличие от вины, здесь отражение

происходит в переживаниях. Восхищение, отвращение, равнодушие – подобные эмоции доступны не только людям, но и животным, однако, в отличие от последних, люди формируют свои эмоции под влиянием социума, личного опыта, своего сознания. С учетом индивидуальности опыта, сознания, а также потребностей каждого человека, можно говорить о том, что эмоции и чувства от восприятия одной и той же ситуации у разных людей (да и у одного и того же человека в разные периоды времени!) могут кардинально отличаться. При этом следует учитывать, что влияние эмоций на поведение и восприятие человека весьма значительно.

Подробно для целей юридической науки исследованиями воздействия эмоций на сознательно-волевые процессы человека занимаются юридическая психология и криминология. Отметим, что любые проявления эмоций аффективного типа при расследовании правонарушений требуют первоначально психолого-психиатрической оценки и только потом могут быть учтены в юридической квалификации деяния. При определении формы вины выявления эмоций, как правило, не требуется, они имеют самостоятельное значение лишь в квалификации некоторых преступлений.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что вина и субъективная сторона правонарушения соотносятся как частное и общее. Вина, наряду с самостоятельными другими элементами (мотивы, цели, эмоции), входит в структуру субъективной стороны. Все вышеназванные элементы имеют самостоятельное значение, но вина, в отличие от прочих, присутствует в субъективной стороне правонарушения всегда.

Как мы можем видеть, наиболее четко и однозначно принцип вины прослеживается в отношении уголовных преступлений, в отношении иных видов правонарушений не все так однозначно. Ранее мы рассматривали так называемую безвиновную ответственность. Но, тем не менее, как видно из приведенных нормативных примеров, вина и принцип вины неразрывно связаны между собой. Посредством установления вины в обязательном порядке и соблюдения принципа презумпции невиновности и реализуется принцип вины в праве.

В завершение подведем итоги исследования соотношения вины и прочих смежных с ней категорий. В праве существует значительное количество различных понятий, касающихся института вины. Все они призваны раскрывать те или иные аспекты различных юридических понятий, процессов, поэтому их можно определить как смежные. Вина, виновность, принцип вины, субъективная сторона, мотивы, эмоции и цели – все это смежные, связанные между собой категории, суще-

ствующие в рамках одного целевого назначения – привлечения к юридической ответственности в соответствии с конституционными принципами.

Список литературы

1. *Векленко С.В.* Виновное вменение в уголовном праве: дис. ... д-ра. юрид. наук. Омск, 2003. 354 с.
2. *Дагель П.С.* Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1977. 144 с.
3. *Нерсесян В.А.* Неосторожная вина: проблемы и решения // Государство и право. 2000. № 4. С. 59–70.
4. *Ойгензихт В.А.* Воля и вина в гражданском праве // Советское государство и право. 1982. № 4. С. 49–54.
5. *Рарог А.И.* Теория вины в советском уголовном праве. Общие и специальные вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. 30 с.
6. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая: лекции: в 2 т. / под ред. Н.И. Загородникова. М.: Наука, 1994. Т. 1. 380 с.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВИНЕ В ИСТОРИИ ПРАВА

С.А. Безруков, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Применение исторического и сравнительного методов в нашем исследовании предполагает анализ вины как социально-правового явления в истории человечества. Поэтому считаем необходимым кратко рассмотреть, как понятие вины постепенно внедрялось в сознание человечества и, как следствие, в систему правовых норм о юридической ответственности.

Ключевые слова: вина; форма вины; представления о вине; возмездие; меры социальной защиты; ответственность.

На заре формирования социума, когда речь шла о выживании человечества как вида, понятия вины не существовало вообще. Решение любого спора или конфликта носило исключительно утилитарный характер (жесткое пресечение любого нарушения правил в целях сохранения всего племени) и, соответственно, никого не интересовали причины и факторы, которые способствовали нарушению норм первобытного общества. Следует согласиться с мнением Г. Спенсера, который

говорил о том, что на данном этапе велась борьба за выживание и человеческий элемент здесь почти не заметен [5]. Поэтому можно констатировать, что понятие вины на ранних этапах развития общества (до появления государств) отсутствовало вообще.

Формирование института власти в обществе привело в дальнейшем к появлению так называемого «архаичного права», согласно которому действовал принцип коллективной ответственности и объективного вменения, т.е. учитывался сам факт совершения правонарушения и наличие правонарушителя. Более того, в качестве нарушителя признавали в отдельных случаях животных и даже неодушевленные предметы. Как не вспомнить знаменитый приказ персидского царя высечь море за то, что в бурю погиб флот. Можно отметить, что принцип объективного вменения активно использовался в древности евреями, греками, римлянами, германцами.

Развитие принципа субъективного вменения носило постепенный характер и было связано, прежде всего, с развитием самого общества и так называемой «автономизацией» личности, когда принцип коллективной ответственности уступил место индивидуализации наказания, в частности в уголовном праве. Особое значение для индивидуализации юридической ответственности имели нормы римского частного права, более того, исследуя нормативные акты тех времен, можно говорить о формировании полноценной концепции вины нарушителя. Так, еще в III в. до н.э. в Законе Аквиллия устанавливается ответственность за причиненный ущерб за виновное действие. Появляется термин *dolus malus*, что в переводе означает «злой умысел». Последний предполагал наличие сознательной воли лица при совершении деяния и понимания последним, что он нарушает чужие права для достижения своей незаконной цели. Конечно, «злой умысел» в буквальном значении не мог совпадать с современной трактовкой вины, вернее ее умышленной формы, тем более, что одновременно данным термином обозначался обман, мошенничество [6].

В доклассический римский период, по мнению М.А. Горбунова, общее представление о вине отсутствовало, «...поскольку считалось нормой, что психическое отношение лица, нарушающего чужое право, должно интерпретироваться исходя не из какого-то абстрактного определения, а из изменчивых обстоятельств каждого конкретного казуса, повлекшего нарушение или ущемление права другого лица» [3].

Позже в нормативных актах встречается термин *culpa*, которым фактически определяли неосторожную форму вины, – когда лицо своими действиями наносило вред «...без всякой мысли...» [3]. Если же

речь шла о легкомыслии и предельной неосмотрительности, то применялась такая форма вины, как *culpa lata* (грубая неосторожность), и как дополнение к последней – *culpa levis* (легкая неосторожность). И если грубейшая неосторожность была максимально близка к понятию умысла (всего лишь отсутствовало прямое желание причинить вред), то более легкая форма вины определялась нормативно юристами как степень должной рачительности и заботливости хозяина. М.А. Горбунов писал так про нее: «...Учитывая, что *culpa levis* представляет собой самую низкую степень отсутствия заботы о чужом интересе, ответственность за нее наступала далеко не всегда. Общее правило было таково, что допущенная стороной *culpa levis* в договоре влечет ответственность стороны только в том случае, если четко прослеживается ее материальный интерес в контракте доброй совести» [3]. Последняя упоминается иногда как *culpa levis in abstracto*, т.е., как уже говорилось, мера заботливости определялась абстрактно юристами.

Ю.А. Голубцова отмечала: «...появление двух форм неосторожности было связано со следующим обстоятельством. Некоторые участники гражданского оборота отвечали только за умысел *dolus*, например, хранители, землемеры. За *culpa* они не отвечали» [2].

Эти две формы в дальнейшем послужили прообразом двух форм вины в современном праве – умышленной и неосторожной. Не получила своего развития в силу привязки к государственному строю того времени *culpa levissima* – наилегчайшая форма вины в преступлениях, совершаемых с согласия хозяина его рабом в отношении раба другого господина, однако, мы сочли необходимым упомянуть и ее.

Правильно написала О.В. Дмитриева: «Таким образом, на смену сугубо индивидуальному, а потому не поддающемуся регулированию, «безмерному» чувству мести потерпевшего, выступавшему в качестве условия применения ответственности, пришло абстрактное, а потому поддающееся регулированию и способное к индивидуальному применению начало вины (*dolus* и *culpa*, лежащие в субъективной сфере любого виновного нарушителя» [4].

В классический период римского права принцип вины развился максимально, вплоть до требования: «без вины нет ответственности». Однако, следует отметить, что именно из римского права пришли и понятия: исключение вины – *casus sentit dominus*; наступление ответственности без вины – *custodia*. Последняя, со слов Ю.А. Голубцовой, «...исключает из оснований ответственности любую форму вины и граничит только с несчастным случаем или непреодолимой силой. Нетрудно в *custodia* увидеть прообраз безвиновной гражданско-правовой ответственности...» [2].

Правильно писала Ю.А. Голубцова: «...В подходах римлян к вине мы можем видеть элементы и интеллектуального, и волевого признаков современной трактовки вины, в рамках которой вопрос о вине решается через оценку осознания, понимания и предвидения (интеллектуальный признак вины), а также желания, безразличия, недостаточного стремления (волевой признак вины) лица» [2].

Верно отмечал М.А. Горбунов: «...римская юридическая мысль пошла по другому пути – понимания вины как степени отсутствия надлежащей заботы о чужом интересе. Такое раскрытие категории вины через призму нарушенного интереса второй стороны пришло из преторского права и было величайшей заслугой римской юридической мысли» [3].

Благодаря рецепции римского права в раннеевропейское право последнее характеризовалось также выделением двух форм вины (вражда и коварство; небрежность), хотя большое значение придавали объективным обстоятельствам дела и социальному статусу нарушителя, поэтому о выделении психологического признака или волевого элемента в вине не могло быть и речи. Кроме того, на право Европы того времени оказывали огромное влияние и религиозные взгляды, когда виновность отождествлялась с понятием «греховность» [2].

Процесс формирования воззрений по поводу категории вины в России происходил схожим образом с теми, что возникли на территории Европы. В самом начале проявления государственности на Руси понятие вины не возникло вообще, поскольку ключевое направление регулирования со стороны общества и государства заключалось в урегулировании вопросов осуществления мести со стороны потерпевшего. Причинитель вреда, независимо от своей личности и наличия осознанности при совершении деяния, обязательно подлежал наказанию. Если же виновник умирал к тому времени, то наказывались члены его рода.

Русская Правда разграничила между собой понятия гражданского и уголовно-правового правонарушений. Появилось понимание умысла, вины, однако по-прежнему во главу угла ставился принцип объективного, а не субъективного вменения. Для определения меры ответственности имели значение внешние признаки правонарушения, например, алкогольное опьянение, которое уменьшало размер ответственности. Кроме того, в Русской Правде существовала так называемая «круговая порука», когда община выплачивала повальную виру, если отказывалась выдавать виновного члена своей общины.

Более продвинутыми с точки зрения юридической техники и развития права были Судебники 1497 и 1550 гг. – они определяли виновность лица, совершившего правонарушение, что выступало обязательным условием привлечения к юридической ответственности. Кроме того, данными актами были впервые предусмотрены формы вины и субъективные признаки правонарушения.

В Соборном Уложении 1649 г. положения о вине правонарушителя носят уже комплексный характер. И хотя в самом его тексте понятие умысла не раскрывается прямо, тем не менее, анализируя конкретные виды правонарушения и меры ответственности за них, можно видеть, что умысел в житейском смысле этого слова вполне прослеживается.

Период становления абсолютизма в России ознаменовался совершенствованием положений о юридической ответственности, а также более подробным закреплением норм о вине. В качестве примера можно вспомнить Артикул воинский Петра 1 (1715 г.), где четко можно выделить ряд положений о вине. Во-первых, сама юридическая ответственность возможна только при наличии вины. Например, в толковании к ст. 87 говорится о том, что если предусмотренное ст. 87 акта деяние совершено «...невинно <...>: тогда оный от наказания свободен быть имеет...». Во-вторых, четко выделено, что размер ответственности зависит от степени вины нарушителя.

В нормативных актах Петра I впервые были закреплены положения, согласно которым имела значение дееспособность нарушителя (умалишенные либо не наказывались, либо наказание для них предусматривалось более легкое); вводилось понятие аффекта («...кто учинил в безпамятстве, болезни, в меленхолии...»); учитывалось отношение нарушителя к своему деянию.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1846 г. продолжило последовательно развивать нормы о вине: были определены умышленная и неумышленная формы вины, при этом «случайно сделанное зло» не считалось виною; четко закреплены степень вины и обстоятельства, уменьшающие или увеличивающие ее – прямой умысел, например, выступал отягчающим обстоятельством, а аффект – смягчающим обстоятельством.

В начале XX в. российские юристы активно разрабатывали концепцию вины в праве, что выразилось в появлении проекта Уголовного уложения 1903 г., где впервые было закреплено понятие вины через внутреннее отношение к содеянному; были разработаны критерии вменяемости (медицинский и юридический), в том числе возраст нарушителя для привлечения к ответственности. Данный проект закрепил отход от принципа объективного вменения в сторону субъективного.

В гражданском законодательстве того времени степень вины должника абсолютно не учитывалась, что, естественно, подвергалось критике со стороны ученых-цивилистов, результатом которой явилась разработка проекта Гражданского Уложения 1905 г., где впервые определили степень вины должника с учетом презумпции виновности. В нем априори считалось, что должник несет ответственность за убытки, причиненные контрагенту неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, если только он не докажет, что обязательство не могло быть исполнено им по объективным причинам (случайное событие). Наличие умысла или его отсутствие у должника не имело значения для наступления юридической ответственности, важно было лишь оценить степень рачительности и осмотрительности в поведении должника.

Начиная с событий 1917 г. Россия претерпела радикальные изменения в правовой системе. После революции 1917 г. все достижения юридической науки и юридического законодательства были признаны буржуазными и, как следствие, были отвергнуты советским государством практически полностью. Из уголовного права были изъяты понятия: «вина», «наказание», «вменяемость».

Принцип виновности был отринут Руководящими началами по уголовному праву РСФСР 1919 г., из текста которых можно сделать вывод, что в преступлении не может быть вины, так как в классовом обществе вины быть не может, нарушение вызвано укладом общественных отношений.

В основных уголовных законах советского государства (1922, 1924 и 1926 гг.) вина не упоминается вообще, хотя умысел в качестве необходимого условия уголовной ответственности закреплен во всех этих актах. В качестве обязательных и необходимых условий здесь закреплены умысел, неосторожность и вменяемость.

К нормативному закреплению вины советский законодатель возвращается в конце 1950-х гг. – Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. определили, что лицо привлекается к ответственности за содеянное только виновно. С этого момента можно говорить об универсальном закреплении в отечественном праве принципа виновной ответственности.

Следует также обратить внимание на особенности правовой природы юридического лица как субъекта правонарушения, на то, как формировалось и формируется в настоящее время понятие вины данного субъекта. Еще в римском праве для целей гражданского оборота коллективы наделялись статусом индивидуума. В Средние века канонисты также признавали юридическое лицо дееспособным субъектом права,

однако не могущим нести самостоятельно юридическую ответственность. Здесь волеизъявление организации оценивалось волеизъявлением органа управления данным юридическим лицом. Ф.К. Савиньи разработал теорию юридического лица, в основу которой легли положения из римского права и труды канонистов [1]. Данная теория почти в неизменном виде была воспринята в дальнейшем законодателем.

Завершая исторический экскурс в прошлое, можно кратко резюмировать, что, во-первых, понятие вины складывалось постепенно в процессе развития и усложнения института юридической ответственности и формирования принципа индивидуализации ответственности и принципа виновной ответственности. Во-вторых, появление института вины неразрывно связано с процессом повышения значимости интересов личности и, как следствие, переходом от коллективной ответственности (круговой поруки и т.п.) к индивидуальной юридической ответственности. В-третьих, развитие концепции вины как универсального принципа привлечения к юридической ответственности неразрывно связано с переходом от объективного вменения (когда значение имели только фактические обстоятельства либо результат деяния) к субъективному вменению (оценке внутреннего отношения личности к содеянному).

Список литературы

1. Антонова Е.Ю. Проблема вины коллективного субъекта преступления // Право и государство: теория и практика. 2011. № 5 (77). С. 124–128.
2. Голубцова Ю.А. Понятие вины в римском частном праве и его восприятие в российском гражданском законодательстве // Вестник Пермского университета. 2013. № 4 (22). С. 155–161.
3. Горбунов М.А. Категория вины в трудах римских юристов // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 115–118.
4. Дмитриева О.В. Римские правовые конструкции вины и ответственности и их влияние на современное гражданское право России // Юридические записки. 2011. № 1 (24). С. 124–130.
5. Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев: Ника-Центр, 1997. 510 с.
6. Чельцов-Бебутов М.А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков: Юридическое изд-во, 1925. 111 с.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НОРМ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Л.Р. Биктимерова, магистрант,

М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

Должностные преступления в любой исторический период представляют особую опасность для государства, общества, отдельных граждан и требуют усиленных мер уголовно-правовой борьбы.

Ключевые слова: должностные полномочия; злоупотребление должностными полномочиями; борьба с должностными преступлениями; историко-правовой анализ.

Как и любое другое преступление, злоупотребление должностными полномочиями тоже имеет свою историю. Еще в источниках IX в. мы можем встретить первые упоминания о данном преступлении.

Люди жили общинно-родовым строем до образования государства. Н.В. Просандеева пишет, что злоупотребления властью на этапе общинно-родового строя еще не было, поскольку племена совместно занимались трудовой деятельностью и жили обособленно. На вождей была возложена обязанность по защите интересов бедняков и клиентов, по преподношению им даров в ходе традиционных сборов пожертвований, по женитьбе сирот и т.д. [5]. Таким образом, это было что-то вроде большой семьи со своими нравами и порядками, которую возглавлял совет старейшин.

Первые зачатки древней государственности появляются в результате объединения ряда племен и земель. Следует отметить, что злоупотребление полномочиями и произвол стали проявляться в определенных формах еще до образования самого государства. Так, А.Е. Голиков пишет, что дань в древнерусском государстве выступала в роли средства управления и подчинения князем территорий, подвластных ему. Подвластные князья и вожди путем оплаты дани великому князю Киевскому «откупались» от набегов, а также оплачивали свои более благоприятные условия жизни по сравнению с иными княжествами и племенами [1].

Для рассматриваемого периода времени была характерна не органическая власть князя над населением в пределах той местности, где у

него был «княжеский стол». С развитием государственности появляются «кормленные округа», которыми управляли назначаемые князьями воеводы. Князья воеводам выдавали уставные грамоты для предупреждения с их стороны злоупотреблений полномочиями, в которых определялись размеры пошлин и «кормов», которые они могли взимать с населения. В качестве нарушения рассматривался сбор налогов сверх установленного размера [2].

Согласно положениям Русской Правды поборы с населения (кормления) вместе с жалованием из казны рассматривались в качестве нормы и законного дохода для служивых людей. Местные власти злоупотребляли властью при помощи кормления, поскольку были заинтересованы в обогащении в период их пребывания в кормленщиках. Систему кормления ликвидировали только во время проведения земской реформы в 1555–1556 гг., однако источники о ней упоминают и во второй половине XVI в. [3].

Даже на начальных этапах формирования на Руси законодательства можно проследить ответственность за злоупотребление полномочиями, совершенное в корыстных целях. Правовые нормы того времени охраняли только государственные интересы, а ответственность наступала лишь в тех случаях, когда вред причинялся правящей элите (князьям, воеводам). Единое понятие «злоупотребление полномочиями» в Русской правде отсутствует, а правовые нормы можно по-разному трактовать. Некоторые ученые указывают, что Русская Правда была первым актом, который старался предусмотреть размеры сборов и налогов, чтобы препятствовать в этой сфере злоупотреблениям полномочий.

Другие ученые указывают, что коррупция и злоупотребление полномочиями, как противоправные явления, зародились из-за нашествия монголо-татарского ига. А.Е. Голиков считает, что из-за ордынского владычества ушли в прошлое вечевые демократические традиции, а русским князьям приходилось считаться с мнением золотоордынских ханов и их наместников на территории русских земель (баскаков), а не с мнением народного собрания (вече). Получение князем на свое княжение ярлыка полностью зависело от представителей золотой орды. Таким образом, чтобы получить властные полномочия, князьям за это нужно было платить [1].

Следует отметить, что развитие Руси было серьезно заторможено из-за монголо-татарского ига, происходившего в 1237–1240 гг. Коррупция и злоупотребление полномочиями активно развивались монгольскими правителями, в чьем распоряжении находилась власть, а также возможность предоставлять ярлыки на правление русским

князьям. Князья, которые возили ханам дань, собранную с граждан, определенный процент оставляли себе, что уже со стороны князей порождало коррупционные проявления. Таким образом, именно в этот исторический период был заложен отрицательный «фундамент», когда было заложено понятие того, что власть можно купить за деньги и решить конкретные проблемы.

Система управления государственными делами изменилась с образованием централизованного государства. Вместо территориального, дворцово-вотчинного управления приходила система функционального управления, которая предусматривала систему кормлений, когда огромная армия и должностные лица содержались за счет населения, что также стало причиной роста разного рода злоупотреблений и взяточничества.

При централизованной системе государственного управления произошел огромный рост аппарата чиновников, т.е. помимо князей, которые правили своей территорией при децентрализованной системе управления, появляются центральные органы управления над ними.

В связи с произошедшими изменениями в государственном и общественном строе, возникла необходимость внести изменения в законодательные акты и в судебную систему. Первым систематизированным законодательным актом стал Судебник 1497 г., по которому на всей территории Руси стало вершиться правосудие. Если должностное лицо совершало тяжкое должностное преступление, к нему применялось облихование – особая форма судебного процесса, при которой подозреваемый обвинялся в том, что он «ведомо лихой человек», что было достаточным для применения к нему пытки. Если он сознавался в преступлении, то его предавали смертной казни [2].

Соборное уложение 1649 г. внесло значительные изменения в уголовное право в целом, а также в категорию должностных преступлений в частности. В гл. 2 предусматривалась классификация должностных преступлений «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать», и в гл. 10 «О суде», непосредственно в ст. 5, 12, 15 предусматривалась ответственность за злоупотребления полномочиями. Соборное уложение предусматривало следующие виды должностных преступлений: неправильная запись в приговоре заседания суда, подделка, вынесение за взятку приговора суда, определенного рода волокита, которая применялась для вымогательства (могли совершать судьи, секретари суда, дьяки и подьячие). Указанные преступления помимо корыстного мотива предусматривали и состояние личных взаимоотношений. За совершение должностных преступлений наказания

были самыми разными: удары плетью, отсечение руки, «что государь укажет» в отношении судей, могла быть применена и смертная казнь.

В период царствования Петра I с должностными преступлениями велась особая борьба. Использование экстренных мер было необходимо по причине огромного роста коррупции, причиненного казне и императорской власти ущерба. Петр I предпринял административные и законодательные меры в этом направлении, законы принимались в огромном количестве. В январе 1704 г. Принимается закон об организации «Ижорской канцелярии рыбных ловель», которым запрещалось давать взятки должностными лицами под угрозой смертной казни. Закон о порядке набора рекрутов от 20 февраля 1705 г. грозил тем же самым недобросовестным наборщикам. Указ царя от 25 августа 1713 г. запрещал заниматься поборами с населения чиновникам на местах под угрозой конфискации имущества и смертной казни. 23 декабря 1714 г. был принят указ, распространявший свое действие на все категории должностных лиц и запрещавший принятие любых видов вознаграждений. Коррупционера в случае нарушения указанного акта подвергали телесным наказаниям, конфисковали имущество и приговаривали к смертной казни [5]. Таким образом, очевидно, что Петр I одним из первых российских правителей предпринял серьезные меры для борьбы с должностными преступлениями.

Во время правления Екатерины II произошла децентрализация государственных органов власти, некоторые должности были поделены еще на несколько других. В уезды и губернии был передан значительный объем властных полномочий, там создавались судебные органы (уездная палата) и исполнительные органы (губернская палата). Был создан Совестный суд, к задачам которого относилось обеспечение охраны неприкосновенности личности и ее ограждение от любых должностных злоупотреблений. Это в определенной степени стало препятствовать судебному и административному произволу. Законами предусматривались нормы, которые от должностных лиц требовали соблюдать принцип законности в отношениях с людьми любого звания и чина [6].

Во время правления Николая II в 1903 г. принимается новое Уголовное уложение, которое учло перемены, произошедшие в тот период времени в России. Техника и характер его нормативных положений были таковы, что даже несмотря на перемену в 1917 г. общественно-политического строя, своей актуальности они не утратили и оказали существенное влияние на содержание нормативно-правовых актов советского периода [4].

Уголовное уложение предусматривало отдельную гл. 37, которая была посвящена должностным преступлениям «О преступных деяниях по службе государственной и общественной». Способы злоупотребления должностными полномочиями были определены в ст. 636. В данное понятие включались: действия должностных лиц, которые превышают свои полномочия, либо не имели на то полномочий, либо использовали их вопреки закону, если это совершалось по небрежности или умышленно и за собой повлекло «важный» вред общественному интересу и порядку управления. За совершение данного деяния устанавливалась ответственность в виде ареста. В Уголовном уложении пока не прослеживается разграничений между злоупотреблениями полномочий и превышениями полномочий.

Таким образом, злоупотребление должностными полномочиями, как противоправное деяние, всегда для государства было серьезной угрозой и совершалось должностными лицами. Проблема злоупотребления полномочиями на разных этапах развития Российского государства всегда присутствовала среди должностных лиц. Царской властью во время формирования дореволюционной государственности и зарождения уголовно-правовых норм активно принимались разные уголовные законы для искоренения должностной преступности.

В дореволюционный период злоупотребление должностными полномочиями могло быть совершено разными способами: лихоимство, мздоимство, взяточничество, использование в корыстных целях должностных полномочий, самовольное присвоение власти, использование лицом своего служебного положения и т.д. К числу субъектов таких преступных деяний всегда относились должностные лица, судьи, прокуроры, чиновники и другие служащие, которые находились на общественной либо государственной службе и имели специальные полномочия.

Список литературы

1. *Голиков А.Е.* Исторический опыт противодействия коррупции в военной организации государства: военно-правовой аспект // Военно-юридический журнал. 2014. № 2. С. 10–14.
2. *Исаев М.А.* История Российского государства и права: учебник. М.: Статут, 2012. 840 с.
3. *Левакин И.В.* Коррупция: социально-экономические и историко-правовые закономерности // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 34–36.
4. *Нигматуллин Р.В., Сулейманов Т.М.* О некоторых исторических основах организации борьбы с должностными преступлениями в России // История государства и права. 2014. № 11. С. 33–38.

5. *Просандеева Н.В.* Противодействие коррупции: правовые системы в истории // История государства и права. 2014. № 2. С. 50–54.
6. *Сулейманов Т.М.* История ответственности за злоупотребление должностными полномочиями по российскому уголовному праву (XVII–XX вв.) // История государства и права. 2013. № 13. С. 54–58.
7. *Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Норма, 2010. 480 с.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ ОТ ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Л.Р. Биктимерова, магистрант,

М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

Перед современным обществом в России среди многочисленных проблем особое место занимают вопросы, связанные с противодействием преступлениям коррупционной направленности. Среди озвученных преступлений, одним из наиболее опасных посягательств является злоупотребление должностными полномочиями.

Ключевые слова: преступление; умысел; прямой умысел; преступления против государственной власти; пресечение преступлений; коррупция; получение взятки.

Злоупотребление должностными полномочиями – преступление, регулируемое ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации и относящееся к гл. 30 наряду со ст. 290 УК РФ «Получение взятки», как преступления, направленные против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Соответственно, объект у рассматриваемых составов совпадает.

Под злоупотреблением должностными полномочиями законодателем понимается использование своего служебного положения должностным лицом вопреки интересам службы, совершаемое из корыстной или личной заинтересованности.

При сравнении элементов состава данных преступлений можно заметить схожий субъект получения взятки и злоупотребления долж-

ностных полномочий, а именно – должностное лицо и лицо, занимающее государственную должность или государственную должность субъекта, а равно глава местного самоуправления. Злоупотребление должностными полномочиями не охватывает субъекты – иностранное должностное лицо, должностное лицо публичной международной организации, охватываемые ст. 290 УК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что субъект в рамках преступления «Получение взятки» несколько шире и включает в себя субъект элемента состава преступления «злоупотребление должностными полномочиями» [4].

Состав преступления «превышение должностных полномочий» является материальным, а состав преступления «получение взятки» является формальным.

Субъект рассматриваемых преступлений един – специальный (должностное лицо), однако состав преступления «получение взятки» имеет более широкий набор субъектов, а именно иностранное должностное лицо и должностное лицо публичной международной организации.

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений – прямой умысел, однако в «превышении должностных полномочий» не исключен и косвенный умысел, когда в составе «получение взятки» имеет место быть лишь прямой умысел. Стоит отметить, что получение взятки – преступление, цель которого получение наживы, т.е. преступление имеет корыстный характер, в свою очередь превышение должностных полномочий не подразумевает получение прибыли от выполняемых действий должностного лица.

Смоделируем ситуацию, например в случае, если должностное лицо заключило сделку с заинтересованным лицом и имущество, которое передало заинтересованное лицо, должностное лицо потратило в интересах организации, в которой он состоит, то данное деяние не будет образовывать состав преступления «получение взятки». Данное должностное лицо будет привлечено по ст. 28 УК РФ «Превышение должностных полномочий» в случае, если оно совершило действия (бездействия) в интересах лица. Так как получение взятки является корыстным преступлением, то в данной ситуации должностное лицо не присвоило денежные средства себе, таким образом, состав преступления «получение взятки» к данной ситуации не подходит, однако должностное лицо совершило незаконные действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах совершать не должен, тем самым действия должностного лица должны быть квалифицированы по ст. 28 УК РФ [3].

После вступления в силу ФЗ от 04.05.2011 № 97-ФЗ сложившаяся практика уголовно-правовой оценки коррупционных посреднических услуг изменилась. Посредничество во взяточничестве теперь признается самостоятельным преступлением, регламентированным ст. 291.1 УК РФ.

До введения отдельного самостоятельного состава преступления в Уголовный кодекс посредничество квалифицировалось как пособничество (ч. 5 ст. 33 УК РФ) в получении или даче взятки, соответственно с какой стороны выступал посредник (на тот момент соучастник).

На данный момент вопрос применения конкурирующих норм ч. 5 ст. 33, 290 и 291.1 УК РФ до конца не разрешен законодателем и вызывает некоторые споры у правоприменителей при правильной квалификации деяния.

Профессор П.С. Яни считает, что в ст. 291.1 УК РФ допущены большие упущения со стороны законодателя, так, например ответственность за посредничество во взяточничестве начинается со значительного размера (от 25 тыс. руб.), в случае, если сумма взятки меньше, следовательно, посредник не попадает под уголовную ответственность, несмотря на то, что его деяние несет в себе немалую общественную опасность. Однако некоторые исследователи придерживаются мнения, что такое лицо должно быть привлечено по ст. 290 или 291 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ [6].

Следует отметить, что современная практика склонна квалифицировать действия посредника по ст. 291.1 УК РФ. В случаях, когда деяние возможно квалифицировать по ст. 291.1 УК РФ и по соучастию в даче или получении взятки необходимо руководствоваться правилами о конкуренции уголовно-правовых норм [5].

Посредничество во взяточничестве заключается в передаче взятки должностному лицу по поручению взяткодателя либо взяткополучателя, а также иное содействие в достижении незаконного результата между взяткодателем либо взяткополучателем [1].

При отграничении посредничества во взяточничестве от получения взятки необходимо сравнить элементы исследуемых составов преступлений.

На практике имеются сложности у правоприменителя в правильной квалификации действий лиц в рамках ст. 290, 291.1 УК РФ, так как на практике имеются случаи получения посредником незаконной имущественной выгоды от действий, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ, а в данной статье такие моменты не учтены, следовательно, перед правоприменителем встает вопрос, как правильно квалифицировать действия лица в данном случае – по ст. 291.1 УК РФ, либо по ст. 290

УК РФ (группой лиц по предварительному сговору). Смоделируем следующую ситуацию. Следователь при МВД ФИО 1 расследует уголовное дело, в котором подозреваемым (либо обвиняемым) является ФИО 3. У следователя при МВД ФИО 1, который находится в одном кабинете с коллегой-следователем при МВД ФИО 2, появляется корыстный умысел на совершение преступления получение взятки за незаконное прекращение уголовного дела в отношении ФИО 3, с которым он делится со своим коллегой ФИО 2. ФИО 2 в свою очередь предлагает выступить посредником в данном преступлении. ФИО 2 обращается к ФИО 3 и предлагает прекратить уголовное дело за сумму в размере 100 тыс. руб., при этом за свои услуги (передачу денежных средств) просит 40 тыс. руб. у ФИО 3. ФИО 3 соглашается и передает денежные средства в размере 140 тыс. руб. ФИО 2. ФИО 2 по договоренности передает денежные средства в размере 100 тыс. руб. ФИО 1.

Таким образом, несмотря на то, что в данной ситуации имеются признаки совершения преступления группой лиц по предварительному сговору между следователями при МВД ФИО 1 и ФИО 2, а также, несмотря на то, что данные лица являются должностными лицами, действия ФИО 2 будут квалифицироваться по ст. 291.УК РФ как посредничество во взяточничестве, а ФИО 1 – по ч. 3 ст. 290 УК РФ как получение взятки, потому что действия в пользу взяткодателя может совершать только ФИО 1, так как данное уголовное дело входит в лишь его служебные полномочия [2].

Следовательно, если на практике сложится подобная ситуация, а оба должностных лица будут иметь возможность совершать действия в пользу взяткодателя, такую ситуацию следует оценивать как получение взятки группой лиц по предварительному сговору.

Список литературы

1. *Гейвандов Э.А.* Получение и дача взятки (ст. 290, 291 УК РФ): проблемы законотворческой и правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. 207 с.
2. *Егорова Н.А.* Предмет взятки и коммерческого подкупа: проблемы понимания // Восьмерка: электрон. научный журнал. 2014. URL: <http://nutego.usoz.com> (дата обращения: 22.10.2019).
3. *Мирошниченко Н.В.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право. 2014. № 1. С. 51–56.
4. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ): учеб. пособие. СПб.: Юридический центр, 2016. 661 с.
5. *Ткачев И.О.* Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Уголовное право. 2012. № 2. С. 64–70.

6. Яни П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 9, ст. 32.

МОШЕННИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

С.Я. Бойко, соискатель кафедры уголовного права
и судопроизводства, **А.П. Кузнецов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассматриваются некоторые спорные, труднопонижаемые положения, связанные с мошенничеством.

Ключевые слова: мошенничество; виды мошенничества; квалификация преступлений.

Законодатель в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. [1] в первоначальной редакции предусмотрел ст. 159 – «Мошенничество». Впоследствии уголовный закон был дополнен новыми специальными видами мошенничества: «Мошенничество в сфере кредитования» (ст. 159.1 УК РФ); «Мошенничество при получении выплат» (ст. 159.2 УК РФ); «Мошенничество с использованием платежных карт» (ст. 159.3 УК РФ); «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности» (ст. 159.4 УК РФ); «Мошенничество в сфере страхования» (ст. 159.5 УК РФ); «Мошенничество в сфере компьютерной информации» (ст. 159.6 УК РФ). Причиной такого законодательного решения послужило использование преступными элементами сферы высоких технологий. Включение специальных видов мошенничества в Уголовный кодекс РФ неоднозначно встретила научная общественность и практика. Последняя стала испытывать определенные трудности при квалификации указанных видов мошенничества, их отграничения друг от друга. Показателем возникших проблем являются многочисленные научные статьи, в которых авторы дают различные рекомендации по сформулированным законодательным положениям, касающимся возникающих вопросов квалификации закрепленных в уголовно-правовых нормах деяний.

В представленном авторами материале предпринята попытка разъяснить некоторые спорные, труднопонижаемые положения, непосредственно связанные с мошенничеством.

Вопрос 1. Как необходимо квалифицировать преступления, предусмотренные ст. 159 УК РФ, при пресечении преступного деяния в ходе проведения оперативного эксперимента, когда виновное лицо завладело денежными средствами без оперативного контроля (покушение или оконченный состав)?

Ответ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 устанавливает, что мошенничество, т.е. хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу судебного решения, которым за лицом признается право на имущество, или со дня принятия иного правоустанавливающего решения уполномоченными органами власти или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом).

Присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства).

Проведение оперативного эксперимента, в ходе которого деяние было пресечено, означает, что у виновного не было реальной возможности распорядиться похищенным имуществом, следовательно, мошенничество, присвоение или растрата не были доведены до конца по причине воспрепятствования преступлению правоохранительными органами.

Согласно ч. 3 ст. 30 УК РФ покушение на преступление – это умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Как видно из текста закона, конкретность причины прекращения преступления не имеет значения для квалификации содеянного как покушения. Проведение оперативного эксперимента – причина недоведения преступления до конца, не зависящая от воли виновного, поэтому совершенное хищение следует квалифицировать как покушение на соответствующее преступление.

Факт завладения виновным денежными средствами без оперативного контроля ранее может быть оценен по-разному, в зависимости от умысла виновного. Следует установить, является ли завладение денежными средствами в ходе оперативного эксперимента самостоятельным преступлением по отношению к ранее совершенному завладению без оперативного контроля или нет. Если перед нами два самостоятельных преступления, то первое из них следует квалифицировать как оконченное, второе, прерванное оперативным экспериментом, как покушение, и вменить лицу совокупность преступлений.

Если же деяние, которому воспрепятствовал оперативный эксперимент, являлось, по умыслу виновного, второй частью ранее совершенного завладения денежными средствами (например, потерпевший в первый раз принес часть денег, а во второй – должен был доставить остальное), то в содеянном нет совокупности. В таком случае виновный совершил продолжаемое преступление, и ему следует вменять покушение на хищение.

Вопрос 2. Как будет определяться место окончания преступления, когда денежные средства похищаются с использованием безналичных средств оплаты (веб-деньги, электронные переводы, безналичные банковские операции по нескольким счетам)?

Ответ. Согласно п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007, с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например, осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества. В указанных случаях преступление следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые

похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного.

Следуя логике Постановления Пленума, местом окончания преступления в данном случае следовало бы считать организацию, в которой открыт соответствующий счет, в том числе филиал организации, расположенный непосредственно в населенном пункте открытия виновным своего счета.

В то же время считаем необходимым пояснить, что место окончания преступления и место совершения преступления – это разные понятия, и, соответственно, эти места могут не совпадать. Согласно ч. 2 ст. 9 УК РФ временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Соответственно, место совершения преступления – это место совершения общественно опасного деяния, независимо от того, где наступили общественно опасные последствия. Исходя из изложенного, местом совершения преступления будут выступать организации, в которых обслуживаются принадлежащие потерпевшим счета.

Вопрос 3. Какие обстоятельства следует учитывать при определении значительного ущерба для цели и квалификации деяний по ст. 159 УК РФ?

Ответ. В судебной практике, закрепленной в Постановлении Пленума Верховного Суда от 27.12.2007, сформировалась позиция, что мошенничество, присвоение или растрата, совершенные с причинением значительного ущерба гражданину, могут быть квалифицированы как оконченные преступления только в случае реального причинения значительного имущественного ущерба, который в соответствии с примеч. 2 к ст. 158 УК РФ не может составлять менее 2500 руб.

При решении вопроса о наличии в действиях лица квалифицирующего признака причинения гражданину значительного ущерба судам наряду со стоимостью похищенного имущества надлежит учитывать имущественное положение потерпевшего, в частности наличие у него источника доходов, их размер и периодичность поступления, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство. Мнение потерпевшего о значительности или незначительности ущерба, причиненного ему в результате преступления, должно оцениваться судом в совокупности с материалами дела, документально подтверждающими стоимость похищенного имущества и имущественного положения потерпевшего.

Вопрос 4. В чем заключается отличие продолжаемого преступления или совокупности преступлений при совершении виновным ряда идентичных действий, являющихся способом хищения?

Ответ. Согласно теории уголовного права, продолжаемое преступление – это совершение лицом нескольких тождественных актов преступного поведения, объединенных единым умыслом, направленным на достижение единой цели. От совокупности идентичных преступлений одно продолжаемое преступление, как видно из определения, отличается наличием у виновного единого умысла на совершение этих нескольких преступлений и стремления к единой цели, т.е. виновный заранее должен поставить перед собой определенную цель, например, присвоить имущество на сумму 1 млн руб., и осознавать, что осуществлять хищение этой суммы он будет не за один раз. Точное количество необходимых актов преступного поведения виновный может и не устанавливать для себя, единственное, что он должен заранее решить, что таких актов будет более одного. Равным образом, виновный может четко не представлять размер похищаемой суммы, но знает, что актов преступного поведения, направленных на хищение, будет несколько.

Полагаем, для подтверждения факта совершения продолжаемого преступления необходимо доказать наличие единого умысла у виновного на все тождественные акты поведения и стремление виновного достичь этими действиями четко определенной цели.

Вопрос 5. Что будет являться предметом хищения при совершении преступлений, предусмотренными ст. 159 УК РФ, когда, например, вместо новой продукции под ее видом поставляется бывшая в употреблении – деньги или сама продукция?

Ответ. Уголовно-правовая теория и практика под предметом преступления понимают вещь материального мира, посредством воздействия на которую причиняется вред объекту. Исходя из п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества. Возможны два варианта подобного хищения. Первый вариант – когда перечислены денежные средства на сумму, необходимую для приобретения новой продукции, а поставлена продукция, бывшая в употреблении. В этой ситуации предметом хищения являются денежные средства в размере разницы между стоимостью новой продукции и бывшей в употреблении. Второй вариант – когда новая продукция уже приобретена собственником у продавца, и подмена ее на бывшую в употреблении происходит уже в процессе доставки. В подобном случае предметом

хищения служит сама продукция, но размер ущерба будет исчисляться, как и в первом случае, в размере разницы между стоимостью новой продукции и бывшей в употреблении.

В представленной ситуации для определения размера ущерба необходимо определить стоимость (с помощью соответствующей экспертизы) фактически оказанных услуг, осуществленных работ, поставленных материалов и соотнести ее с предоставленной на данные работы или услуги суммой денежных средств. Ущерб представляет собой разницу в размере выплаченных средств и стоимости фактически оказанных услуг (работ). Предметом преступления (если оно имело место) будут денежные средства.

Необходимо также учитывать, что мошенничество является хищением, т.е. представляет собой в том числе безвозмездное изъятие или обращение имущества в свою пользу. Безвозмездно предполагает отсутствие эквивалентного возмещения взамен полученного имущества или возмещение в виде ненадлежащего эквивалента. В описанной в вопросе ситуации безвозмездность отсутствует, поскольку возмещение в обоих вариантах предоставлено. Таким образом, содеянное может являться не хищением, а ненадлежащим исполнением обязательства, подпадающим под действие гражданско-правовых норм. Защита прав потерпевшей стороны, соответственно, также должна осуществляться в порядке гражданского судопроизводства. Для применения уголовного закона необходимо установить, является ли возмещение эквивалентным с помощью соответствующей экспертизы, а также выяснить, имелся ли умысел на причинение ущерба путем предоставления неэквивалентного возмещения.

Вопрос 6. Как определить потерпевшего, когда вред преступлением причинен бюджету, в том числе бюджету муниципального образования?

Ответ. Согласно ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Таким образом, если вред причиняется бюджету, необходимо определить, бюджету какого конкретно юридического лица он причинен. Чаще всего это государственный орган, для которого предназначались бюджетные денежные средства. Все бюджетные средства распределяются по счетам, с которых и происходит их списание. Следует установить, кому принадлежит расчетный счет, с которого в результате преступления были изъяты бюджетные денежные средства, и именно данная организация, государ-

ственный орган или орган местного самоуправления должны признаваться потерпевшим по уголовному делу по ст. 159 УК РФ. Например, у налоговой инспекции не могут быть изъяты со счета денежные средства, полученные в результате уплаты налогов, так как они поступают на счет Федерального казначейства. Следовательно, если имеет место хищение таких средств, то потерпевшим необходимо признавать казначейство. А если, например, руководитель налоговой инспекции совершает хищение денежных средств, находящихся на счете самой инспекции, предназначенных для ее функционирования, потерпевшим в этом случае будет признаваться налоговая инспекция.

Вопрос 7. Как определяется время окончания преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, когда договор между лицами еще действует, но одна сторона не исполняет либо грубо нарушает условия договора?

Ответ. В соответствии с принципом экономии уголовно-правовой репрессии, правоприменитель в каждом конкретном случае должен применять конкретный уголовный закон только тогда, когда другие меры не оказали превентивного воздействия на нарушителя, т.е. обойтись меньшими мерами государственного принуждения, а именно, мерами гражданско-правового характера. В рассматриваемой ситуации целесообразно использовать соответствующие институты гражданского права, например, разумный срок исполнения договора или ответственность сторон на неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора. Привлечение к уголовной ответственности возможно только при наличии доказательств того, что умысел лица изначально был направлен на неисполнение договора, а именно на получение имущества без исполнения встречного обязательства. О наличии такого умысла могут свидетельствовать: отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство, установленные факты сходного поведения лица в отношении других потерпевших, т.е. систематичность подобных действий виновного. Таким образом, если в действиях лица изначально был умысел на мошенничество, то временем окончания преступления будет момент, когда у лица появилась реальная возможность распорядиться похищенным имуществом (выплаченными денежными средствами, предоставленным имуществом и т.д.). Сроки исполнения договора и время его действия для квалификации в этом случае не имеют значения.

Список литературы

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2951.

МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В.Э. Борисов, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассматривается проблема распространения коррупции в мире, в частности в Российской Федерации, а также возможные пути ее решения. Большинство зарубежных стран успешно справляются с противодействием коррупции. Цель исследования заключается в анализе антикоррупционных мер в некоторых зарубежных странах. Для достижения поставленной цели необходимо изучить наиболее эффективные меры противодействия коррупции и выделить принципы, применимые в нашей стране.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционные меры; противодействие коррупции; зарубежный опыт.

Анализ мер предупреждения коррупционной преступности в России и их недостаточная эффективность повышает актуальность обращения к зарубежному опыту борьбы с коррупцией.

В Германии правовую основу мер по предупреждению коррупции, составляет Концепция предупреждения и борьбы с коррупцией от 3 мая 1996 г.

Согласно ее содержанию, ключевые направления предупреждения и профилактики коррупции в Германии состоят в следующем:

- повышение квалификации должностных лиц и их антикоррупционной мотивации поведения;
- оптимизация организационных условий работы чиновников;
- служебный контроль и внутриведомственный надзор за деятельностью должностных лиц;
- создание новых и расширение деятельности существующих органов и организаций в целях предупреждения коррупции;
- кадровая ротация;
- нормативная унификация вопросов, связанных с получением должностными лицами, государственными служащими различных преимуществ;
- установление запретов и ограничений совмещения исполнения обязанностей в сфере государственной службы с другими занятиями, сферой и направлениями деятельности;
- совершенствование норм трудового законодательства и ускорение дисциплинарного производства;

- создание гарантий возмещения вреда, вызванного коррупционным правонарушением;
- обязанность органов государственной власти осуществлять информационное взаимодействие в сфере противодействия коррупции;
- установление конкурсного порядка предоставления государственных заказов, организации торгов, аукционов;
- введение регистра коррупции.

В целом, следует отметить, что указанные направления включают и нравственно-психологические, и организационно-управленческие, и экономические, и правовые, и публично-политические меры [1].

При этом многие из указанных направлений реализуются и в России. Так, например, конкурсный порядок предоставления заказов, запрет совмещения государственной службы с предпринимательской деятельностью, наделение существующих государственных органов дополнительными полномочиями и возложение на них дополнительных обязанностей по борьбе с коррупцией и ряд других.

Однако в то время, как в законодательстве РФ перечень субъектов, осуществляющих противодействие коррупции, определен (ст. 5 Федерального закона «О противодействии коррупции»), в Германии нормативное установление перечня органов, осуществляющих в качестве основного вида деятельности противодействие коррупции, отсутствует. В целом, к их числу относят правоохранительные органы, специальные подразделения государственных органов по предупреждению коррупции, органы по координации антикоррупционной деятельности [5]. Также участие в предупреждении коррупции могут принимать омбудсмены и адвокаты.

Согласно Закону от 1997 г. «О борьбе с коррупцией» органы по противодействию коррупции в Германии наделены существенными правами в области мониторинга доходов и состава имущества государственных служащих, в особенности тех, которые непосредственно оказывают государственные услуги.

В организационно-управленческом аспекте в Германии также был увеличен штат полиции и прокуратуры, созданы «горячие линии» для анонимных сообщений. Позитивное влияние оказало расширение сотрудничества в рамках Европейского союза [6].

Разработка мер по предупреждению коррупции была основана, в том числе, на данных научных исследований. Например, было установлено, что после двух лет исполнения должностных обязанностей готовность принять взятку начинает возрастать. В силу этого, руководство публичных органов стремится периодически менять лиц, отвечающих за исполнение важных государственных функций.

Интересной в части правовых мер по предупреждению коррупции является установленный законодательством ФРГ запрет должностным лицам принимать подарки и пользоваться гостеприимством другой стороны на протяжении пяти лет после оставления ими публичной должности [2]. Полагаем, что подобный запрет мог бы быть целесообразен и в российской антикоррупционной действительности.

В дополнение к указанному положению особый интерес представляет антикоррупционная политика Финляндии. Не выделяя на законодательном уровне борьбу с коррупцией как отдельное направление государственного стратегического развития, борьба с указанным негативным явлением осуществляется наравне с иными группами общеуголовных преступлений [3]. С позиции действующих органов государственной власти Финляндии базисом модели антикоррупционной политики является достойный уровень социально-экономического развития страны, соблюдение традиций и этических норм поведения, которые предусматривают строгую нетерпимость финнов к коррупционным проявлениям.

Вместе с тем, обобщая опыт борьбы с коррупцией в Германии и Финляндии, следует отметить, что, кроме прочего, все налагаемые ограничения, связанные с исполнением должностных обязанностей, в ФРГ компенсируются соответствующим уровнем дохода, созданием условий для достойного уровня жизни [4]. Напротив, в современной российской действительности уровень заработной платы основной массы государственных и муниципальных служащих «среднего звена» остается недостаточно высоким в расчете на действительную значимость выполняемых ими организационно-распорядительных функций. В силу изложенного, представляется, что обеспечение достойного уровня заработной платы могло бы стать дополнительной мерой предупреждения коррупции в российском обществе.

Во Франции определенные меры по борьбе с коррупцией осуществляются французским законодателем с начала XIX в. В настоящее время Франция является участником международных нормативных актов и соглашений, направленных на борьбу с коррупцией. Собственно законодательство Франции в число коррупционных деяний включает около 20 преступлений, совершаемых как в рамках текущей деятельности должностных лиц, так и в период избирательных компаний.

На борьбу с коррупцией во Франции направлена деятельность многих государственных органов: Комиссии по деонтологии государственной службы, Центральной службы по предотвращению коррупции, Национальной комиссии по счетам избирательных кампаний,

Межведомственной комиссии по контролю за рынком государственных заказов [6].

Тем не менее представляется, что создание большого числа организаций, деятельность которых заключается в борьбе с коррупционными явлениями, не является достаточной для предупреждения коррупции.

Опыт европейских государств показывает эффективность именно организационно-управленческой динамики: так же, как в Германии наблюдаются перестановки лиц, занимающих наиболее значимые должности, во Франции применяется политика поочередной централизации и децентрализации государственного управления [5]. Таким образом, благодаря периодическому изменению полномочий государственных органов и их должностных лиц, разрушаются связи коррупционеров.

На наш взгляд, подобная политика, связанная с перестановками кадров, изменением полномочий государственных структур, могла бы оказать положительное влияние на борьбу с коррупцией в России. Безусловно, организационная, кадровая составляющая подобных изменений должна быть тщательно продумана и проработана специалистами в соответствующих отраслях знаний.

Завершая рассмотрение мер по предупреждению коррупции, отметим также, что для российской действительности большое значение может иметь опыт борьбы с коррупцией в Китае. В частности, наряду с декларированием имущества, постоянным функционированием горячей линии, суровыми наказаниями (дача взятки может быть наказана пожизненным заключением, а просьба о даче взятки может повлечь смертную казнь) и иными мерами антикоррупционной политики, в Китае введены административные и экономические санкции в отношении юридических лиц [2]. Поэтому установление дополнительных (например, административных) санкций (вплоть до приостановления деятельности) в отношении юридического лица в тех случаях, когда коррупционное преступление напрямую связано с его деятельностью, могло бы стать дополнительным средством предупреждения коррупционных проявлений в российском обществе.

Список литературы

1. *Егорова Н.А.* Коррупционные преступления: понятие, виды, проблемы квалификации // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 286–326.

2. *Кабанов П.А.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в субъектах Российской Федерации: от осознания необходимости до институционализации // Следователь. 2010. № 8. С. 10–15.
3. *Корсантия А.А.* Коррупционная преступность в Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 17. С. 27–28.
4. *Муратова Н.Г.* Понятие и признаки коррупции по уголовному законодательству зарубежных стран // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». Кн. 4. Казань, 2010. Т. 152. С. 198–203.
5. *Савенко И.А.* Уголовно-правовые проблемы борьбы с коррупционной преступностью // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 143–144.
6. *Степанова И.Б.* Нравственно-психологические детерминанты коррупции // Научный поиск. 2015. № 15. С. 40–49.

ОСНОВЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

В.Э. Борисов, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Коррупционные преступления имеют общие признаки, но в то же время каждое из них имеет свои отличительные черты, свойственные конкретному виду преступления, относящиеся к коррупционному. Это и определяет содержание методики расследования коррупционных преступлений, которая характеризуется наличием общих положений, применяемых при расследовании любого преступления данной категории.

Ключевые слова: коррупция; взятка; получение взятки; взяточничество; расследование.

Из всех коррупционных преступлений, совершаемых в России, наиболее распространенным является взяточничество. Остановимся на примере расследования этого вида преступлений. Латентность этого преступления, как и многих других коррупционных преступлений, достаточно высока. Борьба с этим злом и другими должностными преступлениями необходима, так как они нарушают порядок управления, наносят ущерб авторитету государства и государственных органов [3].

Возбуждение уголовных дел по делам о коррупционных преступлениях возможно только при наличии для этого достаточных оснований с соблюдением всех требований действующего уголовно-процес-

суального законодательства. Практическая работа правоохранительных органов показывает, что первые проявления и признаки коррупционных преступлений становятся известными более всего и выявляются в заявлениях граждан, по материалам проведенных ревизий предприятий, учреждений и организаций, в ходе проведенных оперативно-розыскных мероприятий самими сотрудниками правоохранительных органов и т.д. Информация об этих совершенных или готовящихся преступлениях может носить различный характер [2].

Поводами для возбуждения уголовного дела по признакам квалифицированного взяточничества и иных проявлений коррупции, как правило, служат: заявления и письма граждан; статьи и заметки в печати; явка с повинной; данные ревизионных управлений, налоговых инспекций, сообщения администрации предприятий, организаций, учреждений; непосредственное обнаружение признаков преступления следователем, органом дознания, прокурором или судом; данные, полученные в процессе оперативно-розыскной деятельности (после осуществления соответствующих проверочных действий, например, посредством получения объяснений у должностных лиц или проведения, по предложению следователя, проверок финансово-хозяйственной деятельности организации).

Уголовные дела по сообщениям и заявлениям возбуждаются чаще всего после предварительной проверки. Проверка должна проводиться с максимальной осторожностью, чтобы источники не узнали о ней и не предприняли меры к сокрытию следов преступления, уничтожению доказательств и т.д. [1].

Как правило, не следует предъявлять лицам, подозреваемым во взяточничестве, материалы, имеющиеся у следователя.

Осторожно следует подходить и к подбору и вызову лиц, у которых отбираются объяснения, так как круг свидетелей по этой категории ограничен и о взяточничестве знают лишь заинтересованные лица, их родственники.

Типичные версии по делам о взяточничестве по проверке характера события:

- 1) взяточничество имело место;
- 2) ценности или другие объекты переданы в связи с возвращением долга, займы и тому подобное;
- 3) взятка не давалась, а заявитель заведомо ложно донес на должностное лицо;
- 4) заявитель добросовестно заблуждается;
- 5) взяточничество было, но должностное лицо не получило незаконного вознаграждения, так как имело место мнимое посредничество

или ошибка взяточдателя, принявшего другое лицо за должностное (передача ценностей, денег лицу, самовольно присвоившему звание должностного лица) [2].

Все приведенные варианты могут быть сведены к двум обобщающим ситуациям:

– поступило заявление или сообщение с указанием конкретных фактов передачи денег, подарков, акций и т.п. должностному лицу или указание на лицо, но без конкретных фактов, за что и когда передавалось вознаграждение, а также сообщение фактов о передаче данным должностным лицом документов, оказания им содействия взяточдателю (коррумпирующей его структуре);

– соответствующие данные получены оперативным путем или в результате инициативного поиска самим следователем.

В рамках этих двух глобальных ситуаций могут быть выявлены признаки, подлежащие как первоначальной проверке, так и последующему более тщательному расследованию [5].

В связи с этим особое значение приобретают умелое выявление и использование криминалистически значимых данных об особенностях преступного поведения коррупционеров.

Прежде всего, можно выделить три ранее выделенных информативных блока: предметно-технологический; организационно-управленческий; субъектно-личностный.

Первый информационный блок характеризует объектно-целевую направленность коррупционных преступлений и включает информацию об объектах и целях преступного посягательства, о способе, механизме и обстановке совершения преступлений.

Второй блок содержит более глубокую информацию о коррупционных преступлениях, в частности, о структуре поведения субъекта данного вида преступности, мотив совершения коррупционного преступления. Третий блок включает информацию о личностно-типологических чертах субъекта коррупционных преступлений, их поведении на следствии и в суде, психологической атмосфере внутри рабочего коллектива коррумпированного лица.

Последующие исследования криминалистически значимых черт в коррупционных преступлениях позволили выделить еще один блок, содержащий информацию об особенностях коррупционных связей с организованными группами. Условно его можно назвать организационно-коррупционным блоком [1].

Типовые предметно-технологические черты коррупционных преступлений характеризуют ее криминалистически значимые качества, присущие объекту и объективной стороне состава преступления. При

этом для должной криминалистической оценки коррупционных преступлений важно, прежде всего, уяснить, в чем состоит предмет криминального интереса ее субъектов.

Для получения из результатов изучения предмета преступного посягательства криминалистически значимой информации целесообразно оценить их с точки зрения качественных, количественных, ценностных, социально-экономических признаков и характера криминального использования.

Именно вышеуказанные информационные блоки часто помогают установить, где и каким образом следует искать и изымать недостающую информацию о коррупции.

Типовые предметно-технологические черты коррупционных преступлений характеризуют ее криминалистически значимые качества, присущие объекту и объективной стороне состава преступления. Поскольку в основе криминальной деятельности коррупции лежат материальные, личные и групповые материальные цели, предметом их преступного посягательства обычно являются любые материальные ценности и услуги материального свойства, представляющие определенную имущественную выгоду для их получателя. В первую очередь необходимо изучить сведения о том, какие именно операции происходят с указанными предметами и объектами, как они используются. Данные сведения о предмете преступного посягательства позволяют выдвинуть версии о характере основной (базовой) преступной направленности коррупции, возможной ее структуре, сфере охвата территории и города [5].

Типичными условиями, способствующими совершению должностных преступлений, являются недостатки в подборе и расстановке кадров, недостатки в организационно-хозяйственной деятельности, несовершенный учет материальных ценностей и тому подобное.

В ходе проведения проверочных действий необходимо выявить признаки, которые условно можно разделить на две большие группы.

К первой группе могут быть отнесены признаки, которые чаще всего обращают на себя внимание окружающих. Это уровень благосостояния должностного лица, его времяпрепровождение, поездки в дальнее зарубежье, наличие дорогостоящей недвижимости и транспортных средств и т.п. К этому могут быть добавлены специфические связи должностного лица с коммерческими (или преступными) структурами, недостижимость для простых граждан, невозможность попасть к нему на прием и т.п.

Ко второй условной группе признаков относятся те, которые характеризуют положение должностного лица: правомочно ли оно принимать решения, затрагивающие интересы физических и юридических лиц, у которых возникает потребность в реализации этих интересов. К подобным признакам могут быть отнесены и более сложные варианты, когда в организации, где предполагается наличие коррумпированных служащих, создается такая продуманная и хорошо организованная система защиты от информационного и фактического проникновения посторонних, которая скорее напоминает круговую поруку, чем диктуемую интересами нормального функционирования данного учреждения. Необходимо помнить, что одно из проявлений коррупции – это отсутствие гласности в принятии решений [4].

К указанным признакам примыкают и такие, которые свидетельствуют о некоторых особенностях поведения должностного лица (встречи с криминальными авторитетами, посещение ночных клубов, бань, саун, где регулярно отдыхают представители преступного мира, регулярные встречи с представителями частного бизнеса и т.п.). Немаловажными в последственной проверке могут быть действия, направленные на выявление совершенных преступлений, способствовавших получению средств для взятки, подкупа или отмыwania капиталов с этой же целью.

Последнюю группу признаков могут составлять различного рода документы, от управленческих до частных (вплоть до счетов гостиниц, регистрации автомобиля, приобретения недвижимости и пр.).

Для решения вопроса о возбуждении уголовного дела проводят предварительную проверку заявлений и сообщений о взяточничестве или других проявлениях коррупции. Необходимость такой проверочной деятельности обусловлена тем, что в большинстве случаев в заявлениях и сообщениях граждан отсутствует ряд данных о признаках состава преступления. Такая проверка может осуществляться как гласным (официальным), так и негласным (оперативным) путями. В ходе официальной проверки следователь истребует различные документы с целью ознакомления с состоянием учета и контроля в соответствующей организации (учреждении), с порядком их составления и прохождения через различные инстанции; изучает условия и структуру деятельности организации, в которой работает подозреваемый, выясняет его статус и круг должностных обязанностей; изучает имеющие отношение к расследуемому событию дела, находящиеся в производстве в органах внутренних дел, прокуратуры, налоговой инспекции, отказные материалы ОВД, архивные материалы уголовных дел; получает объяс-

нения от заявителя, должностных и иных лиц. К проверочным действиям также следует отнести и проведение проверки финансово-хозяйственной деятельности организации [2].

При проведении проверочных действий оперативного характера используют данные оперативно-справочных и криминалистических учетов; собирают сведения о субъектах различных проявлений коррупции; устанавливают личности свидетелей и соучастников преступления.

Проводя проверочные мероприятия и отдавая задания оперативного характера, следователь должен принимать меры к тому, чтобы подозреваемый не узнал о проверке, а если и узнал, то не смог догадаться о ее целях. Так, наряду с материалами для проверки факта коррупции, запрашивают и другие (документы учета, отчетности, переписка с контрагентами и т.п.) [4].

В целях достижения наилучшего результата целесообразно сочетание гласных и негласных способов осуществления предварительной проверки. При этом следует принимать меры к тому, чтобы подозреваемый (подозреваемые) не узнал о проверке или не догадался о ее целях.

Любая информация, получаемая при проведении проверочных действий по факту коррупционного правонарушения, подлежит обязательной проверке на предмет достоверности. Желательно, чтобы данные были получены из нескольких источников по независимым друг от друга информационным каналам.

Список литературы

1. *Аминов Д.И.* Коррупция как социально-правовой феномен и пути ее преодоления: учеб. пособие. М.: Юрист, 2002. 158 с.
2. *Горелик А.С.* Уголовная ответственность за коммерческий подкуп // *Юридический мир*. 1999. № 1–2. С. 16–19.
3. *Мукиенко И.Н., Юскова Л.Б.* Противодействие коррупции как функция гражданского общества // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2014. № 3. С. 29–34.
4. *Трощинский П.В.* Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М., 2011. 272 с.
5. *Фасхутдинов Р.Р.* Антикоррупция. СПб., 2012. 182 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ

В.В. Бузина, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Повсеместно распространены явления криминального лоббизма, корыстного сговора должностных лиц, инвестирования в коммерческие структуры бюджетных средств, необоснованной передачи им в управление государственного имущества, незаконных внешнеэкономических операций, совмещения служебной деятельности с коммерческой.

Ключевые слова: коррупция; конфликт интересов; профилактика коррупции; государственная служба.

Одним из важнейших элементов системы правовых средств профилактики коррупции в сфере государственной службы является конфликт интересов, который позволяет, с одной стороны, предупреждать предпосылки коррупции, с другой – оперативно реагировать на коррупционные проявления в случаях, когда совершение коррупционного правонарушения еще не доказано в суде, но факт коррупционного проявления уже установлен.

«Конфликт интересов» – категория, которая используется в различных сферах правового регулирования и имеет прямое отношение к системе противодействия коррупции. К примеру, Н.А. Боброва в одной из своих статей описывает конфессиональный конфликт интересов на примере награждения званием «Почетный гражданин» Архиепископа Самарского и Тольяттинского и видит в этом возможность своеобразного «взаимообмена» наградами между церковью и властью. В другой статье ученая рассматривает конфликт интересов, возникающий посредством установления преимуществ иностранным ученым в российских вузах [4].

В законодательстве разных стран конфликту интересов уделяется значительное внимание. В законах, регулирующих государственную службу, содержатся определения конфликта интересов и регламентируется порядок их предотвращения. В общем виде конфликт интересов в законодательстве зарубежных стран определяется как ситуация столкновения публичных и личных интересов лица, исполняющего официальные функции [8].

В Конвенции ООН против коррупции отсутствует понятие конфликта интересов. В данном международном нормативном акте используются понятия «интерес», «коллизия интересов», которые можно встретить в статьях, посвященных публичному (ст. 7) и частному сектору (ст. 12), кодексам поведения публичных должностных лиц (ст. 8) и др.

В России институт урегулирования конфликта интересов опирается на несколько нормативно-правовых актов. В 2002 г. Президент России подписал Указ об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих. Позже были приняты еще несколько федеральных законов, в которых регулируется институт конфликта интересов.

В настоящее время в российском законодательстве категория «конфликт интересов» используется не только в публичном, но и в частном праве применительно к регулированию предпринимательских отношений.

В большей степени категория «конфликт интересов» используется на государственной (ст. 19 Закона № 79-ФЗ) и муниципальной службе (ст. 14.1 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации») [1]. Но данную категорию можно встретить и в других нормативно-правовых актах, например, в ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации.

В целом следует признать, что категория «конфликт интересов» имеет междисциплинарный характер и исследуется представителями как частного, так и публичного права. При этом конфликт интересов в сфере гражданской службы является предметом научных работ, представляющих публичное право. Однако необходимо отметить, что конфликт интересов в частном праве понимают как «противоречие (столкновение) между защищенными правом интересами корпорации и личными интересами лица, реализующего интерес корпорации, при котором одновременная реализация обоих интересов без ущерба корпорации или такому лицу невозможна» [5].

Универсальное, общеправовое определение понятия «конфликт интересов» сформулировал Д.И. Дедов: «противоречие между интересами, которые защищены правом и должны быть удовлетворены действиями другого уполномоченного принципалом лица (поверенного, агента, директора, доверительного управляющего) и личными интересами этого уполномоченного». Следует заметить, что принципалом в данном определении может являться лицо как частного, так и публичного права. Из чего следует, что защищаемым является как частный, так и публичный интерес [5].

Легальное определение конфликта интересов сформулировано в ст. 10 Закона № 273-ФЗ, в частности, под конфликтом интересов понимается «ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)».

Указанное определение согласно п. 1 ст. 19 Закона № 79-ФЗ и п. 1 ст. 14.1 Закона № 25-ФЗ используется применительно к государственной и муниципальной службе. Однако приведенное в Федеральном законе «О противодействии коррупции» определение понятия «конфликт интересов» вызывает на практике, как справедливо указывается некоторыми авторами, ряд вопросов. Во-первых, нечетко определен субъектный состав конфликта интересов. Понятие лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, весьма размыто.

Действительно, в определении конфликта интересов четко не определен круг таких лиц ни по должностям, ни по полномочиям. Чтобы установить факт наличия конфликта интересов, необходимо было, прежде всего, установить, что в должностных обязанностях гражданского служащего определена обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Если в должностном регламенте гражданского служащего указанная обязанность не установлена, то такого гражданского служащего нельзя будет признать участником конфликта интересов.

Однако данный вопрос был решен законодателем посредством дополнения Федеральным законом от 03.04.2017 № 64-ФЗ ч. 3 ст. 10 Закона № 273-ФЗ, в которой приведен перечень лиц, замещающих должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов:

- 1) государственные и муниципальные служащие;
- 2) служащие Центрального банка РФ, работники, замещающие должности в государственных корпорациях, публично-правовых компаниях, Пенсионном фонде РФ, Фонде социального страхования РФ, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, иных организациях, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов, на лиц, замещающих должности финансового уполномоченного, руководителя службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного;

3) работники, замещающие отдельные должности, включенные в перечни, установленные федеральными государственными органами, на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами;

4) иные категории лиц в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Однако и в этом случае ученые обращают внимание на то, что прямое указание в п. 1–3 ч. 3 ст. 10 Закона № 273-ФЗ на отдельные категории лиц снимает в отношении их имеющуюся неопределенность, чего, однако, явно недостаточно для устранения имеющихся противоречий.

Кроме того, необходимо указать, что буквальная редакция п. 1 и 2 ч. 3 ст. 10 Закона № 273-ФЗ приводит к выводу о распространении обязанности принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов на всех без исключения лиц, указанных в рассматриваемых положениях, что может быть и целесообразно, однако не соответствует проводимой политике об ограничении правового статуса только в отношении лиц, замещающих коррупционно-опасные должности, определенные в установленном законом порядке.

Проблема указанной ситуации состоит в том, что законодатель не предложил механизм, позволяющий без указания на конкретные категории должностей определять возможность их отнесения к стороне конфликта интересов.

Например, установленная федеральным законом обязанность принимать меры к предотвращению и урегулированию конфликта интересов возлагается на аудиторов (ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»), работников саморегулируемых организаций (ч. 4 и 5 ст. 8 Федерального закона «О саморегулируемых организациях»), однако данная обязанность никак не связана с антикоррупционными отношениями, имеет иную правовую природу и направлена на обеспечение независимости и объективности при осуществлении указанных лицами профессиональной (трудовой) деятельности.

Д.Е. Зайкова предлагает в данной ситуации в качестве квалифицирующего признака должностного лица, которое может быть стороной конфликта интересов, установить замещение им должности, замещение которой предусматривает его обязанность подавать представителю нанимателя (работодателю) сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (далее – сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера) (ч. 1 ст. 8 Закона

№ 273-ФЗ) [6]. Исходя из используемого законодательством Российской Федерации и правоприменительной практикой подхода, указанный критерий является свидетельством отнесения соответствующей должности к коррупционно опасной, с однозначным возложением на лицо, ее замещающее, в том числе обязанности принимать меры к предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Именно отнесение в установленном порядке должности к категории коррупционно опасных является юридическим фактом, влекущим за собой применение к замещающему ее лицу соответствующих ограничений правового статуса (запреты, ограничения и обязанности).

Таким образом, представляется целесообразным изложить ч. 3 ст. 10 Закона № 273-ФЗ в следующей редакции: «Обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов возлагается на граждан, замещающих должности, замещение которых предусматривает их обязанность подавать представителю нанимателя (работодателю) сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» [6].

Во-вторых, конфликт интересов – это ситуация, которая влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение гражданским служащим должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). При этом критерии оценки надлежащего, объективного и беспристрастного исполнения должностных обязанностей отсутствуют, что, в свою очередь, будет порождать субъективную оценку исполнения полномочий.

В ситуации действительного конфликта лицо, замещающее должность, не принимает мер по предотвращению и урегулированию конфликта и сознательно допускает наступление конфликтной ситуации.

При ситуации возможного конфликта необходимо проводить проверку с целью установления реальности наличия конфликта интересов. Такие ситуации некоторые ученые предлагают называть «коллизией интересов», т.е. столкновение противоположных интересов, обязанностей и частных интересов.

Служебное расследование целесообразно проводить при ситуации кажущегося конфликта с целью доказательства видимости или отсутствия конфликта интересов.

В любом случае, конфликт интересов приводит к негативным последствиям, которые выражаются, с одной стороны, в причинении вреда законным правам и интересам граждан, организаций, общества,

а с другой – в подрыве авторитета государственных и муниципальных органов власти.

Основным конфликтогенным признаком выступает наличие или возможность возникновения противоречия между личными интересами государственного (муниципального) служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, Российской Федерации или ее субъекта.

Такой же позиции придерживается и судебная практика, отмечая, что конфликт интересов – это противоречие между частным (получение дохода и т.п.) и публичным (интересы службы, призванные служить правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства, которым причиняется вред). Такое противоречие связано с ненадлежащим исполнением должностных (служебных) обязанностей. Конфликт интересов существует в той ситуации, когда личная заинтересованность (прямая или косвенная) не только реально влияет, но и теоретически может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных (служебных) обязанностей.

Таким образом, конфликт интересов является одной из причин проявления коррупции. Понятие «конфликт интересов» используется в сфере публичного управления и связано с выполнением государственным служащим должностных обязанностей. Следовательно, государственные служащие в силу своего правового статуса являются представителями интересов государства в правоотношениях с гражданами и организациями. Когда конфликт интересов затрагивает интересы общества и государства в целом, он создает угрозу возникновения коррупционных отношений. Поэтому необходимо предотвращение каких-либо частных интересов, которые могут повлиять на выполнение должностных обязанностей государственным (муниципальным) служащим.

Список литературы

1. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 10, ст. 1152.
2. Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих: указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 (ред. от 16.07.2009) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 33, ст. 3196.
3. *Бараненкова И.В.* Конфликт интересов в военных организациях: новации, некоторые проблемы квалификации, предупреждения, урегулирования // *Право в Вооруженных силах.* 2018. № 6. С. 2–8.

4. *Боброва Н.А.* О коррупциогенных недостатках критериев и процедур присвоения государственных наград // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 2. С. 23–27.
5. *Дедов Д.И.* Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 272 с.
6. *Зайков Д.Е.* Противодействие коррупции: новые веяния: комментарий к Федеральному закону от 03.04.2017 № 64-ФЗ // Право в Вооруженных силах. 2017. № 6. С. 2–7.
7. *Малкина В.И.* Конфликт интересов и корпоративный конфликт: проблемы классификации и соотношение понятий // Юрист. 2018. № 4. С. 46–54.
8. *Ноздрачев А.Ф.* Конфликт интересов: новое «универсальное» нормативное правовое определение понятия в законодательстве о противодействии коррупции // Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 27–28.

КОРРУПЦИЯ КАК «НЕДУГ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИЧИНЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

В.В. Бузина, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Коррупционные правонарушения в России в настоящее время проявляются практически во всех сферах государственной власти и управления. Они разрушают государственный аппарат и отрицательно влияют на нравственные устои общества. Коррупционное поведение государственных служащих далеко ушло за рамки обычного подкупа.

Ключевые слова: коррупция; взятка; государственная служба; муниципальная служба; антикоррупционная политика.

Масштабы и динамика развития и распространения коррупции зависят от многих факторов, среди которых можно выделить политические, экономические и социальные. Периоды реформирования государства и общества являются наиболее благоприятными для развития коррупции. Сами по себе причины появления и развития коррупции являются общими для всех государств, но рассмотрим те, что характерны для Российской Федерации.

Можно долго спорить, была ли демократия в СССР, какой из советских периодов считался тоталитарным, а какой авторитарным, но сойдемся на том, что курс на демократизацию СССР был положен в

1985 г. генсеком ЦК КПСС М.С. Горбачевым. С его слов о гласности и демократизации началась та самая «перестройка», последствия которой нам всем хорошо известны [3].

Главной проблемой любого экономического кризиса является падение уровня жизни в обществе как простых граждан, так и государственных служащих. Несомненно, что для первых, что для вторых экономическое благополучие является важной составляющей их жизни. Несложно представить ситуацию, когда государственный служащий, не получающий в условиях экономического кризиса должного денежного довольствия, без долгих раздумий примет взятку от гражданина, который в свою очередь также находится под ударом кризиса и пытается любым путем, в том числе взяткой, решить какой-либо вопрос.

В целом же в период экономического кризиса государственные институты и органы государственной власти получают дополнительные властные полномочия, что создает предпосылки для активизации коррупционных элементов в системе государственной службы [4].

Осознание экономических и политических рисков склоняет к формированию определенного типа экономического поведения, рассчитанного на кратчайшую перспективу, ведущего к расширению сферы теневой экономики, а следовательно, и сферы коррупции. Экономическая неуверенность в завтрашнем дне подталкивает бизнес идти на крайние меры для собственного выживания на нестабильном рынке – к подкупу чиновников. В свою очередь политическая нестабильность вызывает чувство неуверенности и личной нестабильности среди чиновников самого разного уровня, особенно, когда есть риск остаться без работы в условиях долговых обязательств [3].

Первым нормативным актом, касающимся коррупции, в современной России стал Указ Президента РФ 1992 г. «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы». Данный указ являлся документом, носящим антикоррупционную направленность, и стал первым нормативно-правовым актом российского законодательства по борьбе с коррупцией на государственной службе. В нем впервые раскрывались запреты чиновников, стало обязательным предоставление декларации, во время поступления на руководящую должность, о доходах, движимом и недвижимом имуществе, вкладов в банках и т.д. За несоблюдение данных запретов и требования, указанных в данном документе, государственный служащий освобождал занимаемую должность или привлекался к более строгой ответственности [1].

Одновременно с попытками обуздать коррупцию в ноябре 2009 г. Госдума ФС РФ принимает закон «Об общих принципах организации

предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций». Данный закон позволяет взимать с граждан плату за оказание «государственных услуг» и «государственных функций», что, по своей сути, «легализует» коррупцию, только теперь получателем материальных благ стал не чиновник, а государство.

В марте 2011 г. председатель Правительства РФ В.В. Путин заявил о необходимости введения нормы, обязывающей госчиновников отчитываться о своих расходах. Соответствующий закон («О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам») был подписан Путиным в начале декабря 2012 г. [2].

К сожалению, такое длительное бездействие государства с 1991 по 2012 гг. по отношению к коррупционерам не могло не дать результатов, которые мы имеем по настоящий день.

После распада СССР была разрушена номенклатурная система отбора кадров, однако новая система отбора и продвижения государственных чиновников создана не была. Зато появилась идея работать «командой», которая предопределяла право на назначение на должность по принципу землячества и личной преданности. При такой постановке вопроса профессиональная подготовка, личные и деловые качества государственного или муниципального служащего становились на второй план. В таком хаосе несложно представить, как на государственные должности порой назначались граждане из коммерческой среды или еще хуже – из криминальной.

К счастью со временем к отбору кадров начали относиться более трепетно. Стали появляться механизмы отбора граждан при поступлении на государственную или муниципальную службу. Теперь кандидаты на замещение вакантных должностей представляют справки о доходах, проходят психологические тестирования, а на некоторые должности – психофизиологические тесты на полиграфе, однако, как показывает практика, бывшего генерал-майора юстиции Дениса Никандрова, занимавшего до июля 2016 г. должность первого заместителя руководителя Главного следственного управления СК РФ по Москве, подобные тесты от коррупции не уберегли и похожие примеры не единичны [3].

Существует одно универсальное объяснение всех неудач в России, начиная от уровня поселения и заканчивая уровнем федерации – коррупция.

Коррупция в России – это система действий членов нашего же общества, возможно даже гражданского, позволяющая им добиваться своих целей вопреки установленным государством правилам, запретам

и использующая для этого государственных служащих для удовлетворения своих потребностей. Поскольку коррупция – это благо двустороннее, то и государственные служащие не прочь воспользоваться своим служебным положением для удовлетворения потребностей как личных, так и своих родственников, своих знакомых и так далее.

Государство пытается нейтрализовать коррупцию. Для этого оно создает разного рода организации, которые должны с ней бороться, начиная от правоохранительных органов, заканчивая некоммерческими организациями. Создаются и организации гражданского общества. В современной России гражданское общество, которое по своему назначению должно быть институтом общественного контроля за органами государственной власти, должно обеспечивать взаимодействие между государством и обществом, находится лишь на стадии развития, при этом развитие проходит с большими трудностями. Государство ежегодно выделяет сотни миллионов рублей на поддержку организаций гражданского общества, но данное финансирование не приносит никакого положительного результата [5].

Борясь с коррупцией, государство, по сути, борется с обществом, поскольку каждый взяточдатель является членом общества. И наоборот, поддерживая организации, являющиеся частью гражданского общества, государство плодит коррупцию. Получается замкнутый круг.

С одной стороны, такой низкий рейтинг доверия к институтам государственной власти является скорее одним из последствий коррупции. В то же время при таком низком уровне доверия крайне снижена активность гражданского общества, вследствие чего возможен рост коррупционных элементов.

Список литературы

1. О мерах по противодействию коррупции: указ Президента России от 19.05.2008 № 815 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 21, ст. 2429.
2. О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 32, ст. 4470.
3. *Бараненкова И.В.* О некоторых проблемах привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения // *Право в Вооруженных Силах.* 2014. № 7. С. 30–35.
4. *Зверинцева Т.* Коррупция в цифрах. URL: <http://gosvopros.ru> (дата обращения: 25.11.2018).
5. *Пудаков Е.Р.* Криминология коррупции в государственной службе: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 168 с.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК

Р.И. Васильев, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассматриваются некоторые исторические аспекты становления и развития института недействительности сделок.

Ключевые слова: становление; развитие; недействительность сделок.

В условиях стремительно развивающихся новых рыночных подходов в российской экономике стабильность и устойчивость оборота товаров, работ и услуг приобретает первостепенное значение. Одной из важнейших характеристик цивилизованного гражданского оборота является наличие незначительного числа недействительных сделок, совершаемых его участниками. Однако анализ российской правоприменительной практики и данные официальной статистики свидетельствуют об обратном.

Существующие тенденции последних лет говорят о постоянно увеличивающемся количестве споров о признании сделок недействительными и применении последствий такой недействительности. Это обстоятельство негативно сказывается на инвестиционной привлекательности экономики Российской Федерации, что препятствует созданию предпосылок для обеспечения высоких темпов экономического роста.

Согласно Гражданскому кодексу РФ под недействительностью сделки понимается «ненаступление» в силу закона тех юридических последствий, которые стороны желали вызвать своими действиями при заключении сделки.

Недействительная сделка недействительна с момента ее совершения (п. 1 ст. 167 ГК РФ). В юридической литературе нет единого мнения о понятии «недействительность». Обычно к характеристике категории недействительности подходят с позиций анализа оцениваемого ею деяния (качества акта). Обсуждаются вопросы о том, является ли недействительная сделка сделкой или правонарушением и можно ли вообще считать недействительную сделку юридическим фактом [5].

ГК РФ содержит деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые. Ничтожными являются сделки, не соответствующие требованиям закона и иных правовых актов (п. 2 ст. 168 ГК РФ). Оспори-

мой является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (п. 1 ст. 168 ГК РФ).

В римском праве деления сделок на ничтожные и оспоримые не существовало, как не было и общего учения о недействительности сделок. Строгий формализм квинтитского права признавал юридическую силу за всеми договорами, при совершении которых был соблюден необходимый минимум внешних обрядных процедур. Если обряд соблюден не был, то договор рассматривался как несуществующий и естественным образом не порождал никаких юридических последствий. Если обряд был соблюден, то отменить последствия существующего договора по цивильному праву было невозможно. Никакие «пороки» при этом в расчет не принимались.

Однако такое положение вещей не отвечало требованиям справедливости, когда возникала необходимость отменить последствия договора в интересах отдельных категорий лиц, нуждающихся в особой защите. Речь шла о лицах, не достигших 25 лет (*minor aetas*), незамужних женщинах, стариках и т.п. Кроме того, заслуживали внимания случаи пороков соглашения (обман, угрозы, ошибка), когда сторона была несвободна при выражении своей воли.

Так как по квинтитскому праву отменить последствия договора было невозможно, государственный чиновник (претор) в таких случаях руководствовался преторским правом справедливости (*jus honorarium*) и применял особое, экстраординарное средство защиты – *restitutio in integrum* (возвращение в первоначальное положение).

Суть реституции заключалась в том, что по просьбе (иску) лица, чье право было нарушено заключенным договором, претор восстанавливал это лицо в первоначальном положении, отменяя все возникшие неблагоприятные последствия (возвращал имущество, освобождал от обязанности и т.п.). При этом сам договор сохранял полную силу и продолжал рассматриваться как действительный. Отменялись лишь последствия, причинившие ущерб лицу, просящему о реституции [3].

Из идеи несуществующих договоров возникла идея ничтожных сделок, т.е. сделок, с самого начала «мертворожденных» и не порождающих никаких правовых последствий.

Однако если в Древнем Риме ничтожными именовались сделки, которые не получили никакого внешнего существования (так как не был соблюден необходимый минимум обрядных процедур), то в более позднее время к ничтожным стали относить и те сделки, которые

внешне существовали, однако обладали такими серьезными недостатками, с которыми действующий правопорядок не мог мириться и отказывал им в юридической силе, приравнивая к несуществующим.

Исходя из древнеримского понятия ничтожного договора было немыслимо применять к нему такое средство защиты, как реституция. Справедливо считалось, что никаких последствий (ни юридических, ни фактических) несуществующий договор породить не может, поэтому и отменять было нечего.

Появление существующих ничтожных сделок, которые должны лишаться юридических последствий, а также существование возможности отменять (оспаривать) юридические последствия у действующих договоров привели к развитию общего учения о недействительных сделках, т.е. сделках существующих, не лишаемых правом или судом юридических последствий.

Применять понятие недействительности к сделкам несуществующим изначально не было никакой необходимости, поскольку нельзя говорить о действительности или недействительности того, чего нет. Можно говорить лишь о существовании или несуществовании явления. Понятие же действительности, относящееся к правовому эффекту, могло появиться только в отношении существующих явлений, производящих или не производящих соответствующий эффект [4].

Однако в силу того, что за основу в понятии недействительности бралось отсутствие юридических последствий, для удобства сюда же относили и несуществующие сделки, т.е. вообще не появившиеся на свет или появившиеся в незначительной степени (несостоявшиеся сделки).

Возможность претора отменять юридические последствия действующих по цивильному (квиритскому) праву договоров преобразовалась в идею сделок, «рожденных живыми», но страдающих серьезным органическим пороком, который может в конечном итоге привести к отмене последствий сделки. Такая отмена возможна только путем издания специального акта об отмене последствий действующего договора. Поэтому возникла идея оспаривания, т.е. судебной (или административной) отмены последствий действующего договора по просьбе заинтересованного лица.

Классическая реституция применялась только по требованию определенных лиц, чьи интересы были нарушены заключенным договором. Ввиду этого оспаривание (опровержение) сделки также допускалось только по заявлению определенных лиц.

Таким образом, идея оспариваемости возникла как необходимость отменять с помощью института публичной власти (магистрата или

суда) последствия действующего договора в отношении определенного заинтересованного лица по его требованию. В отличие от этого, при ничтожности такой специальной отмены не требовалось (ничтожный акт не существовал), поэтому считалось, что ничтожность должна всеми приниматься во внимание независимо от обращения к публичной власти. При обнаружении ничтожности должностное лицо или суд должны были устранить все последствия по собственной инициативе.

Наряду с оспоримостью появился также термин «обратимость» сделки, предполагающий, что путем оспаривания отменяются не отдельные последствия действующего договора, а целиком отменяется действие договора: договор из «живой» сделки обращается в «неживую» [2].

Ничтожные сделки, развившись из несуществующих договоров римского права, считались не порождающими никаких юридических последствий с момента их возникновения и изначально недействительными.

Из идеи реституции возникла идея оспоримых сделок как идея «договора, провизорно (предварительно) действительного, но который может стать недействительным по решению претора». Именно действительность оспоримых сделок (которая иногда также характеризуется как неопределенная действительность, отложенная недействительность, условная действительность, относительная действительность и т.п.) многими рассматривается как одно из основных отличий оспоримых сделок от ничтожных.

По мнению М.М. Агаркова, выявление понятия сделки – «сравнительно поздний результат юридического анализа, который показал, что оно вбирает в себя как договоры, так и односторонние юридические действия частного-правового характера». Уже в середине XVIII в. в ряде национальных систем права Европы пользовались терминами *actus juridicus* (лат.) и *acte juridique* (фр.), означавшими сделку в современном понимании данного слова.

Так, И.Б. Новицкий утверждал, что «именно о сделках (а не о контрактах) говорилось, что они могут быть *nullum* (незаклученными), *nullius* (ничтожными), а также их можно *resindere* (считать недействительными), *dissolvere* (расторгнуть), *distrahere* (лишить юридической силы)».

Как указывает Я.М. Магазинер, дальнейшее развитие теория сделок получила в отечественной цивилистике в советское и постсоветское время, поскольку именно в этот период было определено, что сделки являются актами осознанных, целенаправленных, волевых

действий участников гражданского оборота, совершая которые, последние стремятся к достижению определенных правовых последствий.

Свод законов гражданских Российской империи вообще не содержал общих положений о недействительности сделок, упоминая о ней в отдельных случаях, равно как и не указывал на различия между ничтожностью и оспоримостью. Какой-либо общий принцип регулирования общественных отношений, возникающих в области совершения недействительных сделок, в данном нормативном акте не прослеживается.

Качественно новый для российского правопорядка подход продемонстрирован в проекте Гражданского уложения. По смыслу гл. VII раздела III кн. 1 названного документа недействительными признавались только упомянутые в его ст. 60–64, 93, 94 сделки [1].

«Статья 93 настоящего проекта, как и последующая, – указывала Высочайше учрежденная Редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения, – предусматривает сделки недействительные в точном смысле, противопоставляя эти сделки оспоримым, о которых говорится в ст. 60–65».

Изложенное свидетельствует о том, что в Гражданском уложении предлагалось заложить принцип специальной недействительности сделок, в силу которого сделка признается недействительной – ничтожной или оспоримой – по особому указанию закона. Генеральной «клаузулы» (оговорки) о ничтожности всякой противозаконной сделки проект Гражданского уложения Российской империи не содержит.

Принцип специальной недействительности сделок в полной мере был воплощен в ГК РСФСР 1922 г., содержание которого во многом определялось состоянием русской дореволюционной цивилистики. Указанный принцип, что примечательно для настоящего исследования, некоторыми авторами считался достоинством, а не недостатком соответствующего кодифицированного акта.

В ГК РСФСР 1964 г., проникнутом идеологией тоталитаризма, была предпринята попытка отказа от принципа специальной недействительности сделок в пользу начала их генеральной недействительности, поскольку всякая сделка, не соответствующая требованиям закона, объявлялась недействительной (ст. 48).

Однако данная попытка оказалась не вполне удачной: провозгласив недействительность противозаконной сделки, законодатель вместе с тем не указал, что она является ничтожной. В итоге судьба не

соответствующих закону сделок по-прежнему ставилась в зависимость от специальных законодательных положений.

В частности, в советской литературе того времени отмечалось: «Общая формула недействительности сама по себе еще не решает вопроса о методе признания сделок недействительными. Постановление закона о том, что недействительна каждая сделка, не соответствующая требованиям норм права, имеет общий характер и указывает лишь на основное и единственное условие недействительности – несоответствие сделки любым требованиям закона [3].

Применительно же к отдельным составам правило ст. 48 ГК РСФСР конкретизируется: нормы права о недействительных сделках содержат указания на метод признания сделок недействительными».

В большей или меньшей степени проблему недействительных сделок удалось разрешить только с принятием 21 октября 1994 г. ч. 1 Гражданского кодекса РФ. В содержание нового Кодекса в гл. 9 «Сделки» был включен § 2 «Недействительность сделок». Такое обособление норм, касающихся недействительности сделок, от прочих положений о сделке, стало свидетельством возрастающей роли и увеличения практической потребности в данном институте.

Гражданский кодекс РФ добавил несколько новых оснований недействительности сделки, но самым главным его достижением явилась более детальная проработка механизма признания сделок недействительными, а также уточнение порядка применения последствий недействительности сделки.

Список литературы

1. *Артемов В.В.* Недействительность сделок и их последствия: некоторые аспекты // Юрист. 2017. № 7. С. 8–14.
2. *Гутников О.В.* Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Бератор-Пресс, 2015. 576 с.
3. *Добровольский В.И.* О признании сделок недействительными // Право и экономика. 2016. № 4. С. 25–33.
4. *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. М.: Академия, 2010. 600 с.
5. *Матвеев И.В.* Правовая природа недействительных сделок. М.: Юрист, 2015. 280 с.
6. *Садиков О.Н.* Гражданское право. Обязательственное право: курс лекций / под ред. О.Н. Садикова. М.: Юрист, 2015. 843 с.

ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ

Р.И. Васильев, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассматриваются основания признания сделки недействительной.

Ключевые слова: основания; недействительность; сделки.

Сделки являются средством автономной юридической регламентации субъектами гражданского права своих отношений в соответствии с собственными интересами, а следовательно, «основным двигателем гражданского правооборота» (И.А. Покровский). Этим объясняется важнейшая, определяющая роль, которую данное средство призвано играть в обществе, провозглашающем в качестве принципов своего существования свободу экономической деятельности и поддержку конкуренции, всемерную гарантированность и защищенность права частной собственности, права наследования и права интеллектуальной собственности (ст. 8, ч. 1, 2, 4 ст. 35, ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации).

Именно благодаря этой роли тема юридических сделок всегда была и остается одной из наиболее актуальных в правовой доктрине, законотворчестве и судебной практике тех обществ, экономика которых построена на рыночных началах.

Под основаниями признания сделок недействительными (основаниями недействительности) следует понимать те обстоятельства, с которыми закон связывает отсутствие у сделки как юридического факта тех юридических последствий, на возникновение которых была направлена воля сторон. Следовательно, эти обстоятельства сами по себе являются юридическими фактами, которые влекут за собой «отрицательные» правовые последствия, связанные с недействительностью сделки.

Данные юридические факты (основания недействительности) должны иметь место одновременно с совершением сделки как юридического факта, т.е. в момент совершения действия, направленного на возникновение определенных юридических последствий [4].

Однако эти факты могут касаться не только элементов сделки как юридического факта, но и любых элементов сделки как правоотноше-

ния, являющихся необходимым условием существования такого правоотношения (субъектный состав сделки, правоспособность сторон, оборотоспособность предмета сделки, соответствие содержания сделки закону и т.д.). Более того, эти обстоятельства могут выходить за пределы элементов сделки-правоотношения, например в случаях, когда в законодательстве установлен принципиальный запрет на совершение сделок определенного вида, в определенном месте, в определенное время и т.п.

Таким образом, под основаниями недействительности сделки следует понимать любые обстоятельства, препятствующие возникновению сделки-правоотношения, но существующие в момент совершения сделки как юридического факта. Основание недействительности может состоять только из одного обстоятельства, например недееспособности участника сделки. Но чаще всего для недействительности требуется наличие совокупности нескольких обстоятельств, при которых сделка считается недействительной, т.е. необходимо установление определенного фактического состава. Эту совокупность обстоятельств далее мы будем называть составом недействительной сделки.

В юридической литературе традиционно было принято давать различные классификации недействительных сделок, которые правильнее было бы использовать для классификации оснований недействительности. Большинство из этих классификаций было связано с отсутствием или недостатками («пороками») структурных элементов состава сделки – юридического факта или сделки-правоотношения. Структура соответствующей классификации зависела от того, что конкретный автор вкладывал в понятие «состав сделки».

Так, В.С. Ем считает, что для того, чтобы сделка была действительной, она должна отвечать целому ряду условий действительности: законность содержания сделки; способность субъектов к участию в сделке; соответствие воли и волеизъявления; соблюдение формы сделки. Отсутствие любого из этих условий должно влечь за собой недействительность сделки. Аналогичный подход прослеживается у М.В. Кротова, О.Н. Садикова, В.П. Шахматова, которые при анализе оснований недействительности также исходят из четырехэлементной структуры сделки (субъекты, субъективная сторона (наличие воли, волеизъявления и их соответствия), форма сделки, содержание сделки).

Очевидно, что данные классификации основаны на соответствующей структуре сделки-правоотношения, состоящей из ее содержания, субъектов, а также основания возникновения (сделки как юридического факта) и ее структуры [3].

Н.В. Рабинович взяла за основу структурные особенности состава сделки как юридического факта, который включает в себя единство воли и волеизъявления. Поэтому классификация оснований недействительности сделок связана в первую очередь с данными элементами сделки как юридического факта. В частности, недействительность сделок обусловлена:

- дефектами воли (сюда относятся: неправомерное содержание воли, выражение воли недееспособным субъектом, извращение подлинной воли в силу ложных представлений или давления на волю извне);

- дефектами волеизъявления (сюда относятся пороки формы сделки);

- несоответствием воли и волеизъявления (сюда относятся: невольное расхождение воли и волеизъявления (описка, обмолвка), умышленное изъятие того, что воле сторон не соответствует (мнимые, притворные сделки), расхождение между волей представляемого и волеизъявлением представителя);

- отсутствием согласия третьих лиц на заключение сделки или отсутствием последующего подтверждения ими уже совершенной сделки.

Основания недействительности сделок могут быть установлены только Гражданским кодексом Российской Федерации. Это прямо следует из формулировки п. 1 ст. 166 ГК РФ, в соответствии с которым сделка недействительна по основаниям, установленным Гражданским кодексом.

Вопреки распространенному мнению, несоответствие сделки закону (ст. 168 ГК РФ) является не общим для всех недействительных сделок, а лишь одним из оснований недействительности, установленным ГК РФ. Иные основания недействительности предусмотрены также в ст. 169–179, а также в других статьях ГК РФ [2].

Никакой явно выраженной классификации оснований недействительности сделок в ГК РФ не содержится. Поэтому их можно классифицировать, как и раньше, по недостаткам структурных элементов состава сделки. Тем не менее можно заметить, что все основания недействительности после введения в действие ГК РФ можно разделить еще по одному признаку: по степени обязательности данного основания для признания сделки недействительной.

Некоторые составы недействительных сделок предполагают, что сделка всегда является недействительной, поэтому лежащие в их основе обстоятельства будут являться безусловными основаниями недействительности сделок. Но в целом ряде составов установлено, что

сделка не должна, а лишь «может быть» признана недействительной при наличии соответствующих обстоятельств. Речь идет о таких составах, как сделки, совершенные под влиянием заблуждения, обмана и т.п., т.е. о составах оспоримых сделок.

Следовательно, у данного рода сделок основания недействительности не безусловные, а зависят от усмотрения суда, принимающего решение о признании сделки недействительной. При наличии соответствующих оснований суд тем не менее может не признать такую сделку недействительной. Соответственно, основания недействительности можно делить на обязательные (абсолютные) и необязательные (относительные).

Возникает вопрос, когда суд может оставить формально недействительную сделку в силе? Ответ очевиден: только в случаях, если отсутствуют объективно необходимые дополнительные материальные основания недействительности данной сделки. Понятно, что эти дополнительные материальные основания лежат за пределами формальных оснований недействительности, указанных в законе.

Однако то, что они должны иметь место, сомнений не вызывает: у суда должны иметься объективные критерии (основания), по которым он будет определять возможность признания сделки недействительной. На наш взгляд, этот критерий может быть только один: повлекло ли совершение сделки неблагоприятные последствия в виде нарушения чьих-либо прав или законных интересов и какова степень вредности этих последствий.

В связи с этим все основания недействительности сделок можно разделить на два вида:

а) формальные (когда для признания сделки недействительной достаточно наличия прямо указанных в законе признаков недействительности);

б) материальные (когда для признания сделки недействительной, помимо формальных признаков, требуется также наступление неблагоприятных последствий в виде нарушения чьих-либо прав и законных интересов).

Данное деление оснований не выражено в законе. Не указывается в нем и на такое «материальное» основание недействительности, как нарушение сделкой чьих-либо прав и законных интересов. Тем не менее существование такого основания вытекает из всей логической конструкции оспоримых сделок.

Как мы уже указывали, сделка как юридический факт является прежде всего волеизъявлением. Это волеизъявление всегда основано

как на воле лица, совершающего сделку, так и на воле государства, допускающего и поощряющего существование сделок соответствующего рода.

Существующий издавна спор о том, на чем в первую очередь основана юридическая сила сделки, на законе или на акте частной воли, не имеет принципиального разрешения, поскольку любая сделка в равной степени основана как на воле частного лица, так и на воле государства, выраженной в законе [5]. Поэтому при нарушении волеизъявлением одной из его составляющих (внутренней воли субъекта сделки или выраженной в законе воли государства) практически всегда одновременно нарушается и вторая составляющая. Тем не менее в зависимости от того, какая воля пострадала в большей степени, основания недействительности можно делить на те, которые в первую очередь связаны с нарушением воли частного лица, а также на те, которые связаны с нарушением воли государства, выраженной в законе.

Иными словами, основания недействительности можно подразделять:

а) на связанные с несоответствием сделки (волеизъявления) закону;

б) связанные с несоответствием сделки (волеизъявления) внутренней воле отдельного лица (сделки с пороками воли).

С приведенным основанием деления неразрывно связано также нарушение сделкой тех или иных интересов (публичных или частных), поскольку воля, выраженная в законе, отражает публичные интересы, а воля частного лица всегда отражает его частные интересы.

Это прямо следует из содержания п. 2 ст. 1 ГК РФ, в соответствии с которым граждане и юридические лица приобретают и осуществляют (т.е. действуют) свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Поэтому нарушение сделкой воли частного лица означает нарушение ею частного интереса.

Все перечисленные классификации оснований недействительности совершенно самостоятельны и не зависят одна от другой. В связи с этим конкретные составы недействительных сделок, в зависимости от своих особенностей, могут иметь только им присущий набор классификационных признаков по разным основаниям классификации.

Так, сделки с пороками содержания, с пороками воли и т.д. могут быть как с «безусловными», так и с «необязательными» основаниями недействительности. Например, мнимые сделки, являющиеся сделками с пороками воли, имеют безусловное основание недействительности, а сделки, совершенные под влиянием насилия, – необязательное основание.

Сделки, связанные с несоответствием закону, могут иметь пороки формы, пороки содержания, пороки в субъектном составе сделки.

Сделки с «материальным» составом могут нарушать частную волю и частные интересы, а могут нарушать публичную волю (закон) и публичные интересы. Сделки с пороками формы также могут нарушать публичную волю (если требование к форме сделки установлено законом), а могут нарушать частную волю (если требование к форме сделки установлено соглашением сторон) и т.д. [1].

Безусловно, существующие сегодня в законодательстве составы недействительных сделок не во всем многообразии отражают различные сочетания указанных выше видов оснований недействительности. В связи с этим не исключено появление новых оснований, которые по сочетанию своих классификационных характеристик будут являться совершенно новыми для отечественного правопорядка.

Например, недействительные сделки с пороками формы в настоящее время имеют «формальный» состав. Однако не исключено, что такие сделки могут иметь и материальный состав, тем более что первый шаг в этом направлении сделан в п. 2 и 3 ст. 165 ГК РФ. В них говорится о возможности признания действительной сделки, совершенной без требуемой законом нотариальной формы или без требуемой законом государственной регистрации.

Список литературы

1. *Гутников О.В.* Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Бератор-Пресс, 2015. 576 с.
2. *Добровольский В.И.* О признании сделок недействительными // Право и экономика. 2016. № 4. С. 25–33.
3. *Кашеварова Н.Г.* Деление недействительных сделок по действующему законодательству // Правовые вопросы недвижимости. 2016. № 2. С. 10–17.
4. *Садиков О.Н.* Гражданское право. Обязательственное право: курс лекций / под ред. О.Н. Садикова. М.: Юристъ, 2015. 843 с.
5. *Суханов Е.А.* Гражданское право. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2017. 669 с.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А.С. Григорьев, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Насилие в семье над несовершеннолетними имеет характерные признаки, связанные со спецификой механизма совершения преступлений, причин и условий, его детерминирующих, с личностью преступников, особенностями поведения потерпевшего, что требует учета при разработке специальных мер предупреждения. Однако действующая в этой сфере система предупредительных мер имеет определенные недостатки. На государственном уровне также признано, что ситуация в сфере предупреждения преступлений в отношении детей и защиты их прав является сложной и требует скорейшего принятия мер, направленных на повышение ее эффективности.

Ключевые слова: виктимология; внутрисемейное насилие; насилие против несовершеннолетних; сексуальное насилие.

Внутренние виктимогенные факторы тесно связаны с личностью потерпевшего, представляют собой такие виды виктимности, которые сами по себе детерминируют процесс его виктимизации (половозрастная, виктимность-патология и ролевая), а также такие ее разновидности, которые реализуются в поведении жертвы (виктимогенные деформации, стрессовая виктимность). Вероятность стать жертвой преступления повышается для лиц, обладающих данными видами виктимности, по сравнению с теми, которые таковых не имеют.

Между тем потерпевшими от насилия в семье несколько чаще становятся девочки (если брать показатели последних 14 лет, то в среднем это составляет 51 % от общего количества несовершеннолетних потерпевших от насильственных преступлений, совершенных в семьях). За последние годы пострадавших девочек по абсолютным показателям немногим более чем на 200 человек больше, чем мальчиков. Подчеркнем, что в половозрастной структуре детского населения (как региона, так и Российской Федерации) в возрасте 0–18 лет с небольшим преимуществом преобладают мальчики. Динамика несовершеннолетних потерпевших от насилия в семье по полу имеет волнообразный характер с периодичным доминированием то мальчиков, то девочек. Рост девочек-потерпевших в отдельные периоды связан, как правило, с ростом

числа зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности (изнасилований и насильственных действий сексуального характера) [4].

Здесь сразу же необходимо оговориться, что в отношении девочек и мальчиков совершаются «разные» преступления. Так, изучение материалов уголовных дел о насильственных преступлениях в семьях в отношении детей показывает, что потерпевшими от сексуального насилия в семье чаще становятся девочки (98,6 % от числа сексуальных насильственных преступлений в отношении детей), чем мальчики (1,4 %), что также отчасти обусловлено спецификой составов преступлений, предусмотренных ст. 131–133 УК РФ.

Однако сексуальное насилие в отношении мальчиков носит более тяжелые и извращенные формы, чем в отношении девочек. Низкие показатели количества потерпевших от сексуальных посягательств в детском возрасте лиц мужского пола связаны еще и с тем, что мальчики чаще стремятся преуменьшить такой «постыдный» опыт или вовсе не упоминать о нем, они испытывают большие трудности при разговоре на тему сексуального злоупотребления [1]. Заметим, что сексуальное насилие является наиболее скрытой формой насилия в семье в отношении несовершеннолетних ее членов.

В случае внутрисемейного насилия вследствие закрытости семьи от внешнего контроля, зависимости ребенка от взрослых членов семьи вероятность выявления сексуального посягательства является минимальной. Возможность манипулировать ребенком, использовать его доверие, контролировать ситуацию в семье, наличие времени, необходимого для постепенного вовлечения ребенка в сексуальные отношения, обуславливает крайне редкое использование физического насилия или угроз в случаях incesta [1]. Девочки несколько чаще становятся жертвами неисполнения обязанностей по воспитанию, сопряженного с жестоким обращением (61 % от количества несовершеннолетних потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ). Между тем большее количество мальчиков страдает от «рукоприкладства» и различных угроз причинения тяжкого вреда здоровью и убийства (преступлений, предусмотренных ст. 112, 115–117, 119 УК РФ). Намного чаще, чем девочки, мальчики становятся жертвами убийств и причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 105, 111 УК РФ). В 52 % побоев, истязаний, причинения вреда здоровью (за исключением тяжкого) 78,6 % причинения тяжкого вреда здоровью, 75 % убийств в исследуемый период совершено в отношении мальчиков [3].

Стоит отметить, что анализ личностных характеристик потерпевших от сексуального насилия в семье в сравнении с аналогичными характеристиками преступника показывает, что наибольшее распространение имело сочетание «девочка-потерпевшая – мужчина-преступник» (98,6 %), в остальных случаях – «мальчик-потерпевший – мужчина-преступник» (1,4 %). Случаев совершения рассматриваемой категории преступлений женщинами не установлено, что также обусловлено спецификой рассматриваемой совокупности преступлений. Мужчина-преступник в большинстве случаев являлся отчимом (мужем либо сожителем матери) для потерпевшей (6,7 %), отцом (47,2 %) либо дядей или иным родственником (44,6 %). Так, изучение материалов уголовных дел показало, что сочетание «мальчик-потерпевший – мужчина-преступник» имело место в 38 % случаев совершения преступлений, предусмотренных ст. 112, 115–117, 119 УК РФ, 42,9 % – при причинении тяжкого вреда здоровью, 62,5 % – убийств.

При этом 51,4 % преступлений, предусмотренных ст. 112, 115–117, 119 УК РФ, совершено отцами, 3,1 % – отчимами, 28,6 % и 0,3 % соответственно – матерями и приемными матерями, 1,1 % – опекунами, 15,5 % – иными родственниками (из них по 0,3 % – бабушками и дядями, 0,6 % – сестрами и братьями и др.); по 33,3 % убийств совершено отцами, братьями и сестрами, 33,4 % – иными родственниками; в 35,7 % случаев тяжкий вред здоровью детей причинен их матерями, в 21,4 % – отцами, в 14,2 % – братьями и сестрами, в 28,6 % – иными родственниками [1].

Таким образом, виктимизации от насилия в семье подвержены практически в равной степени как девочки, так и мальчики. Между тем девочки чаще становятся жертвами сексуального насилия, что свидетельствует о половой виктимности, в силу которой они выбираются в качестве таковых, мальчики – «рукоприкладства» в различных его проявлениях.

Динамика их количества за исследуемый период «изменялась» незначительно. Доля несовершеннолетних потерпевших превышала долю малолетних лишь в 2008, 2011 гг. При этом необходимо отметить, что численность детей в возрасте от 0 до 14 лет (малолетних) превышает численность детей (как в целом по стране, так и в исследуемой совокупности субъектов региона) с 14 до 18 лет (несовершеннолетних) [4]. Однако данный факт не является основным объяснением вышеуказанной тенденции.

Однако основной причиной того, что малолетние становятся чаще жертвами рассматриваемого круга преступлений из-за возрастных осо-

бенностей, именно вследствие состояния беспомощности, неспособности защитить себя и оказать сопротивление, в силу нахождения в испуганном состоянии, «непонимания» происходящего с ними (они не воспринимают это как насилие, тем более, что оно исходит от «родных», чаще всего полагают, что происходящее является наказанием за их проступки или «неправильное» поведение либо игрой).

Виктимологи справедливо замечают, что уязвимость потерпевшего находится в прямой зависимости от его способности оказать сопротивление преступнику и реализации этой способности [4]. Изложенное позволяет сделать вывод, что несовершеннолетние становятся жертвами рассматриваемого круга преступлений именно в силу возрастной виктимности (77,2 %). Возрастная виктимность ярко проявляется у потерпевших – детей младенческого, дошкольного и начального школьного возраста.

Следует сделать вывод, что в России типичные виктимогенные ситуации насилия в семье в отношении несовершеннолетних различаются в зависимости от «вида» насилия. Для одних из самых распространенных преступлений применительно к предмету исследования – против жизни и здоровья детей (ст. 112, 115–117, 119 УК РФ и др.) характерно совершение их в вечернее (несколько реже в дневное) время, чаще по месту жительства потерпевшего либо преступника (98 %), мужчиной – родственником, в каждом третьем случае находящимся в состоянии алкогольного опьянения, при ситуации семейного конфликта, возникающего как между взрослыми, так и между взрослым членом семьи и ребенком. При этом поведение потерпевшего может быть как нейтральным (жертвой ребенок становится в силу присущей ему виктимности, попадает «под руку», именно на ребенке срывается накопившаяся агрессия – 57,1 %), так и виктимным (42,8 %) (социально одобряемым (66,6 %) и социально неодобряемым (33,3 %), последнее может быть выражено как в отрицательно-невиновном поведении, так и виновном) [3].

Для тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья (ст. 105, 111 УК РФ) свойственно совершение преступлений в ночное и дневное время (несколько реже в вечернее) по месту жительства потерпевшего и преступника, мужчиной – родственником, практически в каждом втором случае находящимся в состоянии алкогольного опьянения при ситуации семейного конфликта, возникающего как между взрослыми, так и между взрослым членом семьи и ребенком [4].

При этом поведение потерпевшего в предкриминальной и криминальной ситуации при причинении тяжкого вреда здоровью может быть как нейтральным (жертвой ребенок становится в силу присущей

ему виктимности – возрастной либо патологии – 21,4 %), так и виктимным (78,6 %) (социально одобряемым (66,6 %) и социально неодобряемым (33,3 %), последнее может быть выражено как в отрицательно-невинном поведении, так и виновном). В случае совершения убийств в 66,6 % поведение потерпевших являлось нейтральным, жертвы стали таковыми в силу присущей им возрастной виктимности (75 %) либо виктимности-патологии (25 %), либо виктимным – виновным, а именно социально неодобряемым, неправомерным, провокационным (100 %).

Для преступлений против семьи и несовершеннолетних – неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, сопряженных с жестоким обращением – характерен «длящийся характер», независимо от времени суток, года и дней недели, совершение женщинами, в каждом пятом случае систематически злоупотребляющими алкогольными напитками, ведущими аморальный образ жизни, безразлично относящимися к своим детям, их воспитанию и содержанию, не обеспечивающих их едой, одеждой, уходом, медицинскими препаратами и др. В большинстве случаев ребенок становится жертвой по месту жительства преступника и потерпевшего, в силу присущей ему виктимности, как правило, возрастной, реже виктимности-патологии.

Подвергнуться риску насилия в семье могут практически в равной мере как девочки, так и мальчики, но по статистике в отношении девочек совершается насильственных преступлений в семье несколько больше.

В отношении девочек и мальчиков совершаются «разные» виды преступлений. Девочки в большей степени подвергаются сексуальному насилию. Мальчики чаще становятся жертвами «рукоприкладства», в отношении них совершаются такие преступления, как побои, истязания, причинение разной степени тяжести вреда здоровью, убийства и др.

Практически в два раза чаще, чем несовершеннолетние, жертвами насилия в семье становились малолетние, т.е. лица, не достигшие 14 лет (в соотношении 2:1). В большей степени это обусловлено возрастной виктимностью малолетних, так как они не могут оказать сопротивление, дать отпор, не всегда понимают смысл происходящего с ними. Для несовершеннолетних жертв насилия в семье чаще всего характерно нейтральное поведение (81,8 %), нежели виктимное (18,2 %) [5].

Существенное влияние на виктимизацию несовершеннолетнего оказывают внешние виктимогенные факторы, в частности ситуация совершения преступления, для которой свойственно наличие семейного конфликта, либо наличие условий, облегчающих процесс совершения

преступления. Таким образом, виктимизация несовершеннолетних жертв насилия в семье обусловлена действием в различной степени всех групп виктимогенных факторов.

Список литературы

1. *Зырянова Ю.В., Савельева Ю.И.* Региональная характеристика насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи и его предупреждение. Абакан: Март, 2009. 150 с.
2. *Зырянова Ю.В., Савельева Ю.И.* Точка зрения. Структура насильственной преступности над несовершеннолетними членами семьи // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2010. № 3. С. 96–100.
3. *Ильяшенко А.Н.* Борьба с насильственной преступностью в семье. М.: ВНИИ МВД России, 2003. 186 с.
4. *Ривман Д.В., Устинов В.С.* Виктимология. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2000. 332 с.
5. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология. Криминофамилистика. 2-е изд. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

А.С. Григорьев, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Современное состояние корыстно-насильственной преступности в России характеризуется сохранением негативных тенденций, связанных с сохранением количества совершаемых корыстно-насильственных преступлений, а по отдельным их видам – ростом. Последнее особенно проявляется применительно к хищениям.

Ключевые слова: насильственная преступность; хищение имущества; насильственный грабеж; умысел, угроза; вымогательство.

Исследование хищений в уголовно-правовом аспекте невозможно без тщательного криминологического изучения судебной и иной правовой статистики по преступлениям исследуемой тематики.

Хищение чужого имущества, совершенное открытым способом посредством изъятия чужого имущества без насилия, либо с насилием, не опасным для жизни и здоровья, либо соединенное с угрозой такого насилия, получило название «грабеж». Хищение считается открытым, если оно совершается в присутствии лиц, в собственности, ведении или под охраной которых находится данное имущество, эти лица осознают,

что совершается хищение, а виновное лицо понимает, что присутствующие лица осознают противоправный характер его действий. Как отмечает Р.Е. Харин, вопрос об открытом характере хищения решается по субъективным критериям, насколько потерпевший и виновный воспринимают происходящее [4].

Насильственное завладение имуществом уже на протяжении длительного времени является предметом пристального внимания уголовно-правовой науки. На эту тему писали такие выдающиеся ученые, как А.И. Бойцов, О.А. Буркина, В.А. Владимиров, Л.Д. Гаухман, Н.А. Лопашенко, И.С. Тишкевич, В.В. Хилюта и др. Несмотря на это, сказать, что сегодня эти вопросы решены в полном объеме и не вызывают трудности в практической деятельности, нельзя. Еще остаются нерешенными вопросы по правовой оценке хищений, совершаемых с применением различных предметов, используемых в качестве оружия. Не до конца решены проблемы с квалификацией хищений, совершенных с использованием ядовитых или отравляющих веществ. И одна из основных проблем в квалификации насильственных хищений – это применение угрозы насилия для завладения имуществом. Определить качество и интенсивность угрозы, ее реальность для потерпевшего достаточно сложно, особенно когда следует дать правовую оценку влияния этой угрозы на жизнь и здоровье человека. Для решения этой проблемы остановимся на общей характеристике насильственного грабежа [3].

Насильственный грабеж – это открытое хищение чужого имущества с применением не опасного для жизни или здоровья насилия, либо с угрозой его применения. Грабеж считается оконченным, если имущество фактически изъято и у виновного появилась возможность пользоваться этим имуществом или распоряжаться им по своему желанию. Если в ходе противоправных действий у виновного лица не было умысла на завладение имуществом в корыстных целях, то такие действия образуют составы других преступлений, а не грабежа. Если умысел на хищение имущества возник у виновного при совершении другого преступления, например изнасиловании, хулиганстве и т.д., то квалификация хищения будет зависеть от установления, с какой целью виновное лицо изъяло имущество [1]. При установлении корыстной цели деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений: как изнасилование или хулиганство, и соответствующая форма хищения – кража, грабеж или разбой.

Уголовным кодексом РФ не предусмотрено совершение двух и более грабежей в качествеотягчающего обстоятельства. Следовательно,

при совершении лицом нескольких грабежей, уголовная ответственность наступает за каждое совершенное преступление, и наказание назначается также по каждому преступлению. Окончательное наказание определяется на основании ч. 2 и ч. 3 ст. 69 Уголовного кодекса РФ, т.е. оно не может превышать более чем на половину максимального срока или размера наказания, назначенного за наиболее тяжкое преступление. Совокупность преступлений при грабеже следует отличать от продолжаемого хищения. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, продолжаемое хищение состоит из ряда тождественных действий, направленных на противоправное изъятие чужого имущества из одного и того же источника. Такие действия объединены единым умыслом, составляющим в своей совокупности единое преступление [2].

Если потерпевший не испытывал дискомфорта в процессе отчуждения имущества, такие действия не могут быть квалифицированы как насильственный грабеж. Как правило, в таких случаях деяние виновных следует квалифицировать как мошенничество.

Еще одна проблема возникает при совершении насильственного грабежа, когда потерпевший не осознает характер открытого хищения [5].

Сложнее произвести квалификацию при угрозе применения насилия, ведь любой потерпевший будет оценивать такую угрозу как посягающую на его жизнь и здоровье. В связи с этим возникает проблемы отграничения грабежа от смежных составов преступления, сходных по конструкции юридического состава преступления, таких как насильственный грабеж, разбой и вымогательство. Как мы полагаем, различия между ними надо проводить на основе анализа юридических признаков.

В соотношении грабежа и вымогательства сходные признаки наблюдаются в объекте, объективной стороне преступления, а также по личности виновного. Однако можно выделить и отличия. Объектом для обоих преступлений выступает собственность. Однако при грабеже предметом является чужое имущество, а при вымогательстве предмет более широк. Сюда можно отнести не только имущество, но и право на имущество, а также требование совершения действий имущественного характера. Физическое насилие также не тождественно. При грабеже оно должно быть не опасным для жизни и здоровья, а при вымогательстве может быть как неопасным, так и опасным для жизни и здоровья. Более того, при вымогательстве как правило насилие применяется не немедленно, а в отдаленном периоде времени.

При соотношении насильственного грабежа и разбоя трудности возникают в тех случаях, когда виновный угрожает насилием, причинение которого может вызвать различные последствия, от побоев до

наступления смерти. Квалификация действий виновного в таких случаях зависит от субъективного восприятия потерпевшим всех обстоятельств дела и непосредственно угрозы.

В связи с этим возникает вопрос, как квалифицировать деяние, если применяемое насилие имело психологический характер, но исходящая угроза ставила в опасность жизнь или здоровье потерпевшего? На наш взгляд, ключевым моментом в решении этого вопроса является понятие «нападение». Если для хищения чужого имущества совершено нападение, то независимо от вида насилия (физическое или психологическое), угрозы его применения или его фактического осуществления, деяние следует квалифицировать как разбой. Другими словами, нападение, сопряженное с насилием, независимо от его вида, образует состав разбоя.

Отличительным различием грабежа от разбоя является степень интенсивности и объем насилия, а также то, что насилие при разбое всегда реализуется через нападение. Что же такое нападение? Это внезапный для потерпевшего акт агрессии [4]. Применительно к разбою, такой акт агрессии должен быть направлен на потерпевшего, но конечной целью посягательства должно быть имущество потерпевшего. Нападение может быть как открытым, осознанным для пострадавшего, так и неожиданным для него, когда он не наблюдает насильственное воздействие. Например, когда виновное лицо наносит удар сзади.

Таким образом, при разграничении насильственного грабежа и разбоя следует учитывать характер и объем насилия. Если это насилие является опасным для жизни и здоровья потерпевшего, то действия виновного образуют состав разбоя. Если же насилие является не опасным для потерпевшего, его жизни и здоровья, то квалификация деяния зависит от того, осознавал ли потерпевший противоправность изъятия имущества. При положительном ответе на этот вопрос деяние образует состав грабежа, при отрицательном – кражу.

Список литературы

1. *Кириенко Н.Г.* Судебная практика о характеристике насилия, не опасного для жизни или здоровья, при квалификации грабежа // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14–2. С. 38–39.
2. *Окс Л.Е.* Криминологическая и виктимологическая характеристика грабежа как корыстно-насильственного преступления против собственности // Общество и право. 2008. № 2 (20). С. 198–203.
3. *Садыков А.У.* Теоретические аспекты объективных признаков грабежа // Общество и право. 2009. № 2 (24). С. 280–285.

4. Харин Р.Е. Правовые основы ответственности за грабеж // Уголовное и уголовно-исполнительное право // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 34. С. 223–227.
5. Челябинова З.М. Уголовно-правовая характеристика насилия в грабеже и разбое // Гуманитарные исследования. 2014. № 4 (52). С. 138–143.

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ НОРМАТИВНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

В.Ю. Данилова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Существенную роль в совершенствовании законодательства играет судебная практика. Учет судебной практики в законодательном процессе – важная научно-практическая задача. Любым изменениям, которые предполагаются к внесению в законодательство, должно предшествовать изучение эффективности их регулирующего воздействия.

Ключевые слова: судебная практика; учет судебной практики; влияние судебной практики; законодательство; диалектика; диалектическая логика.

Диалектика философских парных конструкций неизбежно влечет также восхождение от конкретного к абстрактному, обратное движение от единичного к общему. Деятельность по образованию правовых норм и их применению также пронизывает диалектическая связь, оба явления представляют собой компоненты процесса развития права.

При этом, аксиоматическое положение о том, что диалектическая связь, соединяющая как общее и единичное, так и нормативное и индивидуальное, является двусторонней, незаслуженно остается без внимания. Учитывая состояние современной российской правовой системы, при которой значение судебной практики для совершенствования законодательства возросло многократно, обращение к исследованию воздействия индивидуального на нормативное актуально и требуется.

В концептуальном осмыслении заявленной проблемы следует отталкиваться от базовых парных категорий диалектики: абстрактное и конкретное, общее и единичное, которые являются первичными для рассмотрения взаимосвязи нормативного и индивидуального.

Категория единичного отражает индивидуальную, неповторимую специфику объекта исследования. Общее – это признак объекта, по которому он является сходным с другими объектами. Данный признак служит для объединения объектов в одну группу, класс, род. В контексте исследования категория «абстрактное» рассматривается синонимично общему, «конкретное» – индивидуальному.

Поскольку стадия восхождения от конкретного к абстрактному является начальным этапом формирования понятия в диалектике, именно к ней следует обратиться как к отправной точке в исследовании проблемы.

Как указывает В.М. Сырых, целью данной стадии является познание сущности отдельных правовых явлений с одновременным установлением их признаков, которые соответствуют трем критериям:

1) выступают общими для наблюдаемой совокупности явлений и процессов;

2) отличают исследуемые явления от совокупности сходных с ними явлений;

3) характеризуют сущность исследуемых явлений и процессов [6].

Движение от конкретного к абстрактному применимо и актуально для познания процессов и явлений в сфере правового регулирования. Общеизвестный факт, что правовая норма регулирует общественные отношения. Многообразие отдельных общественных отношений безгранично. Каждое из них обладает набором конкретных, присущих исключительно ему характерных черт. Нахождение в правовой действительности полностью тождественного общественного отношения практически исключается по причине оригинальности его характеристик. Собственный качественный набор каждого общественного отношения являет собой единичное или отдельное в праве.

В каждом отдельном, несмотря на его качественную оригинальность, возможно усмотреть предпосылки общего. Выявляются повторяющиеся моменты, сходные черты и признаки, тем самым выделяется то общее, что характерно для группы отношений. От остальных свойств, которые не входят в сферу общего, необходимо абстрагироваться. Законодательный орган до момента принятия соответствующего правотворческого решения изучает и анализирует широкий спектр общественных отношений на предмет отнесения их к одному объекту исследования. Изыскать в группе отдельных общественных отношений общее – сложная задача, которая стоит перед законодателем. Для ее достижения законодатель оперирует различными логическими операциями, как обобщение, абстрагирование и пр.

Обобщение и абстрагирование относятся к общелогическим методам исследования. Абстрагирование – это процесс мысленного отвлечения от ряда свойств и отношений исследуемого явления, при котором выделяются его существенные, интересующие исследователя свойства. Главным вопросом абстрагирования является выяснение того, какие из рассматриваемых свойств являются существенными, а какие второстепенными. Этот вопрос решается в каждом конкретном случае в зависимости от природы изучаемого предмета.

Обобщение тесно связано с абстрагированием и представляет собой процесс установления общих свойств и признаков предмета.

Как указывает Д.А. Керимов, в праве существует такое общее, которое воплощает в себя не любые, а лишь закономерные свойства, связи и отношения правовых явлений. Общее в праве отличается от отдельных проявлений права тем, что вбирает в себя только существенное содержание отдельных правовых явлений. Если правовое содержание в отдельном его проявлении непосредственно сливается со своей формой существования, то в правовом общем она отдалается от формы своего конкретного существования, обретает новую форму, объединяя и организуя уже синтезированное содержание отдельных правовых проявлений. В этом качестве общее доминирует, господствует, властвует над отдельным, единичным правовым явлением [4].

В результате выявления в группе общественных отношений общих, наиболее типизированных и важных черт законодатель предусматривает нормативную регуляцию для подобных общественных отношений. Урегулирование определенных общественных отношений нормой закона представляет собой переход от единичного к общему. В дальнейшем норма права как общая категория проявляет себя в правоприменительной деятельности, т.е. в процессе многократного воздействия на единичные акты поведения. В философской мысли данный процесс представляет собой процесс восхождения от абстрактного к конкретному [6].

С позиций диалектической логики, поскольку абстрагировать означает не только выделять мыслимые специфические различия реальных явлений, но и вычленять одновременно определенную сторону объективной действительности, а конкретное, как категория диалектической логики, выражает не противопоставление сущего мыслимому, а единство их противоположностей, то истинное отношение между ними есть отношение органического целого (конкретное) и вычлененного в нем момента, стороны, «клеточки» (абстрактное) [3].

В качестве абстрактного, из которого исключено все единичное, рассматривает нормы и принципы права В.В. Ершов. Развитие правового регулирования он рассматривает в качестве движения от абстрактных норм и принципов права к «богатому конкретному», т.е. индивидуальному регулированию конкретных общественных отношений. Конкретное определяется как результат, отражающий детальные особенности регулируемого индивидуального общественного отношения. При этом ученый оговаривается, что разграничивая «абстрактное», т.е. правовое регулирование от индивидуального, необходимо обратить внимание на их объективную взаимосвязь.

Погружаясь в исследование нормативного и индивидуального в теории правового регулирования, отметим, что при восхождении от абстрактного к конкретному, применении общей нормы к единичному акту поведения всегда сохраняется вероятность столкновения с недостаточным учетом свойств и признаков объекта в положениях правовой нормы. Более того, в контексте сферы правового регулирования наступление подобных ситуаций объективно обусловлено. Каждое конкретное в правовой действительности развивается.

Иными словами, общественные отношения, которые уже подверглись обобщению и регулируются абстрактной правовой нормой, разрастаются и требуют дополнительной правовой регуляции, либо, напротив, частично изживают себя, что также требует актуализации и корректировки нормативного регулирования. Обнаруживает подобные сферы общественных отношений судебная практика.

Многообразие общественных отношений не завершается принятием правовой нормы. В процессе судебной практики правовая норма получает свое дальнейшее развитие. В результате применения правовой нормы к фактическим составам в судебной практике формулируются определенные положения – правоположения, правовые позиции, которые конкретизируют правовую норму. Подобные правоположения выступают результатом обобщения конкретных, единичных явлений. Они применимы к сходным общественным отношениям и сопровождают правовую норму при ее последующем применении. В результате многократного применения к типизированным общественным отношениям они приобретают заметную степень общности.

Каждое судебное разбирательство требует от судьи глубокого мыслительного анализа, при котором абстрактная правовая норма применяется к конкретному общественному отношению. Достижение в процессе правоприменения максимального учета особенностей единичного общественного отношения обеспечивается путем конкретиза-

ции правовой нормы. Итогом процесса конкретизации выступают противоположения судебной практики, которые являются одним из звеньев диалектической связи конкретное – абстрактное. Абстрактной категорией в данной связной цепи выступает норма права. Она же является и объектом воздействия.

«Юридическая абстракция рождается на почве правовой практики, резюмирует, концентрирует, упорядочивает многосторонний практический опыт возникновения, действия и развития права», – отмечает Д.А. Керимов. Кроме того, в своих рассуждениях автор апеллирует к соотношению абстрактного и конкретного с целым и частью, общим и единичным, через которые наглядно обнаруживается их противоположность, единство и переход одного в другое. Указанные противоположности систематически переходят друг в друга [4].

В диалектической связи правового регулирования и судебной практики А.Б. Венгеров выделяет:

- судебную практику в качестве регулятора;
- правовое регулирование как регулируемый объект;
- «обратную связь» как определенный механизм учета результата поставленным целям.

По мнению ученого, судебная практика является одним из аспектов «обратной связи», демонстрирует эффективность нормативного правового регулирования, отражает факт воздействия общественных отношений на правовые нормы [1].

Идеи о взаимодействии философских категорий «конкретное» и «абстрактное», а точнее о восхождении первого явления ко второму, встречаются в рассуждениях В.П. Реутова. Применительно к правовому регулированию он указывает, что нормативное и индивидуальное находятся в постоянном взаимодействии, при этом индивидуальное является элементом нормативного, органично вплетено в него. Справедливы его рассуждения, что индивидуальное правовое регулирование оказывает существенное влияние на формирование правовых норм. Влияние осуществляется через противоположения, которые формируются в ходе юридической практики, прежде всего – правоприменительной, и могут впоследствии быть перенесены в законодательство [5].

Таким образом, идея о взаимодействии нормативного и индивидуального в правовом регулировании проистекает из первичного философского знания о диалектике абстрактного и конкретного. Начальный этап формирования понятия в диалектике – восхождение от конкретного к абстрактному – в правовом регулировании проявляет себя в про-

цессе правотворческой деятельности. Урегулирование сходных общественных отношений нормой закона представляет собой переход от единичного к общему.

В дальнейшем диалектическая связь философских категорий проявляет себя в движении от абстрактного к конкретному. В правоприменительной практике, в частности в процессе судебной практики, наглядно обнаруживается переход от общего (нормы права) к единичному (судебному решению).

Диалектическое взаимодействие абстрактного и конкретного, общего и единичного на данном этапе не завершается, поскольку единичное оказывает обратное влияние на общее. В правовом регулировании судебная практика оказывает определенное влияние на развитие правовых норм и законодательство.

Список литературы

1. Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права: дис. ... канд. юрид. наук. М, 1965. 301 с.
2. Денисов Ю.А. Абстрактное и конкретное советском правоведении. Л.: Наука, 1987. 205 с.
3. Еришов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений // Нормативное и индивидуальное в правовом регулировании: вопросы теории и практики: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (16–20 апреля 2012 г.). М., 2013. С. 11–36.
4. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. М.: Современный гуманитарный ун-т, 2002. Т. 2. 272 с.
5. Реутов В.П. Правотворчество как правоприменительный процесс: соотношение нормативного и индивидуального // Нормативное и индивидуальное в правовом регулировании: вопросы теории и практики: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (16–20 апреля 2012 г.). М., 2013. С. 56–64.
6. Сырых В.М. История и методология юридической науки. М.: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
7. Халиков А.Н. Философия права. М.: ИНФРА-М, 2017. 602 с.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII – НАЧАЛО XX вв.)

В.Ю. Данилова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Новый виток в развитии правотворческих основ, на начальном этапе которого определяющая роль принадлежит закону как высшему источнику права в государстве. Тем не менее в скором времени судебная практика получает возможность раскрыть свой творческий потенциал, а вместе с тем косвенно корректировать и дополнять нормативные правовые акты.

Ключевые слова: судебная практика; история развития судебной практики; влияние судебной практики.

Говорить о влиянии судебной практики на законодательство в период Российской империи оправдано с 1864 г., после проведения Александром II судебной реформы. В результате модернизации правовой системы судебным органам отводится определенное место в законодательстве.

В дореформенный период, когда судебная власть еще была отделена от законодательной, в случае усмотрения судом неясности или неполноты законодательства, он обязан был сообщить о том в высшую инстанцию. Так, пройдя несколько инстанций, дело доходило до Государственного Совета и там разрешалось. «Судебные решения тогда постоянно превращались в законодательные постановления», – указывает Н.М. Коркунов [4].

Судебная система дореформенной России, на которую неизбежно оказывали влияние социальные проблемы российской действительности того времени, представляла собой беспорядочное нагромождение друг на друга учреждений, которые выполняли судебные функции или, по крайней мере, функции, напоминавшие отправление правосудия. Как уточняет А.М. Филиппов, сложившиеся порядки не могли болезненно не сказываться на правосудии. При таком порядке нельзя было ожидать, что закон будет иметь надлежащую силу [8].

Кроме того, судам было запрещено останавливать решения под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия закона, а выполнять такое требование возможно только при свободном толковании законодательных положений [4]. Судебная практика была

вынуждена преодолевать различные несовершенства в законодательстве, а потому неизбежно приобретает творческий характер.

Судебной практикой рассматриваемого периода был выявлен ряд несовершенств Уложения о наказаниях 1845 г. Так, например, практика судов показала узость закрепленного в законодательном акте понятия мошенничества, отсутствие общего понятия вымогательства, неудобство и непрактичность применяемой классификации телесных повреждений и многие другие недостатки.

При составлении Уголовного уложения 1903 г. выявленные судебной практикой недостатки не были проигнорированы. Законодатель, учитывая результаты судебной практики, восполнил пробелы в правовом регулировании. Так, в Уголовном уложении 1903 г. было закреплено более широкое понятие мошенничества и ясное общее понятие вымогательства, классификация телесных повреждений получила построение на иных основаниях, вследствие чего стала более современной.

Судебной практикой, кроме того, вырабатывались новые положения уголовно-правового характера, которые получали закрепление в общей части Уголовного уложения 1903 г. Примером может служить включение в текст закона норм, определяющих начало покушения на преступление и границу, отделяющую эту стадию от приготовления к преступлению.

Ощутимо влияние судебной практики и в сфере гражданского права. Логическим итогом стремительно развивающихся отношений гражданского оборота явилась неспособность гражданского законодательства обеспечить правовой ответ на происходящие изменения. Судебными органами было выявлено большое количество недостатков, среди которых: отсутствие общей части в гражданском законодательстве, наличие противоречивых и неструктурированных положений о правоспособности и дееспособности физических лиц, пробельность в регламентации положений, касающихся юридических лиц и сделок.

В области вещного права отсутствовало не только его общее понятие, но и разграничение между вещным и обязательственным правом. Немало пробелов оказалось в обязательственном праве: отсутствовали условия о сроках, о договорах между отсутствующими лицами и в пользу третьих лиц, условия действительности договоров были определены неточно. Учение о праве собственности не содержало принципиальных положений о способах приобретения и потери его, неполно освещались вопросы защиты владения [3].

Приведенный перечень недостатков в законодательстве Российской империи не является исчерпывающим. Подобное удручающее со-

стояние законодательства неизбежно сказывалось на отправлении правосудия. В практике Правительствующего Сената, высшего судебного органа Российской империи, наиболее часто использовалось применение права по аналогии: в случае отсутствия норм, регулирующих сходные отношения, обращались к общим принципам. В отдельных случаях, при неприменимости этих способов, Сенат осуществлял творческую деятельность, подвергая юридическому анализу возникшие случаи, и давал соответствующее их сущности разрешение, при этом руководствуясь принципами справедливости и целесообразности.

В послереформенный период развития Российской империи судебная практика переходит на новый качественный уровень, становится более единообразной и определенной, приобретает творческие черты. Как справедливо отмечает П.А. Гук, развитие судебной практики проходило во взаимосвязи с нормативными актами, которые дополнялись, развивались и изменялись судебной практикой.

Обращаясь к проблеме совершенствования законодательства, сторонники юридического позитивизма усматривали в правоприменительной деятельности возможность преодоления недостатков нормативных правовых актов. Согласно юридическому позитивизму необходимо применять аналогию закона или права, руководствуясь «духом» и «общим смыслом» закона.

Указывая в качестве примера возможность судов в Швейцарии при отсутствии законодательной нормы и обычая «разрешать дела согласно таким нормам, которые он бы сам установил, если бы был законодателем», Е.В. Васьковский отмечает опасность такого способа восполнения пробелов в законодательстве [3].

Обстоятельно указанные проблемы исследует Л.С. Белогриц-Котляревский. По его мнению, право является не только продуктом отвлеченной мысли, оно также создается на почве жизненных потребностей, которые разнообразны и изменчивы.

Потому, как бы успешно ни функционировала законодательная деятельность, право не может поспеть за всеми течениями жизни. Судья, как «непосредственно стоящий у самого очага жизни проводник закона», раньше других познает особенности отношений, еще не закрепленных в законодательстве [1].

Л.С. Белогриц-Котляревский приходит к выводу, что в итоге именно судья формулирует новое правовое убеждение, которое впоследствии распространяется в результате многократного применения и вместо закона становится правилом поведения.

Рассуждения о недостатках законодательства присутствуют в трудах П.И. Беляева. В преодолении недостатков законодательства автор усматривает большое значение суда и судебной практики. Так, законодатель в некоторых случаях, даже предвидя развитие и изменение определенных общественных отношений, оставляет их без упорядочения, поскольку не имеет на настоящий момент достаточного количества ресурсов. В данном случае законодатель предоставляет их разработку судебной практике. Например, закон предоставляет судебным учреждениям возможность установить меру гражданских последствий правонарушения или установить признаки убытков, которые составляют для лица, которому причинены убытки, право на их возмещение [2].

Таким образом, закон, устанавливая общие рамки в регулировании определенных общественных отношений, оставляет за судебной практикой разработку более конкретизированного материала в сфере регулирования этой категории общественных отношений.

Иная ситуация, когда в процессе судебной практики вырабатываются положения, имеет место при отставании законодательства от развивающихся общественных отношений. В данном случае, как указывает П.И. Белов, возникает законодательствование судьи, в результате которого создаются нормы, примиряющие столкнувшиеся частные интересы между собой и с общественными интересами [7].

Как отмечает С.В. Липень, размышления С.Ф. Кечекьяна обладают исключительным значением для своего исторического периода. Так, в рассмотренной выше научной статье идеи «свободного права» впервые получили сознательное признание и развитие в советской научной литературе. Кроме того, указанная статья представляет собой единственную попытку определить теоретическую пригодность идей «свободного права» в России [6].

В активном развитии судебной практики происходит резкий спад на фоне революционных событий 1917 г. Советский период в истории отечественного государства (1917–1991) следует выделить в качестве самостоятельного, третьего этапа в развитии теории механизма воздействия судебной практики на законодательство. Несмотря на невысокий статус суда в структуре государственных органов, судебная практика играет определенную, хоть и невесомую, роль в развитии законодательства.

С образованием СССР (1922) законодательство и право претерпевают серьезные изменения. Революционное правосознание как источник права утрачивает свое значение. Складывается социалистическая система права, при которой главенствующее положение занимает не закон, а партийно- административные решения. Роль суда сводится к

применению права при рассмотрении конкретных дел и обобщению судебной практики. Большое внимание суд и судебная практика завоевывают в кругах научной общественности. Многочисленные научные исследования (1960–1980) посвящаются изучению различных аспектов судебной практики, в том числе выходит в свет фундаментальное для своего времени коллективное монографическое исследование «Судебная практика в советской правовой системе» (1975). Кроме того, в этот период осмысливаются идеи о возможном влиянии судебной практики на законодательство (А.Б. Венгеров, В.П. Реутов, С.Н. Братусь и др.).

Современное российское государство (1993 г. – по настоящее время). Статус суда и судебной власти в структуре государственных органов Российской Федерации претерпевает значительные изменения в сравнении с советским периодом. Расширение компетенции судебных учреждений, появление новых категорий дел в сфере их деятельности, закрепление новых процессуальных форм деятельности и возрастание авторитетности суда – эти и другие факторы привели к проникновению судебной практики в различные отрасли законодательства. Роль суда и судебной практики в совершенствовании законодательства возрастает многократно, что неизбежно вызывает интерес со стороны научной общественности.

Исследование генезиса проблемы воздействия судебной практики на законодательство, которую верно было бы охарактеризовать как глобально- историческую, позволяет обозначить основные этапы развития теории механизма воздействия судебной практики на законодательство в отечественной правотворческой традиции, а также в истории зарубежных государств.

Современный этап в развитии исследуемой проблематики в истории зарубежных правовых систем исчисляется с первых десятилетий XX в. и характеризуется появлением социологических теорий, сторонники которых привлекают внимание к роли в правотворческой деятельности различных социальных факторов, в том числе и судебной практики. Фундаментальное значение для теоретического развития проблемы воздействия судебной практики на законодательство имеет теория «свободного права», в рамках которой впервые глубоко исследуются внутренние закономерности судебной деятельности, приобретающей творческий характер.

Таким образом, истоки формирования теоретических проблем судебной практики и развития законодательства обнаруживаются уже в период Древнерусского и средневекового российского государства. Эволюция законодательства происходит под значительным влиянием

судебной практики, которая инкорпорируется в известные законодательные памятники. Значение судебной практики для развития законодательства минимизируется в период Российской империи. Государственные преобразования и активизация правотворческой деятельности приводят к безусловной монополии закона среди источников права.

Ключевым событием в истории отечественной правовой системы для постановки проблемы воздействия судебной практики на законодательство является проведение в 1864 г. судебной реформы Александра II. Деятельность судьи приобретает творческий характер, в результате чего судебная практика становится ориентиром для законодателя и обозначает сферы общественных отношений, которые требуют законодательных решений. Результаты судебной практики в ряде случаев закрепляются в нормативных правовых актах. Распространение социологических теорий, среди которых и идеи школы «свободного права», способствуют осмыслению проблем судебной практики и развития законодательства на просторах науки.

Революционные события 1917 г. и дальнейшие реформы, проводимые в советский период, нивелируют статус суда в структуре государственных органов. Несмотря на ограниченные полномочия советских судов, судебная практика сохраняет незначительную роль в развитии законодательства.

Становление новой российской государственности ознаменовало совершенно новый виток в развитии проблемы воздействия судебной практики на законодательство. Значение суда и судебной практики возрастают, поэтому научно перспективно исследовать проблему воздействия судебной практики на законодательство с применением категории «правовой механизм».

Список литературы

1. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Творческая сила обычая в уголовном праве. Ярославль, 1890. С. 7–12.
2. *Беляев П.И.* Судья и закон // Вопросы права. 1911. № 2. 42 с.
3. *Васьковский Е.В.* Правотворческая деятельность новых судов в сфере процесса и права гражданского // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. За пятьдесят лет: в 2 т. и доп. том. Пг., 1914. Т. 2. С. 385.
4. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории. М., 2010. С. 393–394.
5. *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России. История. Документы: в 6 т. Т. III: От свода законов к судебной реформе в 1864 г. М.: Мысль, 2003. 893 с.
6. *Липень С.В.* Идеи «свободного права» в юридической науке дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 240 с.

7. *Муромцев С.А.* Суд и закон в гражданском праве // Юридический Вестник. 1880. Т. 5. № 11–12. С. 386–388.
8. *Филиппов М.А.* Судебная реформа в России. Судостроительство. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1871. С. 55–56.

МЕТОДЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

М.П. Делягина, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Активизация борьбы с коррупцией в КНР справедливо связывается с именем Си Цзиньпина, который пришел к власти в 2013 г. Однако, строго говоря, он не был первым правителем, призвавшим искоренять этот порок. Фактически Китай – страна с очень древними и глубоко укорененными коррупционными традициями, неудивительно, что и войну мздоимству власти уже объявляли неоднократно. Но есть в сегодняшней кампании ряд особенностей, заставляющих относиться к ней весьма серьезно. В статье постараемся разобраться, почему именно борьба с коррупцией стала одним из приоритетов правления действующей власти и какие у этого могут быть политические последствия.

Ключевые слова: коррупция в Китае; борьба с коррупцией; антикоррупционная политика; партия; коммунистическая партия.

Важным этапом антикоррупционной кампании в КНР стал 2002 г. На XVI Съезде Коммунистической партии Китая (далее – КПК) отдельное внимание было уделено основным принципам создания новой системы борьбы с коррупцией. Особое внимание было уделено следующим мерам:

- развитие демократии и институциональной инновации;
- усиление воспитания, ужесточение контроля и предотвращение и устранение разложения в самих его истоках;
- совершенствование системы руководства и рабочего механизма борьбы против разложения;
- формирование «равнодействующих сил» предупреждения разложения и наказания за него [3].

На XVIII съезде КПК Генеральный секретарь Коммунистической партии Си Цзиньпин обозначил коррупцию как одну из главных проблем государства [4].

В 2017 г. на XIX съезде КПК было решительно заявлено о продолжении политики борьбы с коррупцией. Проблеме антикоррупционной политики был посвящен целый раздел № 6. «Завоевать превалирующую победу в борьбе с коррупцией. Только упорство и настойчивость в постоянном ведении борьбы с коррупцией, улучшение работы по применению как паллиативных, так и радикальных мер, сохранение честности кадровых работников, неподкупности правительства и чистоплотности в политике позволят преодолеть историческую цикличность, обеспечить долгосрочный порядок и стабильность в партии и государстве.

В настоящий момент борьба с коррупцией по-прежнему остается суровой сложной, поэтому решимость в закреплении подавляющего перевеса и завоевании превалирующей победы должна быть непоколебима как монолит. Твердо придерживаясь принципа «в борьбе с коррупцией не должно быть запретных зон, необходим полный охват и нулевая толерантность», необходимо сохранять эффект жесткого сдерживания, высокой напряженности и постоянного устрашения, твердо стоять на позиции одновременного расследования фактов как взяточничества, так и подкупа, решительно пресекать любые попытки формирования внутри партии группировок интересов. В городских и уездных парткомах необходимо ввести систему инспекционного контроля, призванную наращивать динамику решения коррупционных проблем, возникающих под боком у населения. Куда бы коррупционеры ни убежали, необходимо их поймать, передать в руки правосудия и наказать в соответствии с законом.

Следует стимулировать государственное антикоррупционное законодательство, создать площадки изобличения в правонарушающих действиях и представления соответствующих донесений, охватывающие всю систему дисциплинарной проверки и контроля. Необходимо наращивать силу устрашения, мощь которой вынудит не осмелиться стать коррупционером. Следует плотнее плести «клетку» порядка, чтобы никто не мог заниматься коррупционной деятельностью, и укреплять сознательность, чтобы никто не хотел заниматься коррупцией, чтобы неустанными усилиями добиться в стране полного спокойствия, порядка и прозрачности политики [1].

КНР имеет два вида обозначения борьбы с коррупцией:

1. Уголовно-правовое обозначение. Коррупция – взяточничество. Взятничество и подкуп обозначаются термином «хуэйлу» (huìlù), также существует термин «тань у» (tanwu), означающий хищение или казнокрадство.

2. Политико-нравственное обозначение коррупции. Коррупция как синоним «разложения». Данное значение коррупции обозначается словом «фубай» (fǔ bài), которое используется в значении «загнивать, разлагаться». Данное понятие распространяется на все антиобщественные и корыстные деяния чиновников, пользующихся своим должностным положением для получения привилегий, выгод, льгот или приобретения имущества.

КНР формируется как правовое, суверенное, светское, социалистическое государство с китайской спецификой. По словам Си Цзиньпина, идеи были сформированы после сложных теоретических исследований [1].

«Идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи четко определяют сохранение и развитие социализма с китайской спецификой, генеральной задачей которого является осуществление социалистической модернизации и великого возрождения китайской нации, т.е. определяют необходимость по двухэтапному плану превратить Китай в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу к середине нынешнего века на основе полного построения общества среднего достатка», – отметил в докладе Си Цзиньпин на XIX съезде КПК.

Содержание идей о социализме с китайской спецификой новой эпохи предусматривает усиление антикоррупционной политики. Планируется продолжать укрепление внутрипартийного управления путем соблюдения требования «Три строгости и три честности» (Сан Ян Сан Ши). Под словами «три строгости» подразумеваются: самодисциплина, строгость в использовании должностных полномочий и работа над собой. Под словами «три честности» (три требования реалистичности) подразумевается реалистичный подход в начинаниях, в планировании дел и реализм в поведении.

Помимо требования «Три строгости и три честности» акцент ставится на ужесточение партийной дисциплины и развитие внутрипартийной политической культуры.

Позиция нулевой терпимости к коррупции также является одним из направлений борьбы с коррупцией в Китае. Си Цзиньпин также выделил важность укрепления способности партии к самоочищению, самосовершенствованию, самообновлению и собственному росту, а также поддержания связи партии с народом [1].

Основу антикоррупционной политики в КНР составляют концепции конфуцианства и легизма, в которые вплетается коммунистическая идеология. Таким образом формируются идеологические, теоретические и

морально-этические основы. В Китае, как и в других странах, есть деление на практическую и теоретическую стороны права в борьбе с коррупцией: политико-нравственное и уголовно-правовое обозначение.

Специфической особенностью борьбы с коррупцией в КНР является то, что это государство является социалистическим (тоталитарным, каким был СССР). Ядром политической системы КНР является Коммунистическая партия Китая, поэтому специфика китайского законодательства включает в перечень источников права следующее: Программу Коммунистической Партии Китая, Устав КПК и принимаемые КПК партийные документы.

В письменном интервью журналу «Уолл-стрит Джорнэл» в сентябре 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил следующее: «Народные массы больше всего ненавидят коррупцию, и мы должны действовать, чтобы развеять их опасения. Поэтому мы должны вести борьбу и против «тигров», и против «мух»...». Он также сделал акцент на двух замечаниях, касающихся регулирования в сфере борьбы с коррупцией: «Первое: необходимо посадить власть в клетку институтов, а второе – солнечный свет – это лучшая мера предосторожности против коррупции».

Одним из методов антикоррупционной политики внутри партии является взвешенное проведение кадровой политики. Все государственные и общественные должности в КНР являются выборными. Выдвижение на соответствующую должность члена КПК или гражданина, не входящего в состав партии, происходит через рассмотрение кандидатуры в партийных структурах, а затем происходит утверждение на должность [5].

Еще одним внутрипартийным методом антикоррупционной политики является следование принципам демократического централизма. Это подразумевает собой:

1. Выборность всех руководящих органов от низших ступеней к высшим; периодическую отчетность вышестоящих органов перед нижестоящими; обязательность выполнения принятых решений.

2. Принцип демократического централизма обеспечивает чистоту и единство партии, предотвращая фракционность и групповщину.

3. Третьим методом можно выделить ротацию кадров.

Систематическая ротация кадров каждые 3–5 лет позволяет предотвратить кумовство, получение дорогих подарков и т.д., следовательно, позволяет предотвратить коррупционные преступления. Ротация затрагивает руководящие партийные кадры, которые назначаются как по вертикали, так и по горизонтали на новые объекты работы, не связанные с предыдущим местом проживания [2].

Строгий партийный контроль как на низших, так и высших уровнях также позволяет эффективно следить за соблюдением законов. Партийный контроль в КНР осуществляет Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины и является одним из центральных органов КПК с 1978 г., который был создан для борьбы с коррупцией.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- система государственного управления Китайской Народной Республики активно развивается в области противодействия коррупции и является эффективной;

- одно из важных направлений государственной деятельности – правовая антикоррупционная политика КНР;

- Устав КПК является основным источником антикоррупционного законодательства Китая.

- государство привлекает общественные организации и население для участия в антикоррупционной политике страны.

Список литературы

1. Из выступления на XIX съезде КПК Си Цзиньпина // Газета Жэньминь Жибао. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
2. Курмазов А.А., Сеславинский В.В. Морские пути – новый «шелковый путь» Китая // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 3. С. 47–54.
3. Макаров А.В. Коррупция: опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 3. С. 13–22.
4. Си Цзиньпин призвал к непоколебимой борьбе с коррупцией // Газета Жэньминь Жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8103166.html>.
5. Чун Яту. Антикоррупционная кампания в НОАК // Китай. Пекин. 2014. № 8. С. 22–23.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПСИХОЛОГО-ЭТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

М.П. Деягина, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Высокая востребованность знаний о социально-психологических и этических особенностях личности государственных служащих обусловлена необходимостью создания эффективных технологий по противодействию коррупции, преодолению кризиса в системе органов государственного управления, скорейшего завершения административной реформы. Коррупционные процессы являются неотъемлемой частью жизнедеятельности любого государства. В статье рассматривается вопрос о сущности и содержании антикоррупционного психолого-этического обеспечения профессиональной деятельности государственных служащих.

Ключевые слова: коррупция; коррупция в государственных органах; государственные служащие; психолого-этическое обеспечение.

Психолого-этическое обеспечение профессиональной деятельности государственных служащих имеет многоцелевой характер, однако две цели обладают наиболее приоритетным, принципиально важным значением. Первая цель направлена на формирование психологических качеств, обеспечивающих высокую работоспособность, эффективность всестороннего функционирования человека в сфере профессиональных отношений, устойчивость к психотравмирующим факторам, к коррупционным рискам. Анализ доступной литературы показывает, что смысловое содержание процесса психолого-этического обеспечения идентично содержанию морально-психологического обеспечения или социально-психологического сопровождения служебной деятельности [6].

Особая значимость в контексте рассматриваемых нами вопросов отводится анализу феномена «психологическая устойчивость» сотрудников.

Существует три основных вида психологической устойчивости (не путать с морально-психологической устойчивостью, о которой речь будет идти ниже): 1) устойчивость когнитивной (познавательной) сферы психики; 2) устойчивость эмоционально-волевых качеств; 3) устойчивость мотивационных свойств личности [8].

Противоречие между акцентуированной социальной ролью и тем личностным морально-психологическим потенциалом сотрудника, который он может и должен использовать в целях нейтрализации любых коррупционных установок, следует отнести к числу факторов, вызывающих дисбаланс в центральной нервной системе (стресс). К детерминантам стресса, так или иначе связанным с возможностью принятия (или непринятия) коррупционных решений, относятся специфические условия труда, оказывающие негативное влияние на психику сотрудника, а также особенности его профессиональной деятельности (наличие угроз, поступающих как в адрес самого служащего, так и членов его семьи, интриги коллег, некорректное, а иногда и противоправное поведение руководства, наличие «деловых предложений» от криминальных структур, взяточдателей и т.д., информационная перегрузка).

Воздействие стрессовых факторов может «превысить допустимые пределы», если их интенсивность велика, а также если изначально сотрудник обладал недостаточной стрессоустойчивостью, был отнесен психологом к «группе риска» (или к категории так называемых проблемных сотрудников).

Коррупционное поведение, в контексте рассмотренных проблем, может стать попыткой «разорвать порочный круг», побороть неуверенность, возродить веру в себя, решить финансовые вопросы, при этом только высокоорганизованная личность, обладающая психологическими знаниями, склонностью к самоанализу, способна понять всю ошибочность такой поведенческой стратегии.

Наличие деформации свидетельствует о переносе негативных деятельностных форм (как измененных регуляторов активности профессионала) в широкое социальное пространство, в сферу жизнедеятельности личности, затрагивая личностное общение, поведение [4].

Профессиональная деформация госслужащих находится «в тесной связке» с таким явлением, как злоупотребление должностными полномочиями. Нравственная сторона вопроса затрагивает фактически равнодушное отношение представителей органов власти к рядовым гражданам, их правам и проблемам. Деформация может проявляться в виде отсутствия стремления к профессиональному росту, в результате усиливаются такие негативные качества, как: некомпетентность, безответственность, пассивность и инертность.

К числу наиболее распространенных типов профессиональной деформации относятся:

- 1) общепрофессиональный (являясь представителями власти, государственные служащие стремятся прибегать к авторитарным спосо-

бам общения, болезненно реагируют на критику, не принимают в расчет иные доводы, если они не согласуются с их воззрениями, требуют покорности и «раболепного» отношения к себе);

2) специальный (например, сотрудники пенитенциарных учреждений перенимают манеру поведения осужденных, начинают руководствоваться «нормами» тюремной субкультуры, у сотрудников полиции появляется склонность к совершению ничем не оправданных действий насильственного характера, у военнослужащих – стремление всеми командовать, поучать, в ультимативной форме давать свои указания; яркий пример профессиональной деформации бывшего военнослужащего содержится в рассказе А.П. Чехова «Унтер Пришибеев»);

3) индивидуальный (или «нарцисстический»), возникающий у должностных лиц с завышенной самооценкой, склонных к самолюбованию; при этом изменение личностных черт сопровождается чрезмерным (гипертрофированным) развитием профессионально важных качеств).

Суть личностной деформации заключается в том, что в процессе выполнения своих функциональных обязанностей у человека активируются скрытые «пороки» и аномалии характера, недостатки воспитания приобретают «выпуклый», гротескный характер.

Наравне с термином «психологическая деформация» в профессиональной этике фигурирует понятие «профессиональная нравственная деформация личности» (или морально-профессиональная деформация). Если в первом, уже рассмотренном нами случае, мы имеем в виду ряд сложившихся негативных личностных черт, девиантных стереотипов поведения, обусловленных профессиональной деятельностью, то во втором случае имеет место следование аморальным, антисоциальным и т.д., т.е. безнравственным установкам [2].

Как показывает практический опыт, избежать формирования профессиональной деформации или добиться «смягчения» ряда ее признаков удастся, используя различные меры психолого-педагогического воздействия (воспитания).

Процесс воспитания уже достаточно сформировавшихся в личностном плане сотрудников заключается в «культивировании» у них гражданских чувств (высших социальных эмоций), в «конструировании» различных позитивных смысловых профессионально значимых образований в структуре личности, обуславливающих правильную нравственную ориентацию (лояльность) [4].

Изучение наиболее известных и авторитетных психолого-педагогических источников, ряда диссертационных исследований позволяет нам рассматривать нравственное воспитание в качестве длительного,

глубоко осознанного, целенаправленного и систематического воздействия на чувства, мировоззрение и убеждения личности для выработки у нее устойчивых механизмов формирования морального сознания, этических отношений, нравственного поведения и нравственной культуры. Нравственное воспитание – это многогранный и сложный процесс [1].

Нравственное воспитание позволяет сформировать нравственную устойчивость, которая, по мнению В.Э. Чудновского, определяется в качестве способности человека действовать согласно этическим правилам, «стоять» на морально-нравственных позициях, обладать моральным иммунитетом к деструктивным воздействиям, противоречащим личностным установкам, взглядам и убеждениям. Подобная трактовка устойчивости свидетельствует о социально зрелой личностной позиции, основу которой составляют доминирующие в конкретном обществе нравственные принципы [7].

А.Д. Кузнецова считает, что нравственное воспитание по своей природе является интегральным и выступает как результат взаимодействия людей, своеобразная совокупность воздействий макросреды, микросреды и самовоспитания. Обращение к нравственным критериям профессиональной деятельности способствует более точной ориентации человека в «сомнительной», с правовой точки зрения, обстановке [5].

Одним из основных аспектов в процессе нравственного воспитания является овладение сложной диалектической связью между объектом воспитания, средствами воздействия и практическим результатом. Меры нравственности определяют границы, масштабы и качественную определенность воспитательного воздействия. В свою очередь, характер самого воспитательного воздействия определяет стиль педагогической работы. Стиль руководителя-наставника (кадрового работника, психолога, сотрудника отдела по работе с личным составом и т.д.) лежит в основе педагогического такта, определяя его сущность.

В служебном коллективе при определении (установлении) меры нравственного воздействия существенным является сочетание профессиональных требований с уважительным отношением к каждому сотруднику. Данный фундаментальный принцип воспитания следует из глубокого гуманистического содержания общечеловеческой морали. Принцип опосредованного влияния социума на человека (а также нравственных требований и исторически сложившихся «эталонов» поведения) имеет методологическое значение для обоснования не только целенаправленного воспитания, но и в плане свободного выбора поведения самим воспитуемым.

Государственные служащие в своей профессиональной деятельности, помимо выполнения непосредственных служебных обязанностей, призваны способствовать приобщению граждан к обязательному соблюдению нравственно-правовых норм, установленных в обществе, в связи с чем возникает необходимость в предъявлении высоких требований к нравственному воспитанию самих представителей органов власти. Требования также касаются способности государственных служащих осознавать нравственный смысл организационно-управленческой, правоприменительной и т.д. деятельности.

Список литературы

1. *Дарвиш О.Б.* Психологическая устойчивость как базовая характеристика личности // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 7. С. 362–370.
2. *Иванов Д.М.* Профессиональная этика государственных служащих Российской Федерации в контексте осуществления антикоррупционной политики // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 82–87.
3. *Козлова Н.* Взятки по списку. URL: <https://rg.ru/2013/12/19/korruptsiya.html> (дата обращения: 04.04.2017).
4. *Красинская Е.С.* Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел и ее предупреждение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78). С. 48–52.
5. *Кузнецова А.Д.* Нравственное воспитание слушателей вузов МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999. 22 с.
6. *Фаррахова А.Ю.* Общечеловеческие моральные требования в современной профессиональной этике // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 49-1. С. 122–127.
7. *Чудновский В.Э.* Нравственная устойчивость личности: Психологические исследования. М.: Педагогика, 1981. 208 с.
8. *Яшманов Б.* Война с преступным миром // Рос. газ. 2013. 29 апр.

ЛАТЕНТНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ПРОБЛЕМ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Э.В. Дубинина, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Коррупция является поистине насущной проблемой, характерной не только для России, но и для других стран мира, поскольку она является одной из самых главных угроз для безопасности государства. В этой связи одной из первостепенных задач в последние годы, поставленных на государственном уровне в России, стало противодействие коррупции. Коррупционные правонарушения в России в настоящее время проявляются практически во всех сферах государственной власти и управления. Они разрушают государственный аппарат и отрицательно влияют на нравственные устои общества. Коррупционное поведение государственных служащих далеко ушло за рамки обычного подкупа.

Ключевые слова: латентная преступность; коррупционные преступления; виды латентности; коррупция в государственной службе.

Возможно, коррупцию было бы легче искоренить, не обладай она одним очень сильным свойством – латентностью. В науке криминологии под латентностью преступности понимается такое свойство, при котором преступность оказывается за пределами уголовно-статистического учета, т.е. остается незарегистрированной [1].

Соответственно, латентная преступность есть массив преступлений, совершенных на определенной территории, соответствующей органу учета, за определенный период времени, по тем или иным причинам не выявленных правоохранительными органами и в связи с этим надлежащим образом не поставленных на учет и не нашедших отражения в статистических сведениях о количестве зарегистрированных преступлений.

Латинское слово «коррупция» толкуется как развращение, материальное задабривание должностного лица, подкуп. «Латентная коррупция» же представляет собой скрытую, невыявленную и неучтенную коррупцию, которая имеется в наличии, но не отражается в статистических документах и, как правило, неглубоко исследуется специалистами.

Одной из характерных черт коррупционной преступности является ее высочайшая латентность. Латентность обусловлена, прежде всего, согласительным характером большинства коррупционных преступлений, носящих форму сделки. Часть таких преступлений оказывается невыявленной в силу того, что не имеет прямой потерпевшей стороны, которая могла бы сообщить о них в компетентные органы [3].

Латентная преступность может быть охарактеризована теми же количественно-качественными показателями, что и зарегистрированная преступность: состояние, структура, динамика, вред. По мнению исследователей, абсолютные показатели латентной преступности, определяющие ее состояние, в 3–5 раз превышают аналогичные показатели зарегистрированной преступности.

Традиционно выделяют три вида латентности преступности:

- Естественная латентность. При естественной латентности факт совершения преступления известен лишь преступнику и потерпевшему, при этом потерпевший не желает сообщать правоохранительным органам о совершенном преступлении.

- Искусственная латентность. При данном виде латентности факт совершения преступления формально обнаруживается правоохранительными органами, но не регистрируется в силу нежелания или халатного обращения.

- Пограничная латентность. Данный вид латентности представляет собой совокупность преступлений, образованную вследствие ошибочной или преднамеренно неправильной квалификации более тяжкого преступления как менее тяжкого [4].

Латентность является характерной чертой коррупционной преступности. Специалисты оценивают размер выявленных случаев взяточничества по отношению к их фактическому уровню в пределах от 0,1 % до 2 % [2].

Высокий уровень латентности коррупционных преступлений объясняется следующими факторами. Так, в большинстве случаев совершения таких преступлений отсутствуют потерпевшие в физическом смысле слова, которым непосредственно причиняется вред и которые заинтересованы в том, чтобы преступник был наказан. Соответственно, отсутствие в большинстве случаев потерпевших приводит к тому, что о совершении коррупционного преступления в правоохранительные органы не сообщается.

Число латентных коррупционных преступлений реально увеличилось, но часть из них в уголовной статистике не отражалась, потому что сами граждане не заявляли о совершенных в отношении них преступлениях.

Также население знает о существовании латентной коррупционной преступности и предлагает меры по сокращению высокой латентности преступлений: обратить внимание на реформирование правоохранительной системы.

При указанных обстоятельствах главным источником, позволяющим узнать о совершении коррупционного преступления, являются результаты оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов. Между тем получение оперативно-розыскной информации осложняется тем, что, как уже говорилось неоднократно ранее, при совершении коррупционного преступления как лицо, дающее взятку, так и лицо, берущее взятку, заинтересованы в такой «сделке», поскольку в результате ее совершения они получают выгоду и утаивают ее под страхом уголовного наказания. Коррупция – это всегда взаимовыгодный обмен [5].

Таким образом, латентность коррупционных преступлений представляет реальную угрозу национальной безопасности и интересам государства. Это характерное свойство коррупции очень усложняет борьбу с данным явлением. В целях минимизации данного явления необходимо проводить системную работу с населением, которая должна включать в себя целенаправленную пропаганду, направленную на дискредитацию коррупции как явления. Кроме того, необходимо проводить анкетирования населения с целью выявления фактов совершения преступлений коррупционной направленности, результаты которых необходимо передавать в правоохранительные органы с целью последующей проверки. Несмотря на все сложности, по мнению Л.Д. Бобровой, положительным фактором является введение законодателем примечания к ст. 291 УК РФ, позволяющее освободить от уголовной ответственности лицо, которое хоть и дало взятку, но сообщило об этом в правоохранительные органы, либо активно способствовало раскрытию данного преступления [2].

Между тем весь положительный эффект данного примечания сводится к минимуму по следующим причинам. Как уже говорилось ранее, наше общество не доверяет правоохранительным органам и судам, считая их коррумпированными. А теперь представим следующую ситуацию, когда у простого гражданина в небольшом городе N вымогает взятку высокопоставленный чиновник. Как должен поступить честный гражданин?

Естественно, он должен сообщить о данном факте в правоохранительные органы. Но именно в этот момент, стоя перед выбором, дать взятку или сообщить в правоохранительные органы, гражданин вспоминает про уровень доверия к сотрудникам полиции, к нашему суду,

вспоминает про «громкие уголовные дела», где субъекты, укравшие миллионы, во время следствия находились под домашним арестом, а через некоторое время после назначения наказания освобождались условно-досрочно. Честный гражданин понимает, что будет обращаться с заявлением о коррупции в коррумпированный орган.

Также гражданин понимает, что коррупционер, который вымогает у него взятку, обладает административным ресурсом, обладает властными полномочиями, связями. Как же поступить гражданину после осознания вышеуказанных обстоятельств? Да никогда в жизни он не сообщит о коррупции в правоохранительные органы. В этом вся суть проблемы коррупции. Гражданин должен сообщить о коррупции в коррумпированную структуру, которая помимо прочего еще не вызывает доверия и которая создана для борьбы с коррупцией. Это замкнутый круг, и чтобы разорвать его, потребуется не один и не два года. И это не проблема одного маленького города, это проблема всей России.

Список литературы

1. *Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И.* Криминология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: ЮРАЙТ, 2018. 360 с.
2. *Жесткова А.Н., Дзюба Д.И.* Влияние гражданского общества на организацию контроля в системе государственной гражданской службы как средство противодействия коррупции // *Современные технологии эффективного управления: сб. науч. трудов.* Саратов, 2018. С. 28–30.
3. *Илий С.К.* Административные правонарушения коррупционной направленности // *Административное и муниципальное право.* 2015. № 5 (89). С. 460–468.
4. *Кудашкин А.В.* Противодействие коррупции в военной организации государства: монография / под общ. ред. А.В. Кудашкина. М., 2012. 159 с.
5. *Пудаков Е.Р.* Криминология коррупции в государственной службе: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2017. 168 с.

ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ

Э.В. Дубинина, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Актуальность темы исследования обусловлена широким распространением коррупции в обществе, во властных структурах. Научный интерес к

исследованию данной проблемы со временем набирает все большие обороты. Трансформирующиеся условия диктуют новые подходы к изучению особенностей уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности. Коррупция угрожает национальным интересам Российской Федерации, так как ее развитие непременно ведет к ослаблению позиций страны в политической и экономической сферах.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные преступления; борьба с коррупцией; подкуп; взятка; злоупотребление; противодействие.

Когда российские специалисты обсуждают вопросы борьбы с коррупцией, они исходят из устоявшегося в нашей стране понимания коррупции, закрепленного Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

В ст. 1 Закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ коррупция определяется через перечень образующих ее противоправных деяний, к каковым относятся: злоупотребление служебным положением; дача взятки; получение взятки; злоупотребление полномочиями; коммерческий подкуп; иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [2].

В российском государстве существует понимание того, что коррупция – это социальная болезнь, которая оказывает негативное влияние не только на имидж страны, но и на повседневную жизнь ее граждан. Противостояние этой болезни – задача не только специализированных органов, но и всего общества, каждого человека, поэтому противодействие коррупции из «набора» разрозненных мер борьбы с «плохими чиновниками» превращается в одно из важнейших направлений государственной политики и приобретает системный характер. Значимыми элементами этой системы стали: во-первых, национальная стратегия противодействия коррупции на федеральном уровне, и, во-вторых, стратегии и планы борьбы с коррупцией, реализуемые на всех уровнях осуществления публичной власти [5]. Именно в них определяются ключевые способы борьбы с коррупцией, основанные на использовании мирового опыта и учитывающие специфику развития России, стоящие перед ней проблемы долгосрочного характера.

Подробное антикоррупционное законодательство, нормы которого не только включаются в акты уголовного, административного, финансового законодательства, но и определяют динамику развития всех основных сфер правового регулирования. Правовая основа борьбы с коррупцией становится тем фундаментом, на котором базируется деятельность государственных и муниципальных органов власти, их должностных лиц, а также общественных институтов, что придает борьбе с коррупцией устойчивый, целенаправленный характер.

Организационный механизм борьбы с коррупцией, система специальных институтов, непосредственно занимающихся антикоррупционной деятельностью, соответствуют как общемировым трендам, так и внутренним потребностям государства на данном этапе. Комплекс правовых средств и способов, который препятствует распространению коррупции [6].

Основным уголовно-правовым средством противодействия коррупции является установление ответственности за коррупционные преступления. Коррупционное преступление – это общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое умышленное деяние должностного лица или лица, заинтересованного в осуществлении определенных действий (бездействия) должностным лицом, совершаемое исходя из корыстных мотивов, направленное на получение выгоды, имущества, услуг имущественного характера, имущественных прав или незаконного предоставления определенных преимуществ как для себя, так и для третьих лиц [4]. Следует отметить, что, по нашему мнению, понятия коррупции и коррупционного преступления, безусловно, должны включать в себя достаточно широкий круг преступлений, закрепленных в УК РФ, но не стоит ориентироваться при его составлении исключительно на самые распространенные служебные и должностные преступления.

В отечественной науке уголовного права еще недостаточно подробно освещена проблема отграничения коммерческого подкупа от взяточничества.

Современное антикоррупционное законодательство делает акцент на преступлениях преимущественно в сферах государственной и муниципальной службы (публичный сектор), а в частном секторе (что касается как раз коммерческого подкупа) подобные деяния зачастую остаются в тени [2].

Наиболее похожи составы коммерческого подкупа (ч. 5–8 ст. 204 УК РФ) и получения взятки (ст. 290 УК РФ). Оба состава являются формальными, т.е. не предполагают наступления конкретных общественно опасных последствий.

Объективные стороны этих преступлений схожи – они представляют собой деяние в виде незаконного получения лицом материальных средств (денег, ценных бумаг, иного имущества), а также предоставления имущественных прав, оказания имущественных услуг в пользу дающего (взятку, подкуп) или представляемых им лиц. Причем предоставление прав и оказание услуг может выражаться как в форме действия, так и в форме бездействия [1].

Субъективные стороны названных преступлений тоже имеют много общего. И в случае коммерческого подкупа (пассивного), и в случае получения взятки правонарушитель умышленно совершает противоправные действия. Его умысел направлен против интересов той или иной организации (коммерческой или некоммерческой), против интересов государства и функционирования государственного аппарата.

Основные различия названных преступлений кроются в таких элементах состава, как объект и субъект преступления.

Так, статья, посвященная коммерческому подкупу, находится в главе под названием «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», а статья получения взятки – в главе «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы органов местного самоуправления» [3].

Субъектом коммерческого подкупа признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих или иных организациях. Субъектами же получения взятки являются должностные лица. Таким образом, чтобы квалифицировать деяние как получение взятки, необходимо, чтобы субъект обладал статусом должностного лица.

Список литературы

1. Букреев И.В. Понятие уголовно-правовых средств противодействия коррупции // Научные основы современного прогресса. 2016. № 4. С. 72–75.
2. Волконская Е.К. Криминологическая оценка современной ситуации, связанной с коррупционной преступностью в России // Lex russica. 2018. № 4. С. 121–135.
3. Жилкибаев С.Н. ЦКПД КПК «на передовой» борьбы с коррупцией в КНР // Общество и государство в Китае. 2017. № 22–1. Т. 47. С. 507–515.
4. Кочанова Т. Вынужденная коррупция // Административное право. 2019. № 1. С. 5–11.

5. Михайлов В.И. Эволюция законодательства об ответственности за взяточничество // Уголовное право. 2016. № 5. С. 54–58.
6. Патов Н.А. Историко-правовой обзор мер противодействия коррупции // Мировой судья. 2018. № 4. С. 10–12.

ЗАРУБЕЖНАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Ф.А. Дусмухаметов, магистрант,

М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

В современном мире уровень доверия к должностным лицам государственных структур упал настолько низко, что граждане перестали верить в справедливое управление государственной властью. Законодательные акты современности имеют множество противоречий и пробелов, позволяющих государственным служащим трактовать их в свою сторону, расширяя полномочия.

Ключевые слова: антикоррупционная практика; история борьбы с коррупцией; зарубежный опыт; борьба с коррупцией.

История коррупции началась на заре цивилизации, во времена наших предков, и до сих пор, по прошествии многих тысяч лет, мы не видим ей конца. Международное сообщество постепенно осознало, что коррупция – опасная международная проблема, которая требует международных решений. Так, первым толчком для запуска ряда важнейших международных инициатив послужило заседание Совета Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) в далеком 1994 г., на котором было сделано следующее заявление: «Взяточничество является широко распространенным явлением в международных деловых операциях, включая торговлю и инвестиции, что вызывает серьезные моральные и политические опасения и искажает условия международной конкуренции» [1]. В документе указывается, что ответственность за противодействие коррупции в международных сделках несут все страны. Таким образом, призывая государства-члены принять необходимые меры для борьбы с этим явлением путем проведения реформ своего внутреннего законодательства.

В декабре 1997 г. была окончательно подписана «Конвенция ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных деловых операциях». В настоящее время государствами-участниками являются члены ОЭСР, а также Аргентина, Бразилия,

Болгария, Южная Африка и Россия. Из чего можно сделать вывод о том, что на международном уровне сравнительно недавно признали проблему коррупции как весьма серьезную и опасную [5].

Конвенция ОЭСР содержит рекомендации по предотвращению коррупционных преступлений. Например, рекомендуется, чтобы страны следили за распространением взяток иностранным должностным лицам, занимающимся экспортом, особенно тем, которым помогают программы официальных кредитов и правительственные финансирующие учреждения. Странам также следует поддерживать доступные каналы для подачи жалоб в компетентные органы и для защиты лиц, сообщающих о нарушениях. Рекомендации также касаются необходимости создания культуры прозрачности в бизнесе для предотвращения и выявления случаев транснациональной коррупции. В дополнение к надзору за учетными записями, упомянутыми в Конвенции, ОЭСР рекомендует разработать программу «внутреннего контроля, этики и соответствия», основанную на «руководящих принципах передовой практики» и ведении системы независимого внешнего аудита. Правительствам может потребоваться поддержание механизмов соответствия для участия в государственных закупках (концессии, торги) или доступа к программам финансирования и государственным кредитам.

Обобщив основные положения, Конвенция ОЭСР обязывает подписавшихся и предлагает другим государствам присоединиться к сигнатариям, соглашаясь: ввести уголовную ответственность за подкуп иностранных должностных лиц; наказать всех соучастников юридических лиц с помощью убедительных уголовных и неуголовных санкций; увеличить сроки давности, чтобы предоставить достаточно времени для расследования и судебного преследования коррупционных правонарушений; требовать прозрачного учета всеми юридическими лицами и запрещать создание неконтролируемых счетов и использование других фальшивых документов, чтобы скрыть взяточничество; а также сотрудничать с другими странами-участницами с договорами о выдаче для обеспечения успешного судебного преследования.

Представленная Конвенция подверглась критике за то, что она слишком узкая, особенно за то, что она не включает запрет на подкуп должностных лиц иностранных политических партий, партийных чиновников и кандидатов на должность [3]. После инициативы ОЭСР было создано несколько региональных антикоррупционных договоров. Организация объединенных наций (далее – ООН) разработала антикоррупционную конвенцию еще в конце 1970-х гг. Однако тогда это

усилие столкнулось с политическими проблемами и не смогло получить достаточную поддержку, и коррупция в значительной степени исчезла из поля зрения международной проблемы в течение 1980-х гг.

С середины 1990-х гг. ООН вновь набирает активность в международных усилиях по борьбе с коррупцией и принимает ряд инструментов и документов, содержащих антикоррупционные положения. Среди них наиболее важными являются Декларация ООН против коррупции и взяточничества в международных коммерческих операциях 1996 г.; Международный кодекс поведения государственных должностных лиц 1996 г.; Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 г. и План действия по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудия 2001 г.

Декларация от 1996 г. касается как частного, так и государственного секторов и призывает к принятию и применению законов, запрещающих взяточничество в международных сделках; законов, криминализирующих подкуп иностранных должностных лиц; и законов, гарантирующих, что взятки не облагаются налогом. Хотя декларация не имеет обязательной юридической силы, она означает широкое политическое соглашение в международном сообществе по этому вопросу [4].

Кодекс поведения от 1996 г. написан в общих чертах для руководства законодательных и административных мер и не имеет обязательной юридической силы. Он подчеркивает необходимость лояльности чиновников к общественным интересам, стремление к эффективности, результативности и целостности. Призывает к избеганию конфликтов интересов и разглашения активов, отказа от подарков или услуг, а также защиту конфиденциальной информации. Также обсуждаются вопросы, возникающие из партизанской политической деятельности.

Между тем, например, кодексы профессиональной этики применяются и у нас в России. И часто их воспринимают не как юридические нормы, а в большей степени как корпоративные, т.е. нормы, принятые в каком-то коллективе. Однако, из-за того, что коррупция – сложное многогранное явление, ее следует рассматривать со всех сторон и подходить к решению проблемы при помощи разнообразных подходов. На наш взгляд, необходимо воспитывать у чиновников и иных руководителей, посредством введения определенных кодексов, уровень самосознания и самоуважения.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности является обязательным юридическим документом, который вступил в силу в 2003 г. Согласно ей признается, что во многих случаях коррупция является транснациональной и одновременно эффектом организованной преступной деятельности. Соответственно конвенция

содержит некоторые положения, требующие борьбы с коррупцией и превентивные меры.

План действий от 2001 г. не имеет обязательной юридической силы. Декларация призывает страны для усиления международных действий против коррупции и требует различных усилий в поддержку борьбы с коррупцией.

Однако многие страны считали, что эти вышеупомянутые документы недостаточны, и что всеобъемлющий международный инструмент против коррупции все еще был необходим. Так, в 2000 г. поддержка такой конвенции стала настолько существенной, что Генеральная Ассамблея ООН разработала глобальную антикоррупционную конвенцию, именуемую Конвенция ООН против коррупции.

Конвенция ООН против коррупции была принята Генеральной Ассамблеей в 2003 г. Она вступила в силу после ратификации ее тридцатью государствами. День ее принятия стал отмечаться по всему миру как Международный день борьбы с коррупцией, когда все страны уделяют особое внимание проблеме коррупции: публикуют международные отчеты, обмениваются опытом, информацией, проводят международные конференции, посвященные данной проблеме [2].

По состоянию на 1 апреля 2019 г. конвенцию подписали 172 государства и 20 государств ратифицировали ее, включая Россию.

Целая глава Конвенции посвящена профилактике, содержащей меры, направленные как на государственный, так и на частный сектор. Они включают модели профилактической политики, такие как создание антикоррупционных органов и повышение прозрачности в политическом финансировании. Государства также должны стремиться к тому, чтобы на их государственные услуги распространялось содействие эффективности, прозрачности и найма на основе заслуг [6].

Конечно, мы тоже склонны к тому, что лучше осуществлять меры профилактики, чем реагировать по факту наступления коррупционного правонарушения. Например, к таким мерам у нас в России относится обязанность государственных служащих подавать сведения об имуществе. По нашему мнению, лучше направлять меры пресечения непосредственно к имущественной сфере чиновников. Например, конфисковать имущество или назначать штраф в десятикратном размере [3].

Также конвенция требует от стран ввести уголовную ответственность за широкий спектр актов коррупции. В некоторых случаях государства юридически обязаны устанавливать преступления. В других случаях, чтобы учесть различия во внутреннем законодательстве, они должны рассмотреть возможность сделать это.

Следует отметить, что государства-участники конвенции соглашались сотрудничать друг с другом в борьбе с коррупцией, в том числе в профилактической и следственной деятельности, а также они обязаны оказывать конкретные формы взаимной правовой помощи и выдавать преступников. Страны также обязаны предпринять меры по поддержке розыска, замораживания, ареста и конфискации доходов от коррупции.

Между тем основополагающий принцип конвенции указан в ст. 51 «Восстановление активов». Это особенно важная проблема для многих развивающихся стран, которые стремятся вернуть активы, которые были незаконно получены бывшими лидерами власти.

На основании приведенных положений можно сделать вывод о том, что конвенция ООН является первым юридически обязывающим глобальным документом, охватывающим широкий спектр антикоррупционных мер и международное сотрудничество в предотвращении коррупции. Поэтому можно утверждать, что это важный шаг вперед в международной борьбе с коррупцией. Некоторые критики, однако, утверждали, что механизм мониторинга конвенции неэффективен и что конвенция в значительной степени опирается на необязательные формулировки. Transparency International, например, подверг критике то, что прозрачность в политическом финансировании не является обязательной в соответствии с конвенцией [5].

Еще одним международным документом в сфере противодействия коррупции стала Конвенция «Об уголовной ответственности за коррупцию» от 25.01.1999.

Конвенция является обязательным юридическим документом, который применяется в широком спектре профессий и обстоятельств. Однако он относительно узок в ряде действий, которые государства-участники обязаны криминализовать и не касается многих форм коррупции, таких как вымогательство, хищение, кумовство и инсайдерская торговля [4].

Таким образом, на основании проведенного исследования следует сделать вывод о том, что международных конвенций достаточно много, периодически ежегодно принимаются новые конвенции с целью ограничить распространение коррупции. Многообразие вновь принимаемых конвенций свидетельствует о том, что победить это явление достаточно непросто. Между тем на международном уровне считают, что, приняв ряд конвенций, станет возможным ограничить коррупцию, однако, на наш взгляд, большое количество конвенций подрывает уважение к праву, а неотвратимость юридической ответственности будет претворяться в жизнь лишь в том случае, если люди будут хорошо знать законы и правовые нормы. Кроме того, некоторые

пункты нормативных правовых актов российского законодательства содержат противоречия и неточности, что подчеркивает необходимость модернизации, а также дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. *Акопова С.Н., Мещерякова А.В.* Антикоррупционная политика в России: историко-правовой аспект // Закон и право. 2014. № 4. С. 27–29.
2. Глобальный стратегический Альянс: офиц. сайт. URL: <http://www.globalcorruptionreport.org> (дата обращения: 18.11.2018).
3. *Морозова А.В.* Коррупция и методы борьбы с ней // Проблемы науки, 2018. № 20. С. 48–51.
4. *Потомский В.В.* Антикоррупционная политика России: тенденции формирования и реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 130–136.
5. *Симонова Л.М.* Международный бизнес и деловая коррупция в России // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2014. № 11. С. 32–39.
6. *Чистякова Н.Г.* Борьба с коррупцией по-голландски // Вестник РГГУ. Серия «Международные отношения. Регионоведение». 2009. № 14/09. С. 253–266.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Ф.А. Дусмухаметов, магистрант,
М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В России на протяжении длительного периода уровень коррупции остается без значительных изменений и необходимость создания эффективной антикоррупционной политики, поддерживающейся на всех уровнях власти и общества, «сверху до низа», является приоритетным направлением государства. Выбирая тактику разработки новых действенных мер, хотелось бы обратить внимание на важность международного сотрудничества по взаимодействию и передаче опыта в расследовании коррупционных схем.

Ключевые слова: антикоррупционная политика; борьба с коррупцией; декларация; профилактика; взяточничество.

Как показало исследование, российское законодательство в борьбе с коррупцией и взяточничеством значительно развилось за последние

несколько лет. Законодательные нормы стали более согласованными, упорядоченными, ратифицированы главные международные конвенции, вводятся все новые законы в сфере противодействия коррупции, однако их пробелы и противоречия часто предоставляют чиновникам широкие полномочия для совершения коррупционных преступлений.

Как нам представляется, не менее значимым является вопрос тщательного отбора кандидатов при приеме на государственную службу. Особое внимание стоит уделять информации, предоставленной кандидатом, претендующим на вакантное место в государственном аппарате.

Так, следует ввести специализированные декларации для чиновников, поступающих на госслужбу. Данный метод успешно «работает» в Соединенных Штатах Америки. Суть его заключается в том, что при поступлении на госслужбу гражданин обязан указать список наименований всех корпораций, компаний, фирм и других форм организации бизнеса, организаций, не преследующих цели получения прибыли, а также общеобразовательных и других институтов, с которыми служащий непосредственно или через жену, несовершеннолетних детей или других членов его семьи в настоящий момент имеет дело. Также от чиновника требуется предоставление списка всех его личных кредиторов, кредиторов его жены, малолетних детей и других, проживающих вместе с ним членов семьи, с указанием наличия у перечисленных лиц недвижимого имущества. В дополнение госслужащий указывает все существующие коммерческие, финансовые и иные интересы.

На данный момент госслужащие Российской Федерации отчитываются о доходах и расходах каждый год, указывая в декларации свой доход, супруги или супруга и несовершеннолетних детей за отчетный год, все недвижимое имущество, а также расходы, сумма которых превышает трехлетний доход семьи [1]. Граждане, претендующие на замещение должностей государственной службы, предоставляют декларацию о доходах за год, предшествующий году поступлению на госслужбу, за себя, супруги или супруга и несовершеннолетних детей. И именно данный формат декларации дает множество вариаций уклонения от закона для коррупционных чиновников. Именно поэтому, внедрив дополнительную форму отчетности, станет возможным отследить изначальное благосостояние чиновника и увеличение его доходов и доходов его семьи, в том числе и сожителей с течением времени. Также к списку лиц, чье имущество и доходы обязан указывать государственный служащий в декларации, следует добавить и других ближайших родственников: к примеру, родителей, братьев и сестер, бабу-

шек и дедушек. И, совершая покупки, не соответствующие официальным доходам, у служащего уже не будет возможности записать имущество на человека, чью собственность декларировать чиновник не обязан. Таким образом, доходы и крупные расходы государственных служащих станут практически прозрачными [3].

Также в ежегодную декларацию следует добавить доходы и имущество совершеннолетних детей, так как по непонятным причинам на данный момент указывается собственность только несовершеннолетних детей. Данный факт опять же является лазейкой для преступников [2].

Таким образом, совместно ужесточенная «первоначальная» декларация и ежегодная усовершенствованная декларация позволят выявлять государственных служащих, совершающих коррупционные преступления.

В результате внедрения данного метода станет возможным сделать работу и, соответственно, доходы и расходы государственных служащих действительно максимально прозрачными. Также ужесточение «первоначальной» декларации прекрасно дополняет ежегодную декларацию, а точнее дает для нее «точку опоры». Теперь контролирующий орган, получив отчет того или иного чиновника, сможет отследить все данные, начиная с момента поступления на службу гражданином.

Следующим эффективным методом противодействия коррупции может стать опыт Нидерландов по проведению профилактических мониторингов по выявлению коррупционных рисков на государственной службе. Данный метод позволит действительно переориентировать антикоррупционную политику Российской Федерации с политики борьбы на политику предупреждения.

Профилактические мониторинги стоит внедрять в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности и таможенных органов Российской Федерации [6].

К примеру, группа сотрудников правоохранительных органов, проверяя деятельность того или иного органа государственной власти, действует не как контролирующий орган, а как лицо, готовое дать взятку чиновнику за ту или иную услугу. Таким образом, становится возможным выявить государственных служащих, склонных к совершению коррупционных преступлений, а также возможно раскрыть уже действующие коррупционные схемы внутри органа, входящего в систему государственной власти Российской Федерации.

Актуальной для Российской Федерации может стать практика анонсирования коррупционных преступлений практически во всех средствах массовой информации. На данный момент особое внимание

взяточничеству уделяется в интернет-ресурсах, но в России, к сожалению, не все население пользуется данной сетью, поэтому необходимо внедрение специальных передач по радио и телевидению и статей в газетах и журналах [4].

Важно, чтобы страна знала своих отрицательных героев, чтобы население четко понимало, кто ворует средства, предназначенные для жизненно важных сфер. Также необходимо, чтобы общество научилось видеть проявления коррупции и бороться с ними. Именно таким образом станет возможным комплексно бороться со взяточничеством во всех сферах его проявления. Здесь важно отметить, что именно данный способ способен выработать негативное отношение к коррупционным преступникам у населения. Таким образом, каждый, кто хоть однажды, например, посмотрел передачу по телевидению о хищении средств из федерального бюджета и увидев на что могли бы расходоваться средства (в первую очередь здравоохранение и образование) в обратном случае, теперь будет рассуждать о последствиях своих действий при малейшей возможности дать или принять взятку. Именно средства массовой информации могут воздействовать массово. При рациональном использовании эфирного времени станет возможным прояснить населению глобальность и невозвратимость последствий коррупционных преступлений [3].

Важным также является тот факт, что все вышеуказанные инструменты направляют свое действие на предупреждение совершения фактов коррупции, а также на выявление коррупционных рисков. При внедрении в действующую антикоррупционную политику Российской Федерации предложенные методы способны дополнить существующую стратегию, тем самым преобразовав ее в политику предотвращения, борьбы, наказания и устранения последствий фактов коррупции.

Развитие культуры общества является также важным шагом на пути к преодолению коррупционного явления. Так, при написании работы было изучено большое количество иностранных работ, в процессе перевода которых было отмечено обязательное наличие благодарственного письма, в котором авторы работ благодарят научных руководителей, родственников, людей, поддержавших их при написании дипломной, диссертационной или иной научной работы. Хотелось бы, что в России также ввели данный раздел, развивающий в современной молодежи чувство уважения, почета, поскольку повышение культуры также важно для понимания и ликвидации коррумпированного общества [2].

Кроме того, одним из предложенных способов в этом направлении может стать введение в старшие классы урока правоведение «Коррупция», программа по которому позволит ознакомить школьников с негативными последствиями коррупции, таким образом, уже с раннего возраста формируя у будущих специалистов чувство отвращения и неприязни к коррупции.

Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сделать следующее заключение: в настоящее время в Российской Федерации действует большое количество нормативно-правовых актов в сфере противодействия коррупции, однако они имеют ряд пробелов и противоречий, позволяющих чиновникам действовать на свое усмотрение. Поскольку во все времена изучения коррупционного явления большое внимание уделялось опыту зарубежных стран, заимствованию наиболее успешных антикоррупционных практик, то при разработке антикоррупционных мер применительно к России особое значение предавалось странам, добившихся хороших результатов в области борьбы с коррупцией. Использование таких направлений совершенствования антикоррупционной политики, как: введение «специальных» сотрудников во все государственные структуры; упразднение формы справки о доходах и расходах; более тщательный отбор кадров; введение института конфискации имущества; ужесточение наказаний за коррупционные преступления; введение уточненных формулировок в законодательство РФ; пропорциональное увеличение заработных плат государственным служащим; повышение уровня правосознания граждан способны сократить уровень коррупции в РФ до минимального [5].

Следует сделать вывод о том, что мир еще несерьезно относится к ликвидации коррупции. Если бы мир относился к ней серьезно и верил, что коррупция является «коварной чумой», то богатые страны вместе с международными институтами по всему миру разработали действенную тактику антикоррупционной политики, проводили политику обмена опытом по фактам коррупционных преступлений, стало бы эффективными образование и правоприменение, уравнение коррупции было бы очевидно во всех странах.

Список литературы

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ.
2. *Акопова С.Н., Мещерякова А.В.* Антикоррупционная политика в России: историко-правовой аспект // Закон и право. 2014. № 4. С. 27–29.

3. *Ефимушкина К.Э.* Антикоррупционная политика: проблемы формирования в современной России // Молодой ученый. 2017. № 3. С. 444–447.
4. *Митрюхина Л.С.* Проблемы независимости судебной власти и пути их решения // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1082–1084.
5. *Плохой О.А.* Основные направления государственной политики Российской Федерации в свете противодействия коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 3. С. 413–417.
6. *Цирин А.М.* Актуальные проблемы минимизации коррупционных рисков // Государственная служба. 2014. № 1–2. С. 40–41.

СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.А. Захаров, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В настоящее время основная совместная цель ученых-криминологов и правоохранительных органов, а также органов законодательной власти – стремление к максимально возможному снижению деятельности организованной преступности путем сплоченной борьбы с организованной преступностью и профилактики ее предупреждения. Задача написания статьи заключается в изучении современного состояния организованной преступности в России.

Ключевые слова: организованная преступность; преступное сообщество; бандитизм; состояние преступности; национальная безопасность; профилактика преступности.

Для того чтобы определить состояние организованной преступности в нашей стране, и в регионах в частности, мы проанализировали статистические данные, которые помогли нам составить общее представление о состоянии организованной преступности на современном этапе. Согласно этим показателям на 2018 г., г. Москва занимает лидирующее положение по совершению преступлений организованной группой, преступным сообществом. Этот факт демонстрирует, что для совершения преступных деяний организованная преступная группа выбирает своей целью именно города с высокой доходностью населения, для реализации своих преступных нужд.

Обращаясь к статистике за 2013–2017 гг. [5], можно сделать вывод, что организованная преступность по-прежнему является угрозой для

национальной безопасности и стабильности в обществе, оказывая влияние на социальное, политическое, финансово-экономическое развитие общества, которое на данный момент носит ярко выраженный транснациональный характер [1].

Проведенный анализ состояния ОП в Российской Федерации за 2017 г. хоть и свидетельствуют о небольшом увеличении (+5,5 %) общего количества регистрируемых преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями), но даже небольшой прирост является стимулом для более активного наблюдения за данным преступным явлением как со стороны криминологов, так и со стороны правоохранительных органов.

Следовательно, проблема, связанная с их предупреждением, выявлением и раскрытием, продолжает оставаться актуальной. Большая часть зарегистрированных преступных деяний, совершенных ОГ и ПС (ПО), относятся к особо тяжким и тяжким категориям преступлений (97 %).

В 2017 г. сохранялись негативные тенденции, присущие организованной преступности. В их числе транснационализация совершения преступных деяний ОГ и ПС (ПО), а также высокий рост латентности преступной деятельности.

Также в структуре организованной преступности продолжают преобладать преступления, направленные на экономическую сферу (32,5 %), и преступные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (29,4 %), т.е. приносящие наиболее большую прибыль.

Следует учесть, что организованная преступность идет в ногу со временем, широко используя последние научно-технические достижения науки, техники, компьютерных технологий, позволяющие повышать уровень интеграции преступных сообществ, усложнять и маскировать совершаемые преступления, а также вести в сетевой социальной среде криминальную пропаганду, осуществлять «разведку» информационного пространства для достижения широкомасштабных криминальных целей и расширять сферы влияния.

В материалах судебной практики данный тезис является обоснованным, поскольку при изучении судебно-практических документов было выявлено, что Замоскворецкий районный суд г. Москвы в приговоре от 22 августа 2016 г., в уголовном деле № 1-65/2016 установил, что гражданин С.И. Колесов совершил организацию преступного сообщества. Из текста приговора следует, что: «Колесов С.И. в составе преступного сообщества (преступной организации) совершил исполь-

зование и распространение компьютерных программ, заведомо предназначенных для несанкционированного копирования компьютерной информации и нейтрализации средств защиты компьютерной информации, организованной группой» [3].

Этот пример демонстрирует нам ориентиры организованной преступности на углубленное освоение особых компьютерных знаний, которые помогут беспрепятственно совершать общественно опасные деяния.

Следует отметить, что информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» активно осваивается и лицами, входящими в состав организованной преступности, занимающейся незаконным оборотом наркотических средств, посредством более сложных компьютерно-технических способов обмена сообщениями между членами ОПГ, и иными участниками преступных схем.

Происходит отход от насильственных способов достижения преступных целей в пользу иных методов воздействия («война компроматов», информационная война, недобросовестная конкуренция).

Устанавливается связь с экстремистскими и террористическими организациями, а также связь с коррумпированными должностными лицами различного уровня.

Значительная общественная опасность преступлений, совершаемых ОГ и ПС (ПО), обусловлена устойчивой антиобщественной направленностью их деятельности, постоянной нацеленностью их членов на совершение новых преступлений. Зачастую организованные группы представляют собой специфические объединения, формирующиеся по этническому принципу.

В отличие от других преступных формирований, этнические имеют более сплоченный характер, поскольку корыстные мотивы подкрепляются традиционными ценностями национальной диаспоры.

Для иллюстрации данного тезиса приведем пример из судебной практики: Люблинский районный суд г. Москвы в вынесенном приговоре от 11 февраля 2016 г. установил, что А.К. Наджарян «совершил участие в преступном сообществе (преступной организации), а также совершил хранение, перевозку в целях сбыта и сбыт заведомо поддельных банковских билетов Центрального Банка Российской Федерации, совершенное организованной группой». В материалах дела, указывающих на признаки состава преступления по ст. 210, указан также и признак этнического преступного сообщества:

«Преступное сообщество (преступная организация) имело стабильный состав, основанный на принципе землячества и общности

преступных интересов, в него входили исключительно уроженцы кавказского региона, знакомые между собой продолжительный период времени, что усиливало постоянство связей между членами преступного сообщества (преступной организации) и отличало их специфичностью методов деятельности при подготовке и совершении преступлений, поскольку традиции, обычаи и ритуалы являются эффективным средством сплочения, способствуя развитию внутригрупповых отношений и социально-психологическому климату» [4].

Таким образом, при анализе судебной практики установлено, что этнический состав организованной преступной группы является реальной угрозой, подрывающей целостность экономической и социальной жизни общества и государства.

Это обстоятельство обеспечивает жизнеспособность такой криминальной группы, повышает сопротивляемость внешнему воздействию со стороны конкурирующих преступных организаций. Они мобильны при подготовке и совершении преступлений, хорошо приспосабливаются к новым условиям. Одновременно в целях расширения своих возможностей и максимального облегчения противоправной деятельности они идут на временный союз с другими этническими преступными формированиями, что является одной из негативных тенденций в сфере обеспечения защиты конституционных прав и свобод граждан [2].

Центральный федеральный округ является лидером по совершению общественно опасных деяний этническими преступными группами, с наибольшим количеством преступлений. В 2017 г. зарегистрировано 736 преступных деяний, основная часть которых составила 16,5 % преступных деяний, совершенных ОГ и ПС (ПО), что выше, чем средний показатель по РФ (11,3 %), такую же ситуацию мы видим и в Южном федеральном (15,1 %) и в Приморском федеральном округах (12,8 %).

Наибольшую активность этнические преступные группы проявляют в больших и многонаселенных городах с развивающейся инфраструктурной деятельностью, а также в регионах с развитой индустрией.

На основании вышеизложенного мы можем прогнозировать рост общего числа совершения организованных форм общественно опасных деяний в сфере экономики и незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М., Бражников Д.А.* Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2018. 86 с.
2. *Васин Ю.Г.* Планирование и моделирование мер борьбы с организованной преступностью: особенности методологии и перспективы // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 103–106.
3. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы дело № 1-65/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Приговор Люблинского районного суда г. Москвы № 01-0029/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Статистический сборник «Состояние преступности в России за август 2018 г.» / Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт Генпрокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru>.

ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Е.А. Захаров, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Под организованной преступностью понимается совершение преступлений с целью извлечения средств к существованию, получения основного или дополнительного дохода. Профессиональная преступность представляет собой относительно замкнутую общественно опасную подсистему, обладающую рядом признаков и характеристик, способную к самовоспроизводству криминальной деятельности. Задача написания статьи заключается в рассмотрении факторов, влияющих на существование и развитие организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность; преступное сообщество; бандитизм; состояние преступности; национальная безопасность; профилактика преступности.

Деятельность преступных организаций и сообществ характеризуется активным желанием «адаптироваться» к трансформации условий в обществе в собственных целях. В случае просчетов в управлении делами государства и общества эти организации и сообщества могут опережать события, влиять на важные экономические, политические, социальные и другие решения, в том числе на законодательный план.

Утверждается, что если обычная преступная деятельность атакует общество, действуя против его институтов, в том числе против государства, преступная деятельность организованного характера в этом нападении старается опираться на структуры государства, гражданского общества (общественные организации, фонды и т.д.), правовые, экономические и другие структуры, которые заметно подрываются под воздействием преступной эмансипации с помощью различных манипуляций коррупционной направленности в отношении государственного аппарата.

Эти структуры криминализируются с использованием следующих механизмов: коррупция; дискредитация, шантаж, угрозы; физическое устранение несостоятельных лиц.

С.В. Ванюшкин считает, что «в результате создается новая социальная ситуация: общество начинает характеризоваться усилением криминальности многих его структур и характеристик. В то же время преступная деятельность организованного характера, которая вводила или контролирует функционеров в политике, экономике, социальной и духовной сферах общества, активно выступает против процессов декриминализации жизни общества» [4].

Организованная преступность: вовлекает значительную часть населения в преступную деятельность и сферу ее обслуживания; обеспечивает конкретное структурирование общества с определением такой субструктуры, как «криминальное общество», которое влияет на широкие общественные отношения (в разные периоды с различной степенью интенсивности и эффекта); структурирует криминальное общество, определяет его экономическую, социальную, политическую и духовную иерархию.

Л.М. Яковлев отмечает, что мафия формирует свое «государство в государстве». Однако преступное общество не является преступным государством. В криминальном обществе выделяются экономическая, социальная, политическая и духовная сферы жизни; существует криминальная «политическая власть» и ее преступная оппозиция; идет ожесточенная борьба за власть [5].

У криминального общества есть своя социальная структура и своя политическая система. Существуют «арбитражные суды», которые занимаются всеми видами дел. Периоды эскалации и наступления криминального общества характеризуются использованием политической системы и лоббированием криминального интереса в органах государственной власти. Большое значение придается поддержанию, распространению и развитию криминальной идеологии и психологии, в том числе через институты правового общества, СМИ.

«Криминальное общество» – это особый, криминальный мир, большая часть которого социализируется в рамках его норм, традиций, ценностей, стереотипов поведения, а также связей этого и внешнего мира.

Криминальное общество, по существу, альтернативное формально признаваемому, основанному на одобряемых государством, официальными институтами гражданского общества, религией, системой отношений и ценностей, на самом деле является одной из подструктур человеческого общества в целом и находится в постоянном взаимодействии с юридическим, или «официальным», обществом.

Часть преступного общества функционирует в правовом режиме, в рамках официального общества, другая часть – в теневом и скрытом режиме, оставаясь как бы «невидимой» для правоохранительных органов. Линии взаимодействия многочисленны и многогранны. Членами криминального общества могут считаться не только лица, совершающие преступные деяния или осуществляющие другие действия в рамках организованных объединений преступного характера. Есть также те, кто обслуживают конкретные потребности этих субъектов, получая доход от преступных фондов.

Те, кто участвуют в преступной деятельности, являются членами семей лиц, которые совершают преступные деяния, получают небольшие пенсии, надбавки или заработную плату, или не получают их вовремя, даже те, которые связаны с официальными властями, и, следовательно, члены семьи, которые живут за счет преступных доходов.

По мнению Ю.Г. Васина [3], факторами, которые вызывают развитие организованной преступности в России, являются:

1) эскалация захвата имущества и других методов незаконного личного обогащения (периоды «стагнации» социалистической стадии развития, реструктуризации и начала реформ – 1970-е гг. – конец 1980-х гг.);

2) все более масштабные процессы незаконного личного обогащения и перераспределения собственности, принятие политических мер по легализации и защите преступного капитала; начало использования официальных структур, в том числе средств массовой информации, в интересах теневого, в том числе преступного, бизнеса; открытое подавление общественного недовольства, ослабление официального противодействия преступности посредством регулярной реформы правоохранительных органов, их скудное финансирование и т.д.; развитие теневого правосудия; переход растущей части населения к сотрудничеству с преступниками и запутанное, пассивное отношение других граждан к ним (конец 1980-х – начало 2000-х гг.);

3) глобализация частного присвоения национального богатства России и экспорта капитала за рубеж; усиление незаконного и криминального контроля в регионах и в различных секторах экономики; криминализация государственной власти; приобретение части средств массовой информации или их личностей с новыми крупными совладельцами, представляя свою цензуру; ориентация правоохранительных органов на усиление борьбы с уличными и другими видами преступлений без успешной конфронтации с лидерами организованных преступных групп и их экономической преступной деятельностью, коррупцией; развитие собственных механизмов выживания и реагирования на преступную деятельность, в том числе и вопреки закону.

Что касается существования организованной преступности в современной России, то необходимо различать следующее. Сегодня преступная деятельность организованного характера представляет собой угрожающе развивающийся транснациональный феномен, который функционирует по всему миру и затрагивает интересы всех стран.

Во-первых, это компонент таких сложных и глобальных явлений, как экономическая и связанная с ними жесткая политическая конкуренция на основе раздела, завоевания экономических ресурсов и рынков. Под видом организованной деятельности преступного характера, в том числе, в частности, терроризма [1], коррупции [2], фактически, актов вторжения одних государств не только на территории, но и в различные области других государств. Довольно часто соответствующие действия реализуются через различные глобальные организации, которые называются «террористами», «сектами» и т.д.

Во-вторых, глобализация преступных процессов является результатом глобализации конфликта между «безумным» богатством и крайней нищетой, когда больше не действуют отдельные люди как полярные субъекты, а разные социальные группы, которые объединяются в мировом масштабе по разным причинам, в том числе криминологически значимые.

В-третьих, конец XX в. – начало XXI в. Развитие теневой экономики на данном историческом этапе сильно ускорило расширение транснациональных преступных корпораций, поскольку в то время организованная преступность приспособилась к реформированию и перестройке не только страны в целом, но и теневой рыночной системе, которая была ориентирована уже не только на внутренние рынки сбыта, но и на мировую транснациональную преступную деятельность.

Список литературы

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // Рос. газ. 2012. № 35. 17 февраля.
2. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Рос. газ. 2013. № 154. 17 июля.
3. *Ванюшкин С.В.* Организованная преступность в реформируемой России и направления борьбы с ней: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1225462>.
4. *Васин Ю.Г.* Планирование и моделирование мер борьбы с организованной преступностью: особенности методологии и перспективы // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 183–186.
5. *Яковлев Л.М.* Организованная преступность: понятие, история, деятельность, тенденции. М.: Юристъ, 2014.

СИСТЕМА МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

К.Ю. Захарова, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассматриваются проблемы установления системы мер по противодействию коррупции, применяемых в отношении сотрудников органов внутренних дел. Совокупность коррупционных рисков соответствующей служебной деятельности должностных лиц органов внутренних дел, осуществляющих организацию и обеспечение деятельности по охране общественного порядка, и определяет содержание коррупционных преступлений, требующих систему мер по противодействию данному явлению.

Ключевые слова: коррупция; коррупция в правоохранительных органах; меры по противодействию коррупции; правовые запреты.

Под системой мер по противодействию коррупции в ОВД рассмотрим систему правовых запретов и ограничений, которая ориентирована на обеспечение субъективных служебных прав сотрудников ОВД, гарантирующих равенство их возможностей в процессе прохождения службы в органах внутренних дел. Так как административно-правовой

запрет представляет собой одну из строгих форм правового регулирования, что обеспечивается государственным принуждением и тем, что за его нарушение используются меры юридической ответственности.

Административно-правовые запреты – наиболее выработанный механизм противодействия коррупции в органах внутренних дел, законодательные нормы, закрепляющие ряд административных запретов в системе органов внутренних дел, действуют длительное время во всех органах внутренних дел. В некоторых случаях нормы, закрепляющие административный запрет, заключаются непосредственно в ведомственных нормативных правовых актах, в других законодатель ссылается на общегосударственные запреты, распространяемые на все виды государственной службы.

Законом о службе в ОВД предусмотрен ряд ограничений к приему на службу в полицию граждан, с целью создания дополнительных средств обеспечения кадровой безопасности, включая предупреждение коррупции в ОВД (следует отметить, что данные ограничения распространяются также и на сотрудников органов внутренних дел, не являющихся сотрудниками полиции) [4].

На сотрудника полиции распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Законом о коррупции и ст. 17, 18 и 20 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2], за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих осуществлению сотрудником полиции оперативно-розыскной деятельности. Такие ограничения, запреты и обязанности, а также сотрудники полиции, на которых они не распространяются, в каждом отдельном случае определяются в порядке, устанавливаемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Разбор вопросов, касающихся соблюдения сотрудниками органов внутренних дел ограничений и запретов, исполнения ими обязанностей, установленных Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] и другими федеральными законами, осуществляется в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации.

Запреты и ограничения антикоррупционного характера, действующие в системе органов внутренних дел, можно систематизировать по области действия: запреты и ограничения, используемые в отношении сотрудников ОВД в политической области. Для сотрудников могут быть ограничены конституционные (основные) права на объединение и на участие в управлении делами государства, предусмотренные ст. 30, 32 Конституции РФ [1]. Запрещено состоять в политических

партиях, материально поддерживать их и принимать участие в их деятельности [6]. Сотрудник должен быть исключен из списка присяжных заседателей, так же как судьи, прокуроры, сотрудники ряда других правоохранительных органов и военнослужащие.

Запреты и ограничения, применяемые в отношении сотрудников ОВД в экономической области. Сотрудники ОВД, как и другие государственные служащие, могут быть ограничены в праве на экономическую деятельность в сфере частного предпринимательства, а также в возможности осуществлять вторичную оплачиваемую занятость (совместительство): осуществлять предпринимательскую деятельность, участвовать на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в органе, где он проходит службу.

Обязанность передать принадлежащие сотруднику ценные бумаги, акции, доли участия, паи в уставных или складочных капиталах организаций в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством.

Получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, деньги, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иное). Выезжать в связи с исполнением служебных обязанностей за пределы территории РФ за счет средств физических и юридических лиц, за исключением официальных договорных отношений с органами государственной власти других стран, международными и иностранными организациями. Использовать в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средств материально-технического обеспечения. Другое государственное имущество.

Заниматься без письменного разрешения руководства МВД России оплачиваемой деятельностью, финансируемой за счет средств иностранных государств и организаций, а также граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором РФ.

Работать по совместительству, за исключением научной, педагогической и иной творческой деятельности. Закон о службе урегулировал данный вопрос следующим образом: на основании ч. 4 ст. 34 работа сотрудников органов внутренних дел по совместительству не допускается, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности, которая не приводит к возникновению конфликта интересов и не влечет за собой ухудшение выполнения сотрудником обязанностей по замещаемой должности в органах внутренних дел.

При этом преподавательская, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации [5].

Действующие в период прохождения службы, в том числе отказ от предоставления или представление заведомо ложных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, неуведомление или несвоевременное уведомление должностных лиц о фактах обращения к сотруднику органа внутренних дел в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений

Действующие в отношении граждан, прекративших службу (после увольнения). После увольнения с должности, упомянутой в указе Президента Российской Федерации от 18.05.2009 № 557 (все категории сотрудников ОВД, обязанных предоставлять сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера), сотрудники могут замещать должности, а также выполнять работу на условиях гражданско-правового договора в коммерческих и некоммерческих организациях, если отдельные функции государственного управления данными организациями входили в должностные обязанности сотрудника ОВД только по истечении 2 лет с момента увольнения. Ранее этого срока такая работа возможна только с согласия комиссии по соблюдению требований к служебному поведению сотрудников ОВД и урегулированию конфликта интересов [6].

Запрет на разглашение или использование в интересах организаций либо физических лиц сведений конфиденциального характера или служебной информации, ставших известными в связи с исполнявшимися ранее обязанностями сотрудника ОВД.

По наступлению неблагоприятных последствий, так, за нарушение антикоррупционного стандарта поведения сотрудник органов внутренних дел может быть привлечен к различным видам ответственности, уголовная ответственность за нарушение коррупционных норм и правил наступает согласно нормам Уголовного кодекса РФ.

В гл. 30 УК РФ (Преступления против государственной власти, интересов государственной службы) – ст. 285 (Злоупотребление должностными полномочиями), ст. 285.1 (Нецелевое расходование бюджетных средств), ст. 289 (Незаконное участие в предпринимательской деятельности), ст. 290, 291 (Получение и дача взятки), ст. 291.1, ч. 2 (Посредничество во взяточничестве); ст. 292 (Служебный подлог). Также к преступ-

лениям коррупционного характера, относятся общественно опасные деяния против собственности (гл. 21 УК РФ), совершаемые сотрудниками органами внутренних дел с использованием служебных полномочий – ст. 159, ч. 3 (Мошенничество), ст. 160, ч. 3 (Присвоение или растрата), ст. 165 (Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием). Против общественной безопасности (гл. 24 УК) – ст. 226, ч. 3 п. «в» (Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств) и т.д.

Административная ответственность наступает за совершение правонарушений, предусмотренных особенной частью Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). К административным правонарушениям коррупционного характера, субъектом которых может являться сотрудник органов внутренних дел, из корыстных и других личных побуждений недобросовестно осуществляющий публичные функции представителя власти, относятся ст. 17.13 (Разглашение сведений о мерах безопасности, примененных в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, либо в отношении его близких), ст. 19.28 (Незаконное вознаграждение от имени юридического лица, передаваемое, предлагаемое или обещаемое в форме денег, ценных бумаг или иного имущества, либо оказания услуг имущественного характера), ст. 7.27 (Мелкое хищение: например ГСМ и расходных материалов), ст. 19.17 ч. 1 (Незаконное изъятие удостоверения личности гражданина (паспорта), ст. 19.12 (Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания), ст. 20.8 ч. 1 (Нарушение правил производства, продажи, хранения или учета оружия или патронов к нему, если эти действия не содержат уголовно-наказуемого деяния), ст. 20.9 (Установка на гражданском или служебном оружии приспособлений для бесшумной стрельбы или прицела (прицельного комплекса) ночного видения), ст. 20.11 ч. 2 (Нарушение должностными лицами сроков регистрации, перерегистрации оружия или сроков постановки его на учет), ст. 20.16 (Незаконная частная детективная или охранная деятельность, включая незаконную деятельность по подготовке и переподготовке кадров для выполнения таких задач), ст. 20.19 (Нарушение особого режима в закрытом административно-территориальном образовании), ст. 20.24 (Незаконное использование специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в частной детективной или охранной деятельности).

Необходимо иметь в виду, что в процессе привлечения сотрудника полиции к административной ответственности необходимо строго соблюдать требования, предусмотренные ст. 2.5 КоАП РФ.

Дисциплинарная ответственность. Действующее законодательство РФ предусматривает привлечение сотрудника полиции к дисциплинарной ответственности по следующим основаниям:

«Несоблюдение сотрудником ОВД запретов и ограничений, установленных антикоррупционным законодательством РФ, относится к грубым нарушениям служебной дисциплины и является основанием к увольнению со службы (п. «к» ч. 1 ст. 58 и п. «а» ч. 1 ст. 50, 50.1 Закона о службе, ч. 2 ст. 40 Закона о полиции)».

«Невыполнение сотрудником ОВД, отнесенных к категории обязанных представлять достоверные сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей является основанием к освобождению сотрудника от замещаемой должности, либо привлечению его к другому виду дисциплинарной ответственности (п. 8 ст. 8 Закона о коррупции)».

Невыполнение сотрудником требования об информировании руководства органа МВД России, прокуратуры, других уполномоченных органов о случаях обращения к нему в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений влечет увольнение сотрудника со службы либо иной вид юридической ответственности (ч. 3 ст. 9 Закона о коррупции).

Можно выделить еще один вид ответственности – морально-этический. Последний вид имеет особое значение в условиях развитого гражданского общества.

Сотрудник ОВД, не желающий принять положения Типового кодекса о правилах и нормах поведения, а также стандарт антикоррупционного поведения, в последующем освобождается от занимаемой должности с прекращением службы в ОВД.

Нарушение сотрудником профессионально-этических принципов и норм, предусмотренных типовым кодексом, влечет рассмотрение данного обстоятельства на собраниях личного состава или на заседании комиссий по служебной дисциплине и профессиональной этике. В результате такого рассмотрения сотруднику может быть объявлено общественное предупреждение или общественное порицание.

Внедрение вышеперечисленных запретов и ограничений в повседневную практику системы органов внутренних дел будет способствовать существенному снижению профессиональной девиации сотрудников полиции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21. 07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.04.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». М., 2017.
3. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». М., 2017.
4. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 03.04.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». М., 2017.
5. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2015. 361 с.
6. *Рамазанов Р.У.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как эффективный способ противодействия коррупции // Право и политика. 2011. № 10. С. 1674–1678.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕР ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

К.Ю. Захарова, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Коррупция в правоохранительных органах является одной из основных угроз национальной безопасности, поскольку подрывает финансовую систему, доверие населения к государству, а также способность государственных служащих защищать национальные интересы путем использования должности для собственного обогащения. Борьба с коррупцией не является отраслевой реформой. Она имеет влияние на все сферы жизни общества, но

нуждается в системных институциональных изменениях, которые, в конце концов, должны изменить общественное сознание. Только нулевая толерантность к коррупции позволит ввести новые стандарты поведения для госслужащих и восстановит доверие к государственным институтам.

Ключевые слова: коррупция; национальная безопасность; коррупционное посягательство; коррупционное влияние; предотвращения коррупционных преступлений.

В нашей стране для борьбы с коррупцией сделано многое: создана законодательная база противодействия коррупции, приняты организационные решения по ее предупреждению, активизирована деятельность правоохранительных органов. Тем не менее, несмотря на принятые меры, уровень коррупции остается довольно высоким. Еще одной причиной увеличения количества нераскрытых коррупционных преступлений и роста числа уголовных дел, прекращенных судом за недоказанностью вины подсудимых, является проблема кадрового обеспечения органов внутренних дел, отсутствие профессионализма сотрудников, осуществляющих выявление и расследование по делу, связанному с коррупцией [2].

Для того чтобы добиться позитивных изменений по вопросу борьбы с коррупцией, необходимы комплексная система мер противодействия ей, организация государственного и общественного контроля, исходя из целевой установки, чтобы коррупция «оказалась для ее субъектов не только опасной и психологически некомфортной, но и экономически невыгодной».

Для успешной реализации антикоррупционных мер необходим обмен опытом между регионами, федеральными структурами, а также органами местного самоуправления. Проблему коррупции можно решить только с помощью «комплекса мероприятий, проводимых последовательно в каждой области ее возможного проявления, в том числе направленных не только на искоренение, но и на недопущение появления способствующих коррупции факторов» [6].

Увеличить количество служебных проверок. Создать правовые акты, которые бы более подробно регламентировали порядок и сроки их проведения, закрепляли полномочия должностных лиц, которые имеют право их проводить, права служащего правоохранительной службы, в отношении которого проводится проверка.

Целесообразно принять закон об антикоррупционной политике в Российской Федерации, предусмотреть реальные механизмы его реализации через систему действующих государственных программ Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Необходимо разграничить кадровую политику в системе правоохранительной службы и деятельность по противодействию коррупции. Для этого предлагается создать независимый орган по борьбе с коррупцией, напрямую подчиняющийся Президенту Российской Федерации и имеющий широкие полномочия по проведению собственных расследований коррупционных проявлений, в рамках которого будет обеспечено сочетание политической воли и широких механизмов противодействия коррупции, включающих комплекс не только уголовных, но и административных правовых средств [1].

Целесообразно изменить подходы к проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, дополнив действующую методику совокупностью приемов, способов и средств исследования, условий и процедур их применения, а также пересмотреть набор коррупциогенных факторов, исключив из их числа правовые дефекты, подлежащие выявлению в ходе правовой (юридической) экспертизы, и определив те дискреционные полномочия, которые имеют право на существование в нормативных правовых актах [5].

Дополнить действующее законодательство о правоохранительной службе системой реальных льгот и гарантий, позволяющих компенсировать ограничения общегражданского статуса, которые лицо добровольно принимает на себя, поступая на службу, а также восстановить баланс между налагаемыми запретами, ограничениями и дополнительными обязанностями, и правовым статусом и объемом полномочий служащих правоохранительных органов в зависимости от категорий и групп должностей [3].

Целесообразно повысить престиж службы в правоохранительных органах посредством радикального улучшения кадровой политики, позволяющей привлечь высокопрофессиональных служащих, обладающих высокими морально-психологическими качествами, исключая возможность коррупционных проявлений, способных обеспечивать качественное исполнение полномочий органов государственной власти.

Ввести дополнительное тестирование для кандидатов, обеспечивающих собственную безопасность правоохранительных органов. Кроме того, они должны проходить более углубленную проверку перед поступлением на службу в подразделения собственной.

Увеличить количество служебных проверок. Создать правовые акты, которые бы более подробно регламентировали порядок и сроки их проведения, закрепляли полномочия должностных лиц, которые имеют право их проводить, права служащего правоохранительной службы, в отношении которого проводится проверка.

Необходимо повышение открытости и обеспечение информационной прозрачности о деятельности государственного органа. Укрепление связи с общественными организациями антикоррупционной направленности для повышения доверия общественности к правоохранительным органам. Органы внутренних дел должны принимать участие в разработке социальных антикоррупционных программ, формировании социальных институтов по предупреждению коррупции и пр. [4]. Обеспечить максимальный доступ граждан к информации, связанной с осуществлением антикоррупционных мер.

Таким образом, успешная служебная деятельность сотрудников правоохранительных органов возможна при наличии многих условий, из среды которых одним из важнейших является уверенность в надежной защите государством их прав, свобод, интересов и обязанностей и как граждан, и как лиц, осуществляющих функции сотрудников государственного органа. Отсутствие моральной удовлетворенности от содержания работы, уверенности в правовой и социальной защищенности, недовольство организацией, условиями и оплатой труда, становятся сегодня главными причинами оттока квалифицированных работников из аппарата правоохранительных органов. Действительно, организация имеет ряд обязанностей перед работником, которые сейчас должным образом не выполняются. И дело не только и не столько в низкой заработной плате или задержках с ее выплатой, сколько в характере и содержании работы, обеспечении правовой и социальной защиты, возможностей повышать профессиональную квалификацию, перспективах служебного роста. Ведь бесспорно, что чем более привлекательной для работников с точки зрения удовлетворения их потребностей и интересов является организация, тем больше у нее возможностей для эффективного функционирования.

В нынешней России коррупция выражается в весьма различных формах. Со временем это разнообразие расширяется, возникают новые формы, которые еще не имеют названия и точного описания. Воздействие коррупции столь огромно, что она ломает действующие демократические институты, подрывает доверие людей к правоохранительным органам, усиливает политическое и экономическое неравенство, вызывает организованную преступность, ставит под угрозу национальную безопасность страны. Масштабы коррупции в России так колоссальны, что власти грозит абсолютная утрата контроля над жизнедеятельностью государства.

Коррупцию, однако, можно снизить путем принятия комплексных мер по борьбе с ней. Конечно же, ее нельзя ликвидировать за один

день, но все-таки должны осуществляться действия в этом направлении. Нельзя сказать, что в России борьба с коррупцией идет полным ходом, но, во всяком случае, эта проблема выносятся на обсуждение и разрабатываются разнообразные стратегии, что немаловажно.

Список литературы

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 03.04.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Белова С.В., Алексеева Л.Г. Соблюдение законодательства о борьбе с коррупцией // Законность. 2011. № 8. С. 30–33.
3. Валиев Р.Г. К вопросу о дискреционных нормах российского права // Ученые записки Казанского ун-та. Серия «Гуманитарные науки». Кн. 4. Казань, 2012. Т. 154. С. 7–15.
4. Гладких В.И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления // Российский следователь. 2001. № 3. С. 77–79.
5. Крюкова Н.И. Сущность коррупции и ее причины // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 50–51.
6. Рамазанов Р.У. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как эффективный способ противодействия коррупции // Право и политика. 2011. № 10. С. 1674–1678.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М.В. Ибетов, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Сложившаяся ситуация обусловила необходимость совершенствования уголовно-правовых мер противодействия указанным негативным явлениям. Нормативно устанавливая запрет на совершение ряда деяний, которые могут нанести существенный ущерб наиболее значимым экономическим отношениям, государство тем самым осуществляет их уголовно-правовую защиту.

Ключевые слова: финансово-кредитные правонарушения; экономические преступления; социальная обусловленность закона; криминализация; декриминализация.

В науке уголовного права возникновение вопроса о социальной обусловленности закона неразрывно связано с тем, каковы адекватные

критерии криминализации и декриминализации тех или иных деяний в социальной действительности – другими словами, какой должна быть реальная социальная обусловленность уголовно-правового запрета, как справедливо отмечают отечественные специалисты.

Научное обоснование криминализации и декриминализации деяний несомненно важно для того, чтобы уголовный закон, охраняя общество от преступных посягательств, активно способствовал не только стабилизации существующих общественных отношений, но и целенаправленному их изменению [4].

Следует сказать о том, что уголовное законодательство, которое реализует самую жесткую форму государственного воздействия на общество, в первую очередь предназначено для претворения в жизнь правоохранительной задачи.

Сущность проблемы обусловленности установления уголовной ответственности за исследуемые нами деяния заключается в определении допустимости, возможности и целесообразности установления уголовно-правового запрета, а также критериев, при наличии которых поведение участников общественных отношений объявляется преступным. Иными словами, речь идет о наличии объективных и субъективных требований жизни, детерминирующих установление уголовной ответственности за рассматриваемый вид преступлений [7].

Современный этап функционирования российской экономики обусловил появление новых разновидностей общественно опасных посягательств в данной сфере.

Отношения в сфере экономической сфере деятельности изначально связаны с потоками денежных средств, товаров, множеством видов работ и услуг имущественного характера, что не может не привлекать внимания тех, кто стремится противоправным путем извлечь сверхприбыль за счет участников указанных отношений.

Как правильно отмечает ряд российских ученых, в условиях реальной возможности подрыва нормальных условий функционирования экономических механизмов особая роль в оздоровлении анализируемой сферы отводится уголовной ответственности за наиболее опасные посягательства на ее устои [5].

Ключевой фактор при анализе вопроса социально-правовой обусловленности противодействия преступлениям в экономической сфере деятельности связан с решением вопроса о том, адекватно ли действующие уголовно-правовые предписания отражают объективные социально-правовые реалии, не противоречат ли им.

В качестве факторов социально-экономической обусловленности нормативного закрепления ответственности за противоправные деяния

в сфере экономической деятельности в современных условиях выступают:

– распространенность таких деяний (несмотря на относительно небольшой удельный вес данных преступлений в общей структуре преступности, их следует признать достаточно распространенными в силу высокой латентности, как скрытой, так и скрываемой);

– необходимость организации эффективной защиты прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства от действий, нарушающих нормальное осуществление экономической деятельности;

– значительный размер вреда, причиняемого хозяйствующим субъектам, а также экономическим интересам общества и государства в результате таких деяний и т.д. [2].

Полагаем, что все факторы, предопределяющие обусловленность криминализации преступлений в сфере экономической деятельности, следует разделить на две группы:

1) социальные факторы:

а) духовные и социальные потребности общества, удовлетворение которых происходит не в полном объеме за счет неправомерного поведения участников экономических отношений;

б) политические факторы выражаются в необходимости эффективной защиты экономических отношений как основы стабильности осуществления государственной власти за счет обеспечения экономической безопасности личности, общества, государства;

в) международные (конкурентоспособность российской экономики на мировом рынке);

г) правовые (необходимость создания эффективной системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану экономических отношений, регулируемых другими отраслями права, неспособных в силу своей природы защитить такие отношения);

2) экономические факторы:

а) динамичное развитие экономики, в первую очередь рыночных отношений (стремление участников данных отношений к рентабельности, стабильной прибыльности);

б) формирование федерального, региональных и местных бюджетов за счет налогов и сборов, собираемость которых страдает из-за различных злоупотреблений хозяйствующих субъектов, в первую очередь за счет обмана и злоупотребления доверием со стороны последних;

в) потребности бизнеса в защите от возникших в последние годы новых угроз в виде так называемого рейдерства.

Таким образом, социально-экономическая обусловленность уголовно-правовых мер противодействия совершению преступлений в сфере экономической деятельности проявляется в совокупности объективных материальных признаков, свидетельствующих о необходимости криминализации лишь, безусловно, наиболее значимых и общественно опасных нарушений в сфере экономических отношений, которые значительным образом затрагивают права и законные интересы личности и общества, основы экономической безопасности личности, общества и государства.

Если факторами социально-экономической обусловленности криминализации различных деяний в сфере экономической деятельности выступают различные общественные процессы, то «основанием установления конкретных уголовно-правовых запретов, закрепления признаков составов преступлений в статьях уголовного закона является наличие в таких проявлениях человеческой деятельности признаков общественной опасности» [1].

Отметим, что нормативное закрепление на уровне уголовно-правового запрета ответственности за деяния в сфере экономической деятельности осуществляется законодателем на основе такого формально-юридического критерия, как общественная опасность. А уже в качестве второго основания – материально-правового – выступают соответствующие социально-экономические факторы, которые обуславливают такую общественную опасность.

В теории уголовного права отмечается: «общественная опасность деяния представляет собой свойство, способность деяния причинять вред (ущерб) общественным отношениям и интересам, взятым под охрану законом» [6].

Основываясь на приведенном определении, можно утверждать, что преступления в сфере экономической деятельности обладают объективной способностью причинять существенный вред экономическим отношениям, либо ставить их под угрозу причинения такого вреда за счет нарушения установленного порядка взаимодействия участников этих отношений.

Н.Ф. Кузнецова отмечала, что «общественная опасность преступления – исторически изменчивая категория. Изменение ее объективно и обусловлено социально-экономическими процессами, происходящими в обществе» [3].

Сущность общественной опасности рассматриваемых преступлений состоит в объективной способности деяний, закрепленных в гл. 22 УК РФ, производить негативные изменения в социальной действительности, нарушать упорядоченность системы общественных отношений,

деформировать и вносить элементы дезорганизации в отношения в сфере экономической деятельности.

Формой существования и выражения содержания общественной опасности является сама структура преступлений, предусмотренных в рамках гл. 22 УК РФ.

Общественная опасность преступных деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности, выступает содержательной стороной и главным определяющим критерием социально-экономической обусловленности установления уголовной ответственности за данную категорию преступлений.

В качестве социальных последствий рассматриваемых преступлений, на наш взгляд, следует рассматривать не только предусмотренный уголовным законом крупный ущерб, но и фактические вредные изменения в общественных отношениях в сфере экономической деятельности. Полагаем, что в результате противоправных действий в сфере экономической деятельности происходит эскалация недоверия применительно ко всем участникам экономических отношений, за счет чего усложняется процедура регистрации индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций, растут процентные ставки по различным кредитам, вводятся дополнительные элементы обеспечения кредитных обязательств, процветает коррупция.

Кроме того, с течением времени появляются и развиваются новые формы криминальных проявлений в экономике, например, рейдерство, приводящее к незаконному приобретению права на чужое имущество в виде долей в уставном капитале хозяйственных обществ либо ценных бумаг.

К основным правовым способам регулирования экономических отношений следует относить гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой способы. Полагаем, что эффективность уголовно-правового метода регулирования экономических отношений повышается в случае его использования в сочетании с гражданско-правовым и административно-правовым методами воздействия, в том числе на отношения в экономической сфере деятельности. Представляется, что не следует недооценивать уголовно-правовое регулирование, которое способствует минимизации негативных тенденций в экономике и снижению роста преступлений в сфере экономической деятельности. Следовательно, даже учитывая социальную обусловленность установления именно уголовной ответственности за наиболее опасные деяния в сфере экономической деятельности, нельзя забывать о целесообразности и даже необходимости нахождения оптимального

соотношения уголовно-правовых, административно-правовых и гражданско-правовых методов регулирования экономических отношений.

Таким образом, преступления в сфере экономической деятельности выступают наиболее распространенными деяниями, посягающими на законодательно установленный порядок осуществления экономических отношений.

Необходимость уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере экономической деятельности обусловлена тем, что данные отношения формируют неотъемлемую основу жизнедеятельности для каждой отдельно взятой личности, всего общества и государства и существенно нарушаются в закреплении признаков соответствующих составов преступлений в уголовном законодательстве.

Сущность общественной опасности преступлений в сфере экономической деятельности состоит в объективной способности деяний, предусмотренных в гл. 22 УК РФ, производить негативные изменения в социальной действительности, нарушать упорядоченность системы общественных отношений, деформировать и вносить элементы дезорганизации в экономическую сферу деятельности.

Список литературы

1. Жуковская И.В., Ларичев В.Д. Предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. С. 26–32.
2. Колоколов Н.А. Ростовщичество «под крышей» государства // Юрист. 2001. № 5. С. 19–21.
3. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
4. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 2001. 767 с.
5. Ларичев В.Д., Кудрявцев Д.В. Особенности преступлений, совершаемых руководителями банков // Адвокат. 2005. № 2.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 2000. 572 с.
7. Фисенко С.Б. К вопросу о криминализации и декриминализации некоторых преступлений в сфере экономической деятельности // Современные тенденции развития российского уголовного законодательства: сб. материалов круглого стола (10 июня 2014 г.). М., 2014. С. 110–113.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.В. Ибетов, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Экономические отношения составляют основу функционирования современного российского государства и общества, являясь важнейшим аспектом регулирования, а их защита представляет собой одно из самых приоритетных направлений. Отсутствие эффективной работы экономических государственных механизмов влечет нарушение всех основанных на данных механизмах связей, в результате чего под угрозу ставится само существование и прогрессивное развитие социума, поскольку нарушается нормальное удовлетворение потребностей членов данного общества.

Ключевые слова: экономические преступления; генезис экономических преступлений; законодательство; историко-правовой аспект экономических преступлений.

Понимание сущности преступлений в сфере экономической деятельности связано с уяснением исторических закономерностей и тенденций развития российского уголовного законодательства об ответственности за такие деяния. Исследование исторического контекста формирования и развития уголовного законодательства, регламентирующего вопросы ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, целесообразно произвести с учетом выделения дореволюционного, советского и постсоветского периодов. При этом исследование историко-правового аспекта темы работы неразрывно связано с изучением общей истории развития уголовного законодательства в сфере преступлений против экономики.

В XI–XVI вв. основным нормативным правовым актом, регулирующим имущественные отношения, являлась Русская Правда. В иностранной редакции Русской Правды содержалось указание на то, что «если заимодавец потребует уплаты долга, а должник начнет отпираться, то заимодавец обязан представить свидетелей, которые пойдут к присяге, и тогда он полуже не дал ему кун за много лет, то платити ему за обиду (преступление) три гривны» [13].

В «Великокняжеском» Судебнике 1497 г., как справедливо полагают некоторые ученые, появился ряд новых уголовно-правовых запретов. Так, в целях упорядочения имущественных отношений между

кредиторами и должниками законодатель предусмотрел в Судебнике 1497 г. ст. 55 «О займах», не содержащую, однако, негативных правовых последствий в отношении должников, умышленно обративших кредитные денежные средства в свою пользу. В известном историческом правовом документе под названием Судебник 1497 г. имела место норма, предусматривающая ответственность должника при наличии у последнего «злой воли» не возвращать долг.

В Соборном уложении 1649 г. уже содержится ряд уголовно-правовых норм об ответственности за деяния, которые по своим признакам во многом сходны с преступлениями, описанными в статьях гл. 22 действующего УК РФ (например, фальшивомонетничество, уклонение от различного рода пошлин и податей, нарушение правил торговли и т.д.)

Устав Благочиния 1782 г. предусмотрел такие виды деяний, как обман в торговле, контрабанда, банкротство [2]. В ходе дальнейшего развития российского законодательства, а именно в связи с изданием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [1], в главу «О нарушении постановлений о кредите» были внесены положения, регламентирующие ответственность за торговое банкротство, которое с точки зрения законодателя могло быть как неосторожным, так и злым. В гл. XII Уложения о наказаниях содержались уголовно-правовые нормы об ответственности за нарушение постановлений о кредите. В этой же главе Уложения о наказаниях содержались уголовно-правовые нормы об ответственности за злоупотребления, связанные с банкротством (ст. 1163–1168). Так, в соответствии со ст. 1163 Уложения «кто из лиц, производящих торговлю, будет предписанным для этого порядком изобличен в злонамеренном банкротстве, тот подвергнется лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на время от четырех до пяти лет».

Признаки банкротства разъяснились в ст. 1166 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. применительно к неторговому злостному банкротству: «Кто из лиц, не принадлежащих к торговому сословию, будет признан должником злостным, т.е. таким, о чем доказано, что он, впадши в неоплатные долги, с умыслом, для избежания платежа оных, перекрепил свое имение или передал оное безденежно в другие руки, или же посредством подставных ложных заимодавцев, или иным способом скрыл действительно свое имение или часть оногo, во вред неудовлетворенных вполне заимодавцев...». Также в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных значительное место занимали нормы об ответственности за нарушения правил о производстве торговли, постановлений в торговых обществах,

товариществах и компаниях, за нарушения уставов фабричной и заводской промышленности и т.д.

Например, предусматривалась уголовная ответственность за употребление торгующим лицом весов или мер, не имеющих установленных клейм, даже если эти меры и весы были верны, за что данное лицо подвергалось денежному взысканию, помимо этого признанному виновным в этом нарушении более трех раз воспрещалось производить торговлю (ст. 1175). Такое же наказание предусматривалось и для того, кто был изобличен в употреблении клейменных, но неверных весов или мер, если данное лицо виновно только в недосмотре. Если же такие весы или меры были им употреблены умышленно для обмана, то оно сверх денежного взыскания подвергалось наказанию, определенному за обмер и обвес, и лишалось навсегда права на торговлю (ст. 1176).

В 1898 г. правительство утвердило Положение о государственном промысловом налоге, которое просуществовало вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и занимал одно из ведущих мест в налоговой системе России [12].

Признаки корыстного банкротства, сопряженные с обманом, раскрывались в ст. 599 Уголовного уложения 1903 г. Отметим, что законодательство дореволюционной России не предусматривало ответственности за фиктивное банкротство, так как традиционно существовало два вида преступного банкротства: простое (неосторожное) и злостное (умышленное, тяжкое) [10]. В гл. XVI Уголовного уложения 1903 г. «О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлей» содержались более общие, по сравнению с Уложением 1845 г., нормы об уголовной ответственности за налоговые преступления. Например, в соответствии со ст. 327 данного Уложения уголовное наказание предусматривалось за «помещение в заявлениях, подаваемых в раскладочные по промысловому налогу присутствия, клонящихся к уменьшению сего налога или освобождению от него, заведомо ложных сведений об оборотах и прибылях торговых или промышленных предприятий».

В ст. 328 Уголовного уложения 1903 г. устанавливалась ответственность за «помещение в отчетах и балансах предприятий, обязанных публичной отчетностью, или приравненных к сим последним, или в дополнительных сообщениях или разъяснениях по сим отчетам заведомо ложных сведений, клонящихся к уменьшению промыслового налога или освобождению от него, совершенное членами правлений, ответственными агентами иностранных обществ, бухгалтерии и вообще лицами, подписавшими или скрепившими неверные отчеты, баланс или дополнительные к ним сведения или разъяснения».

Анализ указанных статей Уголовного уложения 1903 г. приводит к выводу о том, что составы налоговых преступлений, во-первых, изначально конструировались как формальные; во-вторых, законодателем того времени приводился исчерпывающий перечень налогов, финансовых документов и субъектов соответствующих преступлений; в-третьих, способ совершения деяния обозначался словосочетанием «помещение ... заведомо ложных сведений» [10]. В первые годы советской власти оживление экономической деятельности в государстве наблюдалось во времена новой экономической политики (НЭП). В это время вновь стал активно функционировать рынок, заключались различные хозяйственные договоры, развивалась налоговая система, относительно независимая кооперация. При этом организовывались различные кооперативы: сельскохозяйственные, промысловые, потребительские, кредитные, инвалидные и другие, действовавшие под контролем органов государства [11].

Следует отметить, что в УК РСФСР 1922 и 1926 [4] отсутствуют нормы о кредитном либо ином экономическом мошенничестве. В советском праве уголовно-правовые нормы, обеспечивающие охрану кредитных и большинства иных экономических отношений, утратили смысл, поскольку сам характер экономики государства стал иным. Существенные изменения в сфере производственных и иных социальных отношений в нашей стране начались в начале 1990-х гг. В частности, к первоначальным шагам на пути развития экономической деятельности можно отнести расширение легальной индивидуальной трудовой деятельности, вызванное дефицитом товаров и услуг.

В 1986 г. был принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» [5], отменивший ограничения на занятие такими видами индивидуальной трудовой деятельности, которые являются полезными для общества и способствуют удовлетворению потребностей населения в товарах и услугах. В 1988 г. принимается Закон СССР «О кооперации в СССР» [6], в 1990 г. – законы «О собственности в РСФСР» и «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [7]. При этом в п. 3 ст. 2 «Право собственности» Закона «О собственности в РСФСР» указывается, что «имущество может находиться в частной, государственной, муниципальной собственности, а также в собственности общественных объединений».

Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации называет различные формы собственности и провозглашает их равную защиту. В уголовном законодательстве положение о приоритетной защите социалистической собственности было исключено только спустя три с половиной года после принятия законов 1990 г. и полгода после

принятия Конституции Российской Федерации. Федеральный закон от 01.07.1994 [8] «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [9] устранил имевшиеся противоречия, объединив нормы об ответственности за преступления против собственности в одну главу. Преступления же в сфере экономической деятельности до принятия УК РФ 1996 г. и вступления его в силу именовались хозяйственными преступлениями.

С учетом того, что УК РСФСР 1960 г. значительно отстал от стремительно развивавшихся общественных отношений, 24 мая 1996 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации был принят Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 января 1997 г. Раздел VIII УК РФ 1996 г. «Преступления в сфере экономики».

Например, в УК РФ 1996 г. в первоначальной редакции были предусмотрены нормы об ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, незаконную банковскую деятельность и многие другие. В данном контексте одним из весьма важных аспектов государственной деятельности является регулирование экономических процессов на различных уровнях. При этом были декриминализованы многие составы деяний, считавшиеся преступными с точки зрения советской доктрины: получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, незаконный отпуск бензина или других горюче-смазочных материалов, занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности и т.д.

Таким образом, федеральный законодатель в рамках гл. 22 УК РФ закрепил достаточно объемный перечень преступлений в сфере экономической деятельности, отражающий современный уровень общественных отношений. Тем не менее в течение последующих лет, вплоть до настоящего момента, законодатель внес в содержание данной главы массу изменений, что обусловило многочисленные дискуссии.

Список литературы

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. 964 с.
2. Устав Благочиния или полицейский от 8 апреля 1782 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1987. Т. 5. 528 с.
3. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

4. О внесении изменений в Уголовно-Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р.: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 84, ст. 623.
5. Об индивидуальной трудовой деятельности: закон СССР от 19.11.1986 // Ведомости ВС СССР. 1986. № 47, ст. 964.
6. О кооперации в СССР: закон СССР от 26.05.1988 № 8998-ХІ // Ведомости ВС СССР. 1988. № 22, ст. 355.
7. О собственности на территории РСФСР: закон РСФСР от 14.07.1990 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 7, ст. 101.
8. О порядке введения в действие Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности: постановление ВС РСФСР от 25.12.1990 № 446-1 // Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 30, ст. 419.
9. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: федер. закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 10, ст. 1109.
10. *Алешин П.И.* Разработка проекта Уголовного уложения Российской империи 1903 г. // Закон и право. 2011. № 3. С. 35–37.
11. *Исаев И.А.* История государства и права России: учебник. М.: Статут, 2012. 838 с.
12. *Кинбурская В.А., Ялбулганов А.А.* Налоговые преступления по законодательству Российской Федерации. М.: ООО «Новая правовая культура», 2007. 98 с.
13. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. М.: Проспект, 1997. 472 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

В.Р. Иванченко, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Многонациональный состав российского государства и возросший поток прибывающих в страну мигрантов из стран ближнего зарубежья в совокупности с интенсивными внутренними миграционными процессами в условиях ее нестабильного экономического состояния обуславливает последовательную криминализацию представителей национальных (этнических) диаспор и рост этнической организованной преступности, что в совокупности с социально-экономической незащищенностью «коренного» населения приобретают в современной России особую актуальность.

Ключевые слова: этническая преступность; организованная преступность; этноформирования; криминальная деятельность; преступное формирование; преступное сообщество.

В наши дни все организованные этнические преступные формирования, на наш взгляд, условно можно разделить на две большие группы: традиционные, которые осуществляют свою криминальную деятельность на протяжении многих десятилетий и даже сотен лет, и формирования нового типа, возникшие в наши дни.

К традиционным организованным преступным формированиям, созданным на этнической основе, с некоторой степенью условности можно отнести и «русские» преступные сообщества, осуществляющие криминальную деятельность в ряде зарубежных стран (в первую очередь, в США, Канаде, Испании др.), которые рассматриваются зарубежными специалистами как наиболее опасные, сплоченные и жестокие [5].

Следует также признать и то обстоятельство, что, несмотря на наличие действительно «русских» этнических преступных формирований в зарубежных странах, понятие «русская мафия» рассматривается большинством западных авторов как собирательное, включающее в себя криминальную деятельность русских, армянских, кавказских, еврейских и иных организованных преступных групп и сообществ, сформированных более по территориальному принципу «землячества», нежели по этническому. Очевидно, что при таком подходе эффективность предупредительного воздействия в отношении указанных преступных формирований будет и в дальнейшем оставаться на крайне низком уровне.

Таким образом, традиционные организованные этнические преступные формирования имеют глубокие исторические корни. Будучи в большинстве своем первоначально сформированными в качестве партизанских организаций для защиты своих стран или народа от интервентов и угнетения со стороны властей или иных преступных сообществ, они в дальнейшем сами встали на криминальный путь, избрав его в качестве основного способа своего существования и извлечения доходов. При этом их криминальная деятельность не ограничивается масштабами отдельно взятого государства, она приобрела транснациональный характер. Такое стало возможным лишь благодаря соблюдению исторических традиций и обычаев, жесткой дисциплине и иерархической структуре, основанной на родственных связях.

Наиболее активными из них являются турецкие организованные преступные формирования, которые активно занимаются распространением наркотиков и торговлей оружием, а также организацией незаконной миграции на территории Нидерландов и Германии. Достаточно «молодыми» являются сербские организованные группы и преступные сообщества, которые активизировались после распада Югославии и в настоящее время осуществляют криминальную деятельность на территории Германии, Великобритании, Швеции, Чехии, Болгарии, США, Черногории, Боснии и Герцеговины [4]. По информации Интерпола, в Западной Европе и Скандинавии в последние годы существенно возросло влияние нигерийских и иных западноафриканских преступных формирований, а также преступных сообществ из Сирии и Ирака [3]. Повышенную криминальную активность арабские преступные формирования проявляют в Германии и Швеции.

Вместе с тем деятельность данных организованных преступных групп существенно отличается от традиционных. Если у последних свято соблюдаются нормы кодекса поведения или, как его называют, кодекса чести, то криминальные обычаи и традиции у современных этнических преступных формирований чаще всего должным образом еще не сформированы. Как было отмечено выше – первоначальное создание большинства традиционных организованных этнических преступных формирований (за исключением, пожалуй, мексиканских) преследовало внешне благородные цели, а большинство из них до настоящего времени занимаются легальной экономической деятельностью и выполняют социально значимые функции, порой даже поддерживая внутреннюю политику государства в различных сферах экономики. Большинство традиционных этнических преступных формирований не одобрительно относится к уличной преступности, не допуская подобных проявлений в своих рядах. Преступные формирования нового типа создаются исключительно в криминальных целях, представляя большую общественную опасность, поскольку чаще всего насильственная уличная преступность, а также совершение преступлений экстремистской и террористической направленности являются для них приоритетными.

Таким образом, деятельность современных этнических организованных преступных формирований требует тщательного изучения и анализа с целью получения сведений, необходимых для выработки и реализации эффективной государственной политики в сфере ее предупреждения и противодействия ей. Однако если в зарубежных странах этому вопросу на протяжении длительного периода времени уделяется

самое пристальное внимание, в Российской Федерации явление «организованной этнической преступности» вовсе не является новым, однако о ней на протяжении длительного периода времени умалчивали.

Кардинальным образом отличается от них вторая группа этнических преступных формирований, которые сформированы уже в наши дни. Чаще всего одним из факторов, оказывающих детерминирующее влияние на процессы их формирования, выступает интенсификация миграционных процессов на протяжении последних лет.

Если авторитет традиционных этнических преступных формирований построен в большей степени на уважении населения к ним, то деятельность организованных групп и преступных сообществ нового типа носит деструктивный характер и направлена на устрашение общества.

Кардинальным образом меняется сфера интересов организованных преступных формирований, созданных на этнической основе, а совершаемые ими преступления достаточно многогранны по своей природе. В условиях социально-экономической незащищенности населения они не только влекут за собой тяжкие последствия, но и создают условия для возникновения в обществе конфликтов на расовой и межнациональной почве, провоцируя усиление экстремистских проявлений и дестабилизацию государственного и общественного развития.

Не менее деструктивной по своему содержанию является криминальная деятельность этнических преступных формирований в сфере экономической деятельности. Так, Л.С. Арутюнов и М.А. Касьяненко высказывают точку зрения о том, что, используя подконтрольные предприятия и проводя через них агрессивную наступательную экономическую политику на целые районы Центральной, Дальневосточной и Южной экономических зон, этнические преступные формирования, по существу, вызывают спад промышленного производства, перепрофилирование предприятий, вывоз сырья и иные негативные последствия в сфере экономики страны [1].

Каждая из вышеуказанных позиций в той или иной степени отражает отдельные аспекты организованной этнической преступности как феномена современной правовой действительности. В то же время, на наш взгляд, правильнее определять организованную этническую преступность в широком смысле как динамичное социально-правовое явление, представляющее совокупность уголовно-наказуемых деяний, совершаемых на определенной территории в конкретный исторический момент времени представителями одного или нескольких этносов, объединившихся на основе общности социо-культурных признаков, родственных (клановых, тейповых и др.) или иных иерархических

связей и преступных интересов, направленных на достижение тех или иных целей и задач в процессе реализации единой криминальной деятельности [2].

Таким образом, уровень этнической преступности в стране на протяжении многих лет остается стабильно высоким. При этом в отдельных сферах жизнедеятельности общества активность преступных этноформирований растет, приобретая новые формы и проявления.

Список литературы

1. Арутюнов Л.С., Касьяненко М.А. О некоторых тенденциях симбиоза (корпорации) криминального бюрократизма и этнической преступности в России // Безопасность бизнеса. 2007. № 2. С. 42–48.
2. Кузнецов К.В. Теоретические и правовые основы исследования организованной преступной деятельности этнических преступных формирований // Российский криминологический взгляд. 2015. № 4.
3. Полицейская служба Европол обнародовала доклад, посвященный криминальной обстановке в Европе. URL: <http://www.crimpravo.ru> (дата обращения: 15.04.2017).
4. Сербская мафия на восьмом месте в мире. URL: <http://ruserbia.com> (дата обращения: 15.04.2017).
5. Top-10 Largest Mafia Groups Around The World. URL: <http://compilation11.com> (дата обращения: 15.10.2019).

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В.Р. Иванченко, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В свете динамичного развития форм и методов осуществления преступной деятельности этническими формированиями, а также приобретения ею транснационального характера, ставят под сомнение возможность противодействия преступности без научного познания лиц, осуществляющих преступную деятельность. В связи с этим исследования по вопросам предупреждения организованной этнической преступности приобретают особую актуальность и научную значимость в условиях угрозы этнических конфликтов на территории Российской Федерации, роста активности экстремистских и террористических организаций.

Ключевые слова: этническая личность; личность; организованная преступность; преступное формирование; этноформирования; криминальная деятельность.

Преступления, совершаемые организованными этническими преступными формированиями, не только влекут за собой тяжкие последствия, но и создают условия для возникновения в обществе межнациональных (межэтнических) конфликтов, что ведет к дестабилизации государственного и общественного развития.

Эффективная деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых организованными этническими формированиями, невозможна без изучения личности их участника.

Наиболее целесообразным является криминологический подход к рассмотрению личности участника организованного преступного формирования, созданного по этническому принципу, поскольку именно он позволяет рассмотреть все наиболее значимые характеристики, исследование которых имеет практическое значение при осуществлении предупреждения преступности данного вида, а также противодействия ей.

При таком подходе личность участника организованного преступного этнического формирования можно определить как совокупность социально-демографических, культурно-психологических и иных качеств личности, негативное проявление которых под воздействием внешних детерминант обусловило (или способно обусловить) осуществление лицом криминальной деятельности в составе такого формирования.

При рассмотрении личности участника этнического преступного формирования важно уяснить, что не все присущие ему свойства и качества обязательно являются негативными по своему характеру и имеют антиобщественную направленность. Вместе с тем их основная сущность состоит в том, что под воздействием тех или иных факторов внешней среды, обстоятельств окружающей действительности (к которым можно отнести, например, негативное влияние окружения, низкий уровень жизни и др.) они в своей совокупности способствуют проявлению отрицательного поведения человека и совершению им преступлений или правонарушений [1].

Вместе с тем следует отметить, что для рецидивной преступности участников этнических формирований характерны те же детерминанты, что и для организованной преступности и преступности в це-

лом. При этом на нее влияют такие факторы, как социальное и семейное положение, наличие постоянного места работы и легальных источников дохода и т.д.

Невозможность удовлетворить свои элементарные потребности наряду со сформированными асоциальными установками личности побуждают к совершению новых преступлений, поскольку это рассматривается как возможность улучшить свое материальное благосостояние и удовлетворить иные нужды [4].

Вполне очевидно, что каждая личность обладает присущим исключительно ей набором обозначенных качеств и свойств, в силу чего она индивидуальна. Вместе с тем все личности обладают некими схожими, типовыми чертами, позволяющими объединить их в общие группы.

Типология личности участников созданных по этническому принципу организованных этнических формирований является достаточно разнообразной и может быть произведена по различным основаниям.

Корыстолюбивый тип является наиболее широко распространенным среди участников этнических организованных групп и преступных сообществ, что обусловлено их стремлением улучшить свое материальное благополучие в результате осуществления криминальной деятельности. При этом сам способ заработка редко волнует их, будь то хищения в различных формах, торговля наркотическими средствами и (или) оружием, вымогательство и т.д. Алчность обуславливает желание заработать как можно больше денег, чтобы не только удовлетворить материальные потребности и обеспечить достойный уровень жизни семьи (при ее наличии), но и позволить себе роскошь.

Для престижного типа характерно стремление к самоутверждению и повышению своего авторитета в обществе, получению власти и возможности распоряжаться теми или иными ресурсами. Данный тип, как правило, встречается среди формирований, созданных из мигрантов, которые таким образом проходят процессы социальной адаптации, а также для выходцев из социально неблагополучных регионов, не имеющих достойного положения в обществе и соответствующего образования. Сложившиеся в России еще в 90-е гг. XX в. реалии таковы, что участие в организованных преступных формированиях, как отмечает К.С. Романова, стало рассматриваться обществом как один из «социальных лифтов», позволяющих в короткие сроки подняться в социальной иерархии [5]. Самоцелью участия в преступном формировании для таких лиц выступает получение общественного признания и уважения, влияния в обществе, а также трепет недоброжелателей.

Игровой тип личности основан на восприятии участия в организованном преступном формировании и совершения преступлений как

своего рода игры, от которой можно получить острые ощущения и эмоции, удовлетворить потребность в риске. В большей степени данный тип личности характерен для рядовых участников-исполнителей. При этом такой преступник, как правило, чувствует себя безнаказанным, чтобы он не делал, а совершение преступлений по поручению лидеров формирования рассматривается им как выполнение своего рода заданий, квестов. В то же время сами лидеры преступных формирований нередко рассматривают руководство ими и расширение сфер влияния, в том числе посредством передела власти, как реализацию своего рода игровой кампании, правила которой они стремятся устанавливать самостоятельно.

Наконец, четвертым типом личности участника организованного этнического формирования выступает религиозно-фанатичный. Преступники с данным типом личности, как правило, придерживаются радикальных форм религиозных течений, искренне верят в то, что совершаемые ими деяния продиктованы «божьей волей». Для таких людей характерны интолерантность (т.е. нетерпимость к приверженцам других религий – «неверным»), этноцентризм (представление обо всех явлениях и процессах окружающей действительности формируется через призму традиций и обычаев своего этноса, социальной группы), наличие различных предрассудков, предубеждений, крайние формы проявления экстремизма, национализма и ксенофобии [3]. Особую опасность представляет личность террориста-смертника, который, не задумываясь, готов пожертвовать своей жизнью ради достижения целей создания преступного формирования, участником которого он является, своих «собратьев» и исполнения своего «божественного предназначения». Для данного типа личности характерна отрешенность по отношению к последствиям своих действий и безразличие к своей жизни и жизни окружающих [4].

Таким образом, совершенно очевидной представляется необходимость изменения подходов к исправительному воздействию в отношении участников этнических формирований экстремистской направленности, в том числе к их изоляции от остальных осужденных. В противном случае масштабы их деструктивной пропагандистской деятельности могут со временем только расти, что само по себе уже представляет одну из существенных угроз национальной безопасности России [2].

Необходимо констатировать, что исследование вопросов, касающихся личности и мотивации участников этнических преступных формирований, представляет особый интерес по причине наличия национального компонента – культурных традиций и обычаев. Отсутствие у должностных лиц компетентных органов знаний в указанной сфере

препятствует эффективному осуществлению деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершенных участниками данных формирований, независимо от их направленности.

Список литературы

1. *Безносков Д.С., Почебут Л.Г.* Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2010. Вып. 2. С. 287–290.
2. *Кузнецов К.В., Агапов П.В.* К вопросу о мотивации террористической деятельности организованных этнических преступных формирований в России // Право. Экономика. Безопасность. 2017. № 3. С. 18–22.
3. *Кузьмина Н.В.* Этнизация преступности как криминальное явление современности // Вопросы управления. 2009. № 8. С. 104–106.
4. *Меркурьев В.В., Агапов П.В.* Проблемы пресечения и предупреждения экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России // Право и безопасность. 2014. № 2 (47). С. 47–51.
5. *Романова К.С.* Социальные лифты как средство социальной мобильности // Дискурс-Пи. 2015. Т. 2. Вып. 12. С. 30–34.

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

И.А. Крупка, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Коррупция проникла во властные институты, привлекла в свои сети немало политических и общественных деятелей и значительную часть государственных служащих. Ее негативное влияние на становление гражданского общества в Российской Федерации становится все более ощутимым и сегодня создает реальную угрозу национальной безопасности страны. Борьба с коррупцией, провозглашенная на самом высоком уровне, принимает форму государственной программы.

Ключевые слова: коррупция; борьба с коррупцией; взятка; коммерческий подкуп; злоупотребление должностными полномочиями.

Коррупция представляет собой серьезную угрозу функционированию публичной власти на основе права и закона, верховенству закона и подрывает доверие населения к государственной власти, органам местного самоуправления, существенно замедляет экономическое развитие Российской Федерации.

Основные коррупционные деяния охватывают ряд должностных преступлений: взяточничество (ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ).

Взяточничество наносит огромный ущерб государству и обществу в целом, став неотъемлемой его частью, оно стало еще более опасным. Напрямую проследить ущерб довольно трудно, но многие социальные и экономические проблемы общества возникают благодаря взяточничеству. Поэтому необходимо понять и разобрать социальную сущность взяточничества, а для этого в данной статье будут рассмотрены и проанализированы несколько понятий взяточничества и его признаки. Для начала рассмотрим несколько терминов «взяточничество», часто используемых в науке и практике [2].

В.В. Шеретов в своих трудах дает следующее определение взяточничеству: «Действия должностных лиц, направленные на получение определенных выгод материального или имущественного характера в ответ на совершение в интересах взяточдателя определенных действий (бездействия), а также действия взяточдателей по передаче должностным лицам определенных предметов или оказание услуг за совершение последними определенных действий в их пользу или представляемых ими лиц» [6].

Если мы обратимся к такому источнику как современный экономический словарь, то мы сможем увидеть в нем следующее определение: «Взяточничество – противозаконное получение денег, ценных вещей (взятки) в обмен на получение привилегий, оказание незаконных услуг, предпочтений, «проталкивание» дел взяточдателя» [3]. Данное определение довольно лаконично, но для среднего обывателя достаточно, чтобы объяснить, что такое взяточничество, как социальное явление.

Обобщив все вышесказанное, можно сделать вывод, что взяточничество – это получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взяточдателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за

общее покровительство или попустительство по службе, а также дача взятки должностному лицу и осуществление посредничества в даче и получении взятки.

В юридическом смысле взятка представляет собой различного рода выгоды материального характера, получаемые должностным лицом за выполнение или невыполнение в интересах дающего или представляемых им лиц каких-либо действий (бездействия), если такое деяние входит в служебные полномочия субъекта либо он в силу должностного положения может способствовать таким деяниям, а равно за общее покровительство или попустительство по службе [5].

Из приведенного определения делаем вывод, что дача взятки подразумевает ее передачу должностному лицу за совершение определенных действий в пользу взяткодателя, либо воздержание от них. Стоит отметить, что взяткой может являться материальная ценность в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав, взяткой могут выступать различные вещи, которые имеют материальное выражение, например, товары потребительского назначения, драгоценности и иные движимые и недвижимые вещи. Таким образом, предметом дачи взятки является незаконное вознаграждение, имеющее материальный характер.

Доход чиновника и потери общества от взяток целиком зависят от предельно допустимого для взяткодателя размера взятки, который, в свою очередь, определяется психологическими, правовыми, морально-этическими, экономическими и иными принципами. Стоимостное выражение взятки или ее качество не имеет значения, т.е. это говорит о том, что низшего предела размера взятки не установлено российским уголовным законодательством [1]. Главным является сам наличествующий факт незаконного обогащения должностного лица путем получения имущества от взяткодателя, либо безвозмездно оказанной услуги.

Данный вид преступления считается оконченным в тот момент, когда должностное лицо получило взятку, даже если передана была ее часть – это может быть непосредственная передача денежных средств в руки, перечисление на банковский счет, безвозмездное отчуждение имущества в пользу взяткополучателя.

Состав дачи взятки является формальным. Дача взятки признается оконченным преступлением, когда хотя бы ее часть не просто была передана должностному лицу, но и принята им. Поэтому предложение должностному лицу материальных ценностей или имущественных выгод, оставление ценностей в столе или в одежде должностного лица,

отправление по почте в письме или посылке и даже передача их родственникам и посреднику во взяточничестве со стороны должностного лица, если за этим не последует принятие последним взятки, следует квалифицировать не как оконченное преступление, а как покушение на дачу взятки (ч. 3 ст. 30 и 291 УК РФ).

Объектом преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ, принято считать общественные отношения в сфере обеспечения нормального функционирования законной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляющих функции государственного регулирования и контроля предпринимательской деятельности.

Для правильной уголовно-правовой характеристики рассматриваемого вида преступления большое значение имеет точное определение рамок исполнителем. Формальный состав подразумевает, что наступление общественно опасных последствий не является обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого состава преступления [4].

Согласно п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 объективная сторона выражается в передаче должностному лицу лично или через посредника предмета взятки:

- а) за совершение должностным лицом входящих в его служебные полномочия действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц;
- б) за способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению указанных действий (бездействию);
- в) за общее покровительство или попустительство по службе;
- г) за совершение должностным лицом незаконных действий (бездействия).

Исходя из данных положений Пленума, становится понятно, что взятка может быть передана только должностному лицу. Это утверждение настолько очевидно, что до недавнего времени не требовало не только доказывания, но и просто упоминания, в том числе в документах Пленума.

Особенно важными являются пояснения, касающиеся субъекта взяточничества.

Так, привлечь к уголовной ответственности по ст. 290 УК РФ можно лишь должностных лиц. Законодатель разделяет понятия должностного лица и государственного служащего, а признаки того, что лицо выполняет соответствующие функции должностного лица, и конкретное содержание этих функций должны устанавливаться в каждом случае привлечения к ответственности за получение взятки. Конституционный Суд указал, что именно на такое применение оспариваемых

норм ориентирует суды и Постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24, в абз. 1 п. 1 которого разъяснено, что при разрешении вопроса о том, совершено ли коррупционное преступление должностным лицом, лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации, иностранным должностным лицом, должностным лицом публичной международной организации, а равно лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, судам следует руководствоваться примеч. 1–3 к ст. 285, примеч. к ст. 290, 201 УК РФ, учитывая при этом соответствующие разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Согласно этим разъяснениям к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия.

От взяточничества необходимо отграничивать коммерческий подкуп, ответственность за который предусмотрена в ст. 204 УК РФ. Коммерческий подкуп – это деяние, заключающееся в незаконной передаче лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию).

Рассмотрим сначала признаки, отличающие дачу взятки от коммерческого подкупа. Первый признак – объединение в себе двух различных составов преступления (коммерческий подкуп содержит как незаконную передачу, так и незаконное получение), тогда как дача взятки предусматривает только передачу незаконного вознаграждения. Исходя из сопоставления коммерческого подкупа и рассмотренного нами в гл. 1 определения дачи взятки видим, что еще одним признаком, по которому дача взятки и коммерческий подкуп разнятся, – это объект преступления. Таким образом, дача взятки может осуществляться только должностному лицу, а коммерческий подкуп возможен лишь в отношении лица, наделенного управленческими функциями в коммерческой, либо иной организации, например, подкуп руководителя отделения банка для выдачи кредита под заниженный процент, если такое

кредитное предложение доступно только сотрудникам банковской организации [3].

Теперь рассмотрим схожие классифицирующие признаки преступлений, которые позволяют определить смежность составов. Во-первых, предмет рассматриваемых общественно опасных деяний един, т.е. включает в себя различные материальные ценности (деньги, ценные бумаги, движимое и недвижимое имущество), а также оказание различного рода услуг. Во-вторых, субъектом ответственности за дачу взятки и незаконную передачу предмета коммерческого подкупа является вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста [2]. При этом стоит отметить, что по второму составу коммерческого подкупа – незаконное получение лицом незаконного вознаграждения – к уголовной ответственности может быть привлечено только лицо, обладающее статусом специального субъекта (лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях).

Таким образом, проведя сравнительный анализ, видим, что дача и получение взятки имеют некоторые общие признаки с коммерческим подкупом и оказанием противоправного влияния на результаты спортивных соревнований или коммерческих конкурсов. Это порождает множество вопросов, связанных с их разграничением и классификацией при расследовании совершенного деяния, связанного с передачей материальных ценностей для совершения каких-либо действий принимающей стороной. Принципиальное отличие смежных составов состоит в объекте посягательства, который связан с общественными отношениями, коммерческих и иных организаций (ст. 204 УК РФ).

Список литературы

1. *Белокобыльская О.И.* О некоторых вопросах криминалистической характеристики взяточничества // Актуальные проблемы предварительного расследования: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (28–29 ноября 2013 г.). Волгоград, 2013. С. 274–280.
2. *Кочанова Т.* Вынужденная коррупция // Административное право. 2019. № 1. С. 5–11.
3. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2011. 511 с.
4. *Сверчков В.В.* Актуальные вопросы противодействия коррупционным преступлениям // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 67–75.

5. Тимошенко И. «Взятка» в праве и русском языке // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 56–57.
6. Шеретов В.В. Противодействие взяточничеству: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 19 с.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

И.А. Крупка, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассматриваются современные механизмы совершенствования борьбы с коррупцией в зарубежных странах. Проанализировано антикоррупционное законодательство зарубежных стран, в том числе в России, а также возможные пути ее решения. Для достижения поставленной цели необходимо изучить наиболее эффективные меры противодействия коррупции и выделить принципы, применимые в нашей стране.

Ключевые слова: коррупция; коррупционное преступление; государственная служба; противодействия коррупции; антикоррупционная стратегия; антикоррупционная культура.

Во многих странах нет разделения понятий «противодействие коррупции» и «борьба с коррупцией». Соответственно, термин «борьба с коррупцией» фактически отождествляется с «противодействием коррупции» в ее российском понимании. Именно с этих позиций, по мнению В.В. Севальнева, следует содержательно рассматривать проводимую в Китае с 2013 г. масштабную кампанию по борьбе с коррупцией, объявленную новым руководителем страны Си Цзиньпином [3], продолжающую объявленный ранее курс партии на «борьбу с разложением» [5].

Применительно к китайским правовым традициям последнего времени то, что в Российской Федерации на данном этапе развития ее правовой системы понимается как противодействие, в Китае обозначается термином «борьба». Это находит отражение в наименовании многих законов, таких как: Закон о борьбе со шпионажем, Закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией, Закон о борьбе с эпизоотиями, Закон о борьбе с наводнениями, Закон о борьбе с отмыванием денег, Закон о борьбе с монополизмом, Закон о борьбе с насилием в семье.

Следует учитывать, что и в ряде международных документов также прослеживается смешение понятий «борьба» и «противодействие».

Приведенные обстоятельства позволяют российским ученым использовать при изучении китайского законодательства и правоприменения понятие «противодействие коррупции», хотя буквально в «китайском понимании» это будет «борьба с коррупцией» [5].

Закон Великобритании о борьбе со взяточничеством от 8 апреля 2010 г. определяет виды правонарушений, которые призваны оптимизировать работу правоохранительных органов Великобритании. Действие Закона о борьбе со взяточничеством направлено и на деятельность компаний, осуществляющих предпринимательскую деятельность, которым, в свою очередь, нужно будет принимать их во внимание в процессе управления рисками. Учитывая, что соответствие требованиям данного Закона может потребовать значительных изменений и усовершенствования программ по соблюдению законодательства, компаниям следует особое внимание обратить на разработку и принятие мер для решения данной задачи. Как неоднократно отмечалось и в прессе, и исследователями [2], коррупция в хозяйственной деятельности компаний становится одной из самых значительных и трудноразрешимых проблем современного бизнеса.

В соответствии с Законом о борьбе со взяточничеством максимальное наказание за взяточничество увеличено с семи до десяти лет лишения свободы, а также может предусматриваться штраф. Сумма штрафа, налагаемого на компании, не ограничена. Однако необходимо отметить, что в новом Законе не упомянут метод расчета и взыскания штрафа.

Так, в российских исследованиях можно встретить констатацию факта, что в Китае предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц за коррупцию.

В действительности за деяния, определяемые УК Китая как коррупция, уголовная ответственность юридических лиц (организаций) не предусмотрена. Такая ответственность может наступать только за взяточничество (дачу и получение взяток). С позиции российского законодательства это ответственность за коррупцию, с позиции китайского уголовного законодательства – ответственность за взяточничество, а не за коррупцию, как предусмотренное УК Китая преступление.

Таким образом, за коррупцию по УК Китая к ответственности могут быть привлечены только физические лица, за взяточничество – как физические, так и юридические лица [6].

При этом следует учитывать, что во многих странах, включая Китай, понятие уголовной ответственности отличается от российского восприятия этого института. При этом уголовная ответственность юридических лиц за коррупцию понимается более широко, чем в Российской Федерации.

То, что в Российской Федерации обычно именуется уголовной ответственностью юридических лиц, во многих странах признается уголовной ответственностью коллективных образований как имеющих статус юридического лица, так и не имеющих такого статуса.

В Швеции, считающейся страной с наиболее низким уровнем коррупции, с 1923 г. действует общественная организация «Институт против взяток», которая в целях предупреждения коррупционного поведения сотрудничает как с бизнес-структурами, так и с муниципальными органами. Этот институт работает в плоскости общественной морали, помогая людям провести черту между тем, что является взяткой, и тем, что в пределах нормы. В этой стране с детского сада, со школы людям прививается нетерпимость к неэтичному, неправильному поведению. Человек вырастает в обществе, которое не терпит любых злоупотреблений, готово о них публично сообщать и не готово мириться с тем, что человек дает взятки [1].

Начиная с 2003 г. в Швеции действует институт антикоррупционных прокуроров (7 человек), а с 2012 г. – антикоррупционных полицейских (25 человек), которые принимают сигналы от общественников и средств массовой информации и реагируют на факты проявления коррупционного поведения в обществе.

В Сингапуре – стране, победившей коррупцию, в целях стимулирования законопослушного поведения чиновников пошли по пути упрощения всех процедур принятия решений в аппарате государственной власти, а также повышения заработной платы государственных служащих и судей (до 1 млн долл. в год), т.е., с одной стороны, усиления ответственности, а с другой – поощрения за добропорядочное поведение и создания четкой структуры иерархического роста служащих в органах власти. Однако важнейшим фактором борьбы с коррупцией стало лишение чиновников неприкосновенности, какую бы должность они ни занимали.

Однако, по мнению О.А. Степанова, пример Сингапура «очень трудно повторить в такой огромной стране, как Россия, – если страна идет по пути административного контроля коррупции, естественно, существует точка, когда расходы на борьбу с коррупцией превышают эффект от ее сокращения, т.е. на практике в какой-то момент затраты на

борьбу с коррупцией в масштабах одного государства становятся сопоставимы с ущербом от нее. Но мягкую форму противодействия коррупции, связанную с изменением сознания людей, надо начинать в школах, в детских садах, в семьях» [4].

В этом смысле интересен и опыт Канады – в 1985 г. в этой стране был принят Ценностный этический кодекс государственного служащего, включающий правила поведения, которыми обязаны руководствоваться все государственные служащие в случае возникновения конфликта между их служебными обязанностями и личными интересами. Уже более 30 лет его реализация приносит ощутимую пользу обществу.

Таким образом, при проведении сравнительно-правовых исследований необходимо учитывать, что понятие «уголовная ответственность юридических лиц» используется в его узком понимании как уголовная ответственность только юридических лиц и в широком понимании – как ответственность любых коллективных образований, в том числе не являющихся юридическими лицами.

Кроме того, если в Российской Федерации уголовная ответственность устанавливается исключительно Уголовным кодексом, то во многих государствах уголовное законодательство образуют не только национальные уголовные кодексы, но и другие законы, содержащие нормы об уголовной ответственности. В ряде стран это называют дополнительным уголовным правом.

Например, на территории бывшей Югославии в республиках Словения, Хорватия, Черногория, Сербия и частично признанной Республике Косово уголовная ответственность юридических лиц установлена специальными законами, тогда как в Македонии, Боснии и Герцеговине, Федерации Боснии и Герцеговины, Республике Сербской и Округе Брчко Боснии и Герцеговины, как и в Китае, нормы об уголовной ответственности юридических лиц включены в национальные уголовные кодексы [6].

Отсутствие в уголовном кодексе конкретной страны норм об ответственности юридических лиц не означает, что в соответствующей стране такой ответственности нет, так как она может быть установлена не уголовным кодексом, а другими законами.

Можно выделить три основных варианта признания уголовной ответственности юридических лиц за коррупцию (коррупционные преступления).

В ряде стран коллективные образования (юридические лица, организации) признаются субъектами преступления и им за совершение преступлений назначается наказание.

Например, такая ситуация имеет место в Китае. Согласно ст. 30 УК Китая за деяние, совершенное организацией и рассматриваемое законом как совершенное организацией преступление, должна наступать уголовная ответственность. Таким образом, юридическое лицо признается субъектом преступления (наделено качествами субъекта преступления) [6].

Также признает организации (корпорации и неинкорпорированные объединения) субъектами уголовного права (субъектами преступления) законодательство США. В значительном числе стран имеет место разграничение понятий «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности». При этом физические лица признаются субъектами преступлений, а организации – субъектами уголовной ответственности.

К числу таких стран относится Франция. Согласно ст. 121.2 УК Франции юридическое лицо подлежит уголовной ответственности в случаях, предусмотренных законом или регламентом, за преступные деяния, совершенные в их пользу органами или представителями юридического лица.

Еще одним вариантом признания уголовной ответственности юридических лиц является их привлечение к ответственности, не именуемой уголовной, но в уголовно-процессуальном порядке.

Например, в Польше действует Закон 2002 г. «Об ответственности коллективных субъектов за деяния, запрещенные под угрозой наказания». Этот Закон не называет устанавливаемую им ответственность юридических лиц уголовной, но предусматривает, что к указанной ответственности коллективные субъекты, в том числе признаваемые юридическими лицами, привлекаются в уголовно-процессуальном порядке [6].

Схожая ситуация складывается в Киргизии. В новом Уголовном кодексе Кыргызской Республики, вводимом в действие с 1 января 2019 г., указано, что юридическое лицо не является субъектом преступления, уголовной ответственности и наказания, но к юридическому лицу могут применяться принудительные меры уголовно-правового воздействия по основаниям и в пределах, предусмотренных этим Кодексом.

В новом Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики, также вводимом в действие с 1 января 2019 г., содержатся нормы, предусматривающие особенности уголовного судопроизводства в отношении юридических лиц и применения к ним принудительных мер уголовно-правового воздействия [4].

Указанные новеллы киргизского законодательства с позиции сложившихся взглядов на вариативность ответственности юридических

лиц следует, несомненно, признать устанавливающими именно уголовную ответственность правовых систем и уголовных законодательств.

Соответственно, когда идет речь об уголовной ответственности юридических лиц за коррупцию в других странах, при проведении сравнительно-правовых исследований необходимо уяснять, что именно в них понимается под уголовной ответственностью юридических лиц.

Борьба с коррупцией включает не только уголовную, но и другие виды ответственности юридических и физических лиц за коррупционные правонарушения. Отсюда следует вывод о необходимости межотраслевого характера соответствующих исследований. Например, в Китае такого рода ответственность может быть уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной, экономической и, кроме того, партийной.

Список литературы

1. *Бочков С.О.* Борьба с коррупцией: гражданско-правовые аспекты // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2006. № 3–4. С. 89–93.
2. *Гуров А.И.* Коррупция угрожает национальным интересам России // Борьба с коррупцией: актуальные проблемы законодательного обеспечения: сб. ст. и документов. М.: Издание Государственной Думы РФ, 2002. 207 с.
3. *Севальнев В.В.* Антикоррупционное законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 151–157.
4. *Степанов О.А.* О мерах противодействия коррупции уголовно-правовыми и иными средствами в России и за рубежом // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. С. 38–40.
5. *Троцинский П.В.* Борьба с преступностью в Китае: нормативно-правовой аспект // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 47–58.
6. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству США // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3 (13). С. 18–19.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ СУДА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ

Н.А. Кудрявцева, магистрант, **В.В. Савельев**, канд. юрид. наук
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Состязательность сторон, в качестве принципа и формы уголовного судопроизводства, определяет назначение процесса и роль участников уголовно-процессуальной деятельности, в том числе и суда. Во всем объеме спорных вопросов дальнейшего реформирования российской модели правосудия более актуальными и важными представляются вопросы относительно места, полномочий и роли суда, его функций в уголовно-процессуальном доказывании.

Ключевые слова: полномочия суда; судебная власть; судопроизводство; судебное разбирательство; гласность разбирательства.

Условие непосредственности разбирательства регулирует порядок исследования судом материалов дела. Суть данного условия в том, что суд обязан лично, без привлечения каких бы то ни было посредников, исследовать доказательства по делу: заслушать экспертов и свидетелей, осуществить оглашение протоколов следственных действий, рассмотреть вещественные доказательства.

Условие устности регулирует форму разбирательства. Суть данного условия заключается в том, что дело заслушивается изустно. Судебное разбирательство является судоговорением. Непосредственность и устность судебного разбирательства являются связанными, хотя и различными понятиями.

Они лежат в основании всех видов судопроизводства, обуславливая оценку доказательств по внутреннему убеждению суда, независимость судей, гласность разбирательства, защиту интересов сторон, язык судопроизводства, равенство субъектов перед судом и законом. Наряду с этим следует отметить, что правовое регулирование рассматриваемых общих условий в настоящий период претерпевает значительные изменения.

Во-первых, на отдельных стадиях уголовного процесса устность и непосредственность проявляются по-разному [6]. Во-вторых, особенностью их правового регулирования в последние годы является нарастающая тенденция к отступлению от установленных положений. Например, в уголовном производстве перечень особых порядков су-

дебного разбирательства в 2010 г. дополнился делами, в рамках которых заключено было досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.7 УПК РФ) [2], а в 2013 г. – делами, по которым дознание проводится в сокращенной форме (ст. 226.9 УПК РФ) [1].

Упрощение процесса за счет его сокращения, частичного или полного отказа от устности и непосредственности обусловлено процессуальной экономией и соблюдением процессуальных сроков [7]. Несомненно, не следует отрицать важность оптимизации нагрузки судей, обеспечения прав граждан на публичное и справедливое судебное разбирательство в оптимальные сроки, отмеченные в рамках Постановления Совета судей РФ от 19.12.2012 по правам человека [6].

Но с другой стороны, масштабы применения упрощенных и ускоренных процедур способны привести к появлению судебных актов, не соответствующих требованию справедливости и законности, снижению доверия к органам судебной власти (в особенности, когда данные процедуры применены императивно, вне учета мнения сторон процесса).

Для обеспечения баланса ценностей представляется целесообразным закрепить в уголовно-процессуальном законе требования о непосредственности и устности судебного разбирательства как принципах судопроизводства, предусмотрев пределы и условия отступления от них в строго установленных случаях.

Статья 241 УПК РФ определила, что разбирательство во всех судах должно быть открытым, за исключением наличия определенных фактических обстоятельств, отраженных в постановлении или определении суда о необходимости проведения закрытого судебного разбирательства в случаях, когда:

- разбирательство может способствовать разглашению государственной или другой охраняемой федеральным законодательством тайны;

- рассматриваются дела о преступлениях, совершенных субъектами, не достигшими шестнадцати лет;

- рассматриваются дела о посягательствах против половой свободы личности, половой неприкосновенности и иных преступлениях, и это может привести к разглашению информации об интимной стороне жизни участников судопроизводства или сведений, унижающих их достоинство и честь;

- это требуется в интересах обеспечения безопасности лиц, участвующих в судебном разбирательстве, близких их родственников и других близких лиц (ч. 2 ст. 241 УПК РФ).

В определении суда должны указываться конкретные обстоятельства, на основе которых принято данное решение (ч. 2.1 ст. 241 УПК РФ).

В ч. 4 ст. 241 УПК РФ отмечается, что запись телефонных и других переговоров, переписка, почтовые, телеграфные и прочие сообщения лиц могут оглашаться в открытом заседании суда только с согласия последних. В противном случае такие материалы исследуются в закрытом заседании. Данные требования применимы и при анализе материалов фотографирования, видео- или аудиозаписей, которым присущ личный характер.

УПК РФ введена специальная правовая норма (ч. 5 ст. 241), устанавливающая право всех присутствующих в открытом заседании суда вести письменную запись и аудиозапись. Что касается фотографирования, видеозаписи и киносъемки, а также трансляции открытого заседания по телевидению, радио или в сети «Интернет», то в этих целях необходимо получить разрешение председательствующего. Трансляция по радио, телевидению или в сети «Интернет» судебного заседания в досудебном производстве не допускается.

Представители СМИ, присутствующие на заседании, должны передавать информацию о судебном процессе без каких-либо искажений, чтобы изложение происходящего на суде не было подменено изложением мнения конкретного журналиста. Если СМИ берут интервью у участников судебного процесса, то обеим сторонам следует дать возможность высказать свое мнение [5].

Представляется, что в судебном разбирательстве при наличии достаточных оснований любая информация ограниченного доступа может обрести статус «другой охраняемой федеральным законодательством тайны», и подпадать под действие п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, который позволяет провести закрытое судебное разбирательство. Тем не менее практические работники порой не могут дать верную оценку подобным обстоятельствам, поэтому для защиты конфиденциальных сведений в различных ситуациях было бы целесообразно располагать дополнительным правовым механизмом.

Существует мнение о том, что суд, прекратив уголовное дело в связи с позицией прокурора, попадает в зависимость от последнего и утрачивает черты независимости. Между тем, отказываясь от обвинения, прокурор должен указать, по какому из предусмотренных оснований он полагает необходимым прекратить уголовное производство (ч. 7 ст. 246 УПК РФ), однако суд его прекращает, не дифференцируя такие основания, т.е. отказ прокурора от обвинения является самостоятельным основанием прекращения дела [4].

Пленум Верховного Суда РФ установил, что в соответствии с ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ частичный или полный отказ государственного обвинителя в ходе судебного разбирательства от обвинения, а также изменение обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения согласно позиции государственного обвинителя. Последний должен изложить мотивы соответствующего отказа, равно как изменения в сторону смягчения обвинения со ссылкой на предусмотренные в законе основания, а суд – принять решение лишь после завершения исследования в процедуре, которая отвечает требованиям состязательности, значимых материалов дела и заслушивания мнения участников заседания со стороны защиты и стороны обвинения об обоснованности мнения государственного обвинителя.

В нынешний период, характеризующийся наличием смешанного электронно-бумажного документооборота, не ослабевает пристальное внимание ученых-процессуалистов к ведению протоколов судебных заседаний.

Исследование ст. 259–260 УПК РФ, касающихся важнейшего судебного документа, позволяет обнаружить, что предъявляемые к нему требования не совсем соответствуют его значимости для разрешения дела. Практические последствия этого могут оказаться довольно неприятными.

Так, закон устанавливает срок для изготовления протокола либо его частей. Однако этот, казалось бы, конкретный срок (3 суток) не является жестким, и в случае его просрочки в ч. 7 ст. 259 УПК РФ предлагается лишь уведомлять участников, сообщив последним дату возможного ознакомления с протоколом [8]. Тем не менее отсутствие протокола ущемляет права участников на подачу апелляционных жалоб, поскольку в протоколе фиксируются действия суда и в том числе допущенные судом процессуальные нарушения, способные служить основанием пересмотра приговора. При том ст. 389.5 УПК РФ не содержит ясного указания на то, что такая причина пропуска десятидневного апелляционного срока будет признана уважительной.

Позднее изготовление протокола способно повлечь и иные неприятные последствия. Согласно ч. 1 ст. 295 УПК РФ, выслушав последнее слово подсудимого, суду надлежит удалиться в совещательную комнату. Отложения заседания в целях составления протокола УПК РФ не предусматривает. Как отмечает О.Я. Баев, по этой причине, постановляя приговор, судьи часто ориентируются на доказательства и их анализ, проведенный в обвинительном заключении следователем, нередко

упуская его видоизменение в ходе проведения судебного разбирательства. В ряде случаев и вовсе, протокол судебного заседания корректировался под уже оглашенный приговор [3].

Наряду с этим, фактически проигнорировано право участников судебного заседания удостоверить протокол (или ту его часть, в которой зафиксированы их показания), право же на ознакомление с протоколом тоже далеко не бесспорно и в значимой мере зависит от воли председательствующего. Часть 7 ст. 259 УПК РФ предоставляет право ознакомления с протоколом лишь сторонам; возможность же ознакомления с протоколом иных участников ущемлена усмотрением суда.

В последний период все громче высказывается мнение о необходимости замены аудио- либо видеопротоколом письменного протокола судебного заседания. Приведем пример из практики ВС РФ, подчеркивающий приоритет перед аудиозаписью письменного протоколирования заседания суда. Как указал ВС РФ, проведение аудиозаписи одной из сторон при отсутствии записи или контроля второй стороны, учитывая состязательность процесса и заинтересованность каждой стороны в своей позиции, не гарантирует полноту, достоверность и объективность информации, отраженной на носителе. В связи с этим наличие у защиты указанной записи не ставит под сомнение достоверность протокола судебного заседания, а также решение суда.

Итак, представляется целесообразным ускорение процесса изготовления протокола, а также создание возможности его удостоверения всеми участниками судебного разбирательства. Было бы оптимально, если удаляясь для постановления приговора в совещательную комнату, суд уже располагал бы изготовленным, подписанным протоколом по рассматриваемому делу.

Наличие неутраченной полемики в вопросах ведения протокола судебного заседания доказывает важность данного вопроса для совершенствования деятельности судебных органов. Вероятно, противоречия сгладятся в процессе дальнейшего развития технических средств, что несомненно приведет к большим изменениям в организации использования протокола судебного разбирательства, когда электронный способ станет основным, а не вспомогательным.

Список литературы

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // Рос. газ. 2013. № 48. 6 марта.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ // Рос. газ. 2009. № 121. 3 июля.
3. *Баев О.Я.* О протоколе судебного заседания // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 220–228.
4. *Брянская Е.В., Варнаховская Е.М.* Особенности участия прокурора в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции // Законность. 2017. № 3. С. 27–31.
5. *Казина Т.В.* Правовые аспекты взаимодействия средств массовой информации и судебной власти // Администратор суда. 2016. № 3. С. 47–51.
6. *Паночкин А.М.* Исследование новых доказательств в суде апелляционной инстанции // Право и политика. 2016. № 7 (199). С. 902–909.
7. *Селина Е.В.* Проблемы использования средств видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2015. № 4. С. 33–36.
8. *Цветков Ю.А.* Протокол судебного заседания: канон или апокриф? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 20–26.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ И ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ

Н.А. Кудрявцева, магистрант, **В.В. Савельев**, канд. юрид. наук
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Судебная власть в системе разделения властей играет особую роль в укреплении демократии и законности, в связи с чем она должна обладать высокой степенью независимости, гарантией которой являются закрепленные в Конституции РФ принципы правосудия. Конституционные принципы правосудия представляют собой закрепленные в основном законе страны основополагающие нормативные положения общеправового характера, образующие единую систему и определяющие организационные и функциональные особенности выполнения стоящих перед судебной властью задач. По нашему мнению, приведенные выше обстоятельства свидетельствуют об актуальности избранной для исследования темы.

Ключевые слова: правосудие; судебная власть; принципы правосудия; международная система правосудия.

В основе идеологии прав человека в качестве одного из элементов лежат стандарты справедливого правосудия. Правосудие неразрывно связано с правами человека, а сущностными характеристиками правового государства являются: признание личности и ее прав и свобод

высшей ценностью, подчинение государства праву и независимая судебная власть. Ограничение государства в интересах личности происходит путем признания прав и свобод в качестве цели правового государства, а судебной власти – как основного правового средства их защиты. В Конституции РФ это сформулировано следующим образом: «...права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими... определяют смысл, содержание и применение законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [6]. Выполнение отведенной в Конституции РФ роли правосудия может выполняться благодаря международным стандартам правосудия. Стандарты правосудия исходят из того, что права и свободы в судебном процессе обеспечиваются на основании справедливых процедур, а вынесенные решения подлежат исполнению, что обеспечивает восстановление нарушенных прав и компенсацию ущерба.

Обязательность стандартов справедливого правосудия основывается на авторитетности международных норм и принципов, а право каждого на доступ к правосудию априори не может быть ограничено, даже при введении военного или чрезвычайного положения. В силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, оправдать ограничения права каждого на доступ к правосудию, справедливое судопроизводство и эффективную судебную защиту можно, только если реализация такого права встала бы на пути защиты основ конституционного строя, общественных благ, нравственности, безопасности государства. Тем не менее справедливое правосудие, эффективная судебная защита не могут угрожать указанным интересам, а наоборот, способствуют их охране. В силу этого, отступление от международных стандартов правосудия нельзя объяснить охраной конституционного строя, безопасности государства. Россия признает международные стандарты правосудия, поскольку в основном законе страны прямо закреплена возможность любого обратиться в международные органы защиты прав и интересов.

Тем не менее Конституционный Суд РФ указал, что «взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия», а Европейский Суд по правам человека должен уважать национальную конституционную идентичность.

Конституционный Суд РФ при решении вопроса о возможности «исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека как межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, в

соответствии с международными обязательствами России» должен находить «разумный баланс» в целях того, чтобы принятое Европейским Судом «решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу» его постановлений, «а с другой – не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя РФ и установленным Конституцией РФ правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина».

Таким образом, на сегодняшний день вопрос о соотношении принципов правосудия и международных стандартов правосудия остается открытым, что требует теоретического осмысления, хотя российское законодательство прямо этот вопрос не регулирует [2].

Как известно, существование международных актов в сфере защиты прав и свобод человека насчитывает не одно десятилетие: с 1948 г. действует Всеобщая декларация прав человека, с 1950 г. – Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, которая декларирует и гарантирует защиту прав человека. Реализация норм Конвенции осуществляется путем рассмотрения жалоб о нарушении прав Европейским судом по правам человека.

Российское конституционное правосудие воспринимает общепризнанные нормы и принципы международного права в качестве национального юридического эталона, который, если речь идет о защите прав и свобод человека, нельзя не исполнить. Как отметил председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, оценивая конституционность закона, «Конституционный Суд РФ часто полагается на международно-правовую аргументацию, сверяет с нею свои обоснования и суждения в истолковании конституционных норм, выявлении конституционно-правового смысла проверяемых законоположений» [3], посредством чего российский правопорядок связывается с международным правом [4].

Между конституционными основами правосудия и международными стандартами нет принципиальных противоречий: давая оценку конституционности закона, судебный орган полагается на текст Конституции и на текст международных источников, включая практику международных юрисдикционных органов. Так, например, было, когда Конституционный Суд РФ проверял положения УПК РФ о применении к подозреваемым и обвиняемым домашнего ареста; о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок; о продлении срока содержания под стражей обвиняемого. В указанных случаях Конституционный Суд РФ при принятии решения обращался не только к тексту Конституции РФ, но и «к международным стандартам эффективного, этичного, справедливого, гуманного и ответственного

уголовного правосудия», «не могут оставаться без учета в оценке национального законодательства» [1].

Тем не менее российское процессуальное законодательство еще не в полной мере отвечает общепризнанным международным стандартам правосудия, и многие положения по своему юридическому оформлению и содержанию отличаются. Так, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, в отличие от Конституции РФ, не гарантирует обвиняемому рассмотрение его дела судом присяжных, отличаются также критерии права на получение бесплатной юридической помощи и услуг защитника.

Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением, не раз высказанным в юридической литературе, что состояние российского «процессуального законодательства в его правоприменительном контексте не вполне отвечает общепризнанным международным стандартам судебного разбирательства». В связи с чем некоторые авторы предлагают к обсуждению ряд вопросов.

Во-первых, есть принципиальные отличия в понимании обоснованности и сроков применения заключения под стражу. В практике российских судов содержание под стражей считается чуть ли не единственным способом обеспечения интересов судопроизводства, в то время как Европейский Суд по правам человека последовательно отстаивает точку зрения, согласно которой «решение о выборе меры пресечения всегда должно быть конкретным, подтвержденным материалами дела (фактами), доступными стороне защиты и с очевидностью указывающими на необходимость ограничения свободы лица, привлекаемого к уголовной ответственности» [7].

Принимая решение о заключении под стражу, суды обязаны проверять наличие оснований для применения этой меры пресечения и учитывать все обстоятельства, влияющие на принятие такого решения, на что ориентирует Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений.

Во-вторых, российское судопроизводство, особенно уголовное, имеет ряд дефектов, таких как «отсутствие гарантий права на защиту, отступление от принципов равенства и состязательности сторон, нарушение разумных сроков судебного разбирательства». Так, в юридической литературе отмечается, что «состязательность уголовного процесса является своеобразным краеугольным камнем справедливого правосудия, так как именно она предполагает действительное процессуальное равенство обвинения и защиты, а также независимость от них суда как нейтрального и беспристрастного арбитра».

Стоит отметить, что соотношение конституционных принципов правосудия и международных стандартов нельзя рассматривать только

со стороны доведения российского правосудия до требований международных стандартов. Конституция РФ сама может влиять на развитие российского правосудия, причем результаты могут быть более масштабные, чем этого требуют международные стандарты. Нельзя также забывать о том обстоятельстве, что практика Европейского Суда по правам человека строится на основе принципа *principle of subsidiarity*, который подразумевает, что в первую очередь защита прав и свобод граждан является обязанностью государства, а уже затем возлагается на Европейский Суд.

Например, за нарушение принципа разумного срока правосудия предусмотрена компенсация, институт которой сложился под влиянием практики Европейского суда по правам человека, но нельзя забывать о том, что российское процессуальное законодательство исходит из необходимости присуждения компенсации не только обвиняемому, но и потерпевшему [5].

Конституционный Суд в одном из постановлений указал, что «потерпевшему нельзя отказать в признании права на заявление о присуждении названной компенсации на том лишь формальном основании, что по делу не установлен подозреваемый или обвиняемый».

Таким образом, стоит отметить, что российское процессуальное законодательство, как и практика его применения, подвергаются совместному воздействию как конституционных принципов правосудия, так и норм международного права, гармоничное восприятие которых должно определять вектор развития российского судопроизводства.

Список литературы

1. *Арановский К.В., Князев С.Д.* Соотношение конституционных принципов и международных стандартов в контексте российского уголовного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4 (113). С. 41–58.
2. *Виноградова С.А.* Влияние принципов правосудия на вопросы юрисдикции // Безопасность бизнеса. 2017. № 4. С. 59–63.
3. *Зорькин В.Д.* Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. 543 с.
4. *Князев С.Д.* Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 5–13.
5. *Маврин С.П.* Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 6. С. 1–6.
6. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов; под. ред. Т.Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012. 584 с.

7. Тимофеев М.Т. Европейский суд по правам человека и непрекращающаяся борьба с левиафаном // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 4–5.

СНЯТИЕ СУДИМОСТИ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

А.З. Кутуев, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Институт судимости давно известен российскому уголовному законодательству, однако в настоящий момент является одним из самых проблемных и противоречивых институтов отечественной уголовной юстиции, что подтверждают неоднократные изменения, которые он претерпел в ходе существования УК РФ. Объяснение данному факту следует искать не только в особенности настоящего реформационного этапа в российском уголовном законодательстве, но и в анализе предшествующих этапов становления института судимости.

Ключевые слова: институт судимости; снятие судимости; осужденные; погашение судимости; лишение свободы; условное осуждение.

В теории уголовного права общепринято характеризовать определение снятия судимости как аннулирование правовых последствий факта осуждения лица и претерпевания им мер уголовно-правового воздействия до истечения установленных законом сроков погашения судимости. Однако данное определение нуждается в дополнении. Для снятия судимости необходим определенный акт, что указано в ч. 2 ст. 84, 85, ч. 5 ст. 86 УК РФ. На основании этого под снятием судимости необходимо понимать аннулирование специальным актом правовых последствий факта осуждения лица и претерпевания им мер уголовно-правового воздействия до истечения установленных законом сроков погашения судимости.

В связи с этим в УК РФ снятие судимости возможно в двух формах: снятие судимости в судебном порядке; снятие судимости актом амнистии или помилования [2].

Из смысла ст. 86 УК РФ ясно, что досрочное снятие судимости распространяется не только на лиц, осужденных к лишению свободы, но и на лиц, осужденных условно или осужденных к более мягким видам наказания, чем лишение свободы.

Согласно ст. 74 УК РФ условное осуждение может быть отменено по истечении не менее половины установленного испытательного срока, если осужденный доказал свое исправление и возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. В этом случае суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может принять решение об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости [6].

Немаловажным условием для снятия судимости, установленным УК РФ, является обращение осужденного в суд по отбытию назначенного ему наказания, если он вел себя «безупречно». Однако ни понятия «безупречного» поведения, ни срока, по истечении которого возможно будет подать ходатайство о снятии судимости в суд, в законе не указано.

Рассматривая вопрос о «безупречном» поведении, И.А. Тарханов пишет, что по смыслу самого термина осужденный должен отличаться позитивным поведением и добросовестным отношением к выполнению обязанностей, которые характеризуют его как законопослушного гражданина и свидетельствуют о его полном исправлении [2]. Так, В.К. Дуюнов под «безупречностью» понимает такое поведение лица, отбывшего наказание, на работе или учебе, в иных местах, которое со всей очевидностью свидетельствует, что определенные меры контроля и ограничения, связанные с институтом судимости, в отношении его излишни [4]. По мнению В.В. Паляя, безупречное поведение предполагает в первую очередь несовершение судимым лицом новых преступлений.

Конечно, поведение осужденного должно быть безупречным не в том смысле, что тот обязан выглядеть как образец для подражания, но во всяком случае оно должно показывать, что опасность лица, совершившего преступление, устранена, угроза совершения им новых преступлений миновала, цели исправления достигнуты, т.е. осужденный является достойным членом общества.

На основании изложенного можно сделать вывод, что понятие «безупречное поведение» должно охватывать не только добросовестное отношение к работе, учебе, но и его отношение к воспитанию детей, быту, к здоровому образу жизни, общественной деятельности, несовершение судимым лицом правонарушений, и в совокупности всех этих обстоятельств можно будет прийти к выводу, что судимое лицо стало достойным членом общества, опасность лица, совершившего преступления, утрачена, угроза совершения им новых преступлений миновала, цели исправления достигнуты.

Между тем в законе, как ранее было сказано, не содержится норма, указывающая на момент, с которого лицо может подать такое ходатайства. В данном случае лицо само определяет, стало ли его поведение «безупречным» или нет. К примеру, спустя месяц после освобождения лицо признало себя полностью исправленным, отличающимся «безупречным» поведением, и такое лицо может подать ходатайство о досрочном снятии судимости в суд.

По мнению В.В. Ераскина, срок, необходимый для ходатайства о досрочном снятии судимости, не может быть коротким, так как в этом случае нельзя решить вопрос об исправлении осужденного [3]. Однако В.В. Ераскин не указывает продолжительность этого срока. В.И. Горбцов полагал, что досрочное снятие судимости может иметь место не раньше, чем по истечении половины срока, установленного законом для погашения судимости, при условии, если освобожденный своим поведением доказал свое исправление.

Именно этот период позволит достаточно объективно оценить поведение судимого лица в постпенитенциарный период и решить вопрос об утрате им общественной опасности [1].

Следует обратить внимание на ч. 1 ст. 98 УК Республики Беларусь: если лицо, имеющее судимость, после отбытия наказания своим поведением доказало, что ведет законопослушный образ жизни, то по заявлению этого лица суд может снять с него судимость до истечения сроков ее погашения, но не ранее истечения половины срока судимости. Необходимо также отметить, что УК Республики Беларусь, в зависимости от вида рецидива, устанавливает сроки, по истечению которых лицо может подать заявление в суд о снятии судимости.

Необходимо, по нашему мнению, в УК РФ добавить положение, устанавливающее сроки, по истечению которых лица могут подать ходатайство в суд о досрочном снятии судимости.

Снятие судимости возможно Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации или Президентом Российской Федерации путем издания актов амнистии или помилования. По своим предписаниям акты амнистии и акты помилования могут заключаться не только в освобождении от уголовной ответственности и наказания либо в сокращении срока наказания или в замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, но и снятии судимости с лиц, отбывших уголовное наказание (ч. 2 ст. 84 и 86 УК РФ).

Стоит отметить, что ранее лица, освобожденные от наказания по акту амнистии или акту помилования, считались несудимыми, так как в УК РСФСР 1960 г. порядок аннулирования судимости актами амнистии и помилования регламентировались ст. 57 УК РСФСР, которая

гласила, что лица, освобожденные от наказания, считались не имеющими судимость.

В настоящее время данная практика противоречит УК РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 84 и 85 УК РФ снятие судимости актом амнистии или актом помилования возможно лишь после отбытия лицом наказания. Для применения рассматриваемых актов в них должно содержаться специальное указание на снятие судимости, что вытекает из формулировки ч. 2 ст. 84 и 85 УК РФ.

По мнению С.Н. Сабанина, на основании актов амнистии и помилования в настоящее время может быть решен по существу любой правовой вопрос в отношении лица, совершившего преступление: оно может быть освобождено от уголовной ответственности (даже до возбуждения уголовного дела); привлечено к уголовной ответственности, но полностью освобождено от отбывания наказания; в полном объеме или частично освобождено от отбывания дополнительного наказания; одно наказание может быть заменено более мягким видом наказания; с виновного может быть досрочно снята судимость [5].

Однако рассматриваемые акты не всегда содержат положения, которые бы соответствовали УК РФ. Так, согласно п. 12 Постановления Государственной Думы от 24.04.2015 № 6576-6 ГД г. Москва «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», судимость автоматически снимается с лиц, освобожденных от наказания на основании п. 1–4 и 7–9 рассматриваемого постановления. Налицо противоречие ч. 2 ст. 84 УК РФ, в котором указано, что судимость снимается только по отбытию наказания. Следовательно, судимость с лиц, освобожденных от наказания или его отбывания, не должна сниматься актами амнистии и помилования.

По нашему мнению, процедура снятия судимости актами амнистии и помилования должна соответствовать требованиям УК РФ. Более того, необходимо отметить, что УК РФ обладает высшей юридической силой по отношению актов амнистии и помилования. В случае противоречия актов амнистии и помилования УК приоритет отдается нормам УК РФ. Однако по сей день вопрос не урегулирован.

Таким образом, под снятием судимости необходимо понимать аннулирование специальным актом правовых последствий факта осуждения лица и претерпевания им мер уголовно-правового воздействия до истечения установленных законом сроков погашения судимости.

Список литературы

1. *Горобцов В.И.* Об определении целей института судимости // Укрепление Российского государства – главная задача органов внутренних дел. Орел, 1994.
2. *Грамматчиков М.В., Кириллов И.А.* Судимость: тенденции развития и пути совершенствования: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. 190 с.
3. *Ераскин В.В., Помчалов Л.Ф.* Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 48 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / В.К. Дуюнов [и др.]; отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1104 с.
5. *Сабанин С.Н.* Амнистия и помилование в уголовном законодательстве России // Государство и право. 1995. № 11. С. 78–83.
6. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2009. 751 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СУДИМОСТИ

А.З. Кутуев, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Ни для кого не секрет, что если гражданин совершил преступление, то за данное деяние его каким-то образом следует наказать. Осуждение такого гражданина предполагает, что для него наступят определенные последствия, которые чаще всего носят негативный характер. Данные последствия заключаются в том, что такое лицо лишается или ограничиваются его некоторые права, законные интересы или свободы. Такие последствия представляют собой как результат исполнения наказания, так и существования судимости как специфического правового института.

Ключевые слова: институт судимости; правовые последствия судимости; рецидив преступлений; наказания; лишение свободы.

Судимость, безусловно, стоит относить к уголовно-правовой категории, поскольку она состоит из определенных последствий уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера.

Отметим, что ограничения, имеющие общеправовой характер, не входят напрямую в состав судимости, а только составляют содержание

определенных мер воздействия после отбытия гражданином уголовного наказания. Так, в ст. 86 Уголовного кодекса РФ зафиксированы только уголовно-правовые последствия судимости:

- судимость характеризуется рецидивом преступлений, т.е. обстоятельством, отягчающим наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ). По ч. 1 ст. 18 УК РФ рецидив преступлений обозначается тогда, когда лицо, имеющее уже судимость за ранее совершенное умышленное преступление, снова его совершает;

- судимость, согласно закону, обязательно учитывается при определении конкретного вида режима отбывания тюремного наказания; к примеру, если осужденный – это мужчина, который имеет судимость и ранее отбывал наказание в виде лишения свободы, то при рецидиве преступления он направляется в исправительную колонию строгого или особого режима (на основе п. «в» и «г» ч. 1 ст. 58 УК РФ);

- судимость исключает возможности освобождения гражданина от уголовной ответственности, даже если этот гражданин раскаивается, если во время отбывания наказания гражданин совершает еще одно преступление, то наказание должно быть назначено по совокупности всех приговоров, при этом оно должно быть ужесточено. В данном случае поглощение наказания невозможно. Ограничивается возможность для условно-досрочного освобождения гражданина от уголовного наказания (согласно ст. 79 УК РФ) [3].

Во время назначения наказания судья должен руководствоваться ст. 70 УК РФ, в которой говорится о том, что возможно полное или частичное сложение наказаний, при этом максимальный срок, на который можно лишить свободы такого гражданина, равняется 30-ти годам, если гражданин совершал уголовно-наказуемые деяния, в результате которых суд выносил приговор, который заключался в лишении свободы больше двух раз, то данный гражданин не может воспользоваться правом на амнистию.

Итак, главное назначение ограничений уголовно-правового характера проявляется в создании определенных условий, которые намного более жесткие в случае привлечения к уголовной ответственности и отбывания наказания в отношении тех лиц, кто уже имеет «криминальный» опыт по сравнению с теми, кто ранее преступление не совершал. Учитывая указанные уголовно-правовые последствия судимости, считаем главнейшим из них влияние судимости на институт рецидива преступлений. В связи с этим полагаем, что необходимо более подробно остановиться на данном вопросе [2].

Главным признаком рецидива является совершение преступления во время судимости за уже совершенное умышленное преступление.

Рецидив – это совершение нового преступления в определенных временных границах. Большинство авторов считают, что такой границей является сам момент осуждения [1].

Судимость начинает считаться открытой, после того как вступил в законную силу вынесенный приговор и длится до момента истечения срока, который установлен законом. После того как данный срок прошел – особых проблем не возникает, поэтому в законе четко прописаны правила по которым происходит снятие и погашение судимости (ст. 86 УК РФ).

В своей статье Н. Коротких пишет: «...Но вступивший в законную силу обвинительный приговор приобретает эти свойства, как обязательность и преюдициальность, и обращается к исполнению. До момента вступления в законную силу он данными правовыми последствиями не обладает и может быть обжалован или опротестован в кассационном порядке. Если лицо совершило новое преступление после провозглашения приговора, но до его вступления в законную силу, должны рассматриваться по правилам статьи по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ). О рецидиве в данных ситуациях говорить не приходится, так как отсутствует обязательный признак – судимость...» [4].

После того как приговор вступил в законную силу, его можно отменить или изменить, но для этого надо обратиться в вышестоящую надзорную инстанцию. На основании ч. 2 ст. 86 УК РФ лицо, гражданин, который был освобожден от наказания, считается несудимым. Если гражданин был условно осужден, то он считается освобожденным от реального наказания, но по прямому указанию закона (п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ) данные граждане все равно считаются судимыми.

Однако в этих случаях могут встречаться исключения, о них говорится в п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ: «...при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы...» [6].

В современной юридической науке о праве мнения ученых разделились относительно того, достаточно ли для наличия признания рецидива преступлений самого факта осуждения по приговору суда или все же требуется также и отбытие назначенного наказания.

Одни считают, что рецидивом необходимо считать преступление, которое совершил гражданин, ранее осужденный за совершение другого преступления, независимо от того, отбывал он наказание или нет.

Вторая группа ученых считает, что для признания преступления рецидивом необходимо считать преступление, которое совершил

гражданин, ранее осужденный за совершение другого преступления, при этом он должен отбыть полное или частичное наказание.

Последняя группа ученых утверждает, что рецидивом необходимо считать преступление, которое совершил гражданин, ранее осужденный за совершение другого преступления, при этом лицо должно полностью отбыть наказание, которое было назначено за совершение предыдущего преступления.

Даже если допустить, что обвинительный приговор вступил в законную силу, а исполнение наказания не начато по каким-нибудь причинам, лицо все равно признается имеющим судимость, потому что суд признал его виновным в совершении преступления и назначил наказание с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления.

Уголовно-исполнительные последствия судимости в научной литературе, к сожалению, не нашли своего должного отражения и поэтому дальнейшие исследования в данной области имеют особую значимость и актуальность.

Список литературы

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 5.
2. Антонов А.Г. К вопросу о судимости при освобождении от наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 4. С. 23–25.
3. Арзамасцев М.В. Амнистия, помилование, судимость: лекция. Челябинск, 2002. С. 8–10.
4. Коротких Н. Судимость как признак рецидива преступлений // Законность. 2005. № 1. С. 37–39.
5. Никулин С.И. Амнистия. Помилование. Судимость // Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. 454 с.
6. Ульянов А.В. Некоторые правовые положения института судимости по уголовному праву России // Вопросы гуманитарных наук. 2013. № 1. С. 194–196.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ ВКЛАДОВ

А.И. Майорова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Обязательное страхование вкладов является для российского права достаточно новым институтом; в советском гражданском праве необходимость в подобном институте отсутствовала, потому что все банки являлись государственными, и государством обеспечивались гарантии сохранности вкладов, поэтому тема «Страхование банковских вкладов в Российской Федерации» является актуальной. Системы страхования вкладов населения, действующие почти во всех экономически развитых странах, показали свою эффективность, способствуя вовлечению в реальный сектор экономики самого большого и долгосрочного кредитного ресурса – накоплений граждан.

Ключевые слова: вклад; страхование вклада; возмещение по вкладу; выплата по вкладу; договор банковского вклада.

В Российской Федерации есть два наиболее распространенных варианта хранения денежных средств. Часть населения хранит свои сбережения в домашних условиях, однако такой способ не приносит дополнительного дохода. Другая часть предпочитает свои денежные средства нести в банк. В отличие от сбережений, которые хранятся дома, деньги, которые лежат на банковском вкладе, приносят доход. В связи с этим денежные средства не так сильно подвержены инфляции [2]. Еще одним преимуществом хранения сбережений на банковском вкладе является то, что денежные средства застрахованы, а значит, находятся в безопасности. Чтобы обеспечить эту безопасность и привлечь вкладчиков, был создан такой инструмент, как страхование банковских вкладов.

Вклады в российских банках, имеющих лицензию, застрахованы государством. Правовым обеспечением защиты вкладчиков является Федеральный закон 23.12.2003 № 177-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» [1].

Страхование вкладов считается мерой защиты денежных сбережений физических лиц, средства которых располагаются в банковской сфере. В случае если банковская организация прекращает свою деятельность и у нее отзывают лицензию и проведение всевозможных видов финансовых операций, в таком случае созданное государством страховое агентство по обеспечению страхования вкладов оплачивает

его вкладчикам зафиксированные финансовые суммы. В этом состоит весь главный механизм страхования вкладов.

Таким образом, в случае если кредитно-финансовое учреждение в силу каких-либо сложившихся обстоятельств, являющихся страховым случаем, не сможет вернуть вкладчику накопления, хранящиеся на счету, то выплата этих сбережений будет произведена Агентством по страхованию вкладов [5].

Идея о страховании вкладов появилась в 1990-е гг., когда массовые банкротства в сопровождении кризиса в банковской системе привели к тому, что люди перестали доверять свои денежные средства банкам, и банки потеряли большое количество клиентов [3]. Государством было принято решение о принятии закона о страховании вкладов физических лиц в качестве способа решения сложившейся проблемы. Целью нового закона было восстановление доверия людей к банкам, а для его реализации ввели новую организацию – Агентство по страхованию вкладов. Основным документом выступает Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». Для того чтобы вкладчики могли рассчитывать на государственное возмещение, банк должен быть участником системы страхования вкладов (ССВ) и платить взносы в Фонд обязательного страхования вкладов [1].

Банк не может вести свою деятельность, не являясь участником системы страхования вкладов. Банк становится участником системы страхования вкладов с момента его постановки на учет до момента снятия его с учета в системе страхования вкладов в соответствии со ст. 28 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации».

Страхование вкладов физических лиц выполняется на основе Закона «О страховании вкладов физического лица в банках РФ» без составления страхового договора. Вкладчик, получивший возмещение по вкладам, размещенным в банке, в отношении которого наступил страховой случай, сохраняет право требования к данному банку на сумму, определяемую как разница между размером требований вкладчика к данному банку и суммой выплаченного ему возмещения по вкладам в данном банке. Удовлетворение такого права требования вкладчика к банку осуществляется в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации [4].

Право требования вкладчика на возмещение по вкладам возникает со дня наступления страхового случая. Лицо, которое приобрело у вкладчика право требования по вкладам после наступления страхового случая, права на возмещение по таким вкладам не имеет. Вкладчик (его

представитель) вправе обратиться в Агентство с требованием о выплате возмещения по вкладам со дня наступления страхового случая до дня завершения конкурсного производства, а при введении Банком России моратория на удовлетворение требований кредиторов – до дня окончания действия моратория.

Если банк, в отношении которого наступил страховой случай, выступал по отношению к вкладчику также в качестве кредитора, размер возмещений по вкладам определяется исходя из разницы между суммой обязательств банка перед вкладчиком и суммой встречных требований данного банка к вкладчику, возникших до дня наступления страхового случая [5].

Агентство в течение 7 дней со дня получения из банка, в отношении которого наступил страховой случай, реестра обязательств банка перед вкладчиками направляет в этот банк, а также для опубликования в «Вестник Банка России» и печатный орган по месторасположению этого банка сообщение о месте, времени, форме и порядке приема заявлений вкладчиков о выплате возмещения по вкладам. В течение месяца со дня получения из банка реестра обязательств банка перед вкладчиками Агентство направляет также соответствующее сообщение вкладчикам банка, в отношении которого наступил страховой случай. Указанную информацию вкладчик вправе получить непосредственно в банке, в отношении которого наступил страховой случай, а также в Агентстве.

Выплата возмещения по вкладам производится Агентством в соответствии с реестром обязательств банка перед вкладчиками, формируемым банком, в отношении которого наступит страховой случай, в течение трех дней со дня представления вкладчиком в Агентство необходимых документов, но не ранее 14 дней со дня наступления страхового случая [5]. При выплате возмещения по вкладам Агентство представляет вкладчику справку о выплаченных суммах и вкладах, по которым осуществлялось возмещение, и направляет ее копию в банк. При невыплате по вине Агентства согласованной суммы возмещения по вкладам в установленные сроки Агентство уплачивает вкладчику проценты на сумму невыплаты, исчисляемые в размере ставки рефинансирования, установленной Банком России на день фактической выплаты Агентством возмещения по вкладам.

Когда вкладчик не согласен с размером возмещения по вкладам, подлежащего выплате, Агентство предлагает вкладчику представить в Агентство дополнительные документы, подтверждающие обоснованность его требований, и направляет их в банк для рассмотрения. В течение 10 дней со дня получения указанных документов банк обязан

направить в Агентство сообщение о результатах рассмотрения требований вкладчика и при необходимости об изменениях в реестре обязательств банка перед вкладчиками. После согласования с банком и вкладчиком суммы обязательств банка на основании дополнительно представленных документов Агентство выплачивает вкладчику сумму возмещения по вкладам в установленном порядке [4].

Выплата возмещения по вкладам производится в валюте Российской Федерации. К Агентству, выплатившему возмещение по вкладам, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, которое вкладчик имел к банку, в отношении которого наступил страховой случай.

В ходе конкурсного производства в банке, в отношении которого наступил страховой случай, требования, перешедшие к Агентству в результате выплаты им возмещения по вкладам, удовлетворяются в первой очереди кредиторов. В делах о банкротстве банков права требования к банку, перешедшие к Агентству в результате выплаты им возмещения по вкладам, представляет федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ [2]. После выплаты Агентством возмещения по вкладам уполномоченный орган принимает меры по взысканию с банка сумм задолженности перед Агентством, на которые оно получило право в соответствии и в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Сумма взысканной задолженности подлежит зачислению в Фонд обязательного страхования вкладов.

Отсрочка погашения задолженности может быть предоставлена на срок до 6 месяцев с единовременной уплатой суммы задолженности. Рассрочка погашения задолженности может быть предоставлена на срок до года с поэтапной уплатой суммы задолженности. На сумму задолженности начисляются проценты исходя из ставки, равной 1/2 ставки рефинансирования Банка России, действовавшей в период отсрочки или рассрочки погашения задолженности [3].

На данный момент процесс страхования вкладов и выплата по страховым случаям отлажены. Можно сказать, что вкладчики могут быть уверены в сохранности своих сбережений. Но все же полной гарантии возврата денег нет.

Во-первых, страховая часть вклада равна 1 400 тыс. руб., вероятность возврата суммы свыше страховой очень мала, а значит, необходимо контролировать размер вклада. Но чем больше размер вклада, тем больше его доходность. Поэтому возникают риски.

Во-вторых, размер фонда страхования вкладов неограничен. Он может покрыть обязательства двух-трех крупных коммерческих банков. И если начнется череда закрытия банков, есть вероятность, что

Агентство по страхованию вкладов не сможет выплатить все страховые случаи. На данный момент в процессе ликвидации 299 банков. Это в основном мелкие региональные банки, которые вели рискованную политику. В связи с этим надежнее выбирать крупный банк с хорошей репутацией. В таких банках процентные ставки по вкладам ниже. Возникает выбор между высокой доходностью и надежностью банка.

Список литературы

1. О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации: федер. закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ // Рос. газ. 2003. № 261.
2. *Абрамов В.Ю.* Страхование: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2013. 512 с.
3. *Ахмаев А.Г.* Страхование вкладов физических лиц // Право и экономика. 2006. № 11. С. 18–20.
4. *Белоглазова Г.Н., Кроливецкая Л.П.* Банковское дело: розничный бизнес: учеб. пособие. М.: КноРус, 2014. 416 с.
5. *Мирошников В.А.* Формирование системы страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации: актуальные вопросы. М.: Агентство по страхованию вкладов; Банковский конгресс, 2014.

ПУТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ ВКЛАДОВ

А.И. Майорова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Создание российской системы обязательного страхования вкладов населения является специальной программой, реализуемой государством и банковским сообществом в целях укрепления доверия граждан к банковской системе, стимулирования привлечения сбережений населения в экономику, поддержания внутренней устойчивости банковского сектора. Система страхования вкладов является одним из ключевых институтов поддержания стабильности банковской системы. Последние два десятилетия сопровождались динамичным развитием систем страхования вкладов во многих странах, и на сегодняшний день система страхования вкладов в различных видах используется в 119 странах мира.

Ключевые слова: вклад; система страхования вкладов; Агентство по страхованию вкладов; вкладчик; выплата средств.

Важно сказать о возможных перспективах развития системы страхования вкладов. С ростом экономики постепенно будет повышаться и предельный размер страхового возмещения. В любом случае система страхования вкладов будет развиваться в направлении укрепления защиты прав вкладчиков.

Предложения включить в систему страхования вкладов средства, находящиеся на счетах индивидуальных предпринимателей, с целью усиления защиты их деятельности выдвигались в 2008 г. Законопроект получил положительный официальный отзыв правительства, однако думский комитет по финансовому рынку рекомендовал его не поддерживать, объясняя это тем, что индивидуальные предприниматели по Конституции РФ организуют свой бизнес на собственный страх и риск, и государство страховать их бизнес не должно. Также возникал вопрос, почему привилегии по страхованию распространяются именно на индивидуальных предпринимателей, а не на всех лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность [5].

В конце 2009 г. депутаты Государственной Думы РФ рассмотрели вопрос о распространении системы страхования вкладов на депозиты некоммерческих организаций. Агентство по страхованию вкладов и правительство отклонило данную идею по причине отсутствия необходимых денежных резервов в фонде страхования вкладов. Однако в отношении индивидуальных предпринимателей приняли положительное решение. Был внесен депутатами в Государственную Думу соответствующий законопроект, в котором Агентство по страхованию вкладов обязуется выплачивать предпринимателям без образования юридического лица денежные средства из фонда страхования вкладов при наступлении страховых случаев. В результате этого возникают пути максимального сохранения денежных средств, а именно собственники небольших компаний разбивают счета на депозиты, объем которых не превышает 1 400 тыс. руб., которые оформляют на своих родственников. При этом практически нет оснований признать незаконным перевод средств со счетов предпринимателей [4]. Анализ тенденций развития системы страхования вкладов в мировой практике показал, что необходимо реформировать существующие модели защиты сбережений граждан [4].

Исходя из рассмотренного, выделим ряд подходов: во-первых, отмена страхования депозитов на государственном уровне и замена его частной программой; во-вторых, сохранение роли государства в страховании депозитов, но при значительном ее изменении; в-третьих, объединение двух предыдущих подходов; в-четвертых, подход требует от

банков осуществлять свою деятельность как отдельных застрахованных и незастрахованных структурных единиц.

Последовательное внедрение страхования депозитов юридических лиц в РФ может быть представлено следующими основными этапами: страхование физических лиц, страхование индивидуальных предпринимателей, страхование малого бизнеса, страхование некоммерческих организаций, страхование депозитов юридических лиц [3].

Для того чтобы определить сумму страхового возмещения для юридических лиц, необходимо рассмотреть мировую практику, которая пошла по пути распространения равных гарантий на все счета – как физических, так и юридических лиц.

В случаях наступления кризиса должна быть разработана система заимствования денежных средств из бюджета, которая сможет нейтрализовать негативные последствия. Для реализации поставленных перед системой страхования задач необходимы инструменты воздействия, такие как контроль за формированием страховых резервов, мониторинг финансового состояния банков [1].

Таким образом, постепенное формирование и распространение системы страхования вкладов, начиная с физических лиц, а затем переходя на юридические лица, позволит сформировать единый подход к страхованию средств физических и юридических лиц, что сделает систему страхования более простой, прозрачной, защищенной от мошенничества. Система страхования вкладов играет большую роль в формировании экономики, она выступает гарантом стабильности в кризисных ситуациях, помогает урегулировать экономику в стране, привлекает сбережения населения в банковскую сферу [2].

Система страхования вкладов может как обеспечивать стабильность кредитной системы страны, так и ослаблять ее, потому что обеспечивает покрытие убытков при проведении высокорискованных операций банками. Поэтому можно сделать вывод, что роль системы страхования вкладов нельзя оценить однозначно.

Важным фактором, способствующим повышению эффективности функционирования российской системы страхования вкладов, могло бы послужить предоставление доступа Агентству по страхованию вкладов к отчетности банков, направляемой ими в Банк России, естественно, при условии гарантии соблюдения режима конфиденциальности. Это позволило бы лучше управлять ликвидностью фонда страхования вкладов, поскольку дало бы возможность более точно планировать потребность в средствах на выплату возмещения [5].

Каждое государство определяет для себя такую систему страхования вкладов, которая соответствует особенностям его банковской системы и социально-экономическим целям [1].

К числу дополнительных принципов следует отнести: обоснование максимального объема выплаты средств на одного вкладчика с учетом интересов всех участников системы страхования, а также определение перечня видов вкладов, подлежащих компенсации, с учетом особенностей и потребностей национальной экономики. Данные условия могут быть скорректированы с учетом сложившейся в национальной экономике ситуации; корректировку способов формирования страхового фонда, что также связано с возможным изменением условий экономического развития.

Отмеченные выше принципы формирования системы страхования вкладов были в основном учтены при разработке российского законодательства, но, как показывает практика, не все из них были реализованы в полной мере [3].

Таким образом, направления развития основных функций и организации системы страхования вкладов в России предполагают: совершенствование ее правовой базы; проведение реорганизации структуры Агентства по страхованию вкладов; обоснование порядка формирования и использования финансовых ресурсов Агентства по страхованию вкладов; преобразование механизма формирования средств страховых фондов.

На основе вышеуказанного возможно предложить некоторые направления доработки системы. Совершенствование правовой системы страхования вкладов предполагает дальнейшее развитие политического и законодательного базиса для обязательной структурированной системы страхования вкладов. Схема страхования вкладов должна учитывать специфику методов оздоровления банков с разными формами собственности. При этом условием стабильности является формирование административных рамок, соответствующих выбранной системе страхования вкладов.

Расширение доступа к информации о деятельности банков. Необходим усиленный контроль за соблюдением законодательства и деятельностью банка.

Деятельность Агентства по страхованию вкладов должна быть открытой и понятной как во время, так и после отзыва лицензии у банка, что предполагает более масштабное ее освещение в средствах массовой информации, доступных широким слоям населения [2].

Важным фактором в деятельности системы является ее обеспечение необходимым финансированием и квалифицированным персоналом. Обязательным является составление плана действий на случай кризиса всей банковской системы, когда происходят массовые и взаимосвязанные банкротства банков.

Для минимизации нарушения банковской дисциплины и возникновения риска массового изъятия средств из банков дополнительной мерой может стать законодательное установление прогрессирующей шкалы штрафов за досрочное изъятие вкладов, в зависимости от их размеров и сроков.

Важным продолжением реформы системы страхования вкладов может стать пересмотр лимита возмещения по вкладу, который должен устанавливаться, исходя из суммы вклада отдельного вкладчика в банке с начисленными процентами [5].

Возможность включения в систему страхования средств юридических лиц, в результате чего экономика страны станет более стабильной, а также произойдет минимизация негативных последствий отзыва лицензий у банков, а именно банкротства юридических лиц.

Увеличение порога входа предпринимателей в банковскую сферу, что изначально позволит отсеять более слабые банки, а следовательно не допустит их банкротства, банкротства юридических лиц, сохранит денежные средства и доверие к банковской системе физических лиц, индивидуальных предпринимателей. Можно ввести ограничения: увеличить размер минимального уставного капитала банка, ужесточить квалификационные требования к руководителям банка, ужесточить нормы о регистрации кредитных организаций и их лицензировании, а также основания для отзыва лицензии у банка [1].

Главными задачами Агентства должны быть: наличие широкого набора эффективных инструментов санации (система мероприятий по улучшению финансового положения предотвращения банкротства), применение в современной практике механизмов, снижающих негативные последствия разорения банков [2].

В числе наилучшим образом зарекомендовавших себя способов санации следует выделить передачу активов и обязательств из проблемного банка в финансово устойчивый, что позволяет обеспечить непрерывность банковского обслуживания вкладчиков и иных клиентов, а также более высокую отдачу от активов нежизнеспособных банков.

Развитие механизмов ликвидации несостоятельных кредитных организаций будет идти по пути повышения их эффективности и прозрачности, сокращения расходов на проведение ликвидационных процедур, повышения степени удовлетворения требований кредиторов.

Для повышения финансового образования граждан Министерству финансов РФ, Министерству образования и науки РФ и представителям региональной исполнительной власти необходимо обеспечить процесс краткосрочного обучения населения в области банковского обслуживания физических лиц, а именно относительно страхования вкладов. Это будет стимулировать активность вкладчиков.

Одним из наиболее важных решений в развитии системы страхования вкладов являются размеры страховых премий. Целью применения дифференцированных страховых премий является стимулирование банков не допускать принятия избыточного риска и обеспечить более справедливую величину взимания отчислений.

При этом размер страховой премии для отдельного банка должен рассчитываться с учетом: кредитных рисков, нестабильности ресурсной базы, прибыльности и др.

Данные меры будут способствовать направлению сбережений населения в накопления и, соответственно, на инвестирование в экономику, выполнению рынком банковских услуг функций механизма превращения сбережений в инвестиции, укреплению и совершенствованию банковской системы по отношению к страхованию вкладов.

Список литературы

1. *Белоглазова Г.Н., Кроливецкая Л.П.* Банковское дело: розничный бизнес: учеб. пособие. М.: КноРус, 2014. 416 с.
2. *Евстратенко Н.Н.* Российская система страхования вкладов в контексте мирового опыта. // Деньги и кредит. 2007. № 3. С. 48–53.
3. *Жихарева А.В.* Система страхования вкладов: история и перспективы // Банковское дело. 2014. № 9. 260 с.
4. *Тимофеев С.В.* Кредитные организации в России: правовой аспект. М.: Волтерс Клувер, 2016. 624 с.
5. *Турбанов А.В., Евстратенко Н.Н.* Ключевые принципы для эффективных систем страхования депозитов и российская система страхования вкладов // Деньги и кредит. 2008. № 10. С. 15–20.

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ИЗГОТОВЛЕНИЯ, ХРАНЕНИЯ, ПЕРЕВОЗКИ ИЛИ СБЫТА ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ

А.-С.А. Максимчук, магистрант,

М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

В условиях проводимых рыночных преобразований и продолжающейся интеграции России в мировую экономическую систему особую актуальность приобретает разработка новых и повышение эффективности устоявшихся инструментов уголовно-правовой охраны отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности в целом и денежно-кредитного обращения в частности. Являясь важнейшим элементом рыночной инфраструктуры, отношения в области денежно-кредитного обращения обеспечивают нормальное, т.е. основанное на законах и других нормативных правовых актах функционирование всего хозяйственного комплекса страны, а потому нуждаются в надежной и эффективной защите от преступных посягательств.

Ключевые слова: фальшивомонетничество; организованная преступность; преступление; поддельные деньги; сбыт; крупный размер; особо крупный размер.

Квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, согласно ч. 2 и 3 ст. 186 УК РФ, являются совершение рассматриваемого преступления в крупном размере, а также совершение данного преступления организованной группой.

Отягчает ответственность, согласно ч. 2 ст. 186 УК РФ, совершение деяния в крупном размере. В ч. 2 ст. 186 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак – крупный размер совершения данного преступления. Количественные критерии крупного размера в анализируемой статье не приведены. В связи с этим крупный размер следует определять в соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ в пересчете на номинал фальшивых денежных знаков или ценных бумаг. Таким образом, крупным размером изготовления в целях сбыта или сбыта поддельных денег или ценных бумаг по анализируемой статье будет признаваться их суммарный номинал, который превышает 2 млн 250 тыс. руб. [1].

Нередко эпизоды изготовления и сбыта поддельных денег и ценных бумаг составляют в целом единое продолжаемое преступление, что следует учитывать при определении крупного размера.

Изменения, касающиеся крупного размера, как квалифицирующего обстоятельства, были внесены в ст. 186 УК РФ в связи с принятием Федерального закона от 08.12.2003 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ». Однако, на наш взгляд, возможно дальнейшее расширение данной нормы и введение в ч. 2 ст. 186 УК РФ особо крупного размера. Это будет способствовать реализации принципа справедливости уголовного законодательства.

Особо квалифицирующим признаком изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг является совершение рассматриваемого преступления организованной группой (ч. 3 ст. 186 УК РФ) [3].

Определяя квалифицирующий признак «совершение преступления организованной группой» по основным видам тяжких преступлений, законодатель правовыми мерами защищает общественные отношения от преступлений, наносящих наибольший вред личности и государству. Уголовно-правовые задачи пресечения организованной преступной деятельности соответствуют процессу формирования современных экономических и социально-политических отношений в России.

Организованные преступные группы – достаточно характерное явление при «фальшивомонетничестве», такая группа может ставить перед собой цель неоднократного изготовления, сбыта, хранения и перевозки поддельных денег или ценных бумаг. Здесь может происходить распределение ролей не только между изготовителями «фальшивок» и теми, кто их сбывает. В составе такой группы могут находиться лица, хранящие поддельную валюту, выполняющие функции перевозчиков и т.д. [2].

Среди деятельности организованных преступных групп фальшивомонетчиков можно выделить ряд особенностей:

- данная деятельность тщательно планируется, а решение об осуществлении каких-либо акций принимают руководители групп;
- в большинстве организованных групп фальшивомонетчиков существует определенная «специализация», одними и теми же преступными группами фальшивомонетчиков осуществляются, как правило, однотипные акции, хотя непосредственные их исполнители могут меняться;
- для обеспечения успеха главной акции фальшивомонетчиками предпринимаются в ряде случаев отвлекающие действия (угоны автомашин, взрывы, поджоги служебных помещений и т.п.); используются

хорошо разработанные «легенды», применяются современные технические средства: подслушивающие и видеозаписывающие устройства, портативные средства и тому подобная аппаратура, а в отдельных ситуациях – оружие;

- проявляется особый интерес к действиям правоохранительных органов и специальных служб, особенно к тем подразделениям, которые непосредственно занимаются борьбой с финансовыми преступлениями, подделкой денег и документов.

В то же время могут быть организованные группы, занимающиеся только изготовлением поддельных денег и ценных бумаг или только их сбытом, также в отдельности хранением и перевозкой.

При организованной преступной деятельности все ее участники привлекаются к ответственности как исполнители преступления. Толкование понятия организованной группы применительно к изготовлению, хранению, перевозке или сбыту поддельных денег или ценных бумаг не отличается принципиально от толкования этого признака применительно к другим составам преступлений. Для наличия соответствующего признака достаточно, чтобы два лица, достигших шестнадцатилетнего возраста, посредством распределения ролей (один из которых должен выполнять функции организатора или руководителя), тщательной подготовки (включающей, например, принятие специальных мер безопасности от уголовного преследования) изготовили с целью сбыта или сбыли хотя бы единственный экземпляр поддельной банкноты, монеты или ценной бумаги.

Большинство денежных знаков и ценных бумаг подделываются полностью, изготавливаются на бумаге, которая по внешнему виду приближается к подлинной и часто имеет имитацию защитных знаков банковской бумаги. Наиболее часто используемыми способами подделки денежных знаков являются: полиграфическая печать, копирование, фотографические способы, комбинированный способ, трафаретная печать, «суперподделка».

Подделка денег полиграфическим способом предполагает изготовление особых печатных форм и получение с них оттисков. Это наиболее опасный вид фальшивомонетничества, так как достигается большое сходство с подлинными купюрами и тиражирование подделок в значительном количестве экземпляров.

При полиграфической печати подделки денежных знаков могут использоваться фототипия, офсетный и фотоцинкографический способы [4].

Для фототипии характерны следующие признаки: отсутствие четкости изображения; двоянность и смазанность линий; деформация мелких элементов и букв; бледность окраски.

Признаки офсетного способа печати: отсутствие сгущения краски по краям штрихов и деформации бумаги; не очень четкое изображение деталей.

Фотоцинкографскому способу присущи такие признаки, как: деформация бумаги; неравномерное распределение красителя в штрихах; утолщение красящего слоя по краям штрихов, более интенсивная его окраска; неровные края штрихов.

Подделка денег способом копирования. В последнее время для изготовления фальшивых денежных знаков и ценных бумаг нередко используется современная копировально-множительная техника. Исключительная общественная опасность данного способа состоит в том, что почти мгновенно можно получить огромное количество фальшивок. По выводам западных экспертов, за одну ночь можно напечатать несколько миллионов фальшивых долларов. Однако новые модели цветных копировальных машин содержат в памяти специальную программу, которая исключает копирование банкнот.

Использование копировально-множительной техники имеет свои особенности: зернистое изображение штрихов; блеск красителя в штрихах; наличие точек, «марашек» на пробельных участках и фоне банкнот; поверхностное наложение красителя в штрихах.

Подделка денег фотографическим способом часто сопровождается последующей раскраской цветными красителями поддельных банкнот. Этот способ, требующий навыков в области черно-белой и цветной фотографии, встречается довольно редко.

Подделка денег комбинированным способом – наиболее эффективный способ подделки (комбинированный способ – это сочетание полиграфического и копировального способов). Используется эмиссионная бумага, которая либо похищается на предприятиях Госзнака, либо изготавливается путем предварительного смывания красителя с купюры меньшего достоинства с последующим нанесением комбинированным способом изображения всех реквизитов купюры большего достоинства. Иногда встречаются частично подделанные банкноты, в которых изменены первичные цифровые и текстуальные обозначения их номинальной стоимости [2].

Трафаретная печать, или шелкография, подразумевает изготовление подделок путем проливания краски через отверстия необходимой печатной формы. Такие купюры из-за толстого слоя краски получа-

ются достаточно плотными, на ощупь можно почувствовать изображение купюры, а при просмотре через увеличительное стекло становится видна сетчатая структура рисунка [3].

«Суперподделка» подразумевает изготовление фальшивых 50-ти и 100-долларовых купюр. Они отличаются высоким качеством подделки и практически неотличимы от настоящих банкнот. Отличить их можно лишь по мелким неточностям графики. Способ изготовления таких купюр очень сложный и трудоемкий, однако, и окупаемый.

Можно изготовить фальшивые купюры и другими методами. Однако вышеперечисленные способы наиболее распространенные. Знание способов изготовления денежных знаков при обнаружении фальшивой банкноты позволяет следователю и оперативному работнику:

- сузить круг лиц, среди которых следует искать преступников;
- выдвинуть предположение о возможном существовании организованного преступного сообщества фальшивомонетчиков;
- предположить, каким оборудованием, приспособлениями, материалами пользовался преступник и где они могли быть приобретены;
- более полно собрать и зафиксировать вещественные доказательства по делу, эффективно произвести обыски, осмотры, своевременно принять меры к предотвращению фальшивомонетничества.

Кроме того, способ должен учитываться при оценке степени общественной опасности преступления, дифференцировать уголовную ответственность. В связи с этим ч. 2 ст. 186 УК РФ предлагается предусмотреть в числе квалифицирующих признаков высокотехнологичный способ подделки.

Современное состояние развития фальшивомонетничества характеризуется объединением преступников в организованные группы, занимающиеся фальсификацией денежных знаков, что позволяет признать наличие в ст. 186 УК РФ данного квалифицирующего признака обоснованным [5].

Представляется возможным введение такого особо квалифицирующего признака, как совершение деяния в особо крупном размере, так как его отсутствие непосредственно нарушает принцип равенства уголовного закона. Кроме того, учет современных способов подделки требует введения квалифицированного вида, учитывающего высокотехнологичный (полиграфический, электрографический, репрографический и др.) способ изготовления.

Список литературы

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ: федер. закон от 08.12.2003. URL: <http://garant.ru>.

2. *Епихина Г.В., Тарасова А.А.* Проблемы уголовного преследования за преступления, совершенные в сфере экономической деятельности // *Российский следователь*. 2011. № 23. С. 34–37.
3. *Конюшкин С.С.* Проблемы квалификации фальшивомонетничества // *Уголовное право*. 2000. № 2. С. 27–30.
4. *Никулин С.С.* Уголовная ответственность за изготовление либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг // *Законность*. 1995. № 8. С. 21–23.
5. *Петрянин А.В.* Развитие уголовного законодательства об ответственности за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг в Советской России (1917–1991 гг.) // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 3. С. 44–46.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ О БОРЬБЕ С ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВОМ

А.-С.А. Максимчук, магистрант,

М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

Фальшивомонетничество как антисоциальное явление имеет давнюю историю. Данный негативный феномен тесно связан с объективными процессами экономического развития государств, в связи с чем возведение надежного заслона, препятствующего его отрицательному воздействию на экономическую жизнь, еще в начале XX в. было признано международной проблемой, решение которой осуществляется совместными усилиями стран на основе принятой в Женеве 20 апреля 1929 г. Международной конвенции о борьбе с незаконной подделкой денежных знаков.

Ключевые слова: фальшивомонетничество; международное сотрудничество; формы взаимодействия; уголовная полиция; денежные знаки.

Международным сообществом давно признано, что преступность не является проблемой одного отдельно взятого государства. Еще в начале прошлого столетия полиция разных стран стало ясно, что необходим единый центр, который бы аккумулировал информацию о преступниках и преступлениях, наносящих ущерб нескольким государствам, и осуществлял розыск преступников, покинувших территорию страны, в которой они совершили преступление. Основным международно-правовым документом, направленным на предупреждение фактов изготовления и сбыта поддельных денежных знаков, является Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков,

заключенная 20 апреля 1929 г. в Женеве. Несмотря на то, что указанная Конвенция была принята более 80 лет назад, она содержит ряд положительных и весьма прогрессивных идей, не потерявших своей актуальности и по сей день. Установленные Конвенцией универсальные правила положили начало международному сотрудничеству государств в сфере борьбы с подделкой денежных знаков [5].

Согласно ст. 12 Женевской Конвенции в каждой стране дознание по делам подделки денежных знаков должно вестись в рамках национального законодательства особым центральным бюро. Это центральное бюро должно быть в тесном контакте с эмиссионными органами; с милицейскими (полицейскими) властями внутри страны; с центральными бюро других стран. Оно должно централизовать в каждой стране все сведения, могущие облегчить розыск случаев подделки денежных знаков, предупреждение и пресечение их. В настоящее время таким специализированным международным органом, действующим в сфере борьбы с фальшивомонетничеством, является Интерпол – Международная организация уголовной полиции, созданная в 1923 г. [5]. В настоящее время членами Международной организации уголовной полиции являются 188 государств, в том числе и Российская Федерация (с 1990 г.).

Указом Президента РФ от 30.07.1996 № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола» установлено, что Национальное центральное бюро Интерпола МВД России является органом по сотрудничеству правоохранительных и иных российских государственных органов с правоохранительными органами иностранных государств – членов Интерпола и Генеральным секретариатом Интерпола. Территориальные подразделения НЦБ Интерпола действуют в 78 субъектах Российской Федерации и являются связующим звеном между НЦБ и региональными правоохранительными органами, решая задачи по обеспечению эффективного международного обмена информацией об уголовных преступлениях [1].

Вопросы взаимодействия российских правоохранительных органов с НЦБ Интерпола в случае обнаружения поддельных денежных знаков четко прописаны в Приказе МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 «Об утверждении Инструкции по организации информационного сотрудничества по линии Интерпола». В частности, установлено, что при обнаружении поддельных денежных знаков иностранных государств российские правоохранительные органы в тече-

ние 3 суток должны направить в НЦБ Интерпола учетно-регистрационную форму факта изъятия фальшивых денежных знаков на каждую обнаруженную фальшивую банкноту. На основании полученных учетно-регистрационных форм НЦБ Интерпола готовит и направляет соответствующее сообщение в Генеральный секретариат, где каждой новой подделке присваивается индекс. При обнаружении нелегального производства по изготовлению фальшивых денежных знаков иностранных государств, печатных, литейных форм взаимодействующие органы также в течение 3 суток направляют в НЦБ Интерпола учетно-регистрационную форму факта обнаружения типографии, печатных и литейных форм. НЦБ Интерпола информирует заинтересованные взаимодействующие органы обо всех фактах задержания фальшивомонетчиков и обнаружения фальшивых денежных знаков Российской Федерации, полученных от правоохранительных органов иностранных государств и Генерального секретариата [2].

Таким образом, Интерпол ведет борьбу с фальшивомонетничеством в двух направлениях: ликвидация центров, которые поставляют фальшивые деньги в международный оборот, а также выявление лиц, которые занимаются изготовлением и сбытом поддельных денег.

С образованием Европейского Союза на международной арене появился и новый участник в борьбе с преступностью – Европол, созданный в соответствии с Маастрихтским соглашением о Европейском Союзе от 08.02.1992. На данную организацию была возложена задача координировать оперативно-розыскные полицейские действия государств ЕС, а также осуществлять сбор и обмен информацией о деятельности международных преступных организаций. Решением от 12.07.2005 за Европол (в рамках Женевской Конвенции 1929 г.) закреплены полномочия центрального органа по борьбе с фальшивыми евро.

В 2004 г. приказом МВД России № 859 в структуре Интерпола при МВД России был создан Российский национальный контактный пункт по взаимодействию с Европол (РНКИП). Задача этого пункта – обмен информацией между компетентными органами Российской Федерации (МВД, ФСБ, ФТС, ФСКН, Росфинмониторинг) и Европол. Так, например, Россия в настоящее время имеет доступ к системе проверки банкнот евро на предмет их подлинности через закрытый сайт в сети Интернет. Система называется «Euro Check Web Site». Данная программа была разработана Европейским центральным банком совместно с Европол. Она позволяет в режиме онлайн быстро получить информацию в отношении купюр, которые вызывают сомнения в подлинности [3].

К сожалению, фальшивомонетничество остается одной из ключевых нерешенных проблем мирового сообщества. Несмотря на проведенную колоссальную работу по разработке и принятию международных актов, необходимая сплоченность государств в отношении единых законов против подделки денежных знаков отсутствует. Такая разобщенность, естественно, снижает эффективность борьбы, поскольку глобализация рынков и финансовых потоков не позволяет противостоять указанному негативному явлению силами одного государства без взаимодействия с другими странами, а потому эффективная борьба с фальшивомонетничеством возможна только при условии полного взаимодействия правоохранительных органов государств.

Таким образом, история появления и существования такого вида преступления, как изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, позволяет вскрыть его устойчивые характеристики и тенденции с сохранением преемственности в рамках формирования уголовной ответственности.

Уголовная ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег на Руси возникла с момента объявления государственной монополии на производство денег. Первым правовым источником на Руси, установившим ответственность за «фальшивомонетничество», было Уложение 1649 г., особенностью которого было то, что в качестве субъекта преступления рассматривался денежный мастер, находившийся на момент совершения преступления на государственной службе и обладающий специальными правами и обязанностями, т.е. специальный субъект. Со временем данная норма претерпевала изменения, происходило расширение диспозиции статьи.

УК РФ 1996 г. по сравнению с УК РСФСР 1960 г. расширил круг общественно опасных деяний, непосредственно или опосредованно причиняющих вред денежно-кредитному обращению.

Прошли изменения в названии: наименование статьи после слова «Изготовление» дополнено словами, «хранение, перевозка», часть первая после слова «Изготовление» также дополнена словами, «хранение, перевозка» [4].

Последними изменениями в ст. 186 УК РФ в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 07.03.2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» была введена более серьезная ответственность за хранение и перевозку в целях сбыта поддельных денег и ценных бумаг. Несмотря на имеющееся и развивающееся сотрудничество с международными правоохранительными организациями и правоохранительными органами

иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации, мы надеемся на более тесное с ними взаимодействие.

Список литературы

1. Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола: указ Президента РФ от 30.07.1996 № 1113 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 65.
2. О создании в структуре Интерпола при МВД России: приказ МВД России от 25.12.2004 № 859 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 16.
3. *Нудель С.Л.* О проблемах уголовной ответственности за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. М.: ИД «Юр-ВАК», 2010. 290 с.
4. *Чупрова Е.В.* Ответственность за экономические преступления по уголовному праву Англии: научное изд. М.: Волтерс Клувер, 2007. 186 с.
5. *Яни П.С.* Вопросы квалификации фальшивомонетничества // Законность. 2015. № 2. С. 20–24.

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К.А. Маркушева, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Преступления против личности являются одними из наиболее социально опасных видов противоправных деяний по объекту посягательства и представляют собой виновные противоправные действия, направленные на причинение вреда человеку: его жизни, здоровью, свободе, чести и достоинству. В современных условиях защита прав личности все более очевидно становится одним из доминирующих факторов национального развития, основой которого является общечеловеческий интерес. Подлинный прогресс защиты прав человека и гражданина невозможен без должного обеспечения прав личности.

Ключевые слова: закон; действие уголовного закона; преступление; преступление против личности; степень опасности; деяние.

Преступления против личности имеют наивысшую степень общественной опасности, поскольку нацелены в отношении наиболее защищаемых законодательством Российской Федерации социальных ценностей. Это обстоятельство служит главной предпосылкой конституционной защиты значимых прав и свобод личности. Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации высшей ценностью признается человек, а также его права и свободы [1]. Следовательно, их защита определяется первостепенной обязанностью для государства. В реализации конституционных положений о защите прав личности уголовное законодательство регламентирует вопросы ответственности за посягательства на наиболее ценные интересы личности, охраняемые законом.

Преступление против личности – это такое виновное противоправное деяние, которое прямо и непосредственно направлено на причинение вреда человеку, его жизни, здоровью, свободе, чести, достоинству. Опираясь на законодательное определение понятия преступления, наука уголовного права определяет, что любые преступления, в том числе и преступления против личности, характеризуются совокупностью ряда обязательных признаков, таких как: опасность деяния; уголовная противоправность; виновность; наказуемость деяния.

Уголовная противоправность – это опасное деяние, которое определено законом в качестве преступления. Она включает в себя запрещенность преступления, соответствующего определенной уголовно-правовой норме (в частности, из раздела VII УК РФ), под угрозой применения к виновному уголовного наказания. Уголовная противоправность деяния является юридическим выражением его общественной опасности.

Вина – это отношение психики физического лица к совершаемому им опасному деянию (к действию или бездействию) и его последствиям в форме умысла или неосторожности. Виновным в осуществлении преступления, как видно, признается только лицо, способное как по своему возрасту, так и психическому состоянию правильно воспринимать совершаемые им противоправные действия, отдавать в них себе отчет и руководить их совершением.

Преступлениям против личности присуща вина в обеих формах. Четвертый существенный признак противоправного деяния против личности – его наказуемость.

Наказание – это обязательное правовое последствие преступления. Наказуемость определяется в угрозе возможного применения наказания за деяния, предусмотренные разделом VII уголовного закона. Согласно позиции Р.С. Джинджолия, успешность процедуры квалификации преступлений против личности во многом формируется уровнем

правосознания и профессиональной компетентности конкретных сотрудников правоохранительных органов [4].

Одной из наиболее значимых проблем квалификации преступлений против личности выступает конкуренция уголовно-правовых норм. В данном случае одно противоправное деяние в отношении прав и свобод личности может не противоречить квалифицирующим признакам сразу нескольких статей раздела VII УК РФ.

Как отмечает А.И. Рясов, можно выделить несколько важных разновидностей конкуренции уголовно-правовых норм, а именно: конкуренция общей и специальной нормы, а также конкуренция части и целого и по признакам объективной стороны. В первом случае совершенное виновным лицом деяние одновременно подпадает под действие общей и специальной нормы, что усложняет процедуру квалификации преступления. Вторая версия конкуренции уголовно-правовых норм определена ситуацией, при которой наличествует несколько норм, в разной степени содержащих квалифицирующие признаки противоправного деяния. При этом одна норма охватывает совершенное деяние в целом, а другая – лишь отдельные его части [9].

В связи с этим залогом правильной характеристики преступлений против личности при конкуренции уголовно-правовых норм является скрупулезный и полный анализ всех обстоятельств его совершения, что в конечном результате предусматривает качественную и профессиональную работу сотрудника правоохранительных органов в каждом конкретном случае. При всем разнообразии преступлений против личности наиболее важными являются проблемы квалификации деяний по ст. 105 УК РФ.

В частности, К.А. Мельников указывает на наличие первостепенных проблем при квалификации деяний, нацеленных против жизни, а также при их разграничении с иными преступлениями. В частности, убийство объективно имеет некоторое сходство с другими действиями, при которых возникает (или может возникнуть) смерть человека, например, с оставлением человека в опасности. Вследствие чего для правильной квалификации этих преступлений нужно четкое определение составных элементов их составов [6].

Необходимо подчеркнуть, что эти преступления имеют различные объекты: оставление в опасности направлено против безопасности здоровья или жизни, в то время как объект убийства включает в себя собственно человеческую жизнь. Существуют иные нюансы, связанные с разделением представленных преступных деяний по их объективной стороне. Во-первых, оставление в опасности представляется как неoka-

зание помощи лицу при опасности или оставление места, где оно находится. Более того, при каких-то обстоятельствах эта часть состава преступления может быть отнесена к убийству. Имеется в виду преднамеренное применение обстоятельств для создания опасности и оставления в ней. В связи с чем в этом варианте нужно твердо установить субъективную сторону совершенного противоправного действия, которая связана с наличием или отсутствием у совершившего это деяние лица желания наступления последствия в виде смерти человека. Вышеуказанное обстоятельство подтверждается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Так, согласно п. 3 Постановления важно установить грань между убийством и умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего. При этом главным разграничительным фактором становится субъективная сторона преступления [3].

Так, Н.П. Скачкова критикует п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в соответствии с которым «убийство, совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных двумя и более пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам». С позиции исследователя, данная установка не соответствует принципу справедливости и влечет за собой двойное вменение лицу одного последствия [10].

Наибольшая эффективность деятельности государственных органов в определенном направлении является первостепенным ориентиром в судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): сохранении социально-экономической стабильности, а также существенной движущей силой легитимации государственной власти. Можно с уверенностью полагать, что одним из условий неизменности и справедливости деятельности соответствующих правоохранительных органов является однозначность, четкость и непротиворечивость содержания нормативно-правовых актов, вследствие которых они осуществляют свою деятельность.

В науке прослеживается некоторое единство мнений по поводу трактовки тезиса «преступления против личности», которое подтверждает исследователь В.И. Толмосов. Согласно его мнению, принимая во внимание содержание УК РФ, в понятие «преступления против личности» следует ввести совокупность запрещенных законом противоправных деяний, которые ориентированы на нарушение базовых прав и свобод личности [11].

Преступления против жизни и здоровья в системе преступлений против личности занимают особое место и имеют особое значение в первую очередь из-за объекта уголовно-правовой охраны. Первыми уголовным законом закреплены преступления против жизни. С объективной стороны преступления против жизни могут выражаться в форме как активных действий, так и бездействия. Все составы – материальные (ст. 110 УК «доведение до самоубийства» имеет материально-формальный состав).

Оконченными эти преступления признаются, когда имеется не только деяние (в форме действия или бездействия), но и последствие (в виде смерти человека) и причинная связь между ними. С субъективной стороны все деяния – умышленные, за исключением одного: причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ).

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, а именно в гл. 16 УК РФ, содержится перечень общих составов преступления, в которых в качестве объекта преступления понимается здоровье человека. Именно такой подход, с точки зрения правовых норм, является оптимальным, в связи с чем наиболее распространен в законодательстве многих зарубежных стран [2].

Согласно нормам действующего законодательства Российской Федерации, принято выделять следующие группы преступлений против здоровья человека: общие составы: умышленное причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью, побои, истязание; причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности; привилегированные составы: причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; специальные составы: заражение венерической болезнью, ВИЧ-инфекцией, незаконное проведение искусственного прерывания беременности, неоказание помощи больному, оставление в опасности.

Особенности места, времени, орудий или других используемых предметов для квалификации значения не имеют. Субъект умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью – физическое, вменяемое лицо, достигшее 14 лет. За остальные преступления против здоровья ответственность наступает с 16 лет. Субъективная сторона характеризуется как виной в форме умысла (ст. 111–117, 121, 122 УК РФ), так и неосторожности (ст. 118). Ряд составов содержит квалифицирующие признаки: мотив (ч. 2 ст. 111, 117 УК РФ) и цель (ч. 2 ст. 111 УК РФ). Учитывая индивидуальную специфику составов преступлений, предусмотренных гл. 16 УК РФ, более точным будет

разделение на три самостоятельные подглавы: «Преступления против жизни человека», «Преступления против здоровья человека» и «Преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека».

Таким образом, вопросы формирования правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений против личности, всегда находились в центре внимания законодателя. В настоящее время при формировании исследовательского направления преступлений против личности доминирует тенденция, сформированная ныне действующим Уголовным кодексом, представившим виды рассматриваемой группы посягательств в главах УК РФ, среди которых первое место (в системе изложения) стали занимать преступления против жизни и здоровья. Объекты уголовно-правовой охраны в виде жизни и здоровья имеют наиболее важное значение для определения места преступлений против жизни и здоровья в системе преступлений против личности.

Эти категории неразрывно связаны с личностью человека, именно этим человек больше всего дорожит, их наличие позволяет ему продолжать жизненный путь, в том числе в здоровом состоянии. Именно поэтому законодатель определил защиту жизни и здоровья в качестве приоритетной. Тем не менее следует разграничивать преступления против жизни и здоровья от преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье, несмотря на их включение в одну главу, поскольку при совершении последних не происходит непосредственного посягательства на жизнь и здоровье.

В связи с этим для целей исследования можно выделить следующие группы преступлений против жизни и здоровья в системе преступлений против личности. Преступления против жизни: общий состав (ч. 1 ст. 105 УК РФ); квалифицированные проявления убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ); привилегированные составы (ст. 106–108 УК РФ); неосторожные формы (ст. 109 УК РФ); опосредованно реализованное (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ) [8]. Преступления против здоровья: общие составы (ст. 111, 112, 115–118 УК РФ); привилегированные составы (ст. 113, 114 УК РФ); специальные составы (ст. 121, 122 УК РФ). Представленный комплекс составов позволяет выделить несколько разнонаправленных действий преступника: в отношении физической целостности и жизни организма; в отношении психического воздействия, могущего повлечь смерть либо вред здоровью; причинение вреда путем распространения особо опасных заболеваний. На основании представленного деления становится возможным применить четкие критерии квалификации в зависимости от объекта посягательств и реализовать дифференцированный подход к назначению соответствующего наказания.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21. 07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Рос. газ. 1999. № 24.
4. *Джинджолия Р.С.* Преступления против личности с оценочными признаками: вопросы квалификации. М.: Русайнс, 2015. 212 с.
5. *Маршакова Н.Н.* Проблемы классификации преступлений против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ): в 3 т. // Научные труды РАЮН. М.: Юрист, 2016. Вып. 8. Т. 3. С. 305–307.
6. *Мельников К.А.* Проблемы разграничения убийства со смежными видами преступлений // Постулат. 2017. № 5. С. 6.
7. *Полякова О.В.* Понятие и виды преступлений против здоровья и жизни человека в Российской Федерации // Образование и наука в современных реалиях: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2018. С. 404–406.
8. *Расторопов С.* Понятие и система преступлений против здоровья по УК РФ 1996 г. // Уголовное право. М.: Интел-Синтез, 2017. № 4. С. 37–39.
9. *Рясов А.И.* Некоторые особенности квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм // Гуманитарные и юридические исследования. 2013. № 2. С. 66–69.
10. *Скачкова Н.П.* Проблемы квалификации некоторых преступлений против личности при конкуренции составов преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 178–180.
11. *Толмосов В.И.* Преступления против личности: курс лекций. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2009. 172 с.

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

К.А. Маркушева, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Институт действия уголовного закона в пространстве раскрывает одну из важнейших характеристик уголовного закона – возможность его применения к лицу, совершившему преступление, что определяет актуальность темы исследования. Определение пространственных пределов действия национальных уголовно-правовых норм имеет важнейшее значение в реализации как отечественного, так и международного уголовного права. Данная проблематика на протяжении нескольких десятилетий привлекает внимание исследователей, которые внесли значительный вклад в развитие рассматриваемой темы.

Ключевые слова: принцип территориальности; принцип экстерриториальности; территориальный принцип; действие уголовного закона в пространстве.

Действие уголовного закона в пространстве определяется пятью основными принципами: 1) территориальным; 2) гражданства; 3) реальным; 4) универсальным; 5) международным принципом о выдаче преступников. На указанных принципах основываются положения ст. 11–13 УК РФ, а международно-правовой принцип выдачи преступников, кроме того, получил закрепление в ст. 63 УК РФ.

Территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве получил детальную и развернутую регламентацию в положениях ст. 11, принципы гражданства, реальный и универсальный – в ст. 12, а принцип выдачи преступников – в ст. 13 УК РФ.

Лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по УК РФ.

Преступления, совершенные в пределах территориального моря или воздушного пространства Российской Федерации, признаются совершенными на территории Российской Федерации. Действие УК РФ распространяется также на преступления, совершенные на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации.

Лицо, совершившее преступление на судне, приписанном к порту Российской Федерации, находящемся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по УК РФ, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. По УК РФ уголовную

ответственность несет также лицо, совершившее преступление на военном корабле или военном воздушном судне Российской Федерации независимо от места их нахождения.

Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права.

Территориальный принцип, поскольку он не охватывает все возможные варианты ответственности российских граждан и лиц без гражданства, а также в отдельных случаях и иностранных граждан за уголовно-противоправные действия по УК РФ, дополняется принципом гражданства, а также реальным и универсальным принципами в пространстве. Положения, раскрывающие указанные принципы, изложены в ст. 12 УК РФ.

Граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых УК РФ, подлежат уголовной ответственности в соответствии с УК РФ, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства.

Военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по УК РФ, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации.

К рассмотренным выше принципам действия уголовного закона в пространстве тесно примыкает институт выдачи лиц, совершивших

преступление, регламентированный ст. 13 УК РФ. В данной статье закреплены правила экстрадиции, касающиеся российских граждан, а также иностранцев и лиц без гражданства.

Граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству.

Иностранцы граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации.

Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве является уникальным экстерриториальным средством защиты не только интересов государства, но и его граждан, постоянно проживающих на его территории лиц без гражданства, юридических лиц от посягательств на них, совершенных вне пределов Российской Федерации. Доказано, что данный принцип позволяет дополнить остальные принципы пространственного действия уголовного закона, а также устранить их недостатки. В то же время эффективность этого средства зависит не только от своевременного разрешения вопросов его законодательного формулирования, но и проблем его практической реализации, требующей целого комплекса мер организационно-правового характера.

Мы согласны с мнением ученых, что некоторые вопросы пространственного действия уголовного закона находили свое решение еще в древнегреческом и римском уголовном праве, однако реальный принцип действия уголовного закона в пространстве получил свое распространение лишь в конце XIX – начале XX вв., что было, с одной стороны, обусловлено господствующей длительное время позицией о недопустимости непомерного расширения пределов государственной юрисдикции, с другой – продиктовано необходимостью защищать интересы государства, а также его граждан от преступлений, совершенных иностранными гражданами за границей против указанных интересов (особенно в связи с военными действиями в пределах территорий тех или иных государств).

Следует отметить, что реальный принцип действия уголовного закона в пространстве следует рассматривать в двух аспектах: 1) реальный принцип в собственном смысле слова (как принцип защиты интересов государства) – в широком понимании; 2) пассивный персональ-

ный принцип (как принцип защиты интересов граждан, постоянно проживающих на территории государства лиц без гражданства, а также юридических лиц) – в узком понимании.

Несмотря на внесенные Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ изменения в ч. 3 ст. 12 УК РФ, позволившие рассматривать интересы граждан Российской Федерации как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны (а не составляющую часть интересов Российской Федерации), зарубежный опыт конструирования норм уголовного законодательства, формулирующих реальный принцип, показывает, что существует необходимость конкретизировать интересы гражданина РФ или постоянно проживающего в РФ лица без гражданства словосочетанием «права и свободы», а также включить в предусмотренную ч. 3 ст. 12 УК РФ норму в качестве объекта уголовно-правовой охраны интересы юридических лиц, и изложить указанную норму в следующей редакции: «Иностранцы граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, направленного против интересов Российской Федерации, прав и свобод гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства либо интересов зарегистрированного в Российской Федерации юридического лица, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых настоящим Кодексом, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве».

Экстерриториальное применение норм уголовного законодательства требует в качестве обязательного условия определение места совершения преступления (вне пределов территории РФ), однако указанное понятие не нашло своего законодательно закрепления в УК РФ. Считаем необходимым восполнить данный пробел посредством включения примечания к ст. 11 УК РФ: «Примечание. Местом совершения преступления признается место, в котором было начато, или продолжилось, или было окончено либо пресечено преступление.

Преступление считается совершенным на территории РФ в следующих случаях: а) когда общественно опасное действие (бездействии) совершено на территории РФ, и общественно опасные послед-

ствия наступили на территории РФ; б) когда общественно опасное действие (бездействие) совершено на территории РФ, а общественно опасные последствия наступили вне пределов РФ; в) когда общественно опасное действие (бездействие) совершено вне пределов территории РФ, а общественно опасные последствия наступили на территории РФ; г) когда общественно опасное действие (бездействие) совершено в соучастии с лицами, осуществившими преступную деятельность на территории другого государства».

В современных условиях наблюдается резкий рост числа преступлений, совершаемых российскими гражданами вне пределов России. Между тем многие вопросы привлечения их к ответственности не получили должного освещения в уголовном законодательстве. Совершенствование российского законодательства о пределах действия уголовного закона в пространстве является необходимой предпосылкой обеспечения социальной справедливости. Эти обстоятельства вызывают необходимость исследования вопросов применения российского уголовного закона в пространстве.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Баранов В.М., Овчинников А.И., Самарин А.А. Экстерриториальное пространство права: монография. М.: Проспект, 2017. 197 с.
3. Макаеева А.А. Реальный принцип действия уголовного закона как способ защиты конституционных прав граждан России // Общество и право. 2016. № 1. С. 95–99.
4. Макаеева А.А. Эволюция норм российского права, закрепляющих реальный принцип действия уголовного закона в пространстве // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 1. С. 35–40.
5. Фролова А.И. Внутриотраслевые недостатки законодательной регламентации правил действия УК РФ в пространстве и пути их устранения // Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права: монография / под общ. ред. М.Б. Костровой. М.: Проспект, 2017. С. 131–153.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Е.Н. Орлов, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Проблема коррупции, как и все явление преступности, сопровождает человека и общество на протяжении практически всего исторического развития. В течение последних нескольких лет на всех уровнях органами государственной власти и органами местного самоуправления реализуются инициативы, связанные с противодействием коррупции. В соответствии с российским законодательством прокуратура сегодня – это основной орган государственной власти, на который возложены полномочия по противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция; борьба с коррупцией; противодействие коррупции; взаимодействие; органы прокуратуры; государственная власть.

В процессе реализации установленных законодательством целей и задач по защите от коррупции интересов общества, государства, прав и свобод человека и гражданина прокуратура призвана осуществлять свои функции в пределах полномочий самостоятельно и независимо от органов государственной власти, органов местного самоуправления, политических партий и иных общественных объединений, средств массовой информации, действуя при этом в качестве специализированного элемента единого механизма государственной власти Российской Федерации.

Взаимодействие в правоохранительной сфере традиционно определяется как согласованная по месту и времени деятельность, которая осуществляется с помощью нормативно определенных методов, а также в установленной форме и направленная на решение задач, которые представляют общий интерес для двух или более субъектов. В мероприятиях по противодействию коррупции в пределах своей компетенции участвуют все без исключения органы государственной власти и управления. Особое место среди них занимают правоохранительные органы, которые по роду своей деятельности, а также цели своего создания просто обязаны вести борьбу с самыми различными противоправными проявлениями, одним из которых является коррупция.

Российская прокуратура по отношению к МВД РФ, ФСБ РФ, таможне и другим правоохранительным органам Российской Федерации в деле борьбы с коррупцией обеспечена координационными полномочиями [1]. В статье о деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции, опубликованной на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, говорится, что участие России в ратифицированной Конвенции ООН против коррупции и ратифицированной Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию требует создания не только правовых, но и организационных предпосылок; в августе 2006 г. Генеральный прокурор Ю.Я. Чайка утвердил новую стратегию работы органов прокуратуры по противодействию коррупции. В соответствии с ней прокуроры ориентированы на проведение проверок исполнения законов о государственной и муниципальной службе, на выявление коррупционных проявлений, а также порождающих их причин и условий.

Координация деятельности правоохранительных органов позволяет устранить разноречивость и параллелизм в их работе, создать единый фронт борьбы с любыми правонарушениями, найти правильное сочетание методов воспитания и убеждения со средствами принуждения и наказания. Эта цель предполагает решение следующих задач [3]:

1) объединение усилий правоохранительных структур по своевременному выявлению и пресечению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

2) устранение дублирования и параллелизма в работе правоохранительных органов; местного и ведомственного подхода к решению возникающих вопросов;

3) выработка единообразного подхода к применению законов и других нормативных правовых актов, регулирующих сферу борьбы с преступностью;

4) формирование стабильной правоприменительной практики.

Осуществление координации происходит в том числе путем проведения заседания межведомственной рабочей группы по противодействию коррупции. В таких мероприятиях принимают участие представители Прокуратуры, представители Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, ФСБ России, ФТС России, ФСИН России, ФНС России, ФССП России, Минюста России, ФАС России, Минтруда России, Росфинмониторинга, Росреестра, Минэкономразвития России и МИД России.

Вместе с тем правоохранительные структуры руководствуются следующими основополагающими принципами, выработанными в их координационной деятельности [2]:

- 1) законность в координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
- 2) независимость и равенство субъектов координационной деятельности;
- 3) процессуальная самостоятельность правоохранительных органов при выявлении согласованных решений и мероприятий;
- 4) обеспечение качества и оперативности правоохранительными органами по борьбе с преступностью;
- 5) обеспечение планомерности, целеустремленности и эффективности в осуществлении кардинальных мер по борьбе с преступностью;
- 6) осуществление гласности в координационной деятельности;
- 7) ответственность руководителя правоохранительного органа за выполнение согласованных решений координационного совещания.

Наряду с Генеральной прокуратурой деятельность федеральных органов, осуществляющих уголовное преследование, координирует также Правительство Российской Федерации. Различия заключаются в том, что Генеральная прокуратура координирует их деятельность по борьбе с преступностью, а Правительство РФ в полном объеме, поскольку прокуратура не относится к системе органов исполнительной власти, функцию координации, по мнению некоторых ученых, на нее возлагать не следует.

В частности отмечается, что прокуратура, как и суд, не является органом борьбы с преступностью. Но значение прокуратуры – укреплять и охранять законность, что не тождественно задаче борьбы с преступностью. Кроме того, на практике предмет координации зачастую толкуется расширительно и включает в себя и подготовку к выборам, и взаимодействие с контролирующими органами. Наделение прокуроров координационными полномочиями обусловлено именно особым статусом прокуратуры, занимающим по своему функциональному назначению особое место в системе правоохранительных структур. Прокуроры располагают обширной и объективной информацией о состоянии законности и правопорядка в стране, включая данные о совершенных преступлениях, их раскрываемости и качествах расследований, причинах и условиях, способствующих их совершению, а также о результатах рассмотрения уголовных дел в судах. Прокуратура, осуществляя надзор за исполнением законов, имеет возможность выявлять недостатки в деятельности органов, проводящих оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, принимать меры, направленные на их устранение. Именно поэтому, по мнению ученых, прокуратура, играя роль связующего звена между ор-

ганами государственной власти, объективно оказалась наиболее подходящей государственно-правовой структурой для организации координационной деятельности по борьбе с преступностью [4].

Также выделяются следующие общие виды взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами прокуратуры:

1) направление запросов для получения необходимой достоверной информации;

2) направление материалов о готовящихся или совершенных преступлениях и правонарушениях в федеральном органе исполнительной власти в органы прокуратуры для принятия решения по существу;

3) оказание содействия органам прокуратуры в проведении общенadzорных мероприятий и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов [5].

Эффективному противодействию коррупции также способствует налаженное системное взаимодействие не только органов власти всех уровней (федеральной, региональной и местной) и его специализированных институтов, но и структур гражданского общества, общественных организаций, самих граждан и их согласованность. Именно структуры гражданского общества, являясь «проводником» между государством и населением, призваны оспаривать или подвергать сомнению способы решения государственным управлением проблем в противодействии коррупции, а также выдвигать альтернативные меры, способствующие повышению их действенности [6].

Важной составляющей такой работы является получение относительно объективной информации о реальных тенденциях коррупционной преступности, анализ причин ее высокого уровня, эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией.

В связи с усложнением задач информационно-аналитического и методического обеспечения, ростом потока информации, развитием межведомственного информационного взаимодействия следует согласиться с мнением ряда ученых о необходимости решения вопроса о создании в структуре Генеральной прокуратуры РФ информационно-аналитического подразделения [3].

Список литературы

1. О Счетной палате Российской Федерации: федер. закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2016. Версия «Проф».
2. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (вместе с «Положением о координации деятельности

- правоохранительных органов по борьбе с преступностью»): указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2016. Версия «Проф».
3. *Гордиенко В.В., Нечевин Д.К., Поляков М.М., Михайлов В.А.* Участие прокуратуры в противодействии коррупции // Публичное и частное право. 2012. № 2. С. 29–39.
  4. *Кобзарев Ф.М.* Об особенностях и проблемах организации координационной деятельности прокуратуры по борьбе с коррупцией // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 17. С. 21–26.
  5. *Козлов Т.Л.* Организационно–правовые основы деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 1 (27). С. 44–49.
  6. *Роговая А.В.* Вопросы реализации концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Мониторинг правоприменения. 2013. № 4. С. 21–28.

ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Е.Н. Орлов, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Как показывает практика, сфера деятельности правоохранительных органов традиционно остается потенциально коррупциогенной. Подобное положение вполне объяснимо. Именно в сфере деятельности правоохранительных органов, как в оптическом приборе, фокусируются жизненно важные интересы, права и свободы миллионов граждан Российской Федерации. Качество, своевременность и законность принимаемых сотрудниками правоохранительных органов решений в значительной степени формируют общественное мнение об эффективности и законности государственной власти в целом.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; коррупция; система; правовые основы; коррупция в полиции; должностное лицо.

Сегодня коррупция как социально негативное явление все еще остается одной из ключевых проблем, оказывающих существенное деструктивное влияние на эффективность государственной власти и принимаемые ей управленческие решения.

На общем коррупционном фоне коррупция в правоохранительных органах вообще и в полиции в частности представляет повышенную общественную опасность, поскольку именно эти органы призваны вести борьбу с коррупцией в государстве. Очевидно, что коррумпированные правоохранительные органы не в состоянии эффективно противодействовать тем явлениям и процессам, которые реально угрожают безопасности личности, общества и государства. Причем коррупция в полиции превращается в общегосударственную политическую проблему, так как из-за невозможности бороться с коррупцией оказались под угрозой экономические реформы и демократические преобразования.

Необходимо отметить, что растущая коррупция в полиции создала целый ряд проблем в деле обеспечения правопорядка: нереагирование на факты совершения правонарушений, умышленное затягивание проверки сообщений о преступлениях, предвзятое отношение с обвинительным уклоном в отношении граждан, волокита при расследовании преступлений, нарушение прав и законных интересов граждан и др. Коррупция в полиции в конечном итоге препятствует поступлению в экономику нашей страны иностранных инвестиций, стимулирует отток национального капитала за рубеж, создает угрозу правопорядку и безопасности государства. Очевидно, что коррупция создает благоприятную среду для проявлений терроризма и экстремизма.

Причем из всей системы ОВД, определенной Указом Президента от 01.03.2011 № 248, в соответствии со статистическими данными правоохранительных органов наиболее коррумпированными являются сотрудники полиции, в частности, подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения (работники ГИБДД, инспекторы ДПС), уголовного розыска и дознаватели, что подтверждается Всероссийским опросом ВЦИОМ от 24–25 ноября 2012 г., в ходе которого было опрошено 1600 человек из 138 населенных пунктов в 46 субъектах РФ.

Ю.М. Антоняном предложена следующая типология преступной коррупции:

- коррупция в высших эшелонах власти в центре и на местах (часто связана с организованной преступностью, крупными хищениями, отмыванием «грязных» денег и т.д.);

- мелкие поборы с населения (сами по себе небольшие, но в совокупности составляют огромные суммы);

- коррупция в правоохранительных органах (чрезвычайно опасный вид коррупции, одна из причин организованной преступности, крупных и сверхкрупных хищений, преступлений в сфере экономики; она же причина высокой латентности преступности в России);

- коммерческий подкуп организаторов и участников профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов;
- коммерческий подкуп в коммерческих и иных организациях;
- коррупция в средних и низших структурах исполнительной и законодательной власти;
- коррупция в средствах массовой информации;
- коррупция в образовании (в среднем и высшем, где процветают выборы в течение учебного года и взятки при поступлении в элитные вузы) [1].

Гипотетически можно предположить, что все вышеуказанные коррупционные общественно опасные деяния могут совершаться и сотрудниками полиции. Тем не менее далеко не во всех указанных деяниях субъектом преступления являются рассматриваемые должностные лица [2].

До настоящего времени не зафиксировано ни одного случая совершения сотрудником полиции следующих деяний: воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, соединенного с подкупом; дачи незаконного вознаграждения лицам, обладающим коммерческой, налоговой и банковской тайной; подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов; коммерческого подкупа; подкупа свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний, либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода [1]. Не вызывает сомнения, что в случае необходимости сотрудник полиции может повлиять на указанные сферы деятельности своим административным ресурсом.

Следственной практикой подтверждается совершение сотрудниками полиции следующих общественно опасных деяний:

- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285);
- превышение должностных полномочий (ст. 286);
- получение взятки (ст. 290);
- дача взятки (ст. 291);
- посредничество во взяточничестве (ст. 291.1);
- служебный подлог (ст. 292);
- фальсификация доказательств (ст. 303) [5].

В 2009 г., по данным Следственного комитета в то время при прокуратуре Российской Федерации, к уголовной ответственности больше всего привлекались сотрудники ОВД за дачу взятки (31,9 %) и получение

ние взятки (17,9 %). Причем Следственным комитетом России отмечались и другие коррупционные преступления, совершаемые данными субъектами: злоупотребление должностными полномочиями (11,8 %), мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (11,1 %), превышение должностных полномочий (9 %), служебный подлог (5,3 %)

В 2010 г. рассматриваемые должностные лица также больше всего привлекались за дачу взятки (32,6 %) и получение взятки (18,8 %). Среди других коррупционных преступлений, совершаемых ими, можно назвать: злоупотребление должностными полномочиями (10,3 %), мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (16,1 %), превышение должностных полномочий (8,5 %), служебный подлог (5,4 %). Причем в эту категорию были добавлены присвоение и растрата с особо квалифицирующими составами (5,9 %).

В качестве иллюстрации коррупции в существующей системе полиции можно привести факты взяточничества только за март 2012 г.:

- вынесен приговор начальнику отделения лицензионно-разрешительной работы ОМВД РФ по Пушкинскому району Санкт-Петербурга за взятку;

- задержан начальник Преображенской полиции г. Москвы и по совместительству заместитель начальника ОМВД России по району при получении от частного предпринимателя взятки в размере 50 тыс. руб.;

- задержан заместитель начальника следственного отдела МВД России по району Алексеевский УВД по СВАО ГУ МВД по Москве, который за 200 тыс. руб. пообещал освободить гражданина от уголовной ответственности [4].

В апреле 2012 г. был арестован начальник ГИБДД Рязанской области, который организовал коррупционную сеть, принуждая подчиненных вымогать деньги с граждан за реальные и мнимые нарушения Правил дорожного движения. По данным Следственного комитета, в течение короткого времени ему было передано около 900 тыс. руб.

В середине мая того же года фигурантом уголовного дела стал начальник управления ГИБДД Тверской области, который обвинялся в организации следующей коррупционной схемы. Главный региональный автоинспектор заставлял подчиненных ежедневно составлять протоколы о задержании машин за административные нарушения. При этом все документы передавались в распоряжение фирмы его супруги,

которой принадлежала и штраф-стоянка, на которую доставлялись задержанные автомобили. По предварительным данным, сумма ущерба, причиненного таким способом, превысила 5 млн руб. [3].

Таким образом, исследование основных понятий, видов и особенностей коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками полиции, позволяет сделать вывод, что под коррупционными преступлениями понимается система общественно опасных деяний коррупционного характера, совершаемых должностными лицами или лицами, выполняющими организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих или иных организациях, а также в некоммерческих организациях, не являющихся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, ответственность за которые предусмотрена уголовно-правовым законодательством.

Под коррупционными преступлениями в полиции понимается система общественно опасных деяний коррупционного характера, совершаемых сотрудниками полиции, ответственность за которые предусмотрена уголовным законодательством.

Под коррупцией в полиции понимается социально-правовое негативное явление, характеризующееся подкупом должностных лиц полиции и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых целях служебных полномочий и предоставляемых действующим законодательством государственным должностям, занимаемым ими, и связанных с ними авторитета и возможностей [5].

Коррупционное поведение сотрудников полиции подразделяется: на гражданско-правовые коррупционные деликты, дисциплинарные коррупционные проступки, административные коррупционные правонарушения и коррупционные преступления, из которых наиболее опасными для общества являются последние.

К признакам коррупционного преступления, совершаемого сотрудником полиции, следует отнести:

- обладание сотрудником полиции специальным статусом;
- причинение вреда авторитету государственной власти;
- противоправный характер получаемых сотрудником полиции каких-либо благ;
- использование сотрудником полиции своего служебного положения вопреки интересам службы;
- наличие у сотрудника полиции корыстной и иной заинтересованности.

К коррупционным преступлениям, совершаемым сотрудниками полиции, следует отнести:

- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ);
- превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ);
- получение взятки (ст. 290 УК РФ);
- дача взятки (ст. 291 УК РФ);
- посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ);
- служебный подлог (ст. 292 УК РФ);
- фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ).

Другими словами, в деятельности сотрудников полиции изначально присутствует определенный соблазн злоупотребления занимаемой должностью при принятии тех или иных решений. Полностью исключить подобное негативное поведение не представляется возможным.

В заключение необходимо отметить мнение М.А. Багмета [2], который считает, что за последние десять лет в ОВД, в том числе в полиции, широкие масштабы приобрели злоупотребления служебным положением, взяточничество, вымогательство и другие преступления. Сложилась тенденция покровительства со стороны полиции представителям организованных преступных групп, оказание им помощи в реализации преступных замыслов и уклонении от ответственности, фактическом незаконном сотрудничестве с коммерческими структурами, предательстве интересов службы.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М., 2004. 722 с.
2. *Багмет М.А.* Коррупция в полиции // Юридический мир. 2014. № 5. С. 35–42.
3. *Елинский А.В.* Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 159–170.
4. *Зарубина Е.В.* Антикоррупционный стандарт поведения в деятельности сотрудников образовательных учреждений МВД России // Правоохранительные органы: теория и практика. 2013. № 2. С. 14–19.
5. *Османова Н.В.* Коррупция в правоохранительной сфере и меры по ее ограничению // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 189–195.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ: ОТНОСИТСЯ ЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА К КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКЕ

М.В. Павличенко, канд. юрид. наук

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Криминалистика разрабатывает методы и средства раскрытия и расследования преступлений, адресуя их лицам, занимающимся этой деятельностью. Роль защитника понимается как одна из форм противодействия расследованию.

Ключевые слова: криминалистика; адвокат; криминалистическая тактика.

В действующий УПК РФ, являющийся в определенной мере «отражением» политических, социально-экономических, психологических, а также иных противоречий в развитии общества, наряду с бесспорно позитивными положениями вошли некоторые неоднозначно толкуемые нормы, что дало отдельным ученым повод заявить о необходимости исследования «новых» проблем на стыке криминалистики, уголовного процесса и теории доказательств. В условиях состязательности уголовного судопроизводства особый интерес представляет учение об обвинении и защите, которое, по мнению ряда юристов, должно быть составной частью предмета криминалистики.

Причиной подобного интереса явился несколько измененный статус защитника в уголовном судопроизводстве, хотя пока эти изменения носят лишь половинчатый характер. В определенной мере права защитника расширены: ст. 53 УПК РФ регламентирует его полномочия по самостоятельному сбору и предъявлению доказательств, применению специальных познаний (привлечению специалиста) и т.д. В связи с этим целесообразны и полезны, по нашему мнению, научные исследования тактических основ получения и предъявления защитником таких доказательств, тактические аспекты формирования адвокатского досье. Уже несколько лет ведутся подобного рода разработки проблем тактики адвокатской деятельности, которые назвали «криминалистической адвокатологией».

Основоположником соответствующей теории в России является О.Я. Баев [1], создавший в этом направлении свою «школу», привер-

женцы которой ставят задачу продолжить дальнейшую разработку теоретико-методологических основ криминалистики защиты – подструктуры криминалистической тактики, тем самым расширить предмет криминалистики, включив в него теорию и практику адвокатской деятельности.

Говоря «...о защите как объекте изучения криминалистики», М.О. Баев и О.Я. Баев пишут, что «тактика профессиональной защиты по уголовным делам есть подсистема криминалистической тактики, состоящей из системы разрабатываемых на основе научных положений криминалистической тактики соответствующих средств (приемов, комбинаций, операций, рекомендаций) допустимого и рационального представления, исследования и использования адвокатом доказательственной информации, оправдывающей подзащитного или смягчающей его ответственность, обеспечивающей права и интересы последнего в условиях потенциального или реального противодействия со стороны лиц и организаций, противостоящих защитнику при реализации им своей уголовно-процессуальной функции» [2].

Н.В. Краснова [5] выдвинула положение, согласно которому криминалистическая тактика – аппарат для успешной деятельности не только органов расследования и дознания, но и защитника. Утверждая, что должностные лица органов расследования не должны монополизировать криминалистическую тактику, автор предлагает рассматривать тактику защитительной деятельности в качестве составной части криминалистической тактики. Следует отметить, что при такой постановке вопроса можно «расширяться» настолько, насколько позволит воображение. Такие примеры уже есть. Например, Г.А. Зорин и В.А. Гамза говорят о возможности существования «банковской криминалистики» [3]. Сознательно не вступая в дискуссию по этому вопросу, приведем лишь слова самого Г.А. Зорина: «Криминалистика – наука, которая имеет четко очерченные границы и нецелесообразно ее бесконечно расширять, эдак можно договориться до колбасно-бакалейной криминалистики» [4].

Имея в виду те же самые идеи, В.Л. Кудрявцев заключает, что когда адвокату-защитнику противостоит сторона обвинения – прокурор – профессиональный юрист, обладающий специальными криминалистическими познаниями и навыками по поддержанию государственного обвинения в суде, – готовая в любой момент воспользоваться допущенной стороной защиты оплошностью или ошибкой, без криминалистического обеспечения деятельности адвокату-защитнику явно не обойтись. Автор в трех главах своей кандидатской диссертации

представил методику и тактику защиты на судебном следствии, интерпретировав практически весь основной понятийный аппарат криминалистики [6].

По мнению В.В. Сероштана [7], в рамках криминалистики необходимо вести разработку тактических методов защиты обвиняемого, которые позволили бы поставить под сомнение прочность и обоснованность позиции обвинения, убедительно и объективно показать, что доказательства, являющиеся фундаментом обвинения, далеко не безупречны или, более того, недостаточны для вынесения судом обвинительного приговора либо для составления обвинительного заключения. Именно криминалисты, по его мнению, должны разрабатывать такие тактические приемы, которые позволят достигать стратегических задач адвоката-защитника – не только вызвать серьезные сомнения в прочности позиции обвинения, но и аргументированно разрушить ее полностью или частично.

Необходимо отметить, что тактика защиты от обвинения была, есть и будет, но является ли она предметом изучения криминалистики? С точки зрения терминологии высказывания новаторов возражений не вызывают – тактику, действительно, можно именовать криминалистической, следственной, судебной и т.д. в зависимости от того, кто из субъектов какие именно задачи решает на разных стадиях судопроизводства. Однако авторы, механически включающие тактику защиты в предмет криминалистики, не сумели, на наш взгляд, систематизировать свои рекомендации и не смогли дифференцировать приемы предварительного следствия и приемы защиты, что ставит под сомнение целесообразность и обоснованность пересмотра сложившихся основ науки.

Практически не возражая против необходимости разработки вопросов тактики защиты и тактики обвинения, многие авторы справедливо ставят вопрос о месте таких исследований в системе юридических наук. Мы придерживаемся точки зрения Т.В. Аверьяновой, Т.С. Волчецкой, А.И. Звягина, В.И. Комиссарова и других ученых-криминалистов, считающих, что традиционно разработки криминалистической тактики были предназначены исключительно для следователей, поэтому закономерен вопрос: следует ли расширять предмет криминалистической тактики, а вместе с этим и самой криминалистики или же такие исследования должны вестись в рамках других наук? Уголовный процесс, в содержание которого входят вопросы процессуальных функций, по сути, «неправомерно» затрагивать тактические аспекты. Вряд ли целесообразно было бы рассматривать этот вопрос и в рамках науки прокурорского надзора или адвокатуры.

По нашему убеждению, включение и исследование тактики профессиональной защиты по уголовным делам в рамках криминалистической тактики является не только неоправданным, но и невозможным. Такая позиция продиктована тем, что криминалистика не может обеспечить решение двух диаметрально противоположных задач – уголовного преследования и защиты. Криминалистическая наука (о расследовании и изобличении виновного) не разрабатывает и не должна разрабатывать приемы обеспечения защиты обвиняемого. Ее первоочередными задачами всегда были изобличение виновных лиц, выявление их связей с преступлением. Разрабатывая же специальные рекомендации защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, криминалистика будет противоречить своей природе и назначению, поскольку невозможно разрабатывать рекомендации, направленные одновременно как на изобличение виновного в совершении преступления лица, так и на его защиту.

Мы считаем, что интерпретировать положения криминалистической тактики применительно к деятельности адвоката-защитника по меньшей мере еще и некорректно. Криминалистика разрабатывает методы и средства раскрытия и расследования преступлений, адресуя их лицам, занимающимся этой деятельностью. Очевидно, что у лиц, расследующих преступления, и лиц, осуществляющих защиту интересов и прав подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений, абсолютно разные цели и задачи. По большому счету, в криминалистическом значении, деятельность защитника понимается как одна из форм противодействия расследованию. Очевидно, что изменение уровня защиты выражается в том, что возросло не качество защиты, а арсенал разрушительных ее возможностей.

Разумеется, нельзя отвергать само понятие «тактика защиты». В своем родовом понятии тактика – это теория и практика подготовки и ведения боя. Ведь и в криминалистике термин «тактика» (под которой понимаются рекомендации по организации и планированию предварительного и судебного следствия) имеет элемент условности, ибо очевидно, что нет равенства между тактикой военной и криминалистической. Однако такие ее элементы, как организация и планирование действий, оценочные и поведенческие моменты, наличие приемов действия, оправдывают употребление данного термина не только в криминалистике, но и в других областях научного знания и практической деятельности. Более того, тактический прием, тактическое решение, тактический риск, типичная версия, контрверсия, следственная ситуация, ситуация расследования реализуются и в деятельности адвоката-защитника, но не как криминалистические категории.

Таким образом, изучение тактики профессиональной защиты по уголовным делам в рамках криминалистической тактики представляется нам неоправданным. Криминалистика (наука о расследовании преступлений и изобличении виновных) не разрабатывает и не должна разрабатывать специальные приемы защиты обвиняемого и подсудимого. В этом случае она будет противоречить своей природе и назначению, поскольку невозможно, образно говоря, писать одной рукой рекомендации, направленные на изобличение виновного в совершении преступления путем сбора доказательств, а другой – на его защиту путем опровержения этих доказательств.

Вызывают определенное недоумение высказывания некоторых сотрудников правоохранительных органов, активно поддерживающих идею о разработке тактики профессиональной защиты в рамках криминалистики, изложенные в печати. Вряд ли можно согласиться и с тем, что одной из задач криминалистики должна стать выработка «тактики изобличения следователя», который якобы ошибается в своих выводах. Возможно, там, где работают сторонники подобных воззрений, борьба с преступностью успешно завершена, или же они трудятся в правоохранительных органах «по необходимости», считая своим призванием роль правозащитника либо научного исследователя, что, конечно, неплохо, но для чего нет нужды «расшатывать» устои науки.

Криминалистика, на наш взгляд, должна решать не вопросы тактики защиты, а разрабатывать рекомендации по тактике производства отдельных процессуальных действий с участием защитника, предлагая тактические приемы по их подготовке и проведению. Обозначенная позиция не означает, что криминалистику следует «закрыть» для всех субъектов уголовного судопроизводства, деятельность которых непосредственно не связана с расследованием преступлений. Ничто не препятствует тому же защитнику использовать наработанные криминалистикой рекомендации в своей профессиональной деятельности. Однако изучение тактики адвокатской деятельности должно быть предметом исследования не криминалистики, а иных наук. Нам представляется намного более оправданным включение в круг задач, решаемых криминалистической тактикой (тактикой судебного следствия), задачи по выработке дополнительных рекомендаций по повышению эффективности поддержания государственного обвинения в суде, ибо только после вынесения справедливого приговора можно считать решенной основную задачу криминалистики в борьбе с преступностью в рамках конкретного уголовного дела.

На наш взгляд, наука, призванная всемерно способствовать борьбе с преступностью, не может и не должна разрабатывать программы,

направленные на противодействие расследованию за счет корпоративной деятельности защитников. В связи с этим с сожалением приходится констатировать, что некоторые криминалисты, хотя и на законных основаниях, охотно оказывают помощь подозреваемым и обвиняемым по противодействию правоохранительным органам в установлении истины по уголовному делу, зачастую превосходя при этом «по размаху» своих коллег, непосредственно занимающихся исследованием проблем уголовно-процессуальной и адвокатской деятельности.

Резюмируя сказанное, следует сделать вывод, что, поскольку тактика защиты наиболее ярко проявляется при производстве судебного следствия, где наблюдается состязательность процесса, постольку на данном этапе развития тактики защиты она должна разрабатываться в рамках судебного следствия. Дальнейший путь ее развития видится в формировании учебной дисциплины, которая может именоваться, например, «Теория и практика адвокатской деятельности». Не исключено, что данная учебная дисциплина впоследствии может обрести статус самостоятельной науки. Истории известны случаи, когда новые науки рождались именно из учебных дисциплин.

Кроме того, в настоящее время объективно существует необходимость заложить основы и самостоятельного комплексного и перспективного направления юридической науки – теории защиты прав и свобод человека и гражданина при отправлении правосудия.

Список литературы

1. *Баев О.Я.* Основы криминалистики: Курс лекций. М.: Экзамен, 2001. 288 с.
2. *Баев О.Я., Баев М.О.* Защита от обвинения в уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. 226 с.
3. *Гамза В.А.* Банковская криминалистика: право на существование и концептуальные основы // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: Труды Академии управления МВД России. М., 2003. С. 133–142.
4. *Зорин Г.А.* Теоретические основы криминалистики. Мн.: Амалфея, 2000. 416 с.
5. *Краснова Н.В.* Тактические особенности производства следственных действий с участием защитника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 26 с.
6. *Кудрявцев В.Л.* Некоторые проблемы совершенствования деятельности адвоката-защитника на судебном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. 31 с.
7. *Сероштан В.В.* Процессуальные и тактические особенности расследования преступлений в условиях расширения прав подозреваемых и обвиняемых на защиту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 22 с.

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

С.А. Петров, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Предметом статьи является анализ одного из трех основных аспектов противодействия коррупции: профилактики коррупционных проявлений, борьбы с коррупцией и минимизации последствий коррупционных правонарушений. Рассмотрены отдельные пробелы в законодательстве, влияющие на эффективность противодействия коррупции, механизмы взаимодействия власти, бизнеса и общества, имеющие в качестве цели профилактику коррупции. Рассмотрена роль институтов гражданского общества в вопросах противодействия коррупции, а также влияние средств массовой информации на восприятие образа коррупционера.

Ключевые слова: коррупция; противодействие; минимизация последствий; борьба с коррупцией; профилактика коррупции.

Гражданское общество – это общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями, независимое от государства, но взаимодействующее с ним, общество граждан высокого социального, политического, культурного и морального статуса, создающих совместно с государством развитые правовые отношения [4].

Неразвитость институтов гражданского общества на федеральном уровне не дает возможности осуществлять эффективный контроль за принятием и реализацией политических решений, бороться с коррупционными процессами, качественно улучшать состав национальной элиты. На уровне регионов недостаточное развитие институтов местного самоуправления тормозит процессы развития малого и среднего бизнеса, которые в свою очередь являются фактором развития институтов гражданского самоуправления [2].

Значимость задействования институтов гражданского общества в механизме противодействия коррупции также подчеркивается в Национальном плане противодействия коррупции, утвержденным Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. Обращают на себя внимание положения по реализации комплекса мер, направленных на совершенствование функционирования государственного аппарата и включающих в себя выработку оптимальной системы взаимодействия

институтов гражданского общества и средств массовой информации с государственными органами; повышение правовой культуры общества; реализацию прав граждан на получение достоверной информации о фактах коррупции и складывающейся практике правоохранительной деятельности в этой сфере. В силу этого можно говорить, что «вектором» развития и совершенствования антикоррупционного механизма в России выбран принцип системного и продуктивного взаимодействия гражданского общества и государства [1].

Россия продолжила терять позиции в рейтинге СРІ («Индексе восприятия коррупции», составляемом организацией Transparency International), поравнявшись с Папуа-Новой Гвинеей, Ливаном, Ираном и Мексикой. По итогам 2018 г. Россия набрала 28 баллов (из 100 возможных) и заняла в рейтинге 138-е место (из 180), потеряв один балл и опустившись на три строчки. При этом Россия впервые с 2015 г. набрала меньше 29 баллов, следует из данных организации. Максимальное число баллов, когда-либо присвоенных России, составляло 32, минимальное – 24. СРІ – индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе разных государств. Чем больше баллов набирает страна, тем лучше в ней обстоит ситуация с коррупцией.

Как отмечается в пресс-релизе Transparency International, в первую двадцатку лидеров впервые за долгое время не смогли попасть США. Страна потеряла сразу 4 балла (71 балл против 75 годом ранее) и 4 строчки в рейтинге (22-е место против 16-го) [5].

Последнее место, как и в прошлом году, досталось Сомали. Страна набрала 10 баллов по сравнению с девятью баллами в 2017 г. Предпоследнюю строчку поделили Южный Судан и Сирия, набравшие по 13 баллов.

В группе стран СНГ и географических соседей России самый большой рывок совершил Таджикистан (25 баллов против 21-го годом ранее). Свое положение в рейтинге также улучшили Украина (32 против 30 баллов) и Молдавия (33 балла против 31-го). Для улучшения ситуации России необходимо дополнить законодательство нормами, регулирующими раскрытие бенефициарных собственников активов и защиту заявивших о коррупции, повысить независимость избирательных комиссий, разработать инструменты антикоррупционного образования и «более активно и охотно реагировать» на расследования журналистов и активистов, касающиеся должностных лиц [4].

В России же в течение нескольких лет наблюдается тренд на смягчение антикоррупционного законодательства в отношении чиновников, считает замгендиректора «Трансперенси Интернешнл – Россия»

И. Шуманов. Об этом он заявил газете «Ведомости», комментируя инициативу Минюста отменить наказание за «вынужденную коррупцию».

Взаимоотношения институтов гражданского общества и государства, в особенности в сфере противодействия коррупции, объединение их совместных усилий для решения этой проблемы в конечном итоге должны способствовать установлению социальной стабильности и общественного согласия, что в начале XXI в. как никогда актуально для Российской Федерации.

Для успешной борьбы с коррупцией нужны не только специальные органы или институты противодействия, но и свободная пресса, и независимые суды, и неподкупные стражи правопорядка. Только в этом случае удастся если не искоренить, то хотя бы существенно снизить высокий уровень коррупции в нашей стране [1].

Из-за размаха коррупции падает престиж страны на международной арене, растет угроза ее экономической и политической изоляции.

Для противодействия коррупции необходимы системные, комплексные, согласованные меры. Пока же таких системных мер в нашей стране, к сожалению, не наблюдается. Антикоррупционная риторика с удовольствием применяется представителями политической элиты. Однако любые шаги по ограничению коррупции носят до сих пор либо символический, либо фрагментарный характер. По этой причине коррупция год от года растет. В целом Запад видит Россию как насквозь коррумпированную клептократию, которая управляется коррумпированными группировками.

Важным элементом институциональной основы противодействия коррупции в России является правовая культура. Она подразумевает не только высокий уровень юридического мышления, но и столь же высокое качество всей юридической деятельности. Кроме того, правовая культура гражданина является источником устойчивой убежденности в высоком назначении и значимости права как главного социального регулятора, способного изменить общественные отношения в позитивную сторону, что является достаточно актуальным для современного российского общества и исследуемой проблемы. Сформированная правовая культура личности в наибольшей степени способствует именно правомерному социально-активному поведению. Здесь правовая культура есть целостное явление, включающее в себя правомерные отношения, основанные на законности и правопорядке, правовую информированность и уважение к праву, активную жизненную позицию в сфере права [3].

Только культурно богатая, сильная и активная в правовом плане личность, а также само гражданское общество смогут реально и правомерно реализовывать свои желания и интересы. Более того, если эта реализация будет всеобщей, объединенной и направленной в конкретное русло, то российское общество в представленной сфере придет к желаемому результату намного быстрее и благополучнее. Потребуется концентрация научно-практической деятельности и государства, и личности на проблемах организации свободного гражданского общества, сильного, справедливого и функционально активного. Только объединение и консолидация мнений и взглядов всех социально-корпоративных групп, существующих в государстве, может реально служить решению проблемы противодействия коррупции.

В итоге хотелось бы отметить, что коррупция – это действительно важнейшая проблема, которую невозможно побороть без активного участия всего общества. Ведь именно от того, как каждый гражданин относится и реагирует на проявления коррупционных действий, зависит обстановка в государстве в целом. В идеальном варианте, каждый человек обязан пресекать любые проявления взяточничества, всеми доступными и, что самое важное, законными методами.

Список литературы

1. *Кликушин А.А.* Политические права граждан и их генезис в отечественном конституционном законодательстве // *Право и политика.* 2008. № 4. С. 833–837.
2. *Минникес И.А.* Правовые средства индивидуального правового регулирования // *Акад. юрид. журнал.* 2010. № 2. С. 5–9.
3. *Орлова О.В.* О роли права в самореализации личности в гражданском обществе // *Государство и право.* 2008. № 6. С. 106–109.
4. Роль гражданского общества в противодействии коррупции // *Молодой ученый.* 2015. № 22. С. 467–469. URL <https://moluch.ru> (дата обращения: 17.12.2019).
5. *Смоленский М.Б.* Правовая культура и идея государственности // *Государство и право.* 2009. № 4. С. 15–21.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИИ

С.А. Петров, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Статья посвящена изучению современных тенденций развития института борьбы с коррупцией в России. Определены методы борьбы с ней для разработки адекватных предложений по совершенствованию методов ее предупреждения. На основе анализа коррупционных преступлений выявлены актуальные проблемы их раскрытия, предложены пути их решения.

Ключевые слова: коррупция; преступление; государственное управление; право; проблемы правоприменения; коррупционная амнистия.

В 2019 г. Министерство юстиции РФ предложило не считать правонарушением случаи коррупции, которые произошли из-за «обстоятельств непреодолимой силы». Конкретные ситуации пока не прописаны, что породило массу слухов. Например, звучат абсурдно-саркастичные предположения, что к числу таких причин отнесут болезненную тягу к воровству – kleptomанию или склероз.

Инициатива Минюста комментируется по-разному. Одни решили, что власти намереваются легализовать коррупцию, подарить госслужащим индульгенцию. Другие настаивают, что безнаказанно нарушать закон чиновникам не дадут, речь идет об уточнении сложных жизненных ситуаций.

Минюст России собирается изменить антикоррупционное законодательство. Уточняется, что коррупция при «обстоятельствах непреодолимой силы» не будет считаться правонарушением. Оговариваются моменты, когда соблюдение запретов и ограничений (по законам о коррупции или в рамках требований о предотвращении/урегулировании конфликта интересов) невозможно в силу объективных причин. Сейчас в таких случаях не освобождают от ответственности. Законопроект находится на стадии общественного обсуждения. После него Минюст составит список конкретных случаев, когда нарушение антикоррупционных законов не будет квалифицироваться как преступление. В разработке поправок принимают участие МВД, Следственный комитет, Генпрокуратура и Министерство труда и социальной защиты [1].

По российским законам, коррупцией считаются злоупотребление служебным положением, дача или получение взятки, злоупотребление

полномочиями, коммерческий подкуп. За такие преступления предусмотрена уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность. Так, за получение или дачу взятки грозит до 15 лет лишения свободы.

В действующем Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» есть статьи, которые устанавливают запреты для отдельных групп россиян (прежде всего для чиновников) на отдельные виды деятельности – это и есть «ограничения и требования», разработанные в целях борьбы с коррупцией [3].

Например, ст. 7.1 – «Запрет отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». Или ст. 10 – «Конфликт интересов». Это ситуация, когда личная заинтересованность человека при должности «влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное» исполнение обязанностей [3].

При этом освобождение от ответственности ввиду непреодолимых обстоятельств уже предусмотрено рядом законов и подзаконных актов. Согласно разъяснению Минэкономразвития от 2016 г. по закону о госзакупках, стороны освобождаются от ответственности за неисполнение обязательств по контракту из-за наводнения, пожара, землетрясения, диверсии, военных действий, изменений законодательства и других чрезвычайных ситуациях.

Данные поправки Минюста могут касаться широкого спектра ситуаций, когда в формальном или ином нарушении законов есть крайняя необходимость. Это далеко не все случаи чрезвычайных ситуаций.

Например, пришла в детский сад пожарная инспекция и неожиданно выявила нарушения. Чтобы учреждение не закрыли, директору нужно купить новые огнетушители, поставить сигнализацию или выполнить еще какие-то требования. Заранее на эти цели денежные средства заложены не были. Никто же не думал, что проверка что-то выявит. И вот директор стоит перед выбором – сознательно нарушить закон, купить на средства из других статей расходов требуемые вещи или дать детскому садику закрыться и потом через бюрократическую машину изыскивать деньги. Сколько понадобится во втором случае для этого времени – непонятно [4].

Подобная история может произойти с должностным лицом в любой сфере. Не сложно представить коммунальную аварию, когда в

сильные холода оказались повреждены сети ЖКХ, в жилые дома и социальные объекты перестало поступать тепло. Нужно срочно предпринимать какие-то меры, а техники и людей не хватает.

И вот ответственное лицо решается для ликвидации прорыва трубы неофициально привлечь рабочих и технику со стороны. Деньги на это идут нецелевые, за что человека могут привлечь к ответственности. Но можно на эту ситуацию посмотреть с другой стороны. «Нарушитель» предотвращал больший вред, нежели нанес сам. Такие ситуации происходят неожиданно. И коммунальщики встают перед выбором – устранять аварию в срочном порядке или пускать все на самотек. Важно понимать, что в данном случае представитель ЖКХ принес больший общественно полезный результат, нежели его правонарушение.

Еще один пример «вынужденной» коррупции на примере уголовного дела против начальника одного из отделов полиции, который по служебной топливной карточке заправил квадроцикл волонтеров, искавших в лесу пропавшего ребенка. Какой у него был выбор? [5]. Есть карточка, на которой государственное топливо, с помощью нее он должен заправлять служебный автомобиль. Но в той ситуации никто кроме него не мог заправить квадроцикл волонтеров, а без бензина не нашли бы ребенка. Формально полицейский израсходовал средства, используя свое служебное положение. Это преступление коррупционной направленности. Но что говорит нам здравый смысл, если речь идет о жизни ребенка.

Исходя из вышеперечисленных примеров, следует сделать вывод, что в действующем законодательстве уже прописаны некоторые основания, по которым человек освобождается от ответственности. Например, когда подчиненный выполнял указание руководителя, был обязан действовать по его прямому распоряжению. Поэтому предлагаемые Минюстом изменения, скорее всего, будут касаться сложных моментов, подлежащих всесторонней оценке, например, расширить, уточнить моменты, касающиеся отсутствия вины лиц, подозреваемых в коррупции [2].

Существуют также и иные точки зрения ученых на данные инициативы, например, склоняются к тому, что человек в любом случае должен руководствоваться законом, а не своим субъективным мнением. Если определяют какие-то исключения, когда не будут наказывать за коррупционные преступления, это породит много споров. Все будут дискутировать – а тот ли это случай, за который можно простить чиновнику правонарушение. Всегда найдутся законные пути решения любых проблем.

Тот же вопрос про финансирование, ряд ученых считает, что это головная боль не директора школы или детского сада, а его учредителя. И не надо свешивать на этих директоров принятие решений, за которые им потом придется бегать по кабинетам с адвокатами, краснеть, потеть и доказывать свою невиновность. Лучше действовать по закону, чтобы не попадать в ситуацию неопределенности. Поверьте, в законодательстве есть все необходимые механизмы для решения вопросов любой сложности.

Также ученые приходят к мнению, что данными инициативами Минюст целенаправленно создает очередные исключения, которые позволят чиновникам избежать наказания за коррупционные нарушения в случае «обстоятельств непреодолимой силы». Под этими обстоятельствами понимаются, видимо, вооруженные действия, стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации, которые к коррупционным действиям отношения не имеют. Но у нас есть закупки при ЧС, которые устанавливают местные власти, так, например, в Санкт-Петербурге, с такой формулировкой строили велодорожки, поэтому под них может попасть все что угодно [2].

Эксперт предполагает, что инициатива Минюста даст возможность комиссиям по этике при органах власти, рассматривая конфликты интересов, давать индульгенции чиновникам, которые смогут объяснить нарушение закона подобными обстоятельствами. По сути же это выглядит как намеренное создание для должностных лиц лазейки, чтобы избежать ответственности.

Список литературы

1. Антикоррупционное законодательство и стандарты антикоррупционного поведения: сб. нормативных актов / С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) акад. генер. прокуратуры РФ. 2017. 544 с.
2. *Воронина Ю.И.* Антикоррупционная экспертиза законодательных актов (их проектов) в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук, 2016. 218 с.
3. *Григорьев В.В.* Комментарий к Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный). М., 2009. 184 с.
4. Противодействие коррупции в федеральных органах исполнительной власти: науч.-практ. пособие / под ред. А.Ф. Ноздрачева. М.: ИНФРА-М, 2016. 184 с. URL: <http://znanium.com/catalog.php?bookinfo=549750>.
5. *Румянцева Е.Е.* Механизмы противодействия коррупции. 2-е изд., доп. и испр. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 126 с.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

А.П. Разина, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Преступления против собственности являются самыми распространенными среди совершаемых преступлений в России и имеется длительная история законодательного регулирования данного права собственности. В статье затронут вопрос, предусматривающий ответственность за данные преступления в различные исторические периоды.

Ключевые слова: имущественные преступления; наказание; собственность; уголовная ответственность; история развития законодательства о собственности.

Совершенно не случайно, что ответственность за разного рода противоправные посягательства на чужое имущество находила свое правовое закрепление в отечественном уголовном праве на всех этапах его развития, включая нормы законодательства Древней Руси.

В частности, подобные нормативные положения, регламентирующие привлечение виновных к ответственности за имущественные преступления, содержатся в таких известных актах древнерусского права, как Новгородская и Псковская судная грамота.

«Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности определялась способами причинения вреда собственнику, формами хищения, местом совершения преступления, его предметом, а также в некоторых случаях – особенностями личности виновного, его сословной принадлежностью. Значение Новгородской судной грамоты для развития института уголовной ответственности за преступления против собственности состоит в том, что именно в ней впервые упоминается грабеж как преступление» [3].

Следующий нормативный документ, который необходимо упомянуть в контексте анализа преступлений против собственности в истории отечественного уголовного права, это Русская Правда [7], в рамках которого различным преступным деяниям, посягающим на собственность, уделено значительное внимание.

В Русской Правде нашли свое отражение такие преступления, как кража (именуемая древнерусским законодателем «татьба»), разбой, самовольное пользование чужим имуществом, поджог и т.д. При этом

выделяются такие разновидности хищений, с соответствующей дифференциацией ответственности, как кража из закрытых помещений, кража лошадей, кража холопа, кража пчел и меда из бортных деревьев, кража бобров, кража морских и речных судов.

Г.И. Молев пишет: «Хищение княжеского имущества предполагало больший размер ответственности. Следует отметить, что корыстный мотив в преступлениях уже тогда считался отягчающим обстоятельством, кража рассматривалась только как умышленное преступление. Предусматривалась ответственность за групповые кражи скота, кража неохраемого имущества наказывалась строже кражи из закрытого помещения» [4].

В Судебнике 1497 г. [8] и Судебнике 1550 г. [9] перечень имущественных преступлений расширился по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Был сформулирован состав такого преступления, известного современному уголовному праву, как мошенничество. Также была произведена более подробная регламентация разбоя.

Очередным шагом в совершенствовании норм, предусматривающих ответственность за имущественные преступления, стало выделение квалифицирующих признаков, усиливающих ответственность. По Судебнику 1497 г. уголовная ответственность за преступления против собственности ставилась в зависимость от способа причинения вреда собственнику, формы хищения, места совершения преступления и множественности преступлений. Повторность как квалифицирующий признак кражи влияла на дифференциацию уголовной ответственности виновных в ней лиц [8].

Судебник 1550 г. по формам хищения выделял кражу, грабеж, разбой и мошенничество, что в достаточной степени созвучно современному подходу законодателя. Данному нормативному документу Судебника 1550 г. в большей мере соответствует проработка квалифицирующих признаков составов имущественных преступлений, способов и форм их совершения [9].

Отечественный законодатель прошлого проявляет дифференцированный подход к наказанию виновных в совершении корыстных и некорыстных посягательств на чужое имущество.

Также стоит отметить, что ответственность могла устанавливаться в зависимости от наличия или отсутствия неоднократности преступлений – так, если хищение было совершено виновным лицом впервые, оно влекло наказание в виде так называемой «торговой казни» (ст. 55). В случае же, когда хищение было повторным, при наличии признания лицом своей вины, могла применяться смертная казнь. При отрицании

вины и с учетом данных о личности виновного, он мог заключаться в тюрьму до смерти или передан «на крепкую поруку» (ст. 56).

Учет данных о личности состоял в определении виновного как «доброего», или же «лихого» человека. На это обращено внимание в ряде работ отечественных исследователей [7]. Следующим этапом в развитии отечественного уголовного законодательства стала подготовка первого систематизированного документа, именуемого Соборным уложением 1649 г.

Данный акт относил к числу имущественных преступлений ряд деяний, таких как: татьбу (простую и квалифицированную), разбой, грабеж (простой или квалифицированный), мошенничество, насильственное завладение чужим имуществом.

Происходит дальнейшая проработка квалифицирующих признаков составов имущественных преступлений.

В.А. Рогов, анализируя положения Соборного уложения, пишет: «Так, в случае совершения в первый раз кражи из «государева двора» предусматривалось битье кнутом, за вторую такую кражу наказание дополнялось заточением в тюрьме на полгода. Третья кража влекла отсечение руки вору. Предусматривалось наказание за кражу оружия военнослужащим у военнослужащего (ст. 28), отсечением руки каралась совершенная ими кража лошади (ст. 29). Устанавливалась ответственность за попустительство, недоносительство и укрывательство разбойников и татей (ст. 59–65, 77–81) посредством конфискации имущества виновных. Совершение обыкновенной кражи в первый раз влекло битье кнутом, урезание уха, два года тюрьмы и ссылку (кстати, первыми из преступников в XVII в. клеймению были подвергнуты именно воры). Вторая кража наказывалась битьем кнутом, урезанием уха и тюремным заключением на четыре года. В случае же совершения кражи в третий раз применялась смертная казнь» [6].

Параллельно с положениями вышеназванного документа применялись нормы Воинского артикула Петра I (1715 г.) [2], который стал своего рода Военно-уголовным кодексом. К ряду имущественных преступных деяний Воинский артикул Петра I относил в первую очередь кражу и грабеж. «Квалифицированным считалось совершение кражи: из церкви; человека с целью его продажи; у господина или товарища; во время стихийных бедствий; казенного имущества; караульным; в четвертый раз; судов, потерпевших крушение; из разрытых могил; на сумму свыше 20 рублей».

Как отмечается авторами, «одним из самых опасных преступлений, согласно закону, продолжал оставаться разбой (к разбойникам причисляли также укрывателей и недоносителей). В отличие от разбоя,

грабеж охватывал вымогательство и самовольный захват имущества. Выделялись два вида грабежа: совершенный с оружием (наказуемый как разбой) и без оружия. Смертная казнь устанавливалась в обоих случаях – соответственно, через колесование или отсечение головы. Единственное исключение в применении смертной казни было сделано для офицера за присвоение излишнего жалования или провианта: в этом случае виновный подлежал «яко вор» либо смертной казни, либо ссылке на галеры (арт. 65)» [4].

В соответствии со Сводом законов уголовных, который вошел в том 15 Свода законов Российской империи 1832 г., к ряду преступлений против собственности было отнесено: святотатство, разрытие могил с целью ограбления, похищение, расточение и утрата казенного имущества, разбой, зажигательство, мошенничество, кража, грабеж, подлог в имуществах.

Показательно, что преступлениям против казенного имущества законодателем уделено особое внимание, что обусловило выделение данной категории деяний в отдельный раздел, с установлением повышенной ответственности за них. В следующем важном документе, обозначившем завершение систематизации законодательства дореволюционной России – Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. – категории «собственность» и «имущество» стали уже употребляться в качестве синонимов.

Как отмечается исследователями, «в Уложении присутствовали все основные составы, известные уголовному праву: кража, грабеж, разбой, присвоение, растрата, мошенничество в его различных видах, истребление и повреждение чужой собственности. Именно они с последующими изменениями и дополнениями, внесенными в их содержание в 1885 г., применялись весьма продолжительное время».

Несмотря на большую проработанность норм об ответственности за преступления против собственности, нельзя не обратить внимание на то, что им по-прежнему была свойственна казуистичность и архаичность.

Последующее развитие законодательной техники завершилось подготовкой нового нормативного документа – Уголовного уложения 1903 г.

«Законодатель сконструировал не только общие составы умышленного и неосторожного некорыстного посягательства на собственность, но и значительное количество специальных составов, в которых отдельно ставились под охрану гидротехнические, водопроводные, газопроводные и нефтепроводные сооружения, линии электропередач, памятники культуры и т.п.».

Дальнейшее развитие отечественного уголовного законодательства происходило в условиях перехода к советскому государству и праву, который обозначился после Октябрьской социалистической революции 1917 г. В данный период в числе приоритетов была провозглашена охрана социалистической собственности, что было отражено в ряде норм, предусматривающих ответственность за имущественные преступления в советском государстве.

Меры противодействия хищениям были обозначены в целом ряде нормативных актов. До момента создания нового кодифицированного акта, систематизирующего нормы об уголовной ответственности, в том числе за имущественные преступления, попытки обозначить такие положения предпринимались в ряде декретов. В частности, декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 01.06.1921 «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» [5] содержал ответственность за все разновидности хищений в виде лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах – в виде смертной казни.

Кодификация норм советского уголовного права была осуществлена уже в рамках Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. В данном кодексе предусматривалась отдельная глава, содержащая нормы об ответственности за имущественные преступления. В данной главе Уголовного кодекса получили свое нормативное закрепление «традиционные» посягательства на имущество, к которым отнесены: кража, грабеж, разбой, присвоение или растрата, мошенничество, вымогательство, шантаж, умышленное истребление или повреждение имущества. Уровень законодательной техники, используемой при формулировании составов имущественных преступлений, следует охарактеризовать как достаточно высокий, что стало залогом дальнейшего поступательного развития данных норм.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. сохранил в себе те тенденции, которые нашли свое отражение в Уголовном кодексе 1922 г. с незначительным снижением санкций за совершение преступлений против собственности, что нивелировалось с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932. В рамках данного документа предписывалось применение высшей меры наказания за кражу кооперативного и колхозного имущества, а также за совершение хищения грузов на железнодорожном и водном транспорте.

После окончания Великой Отечественной войны указанные меры ответственности, ориентированные на военный период, утратили силу. Тем не менее советский законодатель сохранил достаточно суровую

ответственность за преступления против собственности и дифференцированный подход в зависимости от форм собственности.

При этом разрыв между наказуемостью хищений социалистического имущества и преступлений против личной собственности граждан был сокращен путем резкого повышения санкций за последние.

В принятом в 1960 г. новом Уголовном кодексе РСФСР получили свое четкое разграничение «Преступления против социалистической собственности» и «Преступления против личной собственности граждан», что подчеркивает жесткость позиции советского государства относительно посягательств на так называемую социалистическую собственность, красноречивым свидетельством чего стало установление общественной опасности таких деяний выше, чем за посягательства против жизни и здоровья.

Новый виток реформ уголовного законодательства обозначился в контексте принятия новой Конституции СССР 1977 г. Приоритет социалистической собственности по сравнению с личной собственностью граждан, закрепленный на конституционном уровне, находил воплощение в охране этих форм собственности уголовным правом. Предусматривалась ответственность за более широкий круг преступлений. В частности, была установлена уголовная ответственность за такие виды преступлений, как хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением; хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах; причинение имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием и некоторые другие. Аналогичные виды деяний, направленных против личной собственности граждан, не были криминализованы [3].

Закон РФ от 01.07.1994 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [1] привел к однозначному отказу дифференцировать ответственность за имущественные преступления по критерию формы собственности. Изменившийся принципиальный подход законодателя просматривается и в дальнейшем – в контексте формулирования норм об ответственности за преступления против собственности в новом постсоветском Уголовном кодексе российской Федерации 1996 г.

Далее представляется необходимым рассмотреть вопросы нормативной регламентации ответственности за преступления против собственности в нормах действующего уголовного законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: федер. закон от 01.07.1994 № 10-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 10, ст. 1109.
2. Артикул воинский и Морской устав // Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 4.
3. *Верина Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 54 с.
4. *Молев Г.И.* История становления уголовной ответственности за преступления против собственности в законодательстве России // Концепт. 2014. № 27. С. 31–35.
5. О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.06.1921 // СУ РСФСР. 1921. № 49, ст. 262.
6. *Рогов В.А.* Уголовное право и карательная политика в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1990. 69 с.
7. Русская Правда // Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. М., 1998.
8. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
9. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

А.П. Разина, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье затронут вопрос, связанный со значимостью отношений собственности в жизнедеятельности современного общества. Право собственности является одним из важнейших и социально значимых прав, которое охраняется не только законодательством Российской Федерации, в том числе и уголовно-правовыми нормами, но и законодательством зарубежных стран.

Ключевые слова: собственность; преступление против собственности; уголовная ответственность; зарубежное законодательство; правоприменительная практика.

В зарубежной уголовно-правовой доктрине подходы к пониманию преступлений против собственности имеют определенную специфику, сравнительно с российским законодательным регулированием. Тем не менее необходимость обращения к положениям зарубежного законодательства в контексте регулирования тех или иных вопросов обусловлена поиском возможных путей совершенствования внутригосударственного законодательства с опорой на опыт зарубежной законодательной и правоприменительной практики.

Установление уголовной ответственности за преступления против собственности в общем и хищения в частности имеет место в уголовном законодательстве подавляющего большинства зарубежных стран, на что обращается внимание в работах зарубежных авторов.

На основе анализа норм уголовного законодательства ряда зарубежных государств, включая страны ближнего и дальнего зарубежья, можно констатировать, что любые правовые системы предусматривают те или иные меры уголовно-правового противодействия совершению преступлений против собственности.

Нельзя не отметить наличие множества сходных аспектов в определении признаков хищения в УК РФ и УК ряда государств-участников СНГ. В частности, раздел VIII Уголовного кодекса Республики Беларусь включает в себя гл. 24 «Преступления против собственности» [3], в рамках которой изложены примечания, содержащие понятие хищения и его разновидности.

Следует согласиться с В.П. Щербаковым, который считает, что относительно действующего УК РФ, в УК Республики Беларусь «явно излишне воспроизведена форма вины. Поскольку, безусловно, неосторожного похищения не может быть», а также с тем, «что вполне оправдано использование белорусским законодателем унифицированного понятия «завладеть», характеризующего содеянное похитителем» [8].

Представляется интересным решение законодателя Республики Беларусь относительно нормативного определения способов совершения хищения. К числу таковых, сверх тех, что известны УК РФ, в УК Республики Беларусь относятся вымогательство, злоупотребление служебными полномочиями и использование компьютерной техники при совершении хищения.

УК Республики Беларусь подобным УК РФ образом толкует содержание категорий «кража» (ч. 1 ст. 205) и «грабеж» (ч. 1 ст. 206). Примечательно, что белорусский законодатель не оперирует понятием «насильственный грабеж», УК РБ оно вообще не упоминается.

Регламентируя состав мошенничества, белорусский законодатель пользуется категорией «завладение» имуществом и таким образом фиксирует момент окончания мошенничества, как формы хищения чужого имущества.

В тексте УК РБ, как и в УК РФ, обозначены два способа мошенничества (обман или злоупотребление доверием), но эти категории не раскрываются в нормах УК РБ.

Определение хищения, сформулированное в п. 17 ст. 3 УК Республики Казахстан, в полной мере созвучно отечественному определению хищения, сформулированному в Примечании 1 к ст. 158 УК РФ.

Что касается Уголовного кодекса Азербайджанской Республики [1], то в нормах гл. 23 «Преступления против собственности» данного нормативно-правового документа не содержится определения понятия «хищение», хотя если исходить из содержания нормативных конструкций составов хищений, закрепленных в УК АР, становится очевидным сходство соответствующей терминологии с УК РФ.

В качестве особенности норм УК АР, касающихся преступлений против собственности, можно указать наличие отдельного состава преступления против собственности, устанавливающего уголовно-правовой запрет на нарушение права собственности, использования или аренды на землю (ст. 188).

Думается, что наличие подобной нормы в составе гл. 23 данного нормативного документа оправдано, поскольку в настоящее время, в отличие от советского периода, в современных экономико-правовых условиях земля является предметом права собственности.

Далее обратимся к положениям уголовного законодательства стран дальнего зарубежья.

В соответствии с нормами УК Франции 1992 г. под близким к понятию хищения определением кражи в ст. 3111 признается обманное изъятие вещи другого лица. К краже законодателем в ст. 3112 отнесено содеянное в виде обманного изъятия энергии в ущерб потерпевшему.

Как отмечается в литературе, «очевидно, французский законодатель фактически имеет лишь обманное изъятие чужого имущества, включая в само понятие обмана значительно больше, в сравнении с российскими коллегами» [4].

«На основании положений книги III, входящей в раздел I главы III «О мошенничестве и примыкающих к нему деяниях»: мошенничество —

это обман физического или юридического лица, который совершен при использовании ложного имени, должности или положения. Кроме общего состава французский законодатель воспроизводит в тексте УК Франции также специальные составы преступлений, однако имеющие некоторые особенности. Так, французский законодатель выделяет в ст. 314.1 состав «Злоупотребление доверием», который представляет хищение денежных средств, материальных ценностей или иного вверенного имущества потерпевшего. Вследствие того, что фактически «злоупотребление доверием» непосредственно является уголовным проступком, оно наказывается исправительным тюремным заключением до десяти лет и денежным штрафом», – пишут исследователи [7].

В УК ФРГ не содержится понятие хищения, но достаточно близким к нему является определение понятия кражи, сформулированное немецкими законодателями в § 242 УК ФРГ [4]. Под кражей понимается «содеянное в виде завладения чужой движимой вещью с намерением незаконного присвоения или обращения в пользу третьего лица» [8].

В Уголовном кодексе Швейцарии от 21.12.1937 [6] в разделе II Особенной части «Преступления против имущества» законодатель также не формулирует понятие хищения. Наряду с этим близким по фактическому содержанию к нему является в ст. 137 определение «Незаконное завладение». Законодатель Швейцарии вкладывает в категорию «присвоение» более широкий смысл, чем российский законодатель.

Например, особенностью британского законодательства является неиспользование кодифицированного акта. Хотя и законодатель вообще не предусматривает уголовную ответственность за мошенничество, его виды фактически представлены обманными имущественными преступлениями. К данным имущественным преступлениям им отнесены деяния, содеянные обманными действиями: во-первых, полученные имущественные ценности; во-вторых, полученные трансфертные деньги; в-третьих, полученная имущественная выгода; в-четвертых, полученные услуги; в-пятых, уклонение от уплаты долга; в-шестых, уклонение от оплаты.

Что касается Соединенных Штатов Америки, то ряд сходных по своей сущности преступных посягательств на собственность в нормативных документах США соединены единым понятием хищения (theft). Подобный ориентир присутствовал в Примерном УК и он был интегрирован в большую часть кодексов штатов. В наибольшей мере, как отмечается в публикациях, это было реализовано в УК штата Калифорния, где были соединены в одной категории три вида хищения – кража, присвоение и мошенничество (§ 484 УК). В Уголовном кодексе

штата Нью-Йорк, несмотря на то, что ведется речь о краже, по факту подразумеваются различные способы осуществления хищения: кража, присвоение, мошенничество и вымогательство (§ 155.05 УК).

В качестве одной из особенностей конструирования составов хищений в уголовном законодательстве США, по сравнению с российским, является отсутствие внятного и четкого разграничения категорий «грабеж» и «разбой». В уголовном праве США эти категории «слиты» воедино в собирательном понятии «robbery», которое традиционно толкуется как хищение имущества, совершаемое непосредственно у потерпевшего или в его присутствии путем насилия или внушения страха. (§ 222.1 Примерного УК США).

В гл. 5 Особенной части УК Китайской Народной Республики входит 14 составов преступлений против собственности (ст. 263–276). Кроме кражи, в ст. 264 выделяется также и три вида грабежа. Наряду с «открытым хищением», с восемью квалифицирующими признаками в ст. 263, 267, в ст. 268 УК КНР предусматривается ответственность за грабеж, совершенный группой [2].

Сравнительно-правовой анализ различных уголовно наказуемых деяний, образующих составы хищений, что находят свое отражение в нормах уголовного законодательства зарубежных стран, позволяет сделать вывод о том, что во многом данные правовые предписания казуистичны.

При этом, с учетом общих «советских» истоков у законодательства Российской Федерации и законодательства стран СНГ, нельзя не заметить сходность многих положений, касающихся преступлений против собственности, а также общего созвучия данных норм, несмотря на частные отличия.

Что же касается законодательства стран дальнего зарубежья, различия с отечественным нормативным подходом в определении уголовно-правовых составов преступлений против собственности значительно, что, однако, не лишает исследование данных нормативных положений уголовного законодательства академического и практического значения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ. URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353.
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997 / пер. с кит. М., 2014.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984.

4. Уголовный кодекс Франции от 22.07.1992 / пер. с франц. СПб., 2002.
5. Уголовный кодекс ФРГ от 15.05.1871 / пер. с нем. СПб., 2003.
6. Уголовный кодекс Швейцарии от 21.12.1937 / пер. с нем. СПб., 2002.
7. *Крылова Н.Е.* Основные черты Уголовного кодекса Франции. М., 1996. 123 с.
8. *Щербаков В.П.* Уголовная ответственность за хищения в законодательстве зарубежных государств: вопросы уголовно-правовой теории и проблемы правоприменительной практики // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 153–159.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕГ В ДИСТАНЦИОННОМ БАНКОВСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ

А.Ф. Садртдинов, магистрант,

М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

Под отмыванием преступных доходов международное сообщество призывает понимать действия (бездействие) относительно имущества, приобретенного преступным путем, независимо от того, желает ли лицо придать правомерный характер данному имуществу или нет. При этом деятельность будет преступной только в том случае, если лицо знало о преступном происхождении данного имущества.

Ключевые слова: отмывание денег; легализация; преступный доход; финансовый мониторинг; финансовый контроль; обналичивание.

В настоящее время российское законодательство оперирует двумя определениями легализации доходов, полученных преступным путем. Нормативное определение легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, закреплено в Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ). В рамках указанного Закона под легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, следует понимать придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления.

Ранее нормативное определение легализации (отмывания) преступных доходов в качестве предикатных преступлений не рассматривало налоговые, валютные и таможенные преступления [5].

Термины «отмывание» и «легализация» доходов, полученных преступным путем, являются синонимами и могут употребляться как взаимозаменяемые понятия.

Недостаток термина «легализация преступных доходов» состоит в том, что термин «легализация» используется для определения легального процесса, а именно легализации официальных документов. В отношении легализации преступных доходов данный процесс (по правовому содержанию) никогда не станет легальным, наоборот, он является уголовным правонарушением. В свою очередь, недостаток термина «отмывание преступных доходов» – в его бытовом характере, что несколько затрудняет его использование в нормотворчестве. В российском законодательстве выходом из сложившейся ситуации стало использование обоих терминов – «отмывание» и «легализация».

Отмывание преступных доходов следует рассматривать в четырех основных аспектах: материальном, процедурном, экономическом и правовом. В материальном аспекте отмывание представляет собой размещение имущества, в том числе денежных средств, в финансовые институты, проведение различного рода операций с данным имуществом и, наконец, интегрирование имущества в национальную экономику. В материальном аспекте основным является характер действий: размещение, расслоение (перемешивание) и интегрирование [1].

В экономическом смысле отмывание представляет собой переход денежных средств или иного имущества, полученного преступным путем, из теневой экономики в легальную экономику. В экономическом аспекте важно, что денежные средства или иное имущество попадают в легальную экономику. В этом контексте следует отличать легализацию (отмывание) преступных доходов от незаконного обналичивания денежных средств. В последнем случае имеет место перевод денежных средств из легальной экономики в теневую экономику, т.е. незаконное обналичивание денежных средств – это процесс, обратный легализации (отмыванию) преступных доходов.

С процедурной точки зрения отмывание преступных доходов можно определить как процесс, с помощью которого маскируются изначальное происхождение и истинные владельцы имущества, полученного в результате совершения преступления, в целях исключения любого из видов преследования (административного, уголовного).

В связи с этим отмывание также можно определить как процесс обработки имущества в целях сокрытия его незаконного получения фактическим владельцем.

В условиях кризиса обостряется битва за клиента в любой сфере бизнеса. И кредитно-финансовые организации здесь не исключение. Жесткая конкуренция приводит к необходимости улучшать обслуживание клиентов путем ввода новых видов услуг. Одним из направлений, способствующих предоставлению клиентам максимального удобства в их работе, является дистанционное банковское обслуживание, осуществляемое через сеть Интернет. Возможность полного управления своим личным счетом при условии простоты выполнения операций, комфорта и мобильности всегда привлекало и будет привлекать клиентов [2].

Однако наряду с удобствами, которые получает клиент, осуществление ДБО через Интернет становится причиной возникновения угроз нового типа. С одной стороны, это связано с тем, что существенно возрастает доля рисков (угроз), контролировать которые силами финансовой организации практически невозможно, с другой стороны, не меньшую долю рисков (угроз) приносят вопросы организации ДБО.

С одной стороны, предоставление коммерческим банком такой услуги, как электронный банкинг, является инструментом привлечения клиентов, с другой – включает в себя и ряд специфических рисков. Главным преимуществом использования ДБО в целях легализации преступного капитала является то, что раньше клиент банка должен был прийти лично в банк для осуществления операций, а теперь клиент взаимодействует с коммерческим банком посредством сети Интернет.

Здесь тоже существуют свои сложности. Дело в том, что не все клиенты, использующие услуги ДБО, являются мошенниками, а вовсе и наоборот, большинство из них законопослушные граждане, которые используют электронный банкинг для экономии времени при совершении банковских операций. Однако фактическое за последние годы количество преступлений, совершенных с использованием ДБО, выросло в несколько раз.

Следовательно, использование ДБО вызывает все большее внимание со стороны надзорных органов. В настоящее время основными нормативными документами в данной сфере, разработанными Банком России, являются Письмо Банка России от 05.04.2007 № 44-Т «О проверке осуществления кредитными организациями идентификации клиентов, обслуживаемых с использованием технологий дистанционного банковского обслуживания (включая интернет-банкинг)» и Письмо Банка России от 27.04.2007 № 60-Т «Об особенностях обслуживания

кредитными организациями клиентов с использованием дистанционного доступа к банковскому счету клиента (включая интернет-банкинг)».

В частности, в данных нормативных документах даны рекомендации кредитным организациям по поводу включения в договор банковского счета ограничений использования услуг ДБО [3].

Кредитным организациям рекомендуется после предварительного предупреждения отказывать клиентам в приеме от них распоряжений на проведение операции по банковскому счету (вкладу), подписанных аналогом собственноручной подписи, в случае выявления сомнительных операций клиентов. При этом кредитным организациям рекомендуется принимать от таких клиентов только надлежащим образом оформленные расчетные документы на бумажном носителе.

Кроме того, Банком России разработан еще один, по мнению автора, очень емкий по своему содержанию нормативный документ – Письмо Банка России от 31.03.2008 № 36-Т «О рекомендациях по организации управления рисками, возникающими при осуществлении кредитными организациями операций с применением систем интернет-банкинга». Данный документ может быть использован кредитной организацией при разработке правил работы с клиентами, использующими услуги ДБО.

Главным инструментом контроля за противоправным использованием систем электронного банкинга в кредитной организации является служба внутреннего контроля. При выполнении своих задач служба внутреннего контроля в банке периодически проводит проверки по вопросам эффективности управления банковскими рисками. При использовании кредитной организацией систем ДБО возникает потребность в расширении полномочий службы и, как следствие, перечня проверяемых вопросов.

Специфика новых распределенных технологий при выполнении банковских операций приводит к тому, что теперь необходимо говорить не просто о банковской деятельности и соответственно анализировать ее содержание посредством внутреннего контроля, а рассматривать так называемый информационный контур банковской деятельности (ИКБД), который реально формируется при каждом факте удаленного взаимодействия между неким клиентом и обслуживающей его кредитной организацией [1].

Стоит отметить, что на стадиях заключения договора на открытие счета в банке, генерации ключевой информации и записи ее на внешний носитель, работы провайдера-firewall-маршрутизатора сосредотачиваются наибольшие источники возникновения рисков.

Для сокращения риска на стадии «Заключение договора на открытие счета в банке и услуги ДБО» разрабатываются основные вопросы, которые могут входить в состав проверки систем ДБО, например: изучение уставных и финансовых документов клиента; рассмотрение деятельности клиента на рынке; анализ отзывов деловых партнеров; качество выпускаемой продукции или предоставляемых услуг; наличие квалифицированного персонала и т.д. [4].

Для сокращения риска на стадии «Генерация ключевой информации и запись ее на внешний носитель для клиента» необходимо решить следующие вопросы: наличие специально выделенного помещения для данного вида работ; наличие утвержденного руководством банка регламента выполнения данных работ и инструкции по выполнению; ответственные сотрудники, прошедшие соответствующее обучение, и т.д.

Процесс проверки экономической целесообразности операции, осуществленной клиентом посредством ДБО, затрагивает не только самого клиента, но и бенифициара, а также постоянное отслеживание сделок клиента. При идентификации бенефициара банком осуществляется проверка собственника, которому будут переведены денежные средства, устанавливаются учредители, если бенефициаром является юридическое лицо, и наличие аффилированности лиц [4].

Противодействие легализации преступного движения капитала – это всего лишь малая часть вопросов, относящихся к компетенции службы внутреннего контроля кредитной организации. Поэтому к сотрудниками указанного подразделения предъявляются жесткие требования, которые постоянно возрастают.

Именно поэтому для эффективной работы банка в процессе противодействия отмыванию денежных средств, в частности при использовании современных компьютерных технологий, наибольшее внимание необходимо уделять комплектованию квалифицированного кадрового состава службы внутреннего контроля банка и их постоянное обучение. От их опыта и квалификации фактически зависит обеспечение безопасности и репутации кредитной организации.

Список литературы

1. О проверке осуществления кредитными организациями идентификации клиентов, обслуживаемых с использованием технологий дистанционного банковского обслуживания (включая интернет-банкинг): письмо Банка России от 05.04.2007 № 44-Т.
2. *Жубрин Р.В.* Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. М.: Волтерс Клувер, 2011. 339 с.

3. Зрелов А.П., Краснов М.В. Налоговые преступления / под ред. К.К. Саркисова. М.: Статус-Кво, 2004. 48 с.
4. Кернер Х.Х., Дах Э. Отмывание денег / Международные отношения. М., 1996. 235 с.
5. Ревенков П.В., Дудка А.Б., Воронин А.Н., Каратаев М.В. Финансовый мониторинг: управление рисками отмывания денег в банках. М.: КноРус; ЦИПСИР, 2012. 280 с.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПОЛУЧЕННЫХ ДОХОДОВ

А.Ф. Садрtdинов, магистрант,

М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

Статья содержит исследования в области исторического аспекта противодействия коррупции и легализации нелегальных доходов и причин появления данного направления в российской банковской практике. Кроме того, статья включает анализ проблемы с учетом мировой практики борьбы с финансовыми правонарушениями. Приводятся реальные цифры, примеры и факты.

Ключевые слова: коррупция; легализация; противодействие коррупции; банковская деятельность; исторический аспект; экономическая деятельность.

Одновременно с появлением Древнерусского государства в период IX–XII вв. зарождалось древнерусское феодальное право. Такое право, как и любое феодальное право, характеризовалось тем, что закон напрямую устанавливал разный объем прав людей, относящихся к различным социальным группам. Так, особенно сильно это отражено в правах заемщиков и недобросовестных должников. В древнерусском законодательстве нормы, регулирующие имущественные отношения, были хорошо развиты и систематизированы. Основанием возникновения обязательств являлись закрепленный договор либо факт причинения вреда. Гражданско-правовые деликты и преступления в то время являлись самостоятельными правовыми институтами. Вместе с тем, как и сегодня, уголовная ответственность в ряде случаев дополнялась

гражданско-правовой. Стоит отметить, что в древнерусском обязательном праве имело место наложение взыскания как на имущество, так и не личность должника [6].

В период распада Киевской Руси произошло зарождение кредитных отношений. Впервые субъекты кредитных отношений упоминаются в таких документах, как: Новгородская и Псковская судные грамоты, Русская Правда, хозяйственные книги монастырских вотчин, духовные грамоты [3].

В середине XVIII в. в Российской империи возникли первые кредитные учреждения. Основными предпосылками их возникновения стали широкое распространение ростовщичества, дефицитный государственный бюджет и Семилетняя война с Пруссией.

В связи с отменой в 1863 г. крепостного права, во второй половине XIX в. быстрыми темпами в России начали развиваться капиталистические отношения. До Октябрьской революции 1917 г. источниками уголовного законодательства в России были Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. (включая изменения, внесенные в 1857, 1866 и 1885 гг.), Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. Вместе с тем стоит отметить, что Уголовное уложение, принятое в 1903 г., полностью в действие введено не было. Так, в силу не вступили положения, регулирующие ответственность за преступления, имеющие экономический характер.

В конце XIX – начале XX вв. большое значение приобрели коммерческие банки, они выступали акционерами промышленных предприятий и вели их долгосрочное финансирование, что сыграло большую роль в преодолении экономического кризиса, имевшего место в то время. Так, банки внесли существенный вклад в финансовую реорганизацию государства, что привело к ускорению темпов роста промышленности. Таким образом, дореволюционная Россия вела политику развития в рамках общемирового экономического прогресса.

Согласно исследованиям С.С. Остроумова, в 1909–1913 гг. в России произошло существенное увеличение нарушений уставов торговых и кредитных предприятий, что является злоупотреблением в вексельном обращении и кредитной сфере. Такие злоупотребления заключались в уклонении от исполнения обязательств по кредитам. В указанный период число подобных правонарушений выросло с 2814 до 4661 в год [5].

Период Первой мировой войны характеризуется существенным упадком Государственного банка, что было вызвано снижением обеспечения золотом его кредитных билетов в 10,5 раз. Одновременно с этим произошел значительный подъем и укрепление коммерческих

банков. Причиной тому послужило то, что такие банки сделали акцент на покупку и сдачу в аренду продовольственных складов, начали заниматься спекуляцией продовольствием и существенно завысили цены. Кроме того, важным обстоятельством является то, что 34 % капитала банков в тот период находилось в собственности иностранцев.

Кардинальные изменения в капиталистических отношениях на территории нашей страны произошли после Социалистической революции 1917 г. Развитие данной отрасли фактически прекратилось, а государственная политика была направлена в сторону отмены частной собственности.

В.И. Ленин писал, что процесс национализации банков советской властью сделал возможным «сначала обзоревать все главные денежные операции, без утайки их, затем контролировать их, далее регулировать хозяйственную жизнь, наконец, получить миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя за услугу бешеных «комиссионных» господам капиталистам» [2].

На Всероссийский совет народного хозяйства были возложены полномочия по осуществлению управленческих функций в промышленности, так, совет осуществлял распределение заказов и продукции, снабжение предприятий и планирование их деятельности. Для снабжения граждан продовольственными товарами и товарными пайками были созданы единые потребительские общества, вместе с тем был установлен запрет на любые сделки по ценным бумагам [3].

При данных обстоятельствах большое внимание было уделено противодействию спекуляции. 22 июля 1918 г. Декретом СНК «О спекуляции» установлена ответственность в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет и конфискация имущества за скупку, сбыт и хранение с целью сбыта продуктов питания, монополизированных государством [1].

На основании Декрета ЦИК «О национализации банков» государство устанавливало монополию в банковской деятельности, а также включило все частные банки в состав Государственного. Кроме того, в декабре 1918 г. в РСФСР упразднены все иностранные банки.

В Уголовном кодексе 1922 г. установлена ответственность за следующие деяния в сфере хозяйственной деятельности: ст. 128 предусматривала ответственность за [6] бесхозяйственное ведение лицами, занимающими руководящие должности в государственных органах или предприятиях, невыполнение возложенных на них обязанностей, что привело к невыполнению производственного плана, либо падению качества производимой продукции, либо растрате имущества органи-

зации; ст. 130 Уголовного кодекса 1922 г. предусматривала ответственность за умышленное невыполнение условий договора между предприятием и государственной организацией; ответственность за незаконный оборот иностранной валюты регламентировала ст. 138 Уголовного кодекса 1922 г.; ст. 193 Уголовного кодекса 1922 г. установлена ответственность за ростовщичество, данное деяние заключается в выдаче денежных займов под проценты, превышающие разрешенные законодательством, либо выдачу в пользование орудий труда, сельскохозяйственных животных, семян растений, за намеренно завышенную для данного региона стоимость, при тяжелом материальном положении получателя займа.

В 1960 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР, в данном кодексе деяния, совершенные в экономической сфере, впервые были выделены в отдельную главу «Хозяйственные преступления». Вместе с тем некоторые преступления, как и в действующих ранее кодексах, отнесены к государственным преступлениям и описаны в соответствующей главе нового кодекса, к таким преступлениям отнесены: подделка и реализация денег либо ценных бумаг, несоблюдение законодательства о валютных операциях, а также контрабанда, т.е. деяния, нарушающие установленный законом порядок экономической деятельности.

Значительные изменения в сфере экономической деятельности произошли в нашем государстве в период с 1990 по 1991 гг. В указанный период вступили в силу следующие законы: «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» от 03.07.1991, «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» от 02.12.1990, «Об иностранных инвестициях в РСФСР» от 04.07.1991.

Вместе с тем стоит упомянуть, что банковская система в ее современном виде начала появляться в период с 1987 по 1991 гг. В свою очередь этот период разделяется на 3 стадии. С 1987 по 1988 гг. в СССР произошла реорганизация банковской системы, которая заключалась в том, что в дополнение в существующим пяти государственным банкам в СССР начали появляться кооперативные банки. В период с 1988 по 1990 гг. вступил в силу Закон «О банках и банковской деятельности», согласно которому в стране была организована банковская система, состоящая из двух уровней. Так, верхнюю ступень составляли Госбанк СССР и центральные банки республик, на следующей ступени стояли коммерческие и кооперативные банки. Третья стадия формирования современной банковской системы характеризуется организацией отдельных банковских систем государств, ранее входивших в состав Советского Союза, а также началом создания Межреспубликанского

банка Содружества независимых государств. Данные изменения произошли в период с 1990 по 1991 гг.

Из-за указанных выше существенных изменений в экономической сфере были внесены изменения и в Уголовный кодекс 1960 г., так, из него была убрана ст. 88, предусматривавшая ответственность за незаконные валютные операции.

Действующий в настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации был принят лишь в 1996 г. В данном кодексе была установлена ответственность за незаконную банковскую деятельность. Согласно диспозиции данной статьи преступлением является: «Осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением условий лицензирования, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере».

Таким образом, можно сделать вывод, что на развитие законодательства Российской Федерации в сфере регулирования банковской деятельности и ответственности за незаконную банковскую деятельность оказали существенное влияние политические и экономические факторы, так, в течение XX в. ключевые изменения в данной сфере происходили дважды: в период становления СССР и после его развала и возникновения Российской Федерации. Рассматриваемая норма Уголовного кодекса, устанавливающая ответственность за незаконную банковскую деятельность, появилась в своем современном виде лишь в 1996 г. и является сравнительно молодой в связи с чем и возникают рассматриваемые ниже вопросы ее применения.

Список литературы

1. *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2007. С. 197–198.
2. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. 671 с.
3. *Мелешин С.Е.* Административная ответственность за нарушение законодательства о банках и банковской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 196 с.
4. *Мильчихина Е.В.* Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконной банковской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 197 с.
5. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 204 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН В СВЕТЕ СУДЕБНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Е.Е. Семенова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Несмотря на немалые достижения в совершенствовании деятельности судебных органов, судебная реформа, проводимая в Российской Федерации, не завершена. В статье комплексно рассматривается развитие принципа состязательности и принципа равноправия сторон, раскрывается общее понятие принципов в юридической доктрине

Ключевые слова: принцип состязательности; судебная реформа; принцип равноправия сторон; права человека; правосудие; правопорядок.

Взгляд на принцип состязательности и равноправия сторон как на гарантию защиты законных интересов и прав человека и гражданина соответствует современному пониманию модели правосудия. Однако правовая система не стоит на месте, вследствие чего встает вопрос о необходимости совершенствования законодательного регулирования состязательного процесса в судах, дальнейшего развития принципа состязательности и принципа равноправия сторон.

Проанализировав преимущества и недостатки данных принципов, а также ознакомившись с мнениями различных авторов относительно тенденции их развития, мы сможем определить степень их реализации на сегодняшний день, степень активности суда в состязательном процессе, выявить имеющиеся проблемы, а также определить вектор развития принципа состязательности и равноправия сторон.

Направления развития принципа видятся ведущими специалистами несколько по-разному. Например, М.К. Треушников пишет: «В гражданском процессе при реализации принципа состязательности определенная роль отводится суду в интересах обеспечения законности. Состязательности, при которой суд играл бы в процессе пассивную роль, а процесс сводился бы к «свободной игре спорящих сторон», в настоящее время в гражданском судопроизводстве нет» [3]. По-

видимому, автор предостерегает от дальнейшего «крена» процессуального законодательства в сторону «чистой» состязательности.

Позиция некоторых ученых о правильном направлении развития принципа неоднозначна. Так, О.В. Исаенкова, с одной стороны, цитирует по этому поводу В.В. Самсонова, который полагает, что современный суд не должен оставаться безучастным субъектом разбирательства, на нем лежит обязанность руководить процессом, создавая сторонам равные условия; с другой – соглашается, по-видимому, с С.Ф. Афанасьевым в том, что если в советском процессуальном праве приоритет отдавался активности суда в ходе гражданского судопроизводства [2], то современные ученые-процессуалисты говорят о необходимости процессуального сотрудничества суда и заинтересованных лиц [6].

Понятно, что нужен разумный баланс в определении направления развития принципа: ни чрезмерное усиление активности суда, ни чрезмерное движение к «чистой» состязательности не сделают оптимальными процессуальные правила защиты субъективных прав.

Так, юридическая заинтересованность может носить материальный и процессуальный характер, где лишь первая из них приводит стороны и третьих лиц к действительно активному поведению. Прокурор, а также другие органы власти и должностные лица, защищающие чужие интересы в силу ст. 46 ГПК РФ, как известно, имеют в деле не материальную, а только процессуальную заинтересованность, которая и должна выступать основой активного поведения. Вместе с тем фактически в суд их приводят должностные обязанности, возложенные на них законом, а не субъективное желание обеспечить соблюдение правопорядка.

Так, суд являясь публичным субъектом, несет определенные обязанности не только по отношению к конкретным лицам (участникам процесса), но и по отношению к государству и обществу в целом. Последнее приводит к тому, что обязанности перед конкретными лицами исполняются судом только при наличии с их стороны активных действий, а обязанности перед обществом и государством суд исполняет по собственной инициативе, и только в этом случае он может быть активен. Другими словами, основой активности суда являются его обязанности, установленные законодателем как гарантия защиты публичных (государственных и общественных) интересов [1].

Достаточно интересной причиной активного поведения суда в теории называется менталитет определенной группы людей (населения города, народа, национальности и т.п.). Так, Д.Я. Малешин отмечал слабое развитие в России чувства индивидуализма и категории «я», что

часто становилось причиной пассивного поведения в том числе при отстаивании своей позиции в суде. В такой ситуации обеспечение гарантий, предусмотренных законом, возлагается на суд, что неминуемо ведет к расширению пределов его активного поведения [5]. Вместе с тем, по мнению О.В. Исаенковой и О.В. Бабарыкиной, в последние годы отмечаются положительные тенденции в данном направлении и изменившееся правовое мышление россиян становится все более заметным [4]. Последнее приводит нас к выводу о том, что с течением времени данная причина активного судейского усмотрения может полностью исчерпать себя.

Рассматривая принцип состязательности и равноправия сторон, хотелось бы выделить следующие преимущества:

1) в силу принципа состязательности, стороны принимают все усилия в сборе необходимых доказательств, ходатайствуют перед судом об истребовании доказательств, выражают свою правовую позицию. Приведенные обстоятельства осуществляются при непосредственной роли суда, который, оставаясь беспристрастным арбитром, создает в зале судебного заседания условия, способствующие реализации принципа состязательности;

2) в настоящее время законодательство уравнивает суд и стороны, в связи с чем все участники судопроизводства принимают активную роль в разрешении правосудия, а также установлении фактических обстоятельств дела. Так, существует определенная взаимосвязь между участниками судопроизводства и судом, имеющая конечную цель – разрешение правосудия. Стороны принимают активные действия по сбору доказательств, представлению правовой позиции, тогда как суд опрашивает стороны, принимает или опровергает представленные доказательства, предлагает сторонам совершить определенные процессуальные действия, дает анализ каждой правовой позиции;

3) к преимуществам состязательности при непосредственной роли суда можно также отнести отказ от объективной истины, при которой бремя доказывания лежало на суде. Так, принятие отказа от данной нормы уменьшил нагрузку судов, связанную с самостоятельным сбором доказательств, а также доказыванием принадлежности данных доказательств.

К недостаткам состязательности при непосредственной роли суда можно отнести следующее:

1) злоупотребление сторонами своих интересов, которые нередко приводят суд в заблуждение, посредством вынесения неправомерного решения. Кроме того, данное злоупотребление может способствовать затягиванию процесса.

Под злоупотреблением правом может пониматься:

- недобросовестное использование предусмотренных законом процессуальных прав;

- формально злоупотребление процессуальным правом выглядит как правомерное действие;

- предусмотренного перечнем законодательно закрепленного злоупотребления права не существует. В связи с чем виды злоупотребления правом «создаются» посредством судебной практики рассмотрения дел, в которой стороны систематически злоупотребляют правами;

2) к недостаткам состязательности также можно отнести сокрытие доказательств стороной по делу, необходимых для правильного рассмотрения и разрешения дела. Такое недобросовестное поведение может ввести суд в заблуждение, что в свою очередь может повлиять на ошибочно принятый судебный акт [7].

Поэтому реальное действие принципа состязательности возможно только в том случае, если закон содержит гарантии реализации всех остальных принципов гражданского процессуального права, результатом чего является качественная судебная защита субъективных прав.

В связи с этим считается целесообразным внести норму, согласно которой малообеспеченным семьям будет предлагаться бесплатная юридическая помощь лиц, имеющих высшее юридическое образование.

Таким образом, мы считаем необходимым ввести в гражданское процессуальное законодательство норму, в соответствии с которой лица, являющиеся участниками в кассационной инстанции, вправе в исключительных случаях предоставлять новые доказательства, которые по каким-либо причинам не могли быть преподнесены в суд первой и апелляционной инстанциях и которые в большей степени влияют на правильность вынесения судебного акта.

Что касается принципа равноправия сторон, согласно данному принципу в судебном процессе участникам предоставляются юридически равные возможности по охране и защите субъективных прав и законных интересов, равный объем прав и обязанностей. Однако на практике можно выявить ряд недочетов в реализации данного принципа.

Один из способов решения данной проблемы – это возможность дополнить ст. 129 ГПК РФ положением о том, что судья отменяет судебный приказ, если в установленный срок не поступили сведения о вручении судебного приказа должнику, либо, по крайней мере, увеличить этот срок.

В настоящее время в связи с масштабными изменениями гражданского процессуального законодательства, предложенными Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума от 03.10.2017 № 30 «О внесении

в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», сохранение принципа состязательности и принципа равноправия сторон в том виде, в котором они находятся сейчас, представляется крайне сложным, учитывая ответственность и масштаб изменения.

Одним из таких инструментов, поэтапно внедряющимся в гражданское судопроизводство, являются информационные технологии. Внедрение информационных технологий, формируя новую среду оперативного и надежного взаимодействия суда и участников процесса, обеспечивает расширение возможностей получения судебной защиты, тем самым позволит вывести принцип состязательности на новый уровень.

Список литературы

1. *Алексеев А.А.* Предпосылки активного поведения суда в отечественном гражданском процессе // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 40–42.
2. *Афанасьев С.Ф.* Проблема истины в гражданском судопроизводстве. Саратов, 1999. 216 с.
3. Гражданский процесс: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2006. 784 с.
4. *Исаенкова О.В., Бабарыкина О.В.* Влияние российского менталитета на оценку доказательств в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 7. С. 15–17.
5. *Малешин Д.Я.* Суд в процессе исполнения судебных постановлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 23 с.
6. *Самсонов В.В.* Состязательность в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 27 с.
7. *Сергиенко И.Г.* Тенденция развития состязательного процесса при непосредственной роли суда // Евразийский научный журнал. 2017. № 6. С. 39–41.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.Е. Семенова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В работе рассматриваются наиболее актуальные в теоретическом и практическом отношении вопросы судебного представительства в порядке гражданского судопроизводства. Раскрывается правовая природа судебного представительства и его виды; определяется место представителя среди других участников гражданского процесса; выявляются недостатки правового регулирования, связанные с участием адвоката.

Ключевые слова: представительство в суде; судебное представительство; участники гражданского процесса.

Гражданский и арбитражный процесс Российской Федерации в силу ряда объективных причин являются одними из наиболее динамично развивающихся отраслей отечественного права. Данное положение обуславливается темпом изменений всего современного российского общества, вследствие чего отрасли, призванные урегулировать процессы рассмотрения и разрешения судом различных правовых конфликтов путем отправления правосудия, просто не могут оставаться в неизменном, статичном состоянии.

Адаптация норм процессуального законодательства к постоянно возрастающим потребностям общества реализуется различными способами, но наиболее эффективным из них был и остается способ своевременного внесения необходимых изменений в правовые нормы. Судебное представительство, являясь одним из правовых институтов отечественного процессуального права, также требует внесения своевременных, конструктивных изменений в регламентирующие его нормы [2].

Верховным Судом РФ был предложен к рассмотрению проект федерального закона, направленного на модернизацию процессуального законодательства. Эксперты уже назвали документ «процессуальной революцией»: настолько серьезные изменения предлагается внести в процедуры рассмотрения споров.

Законодатель поясняет такое судебное реформирование необходимостью повысить защищенность сторон, которые нередко становятся жертвами недобросовестных представителей, а также существенно

снизить нагрузку на суды, упростить и ускорить судебное разбирательство. На наш взгляд, установление обязательного юридического образования для представителя в ГПК РФ ограничивает предусмотренное ч. 2 ст. 45 Конституции право граждан защищать свои права и свободы всеми способами, которые не запрещены законом, и установленное в ст. 46 Конституции право на судебную защиту.

Кроме того, не все граждане могут позволить себе заплатить юристам, хотя некоторые и могут получить поддержку согласно Федеральному закону «О бесплатной юридической помощи» [1].

Такая юридическая монополия – это шаг к адвокатской монополии. Гражданам, безусловно, нужна помощь квалифицированных юристов, но высшее юридическое образование – это еще не гарантия правовой грамотности, поэтому, возможно, стоит подумать о других способах проверки профессионализма.

С точки зрения некоторых правоведов, наделение адвокатуры исключительным правом на представительство по гражданским делам ввергает российское юридическое сообщество в «феодальную эпоху» [5].

Так, по мнению кандидата юридических наук, адвоката Романа Мельниченко: «Анализ современного состояния российской адвокатуры дает нам основание утверждать, что адвокатская корпорация находится на феодальном этапе своего развития». Представители таких сообществ стремятся лоббистскими методами ограничить конкуренцию с более прогрессивными капиталистическими юридическими компаниями.

В пояснительной записке говорится, что текущий проект разработан в целях обеспечения реализации прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи. Тем не менее в настоящее время наблюдается постепенное отдаление института представительства от оказания квалифицированной юридической помощи, что требует специального процессуального регулирования. Применение норм по оказанию квалифицированной юридической помощи в рамках представительства будет вынуждать граждан обращаться только к услугам адвоката, которые в большинстве случаев платные, либо граждане вынуждены будут участвовать сами. По мнению А.Ф. Воронова: «Институт представительства не будет являться гарантией правильного разрешения дела, а введение обязательного участия представителя может ограничить доступ к правосудию».

Кроме того, само понятие «квалифицированная юридическая помощь» нуждается в самостоятельном исследовании, так как оно сведено к формальным критериям. Например, такой критерий, как высшее

юридическое образование, не будет являться гарантией того, что обладатель такого образования будет квалифицирован [3].

Согласно А.Л. Миронову: «Необходимо отказаться от сужения круга лиц, имеющих право оказывать квалифицированную юридическую помощь» [6]. Это приведет к отрицательным последствиям. Помимо прочего необходимо предусмотреть ответственность за оказание неквалифицированной юридической помощи.

Большинство авторов высказывают мнение о необходимости принятия закона о квалифицированной юридической помощи. В настоящее время часто употребляется словосочетание «бесплатная юридическая помощь», и тем самым такой признак, как «квалифицированная», выпадает. Закон о квалифицированной юридической помощи должен, прежде всего, четко определить самостоятельное процессуальное положение лиц, которые будут оказывать квалифицированную юридическую помощь. В этом случае институт представительства будет обеспечивать те задачи, ради которых он и был основан, а наряду с ним будут участвовать лица, которых можно отнести к субъектам, содействующим осуществлению правосудия. К ним и нужно применять критерий «квалификация» [7].

Также вариант разработки специальных образовательных курсов для лиц, желающих оказывать на профессиональной основе судебно-представительскую деятельность, представляется более целесообразным. Исследование особенностей судебно-представительской деятельности в различных аспектах, последующая сдача квалификационных экзаменов в большей степени способствуют достижению необходимой квалификации в области процессуального права, нежели наличие диплома о юридическом образовании.

Сдав квалификационный экзамен, экзаменуемый получал бы право осуществлять профессиональную судебно-представительскую деятельность, подтверждением чего служило бы соответствующее свидетельство, выданное, например, Министерством юстиции Российской Федерации или Росреестром (выдача свидетельств данными органами позволит организовать учет соответствующих лиц). Кроме того, в целях поддержания постоянно высокого уровня профессиональной подготовки судебных (процессуальных) представителей – физических лиц также предполагается и последующая систематическая перееаттестация (например, каждые 5 лет) [2].

Таким образом, сам по себе факт наличия юридического образования не гарантирует оказания качественных услуг. Законопроект предъявляет требование лишь к наличию диплома. При этом в нем отсутствуют требования к опыту юриста, нет ответственности за оказание

неквалифицированной правовой помощи, нет организации, которая бы обеспечила соответствие представителей определенным стандартам и наличие квалификации. С одной стороны, профессиональный юрист может лучше защитить интересы граждан в противостоянии с госорганами, с другой – сужение круга возможных представителей ограничивает право на защиту и на доступ к правосудию, особенно для малообеспеченного населения.

На основании вышеизложенных положений можем делать следующие выводы.

Представитель осуществляет процессуальные права и обязанности представляемого им лица (истца, ответчика, третьего лица), а сам наделен полномочиями, выраженными в доверенности или признаваемыми за представителем в силу закона. Таким образом, представитель, безусловно, является участником гражданского процесса, который наделен определенными полномочиями.

Большое значение представляет вопрос, касающийся порядка оформления полномочий представителя в гражданском процессе, поскольку отсутствие надлежащим образом оформленных полномочий препятствует допуску представителя в процесс.

Проблемные аспекты, связанные с участием адвоката в процессе и с внесением изменений в ГПК РФ, свидетельствуют о том, что модернизация института представительства в гражданском процессе невозможна без пересмотра отдельных положений гл. 5 ГПК РФ. В первую очередь, по нашему мнению, необходимо установление процессуальных гарантий реализации положений ст. 48 Конституции РФ о праве на квалифицированную юридическую помощь. Реализация сделанных в данной работе выводов и предложений, по нашему мнению, позволит быть законодательству о судебном представительстве более совершенным.

Список литературы

1. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 324–ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 4, ст. 6725.
2. *Богомолов М.В.* Институт судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 202 с.
3. *Брежнева Н.А., Тулина Н.М.* Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (20–23 мая 2015 г.). Казань, 2015. С. 77–79.
4. *Владимирова И.А.* Особенности гражданско-правового регулирования оказания услуг адвокатом: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

5. *Городецкая А.С.* Проблема обязательного участия адвоката в гражданском процессе // *Аллея науки.* 2017. № 16. Т. 4. С. 223–227.
6. *Мионов А.Л.* Реализация конституционного права человека и гражданина на получение квалифицированной юридической помощи при осуществлении правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.
7. *Туманова Л.В.* Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2010. № 3. С. 29–34.

ИНСТИТУТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛАСТИ НАРОДА: ВЫБОРЫ И РЕФЕРЕНДУМ

Т.А. Слепцова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В настоящее время народовластие является одним из принципов конституционного строя Российской Федерации и составляет его сердцевину. Существующая система законодательства, которая закрепляет механизмы народовластия, находится на стадии становления, обусловленная совокупностью социальных, политических и юридико-технических факторов. Среди которых можно обозначить такие, как уровень доверия граждан к власти вообще и к институтам прямой и представительной демократии в частности; электорально-правовая культура граждан.

Ключевые слова: народовластие; выборы; референдум; принципы конституционного строя.

Конституция РФ закрепляет две формы осуществления народом своей власти: непосредственное и представительное волеизъявление. Единство, взаимосвязь и функционирование этих форм составляют политическую систему общественного строя.

Под непосредственным народовластием понимают «прямое волеизъявление особого круга субъектов по решению вопросов государственной и общественной жизни, коррекции осуществления властных функций органами власти, сопоставление воли народа с их деятельностью» [4].

В свою очередь, формы непосредственного народовластия представляют собой «способы и средства непосредственного осуществления власти народом или его частью, коррекции осуществления властных функций органами власти, сопоставление воли народа с деятельностью властных органов» [4].

В литературе неоднократно исследовался вопрос о формах непосредственной демократии. Следует отметить, что классификация возможна как каждой конкретной формы, так и всех форм.

В зависимости от степени обязательности выраженной воли населения принято различать императивные и консультативные формы непосредственной демократии. Возможно деление институтов непосредственной демократии в зависимости от уровня местного самоуправления.

В основании следующей классификации, предложенной В.В. Комаровой, предлагается рассматривать императивную, консультативную и регулятивную функции, соответственно которой существует закрепленный механизм реализации, учета волеизъявления [4].

По территории использования формы непосредственного народовластия подразделяются: на федеральный, уровень субъекта Федерации, уровень муниципального образования.

Референдум и выборы являются ключевыми институтами непосредственной демократии.

Референдум – это всенародное голосование граждан РФ по вопросам государственного значения. Он проводится на основе всеобщего равного прямого и свободного волеизъявления граждан РФ при тайном голосовании. Законодательство предусматривает референдум РФ, субъектов Федерации и местный. Принятое решение является общеобязательным и не нуждается в дополнительном утверждении. В соответствии с ФКЗ «О референдуме», референдум «не может быть использован в целях принятия решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, а также в целях ограничения, отмены или умаления общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, конституционных гарантий реализации таких прав и свобод».

Вопросы, выносимые на референдум Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ, ограничивать или отменять общепризнанные права и свободы человека и гражданина и конституционные гарантии их реализации.

Референдум назначает Президент РФ по инициативе:

- не менее чем двух миллионов граждан РФ, имеющих право на участие в референдуме, – при условии, что на территории одного субъекта РФ или в совокупности за пределами территории РФ находится место жительства не более 50 тысяч из них;
- Конституционного Собрания в случае, когда оно выносит на всенародное голосование проект новой Конституции;
- федеральных органов государственной власти.

Механизм реализации инициативы граждан по проведению референдума состоит из нескольких стадий: инициирование, назначение, подготовка, проведение референдума и заключительной является стадия реализации решения референдума.

По способу проведения референдумы бывают обязательные и факультативные. По обязательности решения, принятого на референдуме – консультативный и императивный референдум. Классификация референдумов по времени проведения предполагает дозакондательные и послезакондательные референдумы.

В Российской Федерации существуют сходные с референдумом формы народовластия, такие как плебисцит и голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования. Вопрос составляет соотношение данных институтов и референдума, так как многие авторы ошибочно называют их тождественными.

Есть авторы, которые не считают плебисцит формой непосредственного народовластия, полагая, что «при плебисците народ не осуществляет власть, а всего лишь отвечает на тот или иной вопрос, предложенный ему институтом власти». Действительно, следует согласиться с тем, что «прямая демократия действует в отношении решений по ключевым вопросам, а не в отношении отдельных личностей», кроме того, «прямая демократия наделяет граждан властью, а ее процедуры направлены на разделение властных полномочий». Это означает, что определенное количество граждан может инициировать процедуру прямой демократии независимо от желания исполнительной или законодательной власти. Напротив, плебисциты, т.е. процедуры общенародного голосования, могут быть инициированы не гражданами, а исключительно властными институтами, не имеют отношения к прямой демократии [6].

Следует обратить внимание на то, что в юридической науке не совсем однозначно отношение к референдуму. Так, с одной стороны, «непосредственное осуществление власти народом придает и наибольший авторитет решениям, принимаемым на референдуме» [2]. При этом решение важнейших вопросов на референдуме является окончательным и роль органов государственной власти ограничивается подготовкой и участием в процедуре предварительного одобрения проекта, выносимого на референдум.

Однако, с другой стороны, существуют сомнения в целесообразности применения референдума для решения сложных вопросов государственного значения.

Наряду с референдумом высшим непосредственным выражением власти народа являются выборы.

Выборы, как способ формирования коллективных органов власти, известны с древнейших времен и являются внутренне противоречивым институтом, так как в политике процедура выборов используется не только в условиях демократии, но и в авторитарных и тоталитарных режимах, где сама возможность выбора ограничена или отсутствует вообще. Роль выборов может быть неодинаковой не только в разных странах, но и в различные периоды истории одной и той же страны.

В демократических государствах выборы являются одним из основополагающих конституционно-правовых институтов, который включает в себя совокупность правовых норм, регламентирующих весь избирательный процесс – от признания за гражданином права голосовать до объявления официальных итогов выборов и права их оспаривания в судебном порядке.

Основополагающая роль выборов в демократическом государстве заключается в следующем: во-первых, выборы выступают правовой формой реализации государствообразующим народом своего суверенитета, т.е. верховенства его воли в решении такого важного вопроса общегосударственного значения, как вопрос о том, кто конкретно и какие политические силы будут представлять и осуществлять его интересы в органах общефедерального и регионального представительства, во-вторых, в процессе организации и проведения выборов реализуется политическое право граждан на участие в управлении делами государства, в-третьих, выборы служат средством и способом отбора в государственные органы «лучших людей страны».

Понятие выборов содержится в п. 9 ст. 2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которой «выборы – форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица».

Из данного определения можно выделить три признака выборов: выборы – это форма прямого волеизъявления граждан; выборы проводятся в целях формирования органа государственной власти, органа местного самоуправления или наделения полномочиями их должностных лиц; выборы проводятся на определенной правовой основе [5].

Классификацию выборов в России можно осуществить по следующим критериям: в зависимости от территории, от формируемого органа, от способа волеизъявления избирателей, от срока проведения, от масштаба.

Так, в зависимости от территории, действующее законодательство предусматривает существование двух разновидностей выборов: во-первых, выборов органов государственной власти или наделения полномочиями их должностных лиц и, во-вторых, выборов органов местного самоуправления или наделения полномочиями их должностных лиц [3].

Вместе с тем многие российские ученые, исходя из анализа норм избирательного законодательства, расширяют круг принципов избирательного права и избирательной системы. Так, С.А. Авакьян, кроме вышеназванных принципов, выделяет: принцип сочетания мажоритарной и пропорциональной избирательных систем при выборах депутатов; принцип состязательности; принцип сочетания государственного финансирования избирательной кампании с возможностями использования негосударственных средств; принцип проведения выборов избирательными комиссиями [1].

Перечисленные принципы пассивного избирательного права можно подразделить на конституционные и иные. К конституционным принципам пассивного избирательного права относятся: всеобщее, равное, прямое избирательное право, тайное голосование, свобода участия в выборах, добровольность. Иными можно считать принципы пассивного избирательного права, закрепленные нормами федерального законодательства. В их числе: обязательность; периодичность выборов; альтернативность (состязательность); гласность и открытость выборов.

Следует заметить, что в настоящее время остается открытым ряд вопросов конституционности некоторых принципов избирательного права.

Так, наличие в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ только двух ограничений избирательных прав (признанная судом недееспособность и содержание в местах лишения свободы по приговору суда) вызывает определенные споры о возможности установления дополнительных ограничений федеральным законом. Вместе с тем такое регулирование представляется не только возможным, но и необходимым на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в целях защиты конституционно значимых ценностей при условии обеспечения соразмерности накладываемых ограничений целям защиты публичных интересов государства, что подтверждено правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

Так, п. 3.2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» к основаниям для ограничения пассивного избирательного права относятся установленные факты совершения правонарушений, отличающихся особой опасностью причиненных ими последствий для публичных интересов общества и государства. Однако ограничение пассивного права в связи с совершенными правонарушениями вызывает вопросы по отношению к перечню и четкости законодательных формулировок.

Обязательным элементом эффективности данного механизма является качественная и своевременная проверка сведений о судимостях гражданина, выдвинутого в качестве кандидата. В связи с этим правовое регулирование в этой части требует определенной доработки. Так, согласно п. 6 ст. 33 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» установлено полномочие избирательных комиссий по проверке представленных кандидатами сведений, вместе с тем кандидатом представляются лишь сведения о неснятой и непогашенной судимости. Необходимость проверки информации о наличии погашенных и снятых судимостей должна быть также законодательно закреплена. Вместе с тем представляется обоснованным, что ограничением для избрания должно стать не только наличие судимости за тяжкие и особо тяжкие судимости с учетом вышеуказанного срока, но также осуждение за преступления небольшой и средней тяжести в пределах срока погашения соответствующей судимости.

В то же время при осуществлении полномочий выборными лицами именно общественные и государственные интересы должны быть поставлены во главу угла, а совершение даже административных правонарушений может нанести существенный вред таким интересам в связи с негативными финансовыми и материальными последствиями. Таким образом, данный подход является вполне логичным для публичной сферы, где требуется осуществление полномочий в интересах самого государства, которое уже дало негативную оценку действиям (бездействию) гражданина.

Таким образом, выборы, являясь формой непосредственной демократии, одновременно выступают основополагающей формой реализации народом своего суверенитета, «воплощают в себе идею общей воли и призваны осуществлять политико-правовую связь государственной власти и общества, обеспечивая в нем политическую свободу граждан».

Несмотря на то, что выборы и референдум, как высшие формы выражения непосредственной власти народа, сходны по процедуре организации и проведения, необходимо учитывать, что выборы и референдум имеют различные юридические последствия, цели и основания.

Список литературы

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. пособие. М., 2007. Т. 2. С. 168–194.
2. *Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М., Анашкина Ю.Н.* Институты народовластия: проблемы влияния на публичную политическую власть // *Юридическая наука: история и современность.* 2016. № 3. С. 29–42.
3. *Гумашвили Л.Э.* К вопросу об основах статуса избирательных комиссий муниципальных образований // *Муниципальная служба: правовые вопросы.* 2015. № 3. С. 3–6.
4. *Комарова В.В.* Формы непосредственной демократии в России. М.: Проспект, 2011. 142 с.
5. *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм: монография. Избранные труды: в 7 т. М.: Проспект, 2011. Т. 7. 544 с.
6. *Сидоров С.С.* Осуществление избирательного права граждан как форма управления государством // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2014. № 10. С. 41–45.
7. *Тарабан Н.А.* Судебный конституционализм и российское избирательное право на современном этапе // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2016. № 1. С. 48–57.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОЦЕДУРА ГОЛОСОВАНИЯ

Т.А. Слепцова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В соответствии с Конституцией Российской Федерации референдум и свободные выборы являются высшим непосредственным выражением власти народа. Вместе с тем законодательство, регламентирующее процесс выборов в нижнюю палату Федерального Собрания, характеризуется крайней нестабильностью и непоследовательностью. В современной истории России неоднократно менялась система и процедура выборов в Государственную Думу.

Ключевые слова: голосование; процедура голосования; непосредственная демократия в России; конституционно-правовое регулирование выборов; выборы депутатов.

Поскольку голосование является тайным, гражданам должны быть обеспечены условия для тайного голосования. Поэтому в помещении для голосования должен быть зал, в котором размещаются кабины или иные специально оборудованные места для тайного голосования, оснащенные системой освещения и снабженные письменными принадлежностями (за исключением карандашей).

В помещении для голосования либо непосредственно перед ним участковая избирательная комиссия оборудует информационный стенд (информационные стенды), на котором (на которых) размещает информацию обо всех федеральных списках кандидатов, внесенных в избирательный бюллетень, и о выдвинувших их политических партиях, а также о депутатах-самовыдвиженцах.

Кроме того, на информационном стенде должны быть размещены выдержки из Уголовного кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях, касающиеся ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах.

Материалы, размещенные на стенде, не должны содержать признаки предвыборной агитации. Указанные материалы размещаются участковой избирательной комиссией таким образом, чтобы избиратели свободно могли с ними ознакомиться.

В помещении для голосования должны находиться федеральные списки кандидатов, зарегистрированные Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, а также увеличенные формы протоколов участковой избирательной комиссии об итогах голосования, предназначенные для занесения в них данных об итогах голосования по мере их установления.

В помещении для голосования размещаются стационарные ящики для голосования, изготовленные из прозрачного или полупрозрачного материала в соответствии с нормативами технологического оборудования, утвержденными Центральной избирательной комиссией Российской Федерации [1]. В качестве стационарных ящиков для голосования могут использоваться также технические средства подсчета голосов, в том числе программно-технические комплексы для обработки избирательных бюллетеней. Для голосования также могут использоваться комплексы для электронного голосования. Технические средства подсчета голосов, комплексы для электронного голосования ис-

пользуются в порядке, установленном Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», и в соответствии с инструкцией, утверждаемой Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

В помещениях для голосования могут применяться средства видеонаблюдения и трансляции изображения. Изображение, полученное в помещении для голосования в результате применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения, транслируется в сети «Интернет». Установку в помещениях для голосования средств видеонаблюдения и трансляции изображения, а также трансляцию изображения в сети «Интернет» организует и обеспечивает Роскомнадзор РФ. Порядок применения в помещениях для голосования средств видеонаблюдения и трансляции, а также трансляции изображения в сети «Интернет» устанавливается Центральной избирательной комиссией Российской Федерации по согласованию с указанным федеральным органом исполнительной власти [2].

Порядок изготовления и доставки избирательных бюллетеней, а также порядок осуществления контроля за их изготовлением и доставкой утверждается Центральной избирательной комиссией Российской Федерации не позднее чем за 45 дней до дня голосования [3].

Во избежание подделок бюллетеней, при их изготовлении применяются различные технологии защиты (водяные знаки, марки, микрошрифты и т.д.).

Избирательные бюллетени для голосования по единому федеральному округу и по одномандатным избирательным округам должны различаться по форме.

В избирательном бюллетене для голосования по федеральному избирательному округу в порядке, определяемом жеребьевкой, помещаются наименования политических партий, зарегистрировавших федеральные списки кандидатов, а также эмблемы этих политических партий в одноцветном исполнении. Жеребьевку проводит Центральная избирательная комиссия Российской Федерации с участием уполномоченных представителей политических партий не позднее чем за 30 дней до дня голосования [4].

По общему правилу избирательные бюллетени печатаются на русском языке, однако, в данном случае, для республик установлены определенные привилегии. Текст избирательных бюллетеней в этом случае утверждается избирательной комиссией субъекта Российской Федерации не позднее чем за 22 дня до дня голосования.

Количество избирательных бюллетеней для голосования по федеральному избирательному округу и одномандатным избирательным округам, в том числе по субъектам Российской Федерации, определяется решением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации не позднее чем за 24 дня до дня голосования. Изготовленные полиграфической организацией избирательные бюллетени передаются по акту членам избирательной комиссии, осуществившей закупку избирательных бюллетеней. В этом акте указываются дата и время его составления, а также количество передаваемых избирательных бюллетеней.

Ответственность за передачу и сохранность избирательных бюллетеней несут председатели избирательных комиссий, осуществляющих передачу, получение и хранение избирательных бюллетеней.

В участковые избирательные комиссии, сформированные на избирательных участках, образованных за пределами территории Российской Федерации, избирательные бюллетени могут передаваться непосредственно избирательной комиссией, осуществившей их закупку, в порядке, установленном Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, и в определенном ею количестве [4].

В случае выбытия отдельных зарегистрированных кандидатов, фамилии, имена и отчества которых указаны в избирательном бюллетене, отмены или аннулирования регистрации федерального списка кандидатов после изготовления избирательных бюллетеней территориальные и участковые избирательные комиссии по указанию Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, соответствующей окружной избирательной комиссии вычеркивают в избирательных бюллетенях сведения о таких кандидатах, политических партиях, выдвинувших такие федеральные списки кандидатов.

В день голосования после окончания времени голосования неиспользованные избирательные бюллетени, находящиеся в территориальной избирательной комиссии, подсчитываются и погашаются, о чем соответствующей территориальной избирательной комиссией составляется акт. При погашении избирательных бюллетеней вправе присутствовать наблюдатели. Эти бюллетени хранятся секретарем данной избирательной комиссии в опечатанном виде вместе с другими документами данной избирательной комиссии.

Открепительное удостоверение является документом строгой отчетности. По аналогии с избирательными бюллетенями, при изготовлении открепительных удостоверений используются различные технологии их защиты: водяные знаки, микрошрифт, защитная сетка и др.

Передача открепительных удостоверений вышестоящей избирательной комиссией нижестоящим избирательным комиссиям осуществляется на основании решения вышестоящей избирательной комиссии о распределении открепительных удостоверений между нижестоящими избирательными комиссиями.

Ответственность за передачу и сохранность открепительных удостоверений несут председатели избирательных комиссий, осуществляющих передачу, получение и хранение открепительных удостоверений.

Открепительное удостоверение выдается соответствующей избирательной комиссией на основании письменного заявления избирателя с указанием причины, по которой ему требуется открепительное удостоверение. Открепительное удостоверение выдается лично избирателю либо его представителю на основании нотариально удостоверенной доверенности. Доверенность может быть удостоверена также иными должностными лицами.

О дне, времени и месте голосования территориальные и участковые избирательные комиссии обязаны оповестить избирателей через средства массовой информации или иным способом не позднее чем за 10 дней до дня голосования, а при проведении досрочного голосования – не позднее чем за 5 дней до дня досрочного голосования [5].

В некоторых случаях избирательная комиссия вправе объявить голосование законченным ранее 20 часов по местному времени, в частности при голосовании в воинских частях, в труднодоступных или отдаленных местностях, на судах, которые будут находиться в день голосования в плавании, на полярных станциях, при условии, если проголосовали все избиратели, включенные в списки.

Каждый избиратель голосует лично. Голосование за других избирателей не допускается. Избирательные бюллетени заполняются в кабине или ином специально оборудованном месте для тайного голосования, где присутствие других лиц недопустимо.

Председатель участковой избирательной комиссии следит за порядком в помещении для голосования. Распоряжения председателя участковой избирательной комиссии, отданные в пределах его компетенции, обязательны для всех присутствующих в помещении для голосования. В отсутствие председателя участковой избирательной комиссии его полномочия исполняет заместитель председателя участковой избирательной комиссии, а в отсутствие заместителя председателя участковой избирательной комиссии – секретарь или иной член участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса, уполномоченный ею.

При проведении голосования, подсчете голосов избирателей и составлении протокола участковой избирательной комиссии об итогах голосования в помещении для голосования, в помещении участковой избирательной комиссии вправе находиться наблюдатели, которые вправе осуществлять наблюдение как непрерывно, так и в свободно выбираемые ими промежутки времени в течение всего периода наблюдения, им обеспечивается свободный доступ в помещение (помещение), где проводятся голосование и подсчет голосов избирателей. Список лиц, осуществлявших наблюдение за ходом голосования и подсчетом голосов избирателей, составляется участковой избирательной комиссией на основе представленных данными лицами документов.

В случае нарушения законодательства и установления такого факта в судебном порядке, член участковой избирательной комиссии немедленно отстраняется от участия в ее работе, а наблюдатель и иные лица удаляются из помещения для голосования. Исполнение судебного решения обеспечивают правоохранительные органы, они же обеспечивают безопасность граждан и общественный порядок в помещении для голосования и на территории избирательного участка.

Закон устанавливает запрет политическим партиям, кандидатам, их доверенным лицам, а также иным лицам и организациям, связанным с партиями и организациями, совершать любые действия, направленные на обеспечение доставки избирателей для участия в голосовании.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ, «впредь до внесения в избирательное законодательство надлежащих изменений избирателям, которые в день голосования будут отсутствовать по месту своего жительства и не смогут прибыть в помещение для голосования на избирательном участке, на котором они включены в список избирателей, по такой уважительной причине, как отпуск, командировка, режим трудовой и учебной деятельности, выполнение государственных и общественных обязанностей, состояние здоровья, должна быть предоставлена возможность проголосовать досрочно в порядке, аналогичном установленному п. 2–9 ст. 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [6].

Избирательные комиссии субъектов Российской Федерации вправе разрешить провести досрочно (но не ранее чем за 20 дней до дня голосования) голосование всех избирателей на одном или нескольких избирательных участках, образованных в труднодоступных или отдаленных местностях, на судах, которые будут находиться в день голосования в плавании, на полярных станциях. Избиратель заполняет

избирательные бюллетени и опускает их в переносной ящик для голосования.

О проведении досрочного голосования составляется акт, в котором указываются дата и время голосования, число избирателей, получивших избирательные бюллетени для участия в досрочном голосовании, фамилии членов избирательной комиссии, иных лиц, присутствовавших при голосовании. Указанный акт хранится вместе с переносным ящиком для голосования.

С момента окончания досрочного голосования прорези для избирательных бюллетеней в переносных ящиках для голосования опечатываются председателем участковой избирательной комиссии. Хранение переносных ящиков для голосования обеспечивается секретарем участковой избирательной комиссии. При проведении досрочного голосования вправе присутствовать наблюдатели.

Участковая избирательная комиссия обязана обеспечить возможность участия в голосовании избирателям, которые имеют право быть включенными или включены в список избирателей на данном избирательном участке, но не могут по уважительным причинам (по состоянию здоровья, инвалидности) самостоятельно прибыть в помещение для голосования. Участковая избирательная комиссия также обеспечивает возможность участия в голосовании избирателям, которые включены в список избирателей на данном избирательном участке и находятся в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Максимальное количество используемых в день голосования переносных ящиков для голосования вне помещения для голосования на одном избирательном участке в зависимости от числа избирателей, зарегистрированных на территории избирательного участка, составляет:

- 1) до 501 избирателя – 1 переносной ящик для голосования;
- 2) от 501 до 1001 избирателя – 2 переносных ящика для голосования;
- 3) более 1000 избирателей – 3 переносных ящика для голосования.

По окончании голосования с использованием каждого переносного ящика для голосования участковая избирательная комиссия составляет акт, в котором указываются количество избирательных бюллетеней по каждому избирательному округу, выданных членам участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса, проводившим голосование вне помещения для голосования, количество письменных заявлений избирателей о предоставлении им возможности проголосовать вне помещения для голосования, количество выданных избирателям и возвращенных (неиспользованных, испорченных избирателями)

избирательных бюллетеней, а также сведения о членах участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса, проводивших голосование вне помещения для голосования, о членах участковой избирательной комиссии с правом совещательного голоса и наблюдателях, присутствовавших при проведении голосования вне помещения для голосования.

Список литературы

1. О нормативах технологического оборудования для участковых комиссий при проведении выборов, референдумов в Российской Федерации: постановление ЦИК России от 29.01.2014 № 214/1405-6 // Вестник ЦИК России. 2014. № 2.
2. О применении отдельных технологий видеонаблюдения и трансляции изображения, в том числе в сети Интернет, на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации: постановление ЦИК России от 31.08.2016 № 45/453-7 // Вестник ЦИК России. 2016. № 16.
3. О вопросах, связанных с изготовлением и доставкой избирательных бюллетеней для голосования на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва (вместе с «Порядком изготовления и доставки избирательных бюллетеней для голосования на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва»): постановление ЦИК России от 25.05.2016 № 8/72-7 // Вестник ЦИК России. 2016. № 10.
4. О Порядке проведения жеребьевки для определения порядка размещения наименований и эмблем политических партий в избирательном бюллетене для голосования по федеральному избирательному округу на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва: постановление ЦИК России от 08.08.2016 № 34/330-7 // Вестник Центризбиркома РФ. 2016. № 15.
5. О Рекомендациях по организации голосования на избирательных участках, образованных за пределами территории Российской Федерации, при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва: постановление ЦИК России от 14.07.2016 № 21/164-7 // Вестник ЦИК России. 2016. № 13.
6. Решение о дате, времени и месте проведения досрочного голосования отдельных групп избирателей, находящихся в значительно удаленных от помещения для голосования местах, транспортное сообщение с которыми отсутствует или затруднено, на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва (примерная форма) (Выписка из протокола заседания ЦИК России от 08.06.2016 № 10-3-7). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

КРИТЕРИИ ПРАВОМЕРНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЙ: ОСНОВАНИЯ, ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ

Т.Р. Сохин, магистрант, **В.В. Савельев**, канд. юрид. наук
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В современном мире развитие общественных процессов привело к появлению проблем свободы личности, обеспечения и признания свобод и прав гражданина и человека далеко за внутригосударственные рамки. Это привело к тому, что данные проблемы можно отнести к числу глобальных проблем, которые встречаются в современном обществе. Необходимо отметить большой разрыв между конституционными положениями, которые устанавливают уровень обладания личностью свободами и правами, и их реальным осуществлением. Именно поэтому является актуальным осмысление механизма гарантирования свобод и прав личности в теоретическом смысле, а также поиск путей, которые позволят наполнить их реальным содержанием.

Ключевые слова: права и свободы человека; правомерность ограничений; цели ограничений; принципы ограничений; правоприменение; реализация закона; правовой режим.

Часть 3 ст. 55 Основного Закона РФ предусматривает возможность ограничить права и свободы граждан и людей, но это возможно только в той мере, в которой это необходимо для обороны или безопасности государства. Это положение требует правильных мер, которые должны применяться лишь в той мере, в какой это оправдано ситуацией. Кроме того, основное условие и критерий – отсутствие несовместимости с обязательствами России, которыми она обладает на международной арене [1].

В России возможные ограничения свобод и прав гражданина и человека не могут повлечь (ни в коем случае) дискриминацию по таким признакам, как: цвет кожи, язык, раса, пол, социальное происхождения или религия. Кроме того, не предусматривается ограничение свобод и прав, которые перечислены в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ. Главным правом является право человека на жизнь, которое ни в коем случае не может быть ограничено, независимо от обстоятельств или иных факторов.

Научный совет Совета Безопасности России оценил имеющиеся проблемы личной безопасности и выяснил, что они являются одной из причин социально-политической ситуации в России. Помимо этого, было предложено рассматривать эти проблемы как основные составляющие политики возрождения в РФ [3].

В первую очередь при рассмотрении задач обеспечения законных интересов и свобод российских граждан необходимо обращать внимание на обеспечение правомерной реализации правоприменения и реализации закона в случае возникновения специальных правовых режимов. Это чаще всего происходит в ситуациях чрезвычайного характера, осложняющих нормальное и регулярное функционирование общества и государства, когда становится невозможным обеспечить функционирование всего механизма государства.

Как справедливо отмечает Н.А. Богданова, «...Конституции часто предусматривают возможность ограничения определенных прав и свобод в чрезвычайных обстоятельствах». Последние обычно называются агрессией иностранного государства, возникновением угроз жизни и безопасности населения, предпосылками захвата или присвоения власти, террористическими актами, различными межрелигиозными конфликтами, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера. Обычно в таких случаях все государства мира предусматривают введение специальных (аварийных) режимов работы государственного аппарата, а вместе с этим и учреждений, органов местного самоуправления, организаций и предприятий [2].

Мы проанализировали зарубежное законодательство, научную литературу по рассматриваемому вопросу и в итоге можем сделать вывод о том, что правовые режимы обычно имеют четкие исторические и социальные основания для их введения в том или ином государстве, а потому варьируется их перечень в разных государствах. В российском законодательстве также содержатся сущность особых правовых режимов и определенные исторические основания в оценке.

Если рассматривать Российскую империю или же советский период развития России, то говорить о четком разграничении понятий военного и чрезвычайного положения не представляется возможным. В литературе в качестве яркого примера исключительного режима чаще всего ссылаются на Указ от 22.06.1941 Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», в котором предусматривается широкий комплекс жестких ограничительных мер в отношении граждан [4].

Действующая Конституция Российской Федерации вводит четкие основания для введения военного положения и чрезвычайного положения, и эти ограничения были строго разграничены.

Если рассматривать ст. 87 и 88, то в них говорится о том, что военное положение может быть введено Президентом Российской Федерации на территории страны или в отдельных ее округах только в случае

угрозы национальной безопасности, в то время как чрезвычайное положение может быть введено Президентом Российской Федерации в силу внутренних причин, в случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом.

Относительно недавно (по историческим меркам существования нашего государства) были приняты федеральные конституционные законы о введении чрезвычайного и военного положения (от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»). Эти документы составляют сегодня правовую основу для реализации специальных правовых режимов государственного аппарата, органов местного самоуправления и учреждений.

При изучении пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина в нашей стране необходимо проанализировать международную практику вышеупомянутых специальных режимов. Дело в том, что в большинстве зарубежных стран такие режимы воспринимаются как правовые институты, закрепляющие чрезвычайный режим функционирования государственного аппарата, в ситуациях, отличных от стандартной государственной практики, когда нормальное функционирование общества и государства невозможно. Само собой разумеется, что осуществление режимов военного или чрезвычайного назначения неизбежно влечет за собой определенные ограничения прав и свобод человека и гражданина, причем эти ограничения могут быть жесткими, зачастую неоправданно жесткими [5].

Таким образом, учитывая вышеизложенные обстоятельства, мы считаем, что сегодня важным вопросом является достижение баланса целесообразности и разумной достаточности мер, применяемых в целях ограничения прав и свобод личности, и эти меры не должны противоречить существующим и признанным международным сообществом международным нормам и принципам международного права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. *Богданова Н.А.* Основные права человека в России: идея, ее конституционное отражение и практика реализации // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии. 2017. № 2. С. 78–82.
3. *Синцов Г.В.* Проблемы реализации конституционного права на судебную защиту в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 7. С. 49–54.

4. *Смирнова З.М.* Проблемы судебной защиты конституционных прав и свобод граждан в России // Вестник Майкопского гос. технолог. ун-та. 2014. № 3. С. 15–35.
5. *Шаганян А.М.* К вопросу о принципах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 3 (17). С. 20–25.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ И НОРМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Т.Р. Сохин, магистрант, **В.В. Савельев**, канд. юрид. наук
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Идея прав человека в современном мире стала очень популярной. Но, несмотря на это, идея прав человека не всегда имеет совпадающее содержательное наполнение, различным образом формализуется в теоретических построениях науки конституционного права и конституционно-правовом закреплении. Кроме того, она в правоприменении ведет себя не одинаково, это можно объяснить разными факторами, которые определяют порядок в обществе.

Ключевые слова: государство; права и свободы человека; ограничение прав; общественные объединения; правоприменитель; ответственность.

Человек может чувствовать свою защищенность только при условии, что государство поддерживает достаточный уровень обеспеченности общественного порядка и общественной безопасности [1]. Целесообразно сформулировать в качестве самостоятельного основания ликвидации общественного объединения грубое нарушение им законодательства Российской Федерации, носящее неустранимый характер. В таком случае правоприменитель будет уполномочен обратиться в суд с заявлением о ликвидации общественного объединения сразу, без предварительного вынесения каких-либо предупреждений или представлений. Российским законодательством не установлены признаки грубости нарушений законодательства, достаточные для осуществления принудительной ликвидации общественного объединения. При этом оценка нарушений закона в качестве грубых представляется наиболее затруднительной и неоднозначно решаемой в правоприменительной практике [3].

Срок, в течение которого общественное или религиозное объединение (иная организация) должно исполнить обозначенную выше обязанность, следует скорректировать. В частности, необходимо указать, что соответствующая обязанность исполняется общественным или религиозным объединением в разумный срок со дня, когда руководителем или членом руководящего органа такого объединения (организации) было сделано публичное заявление, призывающее к осуществлению экстремистской деятельности, или совершено действие экстремистского характера [4].

В отдельном предложении, включенном в самостоятельную правовую норму, должен быть определен порядок публичного выражения общественным или религиозным объединением (иной организацией) несогласия с высказываниями (другими словами, действиями) своего руководителя или члена своего руководящего органа в том случае, если в отношении такого лица вступил в законную силу приговор суда за преступление экстремистской направленности либо было вынесено уполномоченным должностным лицом постановление по делу об административном правонарушении экстремистской направленности (экстремистского характера). Срок исполнения соответствующим общественным или религиозным объединением (иной организацией) предусмотренной обязанности необходимо определить следующим образом: не позднее дня вступления в законную силу приговора за преступление экстремистской направленности или постановления по делу об административном правонарушении экстремистского характера.

Эффективность механизма защиты прав и свобод человека и гражданина во многом зависит от организации системы государственного управления. В данной связи заслуживают внимания предложения А.К. Гаджиева о необходимости унификации правовой основы функционирования общественных советов (палат) федеральных округов. Как полагает исследователь, речь должна идти, во-первых, о разработке на основе накопленного опыта единого акта, конкретно определяющего вопросы организации и деятельности общественных советов (палат) федеральных округов, обличенного в форму типового положения, утверждаемого распоряжением Администрации Президента Российской Федерации. Во-вторых, государственное управление является целенаправленным воздействием субъекта управления на объект управления, следовательно, цели и задачи государственного контроля, как элемента государственного управления, должны быть четко закреплены в законодательстве. В-третьих, важно установить принципы осуществления государственного контроля. В процессе правовой ре-

гламентации вышеуказанных принципов важно отказаться от их декларативности, необходимо уйти от привычной установки видеть в принципах только идеологическую составляющую. В-четвертых, особое значение должно быть уделено процедуре осуществления государственного контроля [3].

Одним из прав человека является право на объединение. Государство, устанавливая требования к деятельности общественных объединений, как представляется, влияет на механизм защиты прав и свобод человека и гражданина.

В п. 5 ч. 2 ст. 38 Федерального закона об общественных объединениях необходимо указать, что орган, который принимает решение о государственной регистрации общественных объединений, выносит руководящим органам данных объединений письменное предупреждение. Следовательно, следует отказаться от диспозитивно установленной возможности вынесения указанного предупреждения, обязав орган, принимающий решение о государственной регистрации общественных объединений, направлять руководящему органу общественного объединения письменное предупреждение в соответствующих случаях [6].

Требуется уточнить в ч. 1 ст. 42 исследуемого Федерального закона, что срок устранения нарушений, указываемый в представлении, не может составлять менее одного месяца. В ч. 2 ст. 42 Федерального закона об общественных объединениях следует указать, что в случае, если в установленный срок нарушения не устраняются, орган или должностное лицо, внесшие соответствующее представление, своим решением приостанавливает деятельность общественного объединения на срок до 6 месяцев. В настоящее время ч. 2 указанной статьи закрепляет, что соответствующий орган или должностное лицо вправе приостановить деятельность общественного объединения [2].

Государство обладает возможностью применять меры принуждения при наличии определенных оснований. Вместе с тем, как представляется, применение указанных мер должно носить строго правовую основу, свободы и права гражданина и человека при применении данных мер не должны нарушаться.

Однако нельзя не отметить, что существуют определенные проблемы, в частности, в сфере правового регулирования привлечения лиц, совершивших административное правонарушение к административной ответственности [5].

Особое значение в совершенствовании механизма защиты прав и свобод человека и гражданина имеет корректировка законодательства

в сфере государственно-служебных отношений, поскольку только эффективно функционирующая система органов государственной власти в лице ее должностных лиц способна реально обеспечить реализацию прав и свобод человека и гражданина.

Механизм реализации прав человека представляет собой комплексное явление, включающее как собственно средства защиты прав и свобод человека и гражданина, так и условия, способствующие их защите, которые, хотя и прямо не влияют на уровень реализации прав и свобод человека и гражданина, но опосредованно влияют на эффективность механизма защиты прав и свобод человека и гражданина.

Необходимо устранить противоречие, имеющееся в ФКЗ в виде ст. 5, говорящей о региональных уполномоченных, так как федеральные конституционные законы на основании ст. 76 и 108 Конституции России принимаются лишь по предметам ведения Российской Федерации и по вопросам, предусмотренным Конституцией. В то же время, согласно ст. 72 и 76 Конституции России, защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, поэтому регулирование деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте России не может осуществляться только законодательством субъектов. Следует принять так называемый «рамочный» федеральный закон, регулирующий деятельность региональных уполномоченных по правам человека.

Для повышения роли уполномоченных по правам человека в России Т.В. Колобова предлагает расширить права омбудсменов в Российской Федерации и гарантии их деятельности за счет правовой пропаганды деятельности уполномоченных с целью повышения осведомленности населения о данном институте, а также совершенствования законодательства об уполномоченных по правам человека в России. В частности, исследователь предлагает предусмотреть в ст. 46 ГПК РФ право уполномоченных по результатам рассмотрения жалобы обращаться в суд в целях защиты неопределенного круга лиц, создания общественных приемных уполномоченных по правам человека в административных центрах муниципальных образований [5].

В настоящее время активно обсуждается вопрос создания института финансового омбудсмена. Несмотря на то, что ведутся споры о целесообразности ведения данного института, все же в случае его введения необходимо детально регламентировать статус финансового уполномоченного по правам человека. В частности, как отмечает А.А. Диогенова, для создания эффективно функционирующего инсти-

туда финансового омбудсмана необходимо сделать обязательным присоединение всех банков и страховых компаний к системе разрешения споров под эгидой финансового омбудсмана, поскольку модель функционирования омбудсмана, основанная на добровольности и саморегулировании, в нашей стране недостаточно эффективна.

Таким образом, несмотря на то, что законодательство Российской Федерации в целом создает условия для реализации прав и свобод граждан, однако необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовых актов с целью создания более эффективного правозащитного механизма.

Список литературы

1. *Богданова Н.А.* Основные права человека в России: идея, ее конституционное отражение и практика реализации // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии. 2017. № 2. С. 78–82.
2. *Бойко Н.Н.* Значение конституционного права граждан на обращение в органы публичной власти // Свободы и права гражданина и человека в истории России. 2017. № 5. С. 133–140.
3. *Гасанов К.К., Стремоухов А.В.* Абсолютные права человека и ограничения прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 1 (252). С. 164–173.
4. *Казимирская Ю.Я., Опалева Л.А.* Правовые ограничения права на защиту чести и доброго имени публичных должностных лиц (сравнительно-правовой аспект) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 2 (40). С. 6–13.
5. *Кондрат И.Н.* Ограничение прав и свобод личности: принципы, основания, пределы // Законодательство. 2012. № 12. С. 62–69.
6. *Портнова Е.В.* Защита основных прав и свобод человека и гражданина посредством конституционного правосудия // Вопросы науки и образования. 2017. № 56. С. 430–435.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕТОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

И.У. Суярембитов, магистрант,

М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

Идея государственного служения имеет многовековой исторический опыт. Правители российского государства неоднократно пытались решить проблему бескорыстного и эффективного государственного управления. Но, видимо, эта проблема далека от идеального решения. Современная законодательная база нацелена на жесткое регулирование данного вопроса. Государство проводит целенаправленную политику на создание государственной гражданской службы в рамках правового государства, но пока это не удается сделать в максимальной реальности.

Ключевые слова: государственная служба; гражданская служба; запреты; служебные ограничения; взыскания; предупреждения; правонарушения.

В действующем законодательстве существует ряд ограничительных и запретительных норм, связанных с прохождением государственной гражданской службы. Однако вопросы привлечения к различным видам юридической ответственности за несоблюдение подобных правовых предписаний остаются за рамками научного внимания. Статистические данные за 2018 г. показывают, что регламентация административных запретов, возложенных на государственных гражданских служащих, не решает вопрос предупреждения подобного рода правонарушений.

Конституция Российской Федерации устанавливает: никто не обязан выполнять явно преступные распоряжения или приказы. Это означает, что норма о необходимости выполнения приказа и соответственно норма об ответственности за его неисполнение не действуют, если этот приказ – явно преступный.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [3].

Поскольку норма Конституции является нормой высокой и прямой юридической силы, то понятно, что отклонение от этой нормы будет незаконным. Однако эта норма не регулирует отношения в том случае, когда речь идет о неявно незаконных приказах, т.е. их регулирование следует искать в другом законодательстве.

Согласно уголовному праву выполнение неявно преступного приказа носит для должностного лица характер соучастия в совершении преступления, поскольку, даже если лицо сообщило непосредственному руководителю и доложило «высшему должностному лицу» или «старшему прямому начальнику» о незаконности, по его мнению, соответствующего распоряжения, ответственность за его выполнение придется нести в любом случае, ведь закон не освобождает ни от последствий полученного приказа или распоряжения, ни от последствий за его выполнение.

С другой стороны, невыполнение приказа влечет за собой дисциплинарное взыскание. А поскольку обращение в суд возможно лишь в случае наложения этого взыскания, то должностное лицо вынуждено ждать, будет ли оно на него наложено, тем самым находясь в состоянии неуверенности, что ни в коем случае не будет способствовать надлежащему выполнению служебных обязанностей [4].

Кроме того, потенциальное наложение взыскания будет бросать тень на должностное лицо до тех пор, пока соответствующее решение не примет суд, избежать этого можно только путем требования служебного расследования относительно несостоявшегося преступления. Это расследование опять же приведет к нарушению нормального осуществления должностным лицом своих функций и в конечном итоге (если государственный служащий ошибался) – может привести к неоправданному нарушению нормальной деятельности соответствующего органа.

Таким образом, у государственного гражданского служащего нет способа избежать потенциальной угрозы ответственности, он стоит перед равноценной альтернативой – или наказание от руководителя за невыполнение приказа, или – в случае исполнения – от государства за соучастие в преступлении.

Надо учитывать, что принцип неотвратимости наказания при нарушении запретов, связанных с государственной гражданской службой, должен занимать приоритетное положение для правоприменителя. Как справедливо заметил И.М. Красносельских [3], при росте показателей латентности правонарушений, связанных с неисполнением административного запрета, прямо пропорционально растет деликтность деяния из дисциплинарного в административное, а может даже и уголовное.

В современном законодательстве механизм реализации ответственности за совершение правонарушений, связанных с несоблюдением административных запретов госслужащих, реализуется преимущественно путем дисциплинарного производства. Указанный механизм не в полной мере позволяет решать задачи предупреждения подобных правонарушений.

Анализ свидетельствует, что законами предусмотрено выполнение государственным и муниципальным служащим поручений руководителей, предоставленных в пределах их полномочий, как обязанностей, обязательных к исполнению подчиненными государственными и муниципальными служащими [4]. Нами предлагается для обеспечения своевременного, полного и точного выполнения государственными служащими полученных поручений повышение ответственности руководителей и точного отнесения ответственности каждого должностного лица в пределах своей компетенции дополнить Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» и Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» следующим предложением: «Если должностное лицо, которое отдало поручение, подтвердит его правомерность, государственный и муниципальный служащий освобождается от ответственности за выполнение полученного поручения» [2].

В соответствующих нормативных актах по вопросам государственной гражданской службы должен быть установлен порядок обжалования неправомερных распоряжений и приказов.

Нормативный акт, определяющий правовой статус государственного служащего, должен установить обязанность не выполнять не только незаконные, но и преступные приказы и распоряжения.

Также необходимо внести изменения относительно проведения обязательного служебного расследования в отношении лиц, издающих приказы и распоряжения, за выполнение которых действующее законодательство предусматривает административную или уголовную ответственность, а также настаивающих на их выполнении.

Проведение служебного расследования по данному вопросу сможет объяснить причины незаконных действий лица, проверит его компетентность по выполнению своих обязанностей, а также позволит предупредить в будущем повторное издание незаконных приказов и распоряжений [6].

Проведенный анализ запретов и ограничений позволил выявить ряд направлений их совершенствования с целью применения в сфере государственной гражданской службы, сформулировать некоторые

выводы по совершенствованию института ограничения конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, проходящих государственную службу.

Что касается института ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, проходящих государственную службу, унификация и систематизация, полагаем, заключается в выработке целостного подхода к единым требованиям, принципам, правилам и процедурам в сфере их правового регулирования.

На результаты правового регулирования оказывает воздействие множество факторов, влияющих на правосознание и правопонимание, на формирование позитивного отношения к правовым нормам и содержащимся в них предписаниям и готовность их соблюдать. Информационная составляющая о механизме воздействия правовых ограничений, как юридических средств, может дать возможность более точного и полного их соблюдения.

Юридические средства имеют большую эффективность, если поддерживаются и дополняются так называемыми внеправовыми политическими, моральными, культурными, этическими и другими средствами. Влияние правоограничений будет возрастать, если предусматриваются ограничительные меры в обычаях и иных моральных и социальных нормах. Ведь действие ограничений прав и свобод граждан, проходящих государственную службу, в таких формах, как запрет, требование, обязанность, ответственность, связано с притеснением прав и свобод граждан, проходящих государственную службу, а следовательно, для строгого их соблюдения необходима движущая сила. Так, ограничения конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, проходящих государственную службу, будут восприниматься должным образом, когда нормы морали и делового этикета направлены на действия служащих в границах их закрепленных полномочий [5].

Нормы морали и нравственности, пересекающиеся с юридическими нормами, должны стать неотъемлемой составляющей нормативной базы механизма правового регулирования. Эти нормы могут быть направлены не только на выстраивание поведения государственного служащего, но и на применение к нему мер юридической ответственности.

В целом отметим, что правоограничения должны обеспечивать конкретность и стабильность складывающихся правоотношений и вместе с тем гарантировать защиту прав всех субъектов правоотношений, исполнение ими юридических обязанностей, обязательную процедуру

для реализации юридических действий, а также необходимые процессуальные формы и конструкции (механизмы), направленные на согласованность интересов всех участников правоотношений.

В связи этим сегодня перед российским законодателем стоит достаточно сложная задача в аспекте систематизации и совершенствования законодательства, регулирующего цели, принципы, основания, пределы ограничений прав и свобод граждан, проходящих государственную службу, а также юридическую ответственность государственных служащих.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (по сост. на 30.12.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Ведель Ж.* Административное право Франции. М.: Прогресс, 1973. 511 с.
3. *Канунникова Н.Г.* Теоретические аспекты административно-правовых запретов в органах внутренних дел (полиции) // Административное право и процесс. 2014. № 8. С. 4–8.
4. *Красносельских И.М.* Административное право, как способ влияния на профилактику преступлений // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 143–148.
5. *Павлинов А.В.* Институт «увольнения в связи с утратой доверия»: проблемы и перспективы законодательного закрепления и применения // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1. С. 16–18.
6. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.К. Бабаева [и др.]; под ред. В.К. Бабаева. М.: ЮРАЙТ, 2013. 715 с.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

И.У. Суярембитов, магистрант,

М.А. Кириллов, д-р юрид. наук, проф.

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Российского университета кооперации (г. Чебоксары)

Российской Федерацией на протяжении ряда лет осуществляется административная реформа и реформа государственной службы. Как следует из анализа программных документов, цели проводимых реформ направлены на создание эффективной системы государственного управления, создание административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции, также решение целого ряда социально-экономических проблем. Про-

водимые реформы должны были устранить имеющиеся серьезные недостатки в сфере управления, создать базу для дальнейшего социально-экономического развития страны, а также укрепить престиж государственной службы.

Ключевые слова: государственная служба; гражданская служба; ответственность государственных служащих; юридическая ответственность; уголовная ответственность; дисциплинарное взыскание.

В российском законодательстве отсутствует определение и разъяснение понятия «ответственность государственного гражданского служащего». В п. 3 ст. 15 Закона № 79-ФЗ указываются дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. Они считаются основными. Некоторые исследователи предлагают ввести еще один вид ответственности – конституционную (конституционно-правовую), но в отличие от названных выше норм она в четком виде не прописана в каких-либо правовых актах.

Основным видом ответственности госслужащего является дисциплинарная. Как правило, привлекает к дисциплинарной ответственности либо непосредственный, либо прямой руководитель. Приказ о привлечении к дисциплинарной ответственности оформляется на основании заключения служебной проверки.

Дисциплинарная ответственность – это применение мер воздействия в порядке служебной иерархии за совершение неправомерных служебных действий (бездействия) или ненадлежащее исполнение обязанностей, не преследуемые в уголовном порядке. Статьи 55 и 59.1 закона устанавливают следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии, увольнение по основаниям, установленным п. 2, подп. «а»–«г» п. 3, 5 и 6 ч. 1 ст. 37 и 59.2 Закона № 79-ФЗ. За каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание, порядок которого устанавливается ст. 58. Необходимо отметить, что увольнение в связи с утратой доверия не применяется при наличии обстоятельств, смягчающих дело (например, неосторожная форма вины), а также положительное поведение лица, в отношении которого ведется дисциплинарное производство.

До применения взыскания от служащего необходимо получить письменное объяснение. В случае отказа дать объяснение составляется акт. Непосредственно перед взысканием проводится служебная проверка (ст. 59), которая должна в срок не более одного месяца доложить результаты, в которых устанавливается факт проступка, вина госслу-

жащего, причины, характер и размер причиненного вреда, предложения о целесообразности применения дисциплинарного взыскания (в том числе с учетом результатов предшествующей работы), а также обстоятельств, которые послужили основанием заявления служащего о проведении проверки [3].

Проведение проверки должно быть поручено подразделению государственного органа по вопросам государственной службы и кадров с участием юридического (правового) подразделения и выборного профсоюзного органа. По основаниям ст. 59.1 и 59.2 решение о применении дисциплинарного взыскания принимается на основании доклада подразделения по противодействию коррупции и иных правонарушений или комиссии по урегулированию конфликтов интересов.

Взыскание накладывается непосредственно после обнаружения проступка, но не позднее одного месяца, в срок которого не включаются время отпуска, временной нетрудоспособности, других случаев отсутствия на службе по уважительным причинам, а также время проведения служебной проверки. В общей сложности (без учета периода производства по уголовному делу) взыскание не может применяться позднее шести месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка, а по результатам проверки финансово-хозяйственной деятельности или аудиторской проверки – позднее 2 лет.

Взыскания, предусмотренные ст. 59.1 и 59.2, применяются не позднее шести месяцев со дня получения информации о коррупционных фактах и не позднее трех лет со дня их совершения. Взыскание действует в течение одного года (за исключением увольнения), при условии, что служащий за это время не получил нового дисциплинарного взыскания или представитель нанимателя не снял его досрочно. Взыскание оформляется в виде акта, копия которого вручается под расписку служащему в течение пяти дней после его издания. После этого гражданский служащий может обжаловать взыскание в комиссии по служебным спорам или в суде. Специальный порядок процесса обжалования до сих пор законодательно не определен, поэтому на практике применяется ст. 193 ТК РФ [1].

Таким образом, в отношении государственных гражданских служащих применяются несколько иные правила дисциплинарного наказания, чем это предусмотрено Трудовым кодексом: в части видов (неполное служебное соответствие), процедуры (служебная проверка), форме наказания (составление акта). Об этом прямо указывает и Закон № 79-ФЗ.

Проблема с применением дисциплинарного взыскания возникает в том случае, если возможно применение такого взыскания, как увольнение в связи с утратой доверия. В ч. 1 ст. 59.2 Закона о госслужбе содержится перечень нарушений, за совершение которых гражданский служащий подлежит увольнению. В диспозиции данной статьи используется именно термин «подлежит» увольнению. С формально-юридической точки зрения можно сделать вывод о том, что при совершении гражданским служащим проступков, указанных в ч. 1 ст. 59.2 Закона о госслужбе, представитель нанимателя обязан уволить служащего вне зависимости от его собственного усмотрения. В противном случае сложно объяснить появление в ч. 1 ст. 59.2 формулировки, отличной от ст. 57 того же закона.

Кроме того, становится непонятным, как применять нормы законодательства об учете конкретных обстоятельств дела, которые были нами указаны выше. Например, при таком подходе теряется значение смягчающих и отягчающих обстоятельств. При том, что взыскание в виде замечания может быть применено к гражданскому служащему при малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения на основании рекомендации комиссии по урегулированию конфликтов интересов.

В отличие от дисциплинарных взысканий, административная ответственность служащих наступает по общим правилам, предусмотренным Кодексом об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

В качестве оснований ответственности выступают специальные составы административных правонарушений, а также нарушения санитарно-эпидемиологического, природоохранного, таможенного, земельного, налогового и иного законодательства, за которые государственный служащий может быть наказан в виде: предупреждения, административного штрафа, дисквалификации [2].

Гражданско-правовая ответственность государственного служащего выражается в обязанности возместить вред, причиненный имуществу государственного органа или третьего лица вследствие неисполнения либо ненадлежащего исполнения должностных обязанностей. Эта обязанность существует только в отношении государственного органа, если же вред причинен имуществу частного лица по вине государственного служащего при исполнении им должностных обязанностей, то согласно ст. 1069 ГК РФ, вред возмещается за счет казны федерального или регионального бюджета. Но не все исследователи

согласны с тем, что служащий может нести гражданско-правовую ответственность в связи с тем, что должником по возмещению вреда является публично-правовое образование, а не его кадровый состав [5].

Государственный служащий может нести и материальную ответственность. Она наступает в административном (ст. 4.7 КоАП РФ) или судебном порядке и выражается в возмещении служащим имущественного ущерба.

Уголовная ответственность распространяется на государственных гражданских служащих как на общих основаниях, так и в специальных случаях, прямо связанных с их должностным статусом.

В последнем случае эти нормы закреплены в гл. 30 УК РФ, кроме того, уголовное наказание предусмотрено в связи с отказом в предоставлении гражданину информации, затрагивающей его права и свободы (ст. 140 УК РФ), также в случае предоставления неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан; воспрепятствования профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ), проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ), законной предпринимательской деятельности и так далее.

Если данные правонарушения не подпадают под уголовную квалификацию, то за них может наступить ответственность административная.

Прямое отношение к уголовной ответственности имеет право занятия определенных должностей или заниматься определенной деятельностью, которое в соответствии со ст. 47 УК РФ на срок от одного года до пяти лет в качестве основного наказания и на срок от 6 месяцев до 3 лет в качестве дополнительного. В случаях, предусмотренных Особенной частью УК РФ, такое лишение права устанавливается на срок до 20 лет в качестве дополнительного вида наказания.

При осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления суд может лишить государственного служащего специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что «усиленная» юридическая ответственность государственных гражданских служащих по сравнению с обычными гражданами РФ оправдана в связи с их ролью в государственном управлении страной или субъектом РФ, а также компенсационными мерами поддержки со стороны государства в период нахождения на службе и после того, как покинут ее.

Список литературы

1. *Абрамов И.А.* К вопросу правового регулирования дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 145–147.
2. *Гришкова А.А.* Административная ответственность государственных гражданских служащих: состояние и перспективы развития // Административное право и процесс. 2018. № 2. С. 38–48.
3. *Добробаба М.Б.* Принципы дисциплинарной ответственности государственных служащих: конституционные основы и проблемы реализации в нормах служебного права // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 131–145.
4. *Жалсанов Б.Ц.* Критерии понятия «общественный порядок» с позиции институтов административного права // Актуальные вопросы административно-правового регулирования («Корневские чтения»): сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. (8 ноября 2017 г.). М., 2017. С. 282–284.
5. *Ирлицин В.И., Науменко В.И.* Должностное лицо как субъект юридической ответственности // Концепт. 2015. № 5. С. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15134.htm>.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.В. Тарасова, магистрант, **И.И. Васильев**, ст. преподаватель
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье исследуются вопросы, связанные с недостатками законодательного обеспечения правоохранительной деятельности, вносится предложение о разработке и принятии соответствующего Федерального закона, в котором нашли бы закрепление определения понятий «правоохранительная деятельность» и «правоохранительные органы», были бы определены цели, задачи, направления (виды) этой деятельности.

Ключевые слова: правоохранительная система; правоохранительная деятельность; правоохранительные органы; законодательное обеспечение; правовое положение.

На всех этапах государственного строительства и социально-экономического развития государственная служба в нашей стране играла ключевую роль. Именно от качества данного института в конечном

итоге зависела возможность преодоления тех вызовов и угроз, с которыми на протяжении всей своей истории сталкивалась Россия.

Современный этап развития российского государства сопряжен с целым рядом кризисных явлений, которые имеют место в экономике и в социальной сфере. Все эти обстоятельства, а также ряд иных положений сказываются на уровне социального и материального благополучия людей, их морально-психологическом настрое. В этих сложных условиях на государственную службу возлагаются дополнительные задачи и функции, которые связаны с преодолением отрицательных последствий экономического кризиса, политической и социальной нестабильности.

Например, Ф.М. Раянов под правоохранительной службой понимает «юридический механизм государства, с помощью которого устанавливается правопорядок в обществе» [6]. А.М. Артемьев правоохранительную службу охарактеризовывает как «комплексный правовой институт, объединяющий группу однородных общественных правоотношений, складывающихся в процессе профессиональной служебной деятельности граждан Российской Федерации в правоохранительной сфере» [2].

С.О. Куценко и И.Р. Магруппов полагают, что вид правоохранительной или полицейской службы в системе государственной службы Российской Федерации является ее промежуточным положением между государственной гражданской службой и военной службой. В соответствии с этим правоохранительная служба не является гражданской службой, но при этом не является и военной службой. Но при этом авторы отмечают, что правоохранительная служба ближе к военной службе, чем к службе гражданской [3].

Наиболее важной задачей правоохранительной службы является охрана правопорядка и законности, защита прав и свобод человека, борьба с преступной деятельностью. Также одной из основных функций службы является предупреждение и профилактика правонарушений. Помимо ключевых задач, деятельность правоохранительных органов связана с выполнением и других немаловажных функций, к которым можно отнести: принятие и изучение сообщения о совершении преступления или иного правонарушения; непосредственное обнаружение признаков преступления или правонарушения; сокращение рисков причинения вреда гражданам; выполнение профессиональных задач с соблюдением всех необходимых, в том числе процессуальных, требований; соблюдение законности.

Иными словами, конкретные государственные органы, занимающиеся правоохранительной деятельностью, должны быть указаны в

Конституции РФ, в федеральном законе, указе Президента РФ и т.д. Только закон может служить основанием применения конкретной меры воздействия и четко определять ее содержание.

Неотъемлемой составляющей характеристики содержания государственной правоохранительной службы является правовое положение служащих государственной правоохранительной службы, которое характеризуется рядом основных аспектов:

1) служащими государственной правоохранительной службы могут быть только граждане Российской Федерации (например, ст. 10 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 342-ФЗ), ст. 25 Федерального закона «О полиции» (далее – Закон № 3-ФЗ);

2) служащие правоохранительной службы имеют статус федеральных государственных служащих (ст. 10 Закона № 342-ФЗ, ст. 25 Закона № 3-ФЗ);

3) служащие правоохранительной службы имеют должности государственной правоохранительной службы, перечень которых определен законодательством (гл. 3 Закона № 342-ФЗ); Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О полиции»;

4) служебная деятельность государственных служащих правоохранительной службы осуществляется в государственных органах, службах и учреждениях, выполняющих правоохранительные функции (гл. 6 Закона № 342-ФЗ, ст. 26 Закона № 3-ФЗ);

5) служащим правоохранительной службы присваиваются специальные квалификационные разряды – специальные звания и классные чины (ст. 9 Закона № 342-ФЗ);

6) служащим правоохранительной службы выплачивается денежное довольствие за счет средств федерального бюджета (ст. 91 Закона № 342-ФЗ, ст. 47 Закона № 3-ФЗ, Указ Президента РФ «О порядке обеспечения денежным довольствием сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органов Российской Федерации, прикомандированных в соответствии с законодательством Российской Федерации к органам государственной власти и иным государственным органам» [1]).

Система источников, регулирующих деятельность государственной правоохранительной службы, характеризуется многочисленностью и разноуровневостью, разноотраслевой принадлежностью, значительным удельным весом тех норм, «которые регулируют деятельность соответствующих органов не прямо, а косвенно, зачастую не уточняя компетенцию, полномочия, но возлагая на них обязанности без определения механизмов их реализации».

Следует согласиться с учеными, которые полагают, что принятие закона о правоохранительной деятельности имеет значения для более полной систематизации правового регулирования и создания единых правовых основ, а также теоретических подходов к определению специфики правоохранительной деятельности, службы и правоохранительных органов [4]. Действительно, принятие закона о правоохранительной службе позволило бы определить сущность, цели, задачи, принципы, виды правоохранительной деятельности, а также вопросы системы организации и деятельности правоохранительной службы. Однако следует согласиться и с тем мнением, что в настоящее время принятие данного закона не представляется возможным. Причинами такого положения является то, что правоохранительные органы функционируют в различных министерствах и ведомствах, они имеют разноплановые задачи.

В целом, при сопоставлении государственной гражданской, военной службы, а также службы, связанной с правоохранительной деятельностью, необходимо отметить аналогичность характерных признаков, таких как значимость, специфика прохождения службы, наличие правомочий государственного принуждения, объемная нормативная база и ряд других. По-другому и не может быть, поскольку действует принцип единства правовых и организационных основ государственной службы, предполагающий законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы.

Список литературы

1. О порядке обеспечения денежным довольствием сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органов Российской Федерации, прикомандированных в соответствии с законодательством Российской Федерации к органам государственной власти и иным государственным органам: указ Президента РФ от 13.02.2013 № 140 (ред. от 19.01.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 7, ст. 636.

2. *Артемьев А.М.* К вопросу об определении сущности правоохранительной службы и ее структуры // *Российский следователь*. 2008. № 2. С. 29–32.
3. *Куценко С.О., Магзунов И.Р.* Правоохранительная служба как подсистема (вид) государственной службы Российской Федерации // *Евразийский юридический журнал*. 2016. № 5 (96). С. 261–262.
4. *Нагорных Р.В.* Административно-правовое положение и понятие служащего государственной правоохранительной службы // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. 2013. № 4. С. 39–41.
5. *Раянов Ф.М.* Проблемы теории государства и права (юриспруденции). М., 2003. 304 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИНЦИПОВ ПРЕЗИДЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Е.В. Тарасова, магистрант, **И.И. Васильев**, ст. преподаватель
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье исследуются вопросы, связанные с теоретическими аспектами принципов президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов. Президент в системе органов государственной власти России имеет особый, важный стратегический статус и широкие полномочия как в управлении государством, так и в осуществлении контроля в частности. Контроль за исполнением законов Российской Федерации, указов, распоряжений и поручений главы государства, а также нормативных правовых актов судебных органов, органов власти субъектов Российской Федерации составляет неотъемлемую часть системы управления. Это является крайне действенным средством влияния на повышение эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти.

Ключевые слова: президентский контроль; правоохранительная система; правоохранительная деятельность; правоохранительные органы; законодательное обеспечение.

Изучение правового и организационного обеспечения президентского контроля является крайне важной задачей. Институт президентского контроля занимает ключевое место в системе государственного управления в целом, а также отличается большим спектром возможностей. Так как Президент Российской Федерации имеет особый конституционный статус, то и президентский контроль охватывает основные сферы деятельности государства, например, правоохранительные органы.

Специфической особенностью является, то что Президент как глава государства не относится ни к одной из ветвей власти. Вследствие чего он имеет особый стратегически важный статус. Его стратегические полномочия распространяются главным образом на осуществление своих контрольных функций. Поэтому следует особо выделить тот момент, что должность Президента подразумевает под собой особые полномочия в отношении всех ветвей власти, а не только исполнительной. Президент Российской Федерации как высшее должностное лицо наделен правом реализации контрольной функции.

Важной особенностью президентского контроля является то, что он, как и административный контроль, осуществляется за деятельностью всех ведомств и министерств, а также их структурных подразделений, должностных лиц на предмет выполнения законов, указов, распоряжений. Для полной реализации своей функции контроля Президентом были созданы различные субъекты контроля, такие как Совет Безопасности, Администрация Президента, сформированные в соответствии со ст. 83 Конституции [1].

Президентский контроль – сложная система, включающая в себя совокупность специфических элементов: цели, задачи, субъекты, объекты и предметы контроля, принципы и технология (формы, методы, общие и частные процедуры) контроля, организационный механизм, в том числе механизм взаимодействия субъектов президентского контроля между собой и с другими органами власти, механизм оценки эффективности контрольных мероприятий.

Президентский контроль направлен не только на выявление отклонений, но и принятие на основе конституционных полномочий Президента Российской Федерации мер по устранению и предупреждению в будущем.

Общие принципы контроля и управления являют собой закрепленные в нормативных правовых актах или же вытекающих из них положениях, благодаря которым можно определить важнейшие элементы. Прямого закрепления или указания в законодательстве данного перечня нельзя встретить. Совокупность этих принципов определяется путем проведения аналогий и обобщений, а также на основе нормативных правовых актах, регулирующих деятельность органов и их подразделений, осуществляющих контрольные функции.

Принципы президентского контроля будут вытекать, прежде всего, из полномочий Президента как главы государства, а также субъектов, осуществляющих данный вид контроля. С помощью общетеоретических знаний о принципах управления и контроля можно обосновать и определить содержание принципов президентского контроля, бази-

рующихся на конституционных полномочиях Президента Российской Федерации [5].

Основываясь на вышесказанном, можно утверждать, что реализация данного принципа крайне важна для осуществления комплексных контрольных мероприятий, проводимых субъектами президентского контроля. Во многом связанным с вышеописанным принципом является принцип централизации и автономности субъектов, осуществляющих президентский контроль [2].

Целесообразно будет выделить и другой принцип – принцип подконтрольности. Его применение в полной степени распространяется на контрольную деятельность, осуществляемую в ходе президентского контроля за своевременным выполнением органами исполнительной власти требований нормативных правовых актов.

Ведь президентский контроль направлен не только на выявление нарушений, но и на принятие мер по их своевременному устранению и совершенствованию деятельности исполнительной власти. Данный принцип – одно из решающих условий эффективного развития и функционирования всей системы президентского управления и контроля. Он способствует успешной реализации контрольных функций и взаимодействию с другими принципами.

Применение принципа подконтрольности позволяет осуществлять важную для контрольной деятельности обратную связь между субъектом и объектом, своевременно обнаруживать причины нарушений. Вместе с тем реализация данного принципа требует повсеместного реального осуществления подконтрольности. А это возможно лишь при грамотном проведении правовой, информационной, организационной и кадровой политики, основанной на современных знаниях и технологиях [3].

Принцип законности – базовый принцип, не только в сфере президентского контроля, но и во всем праве в целом. Органы власти обязаны в ходе управления и реализации функции контроля соблюдать закон. Ни в коем случае данная деятельность не должна осуществляться произвольно, а только посредством регулирования, базируясь на предписаниях закона и регламентах. Наличие проработанных и реально действующих законов – вот краеугольный камень законности при осуществлении контроля.

Принцип гласности. Гласность президентского контроля – крайне важный аспект. Это связано с тем, что в условиях демократического общества необходимо информировать общественность о реальном положении дел. Данный принцип подразумевает максимально возможную и допустимую открытость деятельности органов исполнительной

власти, в том числе и правоохранительных. Для этого необходимо размещать в печатных и электронных СМИ как отчетные материалы об итогах проверок, так и принятые меры по результатам президентского контроля, указание результатов по устранению выявленных нарушений [4].

Принцип объективности. Результаты, выводы, а также подходы к планированию и проведению проверок должны исключать предвзятость, корысть, предрасположенность и другие мотивы. При планировании, проведении и подготовке контрольных мероприятий должна отсутствовать предубежденность. Выводы по результатам проверок также должны быть основаны на реальных фактах, беспристрастны, обоснованы и подтверждены сопутствующими материалами, содержащими всю необходимую информацию о состоянии работы. О качестве информации можно судить по следующим критериям: истинность, полнота, обоснованность, наличие глубокого анализа, адекватность выводов предложений по результатам.

Принцип ответственности. Данный принцип может быть рассмотрен с разных сторон. Как со стороны ответственности контролеров, так и со стороны контролируемых, а также и третьих лиц, принимающих участие в процессе. Ответственность руководителей и контролеров, осуществляющих президентский контроль, подразумевает под собой то, что каждое уполномоченное должностное лицо будет нести административную ответственность за ненадлежащее выполнение возложенных на него обязанностей.

Применение вышеизложенных принципов – важный элемент реализации задач по осуществлению президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов, повышение их эффективности, а следовательно, и положительного влияния на процесс государственного управления в целом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21. 07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. *Андреев А.А., Никольский Д.И.* Этапы развития. Уроки прошлого // Президентский контроль: информационный бюллетень. 1999. № 1. С. 40–42.
3. *Беляев В.П.* Контроль и надзор в Российском государстве: монография. М.: Проспект. 2010. 285 с.

4. *Иванов М.Ю.* Государственный финансовый контроль в Российской Федерации: скрытый потенциал великой страны // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2013. № 4. С. 58–64.
5. *Тарасов А.М.* Государственный контроль в России: монография. М.: Проспект. 2008. 671 с.

АНАЛИЗ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИИ

Е.А. Терентьева, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассматриваются актуальные проблемы и перспективы развития приказного производства, так как в настоящее время данный вид судопроизводства является наиболее оптимальным способом решения проблемы обеспечения права на судебную защиту в разумный срок, о чем свидетельствует внедрение института приказного производства в административный и арбитражный процессы. Однако законодательное регулирование данного института несовершенно и содержит большое количество пробелов.

Ключевые слова: арбитражный процесс; приказное производство; судебный приказ; арбитражный суд.

Необходимо отметить, что институт приказного производства действительно является одним из наиболее быстрых способов рассмотрения дела. Более того, такой процессуальный инструмент известен отечественному праву практически 100 лет. Так, впервые понятие «судебного приказа» появилось в ГПК РСФСР в 1923 г. Судебный приказ в то время выдавался при рассмотрении несложных дел, которые были основаны на не подлежащих оспариванию документах. Однако такая форма производства просуществовала до 1929 г., после чего исчезла из отечественного судопроизводства, поскольку так называемые бесспорные дела отошли к компетенции нотариата и взыскания по долгам осуществлялись с помощью исполнительных надписей нотариусов [4].

К упрощенным формам производства вернулись, когда начал меняться экономический уклад страны. Как отмечает З.А. Папулова, смена вектора развития государства после принятия Конституции РФ в 1993 г. привела к возникновению большого количества дел экономического характера, которые возможно было разрешить путем вынесения судебного приказа [5].

И действительно, спустя годы данный институт, действовавший только в рамках ГПК РФ, зарекомендовал себя в качестве эффективного процессуального механизма, способного не только восстановить нарушенные права и интересы, но и разрешить дело в самые кратчайшие сроки без лишних затрат. И законодатель включил нормы, регулирующие приказное производство в АПК РФ.

Упрощенные процедуры в арбитражном процессе – сравнительно новый институт, который продолжает свое формирование и в настоящее время. Начиная с 2002 г., когда упрощенное производство впервые получило закрепление в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее – АПК РФ), соответствующие нормы неоднократно менялись, расширяя категорию дел, которые могут рассматриваться в упрощенном порядке.

Существенные изменения упрощенного порядка рассмотрения дел, направленные на совершенствование этого вида производства, были внесены Федеральным законом 25 июня 2012 г. [1]. А в конце 2014 г. Верховный суд РФ внес предложение о введении судебного приказа в арбитражном процессе, поскольку сходные черты этих видов судопроизводства неоднократно отмечались в научной литературе [2], а сами приказное и упрощенное производство рассматриваются как виды упрощенных процедур [3]. Что касается ГПК РФ, то наиболее важным дополнением в части приказного производства будет условие о том, что судебный приказ может быть выдан только в том случае, если размер денежных сумм, подлежащих взысканию, или стоимость движимого имущества, подлежащего истребованию, не превышает 500 тыс. руб. Таким образом, пробел в процессуальном законе, который породил продолжительную критику института судебного приказа, наконец будет восполнен.

Общим основанием для выдачи судебного приказа у двух процессуальных кодексов будет только предъявление требования, основанного на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта. И в отличие от ГПК РФ лимит цены такого требования в арбитражном процессе составит не 500, а 400 тыс. руб.

Помимо указанного основания для выдачи судебного приказа АПК РФ будет содержать только два дополнительных – когда требования взыскателя признаются, но не исполняются должником, и когда предъявлено требование о взыскании обязательных платежей и санкций. При этом размер первого требования будет ограничен ценой в 400 тыс. руб., а второго – в 100 тыс. руб.

Очевидно, что в ГПК РФ оснований для выдачи судебного приказа намного больше, однако почти все они относятся к физическим лицам, например, требование о взыскании алиментов или заработной платы.

При этом с 1 июня 2016 г. в ГПК РФ появятся несколько новых оснований для выдачи судебного приказа – по требованиям о взыскании задолженности по оплате жилого помещения, коммунальных услуг и услуг телефонной связи, а также по требованиям о взыскании обязательных платежей и взносов с членов товарищества собственников жилья или строительного кооператива.

При анализе новых норм АПК РФ прослеживается иерархическая связь между нормами о судебном приказе и об упрощенном производстве, поскольку требования, цена которых превысит вышеуказанные лимиты для обращения за выдачей судебного приказа, подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства.

В отличие от заявления о выдаче судебного приказа, подготовленного по правилам ГПК РФ, заявление о выдаче судебного приказа в арбитражном процессе может быть подано, не отходя от монитора компьютера, в форме электронного документа.

Однако согласно новым правилам требованию о выдаче судебного приказа, заявленному в порядке АПК РФ, должен предшествовать обязательный претензионный порядок.

Следует отметить, что по аналогии с ГПК РФ в АПК РФ будет установлен десятидневный срок для представления возражений относительно судебного приказа. При этом необходимо учитывать, что по правилам арбитражного процесса в этот срок не включаются нерабочие дни. Таким образом, срок для оспаривания судебного приказа по АПК РФ будет фактически превышать аналогичный срок, установленный в Гражданском процессуальном кодексе [2].

Представляется, что десятидневный срок для обжалования судебного приказа является слишком коротким не только для физического лица, но и для юридического лица, в отношении которого принят судебный приказ. Особенно это касается тех фирм, в штате которых отсутствуют лица, имеющие юридическое образование.

Оба кодекса предусматривают возможность восстановления срока для представления возражений относительно судебного приказа, но только в том случае, когда лицо, обратившееся в суд с возражениями, обосновало пропуск срока уважительными причинами, не зависящими от этого лица.

АПК РФ будет предусматривать возможность обжалования вступившего в законную силу судебного приказа в кассационном порядке. При этом кассационная жалоба будет рассмотрена по существу только

в том случае, если судья арбитражного суда кассационной инстанции установит наличие оснований для передачи жалобы на рассмотрение в судебном заседании арбитражного суда кассационной инстанции.

Следует отметить, что ГПК РФ, в отличие от АПК РФ, не устанавливает специальных оснований для отмены судебного приказа в кассационном порядке, а предусматривает общие, более широкие основания для его отмены. Так, в гражданском процессе судебный приказ может быть отменен, если при его принятии судом допущены существенные нарушения норм материального или процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Бесспорным достоинством системы арбитражных судов является возможность быстрого получения сведений о движении дел и копий судебных актов, размещенных в электронном виде в Интернете. В связи с этим арбитражные суды будут значительно опережать суды общей юрисдикции в оперативности доведения до сведения заинтересованных лиц информации о ходе приказного производства и о принятых судебных приказах. Соответствующие нормы также включены в новую редакцию арбитражного процессуального кодекса.

Список литературы

1. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства: федер. закон от 25.06.2012 № 86-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 26, ст. 3439.
2. О внесении изменений в проект федерального закона № 638178-6 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»: постановление пленума Верховного суда РФ от 23.12.2014 № 22. URL: <http://www.vsrfr.ru>.
3. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2014. 504 с.
5. Папулова З.А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 184 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Е.А. Терентьева, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В настоящее время сложились материально- и процессуально-правовые, а также организационные предпосылки для широкого применения арбитражными судами первой инстанции упрощенных процедур рассмотрения дел. В частности, значительное количество дел имеет относительно бесспорный характер, по такого рода делам явка в заседании обеспечивается, как правило, в основном со стороны истца (заявителя), либо дела рассматриваются заочно, требования по этим спорам основаны на неоспариваемых в большинстве случаев доказательствах. В статье рассматриваются некоторые аспекты порядка рассмотрения арбитражным судом первой инстанции дел в порядке упрощенного производства

Ключевые слова: арбитражный процесс; первая инстанция; упрощенное производство; порядок рассмотрения; судопроизводство.

Исходя из положений АПК РФ, можно выделить две категории оснований, которые могут служить предпосылками для упрощенного судопроизводства. Первая группа критериев определена законодателем в ч. 1 и 2 ст. 227 АПК РФ. Наличие данных критериев позволяет судье единолично принять решение о введении в действие процедуры упрощенного судопроизводства [2].

Таковыми критериями являются указание в исковом заявлении предмета иска, цены иска, а также иных моментов, являющихся значимыми для рассмотрения дела. О том, что судьей принято решение о рассмотрении заявления в порядке упрощенного производства, участники дела могут узнать из определения о принятии иска к рассмотрению. Право, данное судье для единоличного принятия решения о рассмотрении иска в порядке упрощенного производства, основано на том, что существует очень большое количество дел, которые не требуют длительного и сложного рассмотрения.

В таких делах для разрешения спора вполне достаточно письменных доказательств, представленных сторонами по делу. Процедура упрощенного производства не будет считаться при разрешении таких споров как нарушение каких-либо прав и свобод участников по делу, поскольку вынесение того или иного решения является явным и видно

непосредственно из письменных доказательств. Но даже если при рассмотрении дела выявляются какие-то сложности или новые обстоятельства, судья в любой момент может перейти к рассмотрению дела в общем порядке. Кроме того, такой переход возможен и по ходатайству любой из сторон при наличии соответствующего обоснования своей позиции [3].

В новой редакции АПК РФ при наличии соответствующих критериев то или иное заявление должно рассматриваться именно в порядке упрощенного судопроизводства. Таким образом, законодатель несколько уменьшает полномочия судьи относительно выбора формы рассмотрения дела. На наш взгляд, наличие данной правовой нормы является не совсем справедливым, поскольку законодатель фактически ввел формальный подход к рассмотрению дела – судье достаточно установить критерии, необходимые для рассмотрения заявления в упрощенном порядке. Однако в любом деле могут присутствовать и различного рода обстоятельства, которые препятствовали бы применению упрощенного порядка.

Между тем на начальной стадии рассмотрения дела установить данные обстоятельства не всегда возможно. В итоге уже в процессе рассмотрения дела судья должен установить наличие тех или иных фактов и уже затем либо оставить свое решение о рассмотрении дела в упрощенном порядке в силе, либо перейти к общему порядку рассмотрения дела. Зачастую это приводит к затягиванию судебного процесса, а иногда и к принятию неверных решений по результатам рассмотрения дела.

Что касается второй группы условий для рассмотрения дела в порядке упрощенного судопроизводства, то они связаны не с формальными признаками, а с согласием сторон-участников спора на упрощенный порядок его рассмотрения. В этом случае также решение о порядке рассмотрения спора принимает судья, однако без согласия сторон это решение принято быть не может. Данная группа критериев отражена в ч. 3 ст. 227 АПК РФ. Основным в данном случае является момент установления согласия сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного судопроизводства [1].

Такое согласие может быть закреплено в разной форме. В первую очередь это касается непосредственно искового заявления, в котором истец может указать на свое желание либо возможность рассмотрения иска в порядке упрощенного судопроизводства. В этом случае вначале назначается стадия подготовки к судебному разбирательству. Судья в

определении о принятии иска к рассмотрению должен предложить второй стороне выразить свое мнение относительно возможности рассмотрения иска в порядке упрощенного производства.

Еще одной формой согласия является его закрепление непосредственно в договоре, которые заключали стороны между собой, если такой договор является предметом спора. В этом случае судья, опять же, должен предложить сторонам определиться с возможностью рассмотрения дела в порядке упрощенного производства, а лишь затем принять свое решение относительно формы рассмотрения спора. В любом случае принятие решения о рассмотрении дела в упрощенном порядке не может быть получено без согласия сторон. Особенностью принятия решения относительно возможности рассмотрения дела в порядке упрощенного производства при наличии данных критериев является даже не наличие согласия участников, как такового, а установления критериев, которые могли бы служить препятствием для упрощенного порядка рассмотрения спора. При наличии таких обстоятельств, даже если истец предоставил все письменные документы, которые могли бы говорить о безусловном подтверждении его позиции, а истец возражает против упрощенного порядка рассмотрения дела, спор будет разрешаться исключительно в общем порядке, т.е. судья уже не может просто формально подойти к делу [5].

Более сложным и спорным является вопрос относительно возможности наличия у сторон права давать свое согласие на рассмотрение спора в порядке упрощенного производства непосредственно в момент заключения договора, если такой договор в дальнейшем и станет предметом спора. В данном случае мы считаем возможным согласиться с точкой зрения А.С. Улезко, полагающей, что подобная практика является вполне приемлемой, поскольку при ее применении никакие права ответчика не нарушаются [4]. Такая точка зрения связана с тем, что судья в любом случае в момент принятия заявления к рассмотрению должен будет установить, существуют ли какие-либо препятствия к рассмотрению спора в упрощенном порядке. В связи с этим мы также соглашаемся с тем, что условие о возможности рассмотрения дела в порядке упрощенного производства в договоре является законным.

Статья 227 АПК РФ предусматривает несколько категорий дел, которые могут рассматриваться в порядке упрощенного производства. Во-первых, к ним относятся дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств при цене иска до 500 тыс. руб. с юридических лиц и при цене иска до 200 тыс. руб. с индивидуального предпринимателя (в редакции, действующей до 1 июня 2016 г., – в сумме, не превышаю-

щей 300 и 100 тыс. руб. соответственно). При этом необходимо учитывать, что цена иска включает в себя неустойку (штраф, пению). В случае предъявления нескольких требований под ценой иска понимается суммарное выражение всех требований. Принимая во внимание положения п. 2 ст. 124 ГК РФ, правило о цене иска в отношении юридических лиц будет распространяться на государство и муниципальные образования. Изменение размера исковых требований влечет за собой различные процессуально-правовые последствия. При увеличении истцом размера исковых требований настолько, что цена иска превысит уровень, предусмотренный для дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, арбитражный суд переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства. В случае, если пределы суммы, установленные АПК РФ, превышены не были, вопрос о необходимости перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства решается арбитражным судом с учетом возможности обеспечения ответчику в обоснование своей позиции реализации права представить доказательства и возражения в предусмотренном ч. 3 ст. 228 АПК РФ порядке.

Уменьшение размера исковых требований, в результате чего сумма иска будет соответствовать критериям рассмотрения дел в упрощенном порядке, повлечет рассмотрение дела в упрощенном порядке только в случае, если одна из сторон заявит соответствующее ходатайство.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.
2. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 10, ст. 1321.
3. *Александров В.А., Сулименко О.А.* Сокращенные производства в современном процессуальном праве: проблемы, перспективы // Вестник ВАС РФ. 2007. № 5. С. 3–6.
4. *Манташян А.О.* Актуальные проблемы упрощенного производства в арбитражном процессе // Современное право. 2014. № 6. С. 91–95.
5. *Улезко А.С., Филиппов А.Е., Абакумова И.Д., Семак Н.В.* Практическая реализация новых правил об упрощенном производстве // Арбитражные споры. 2013. № 4. С. 123–146.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

К.А. Туловчикова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В большинстве государств в настоящее время провозглашено равенство прав и обязанностей иностранных лиц и граждан соответствующего государства. Помимо всего прочего данное право включает в себя свободный доступ к правосудию для иностранцев, а также предоставление процессуальных прав при рассмотрении гражданских споров. Данный принцип отразился в некоторых международных актах, в некоторых странах – закреплён законодательно.

Ключевые слова: иностранные граждане; лица без гражданства; правовой статус; правоспособность; дееспособность; права; обязанность.

В России, несмотря на то, что провозглашено равенство прав и обязанностей, отнесение лица к категории иностранных лиц очень существенно для суда. В судебном разбирательстве возникают некоторые затруднения. Существует проблема определения гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности иностранных лиц, лиц без гражданства. Нельзя забывать и о языковом барьере, который существует между иностранцами и гражданами государства. В ч. 3 ст. 62 Конституции РФ закрепляется положение: «Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации» [2]. Подобное положение содержится и в действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации.

Под иностранным гражданином понимается лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и имеет гражданство или подданство иностранного государства [1]. Для возникновения гражданских процессуальных правоотношений необходимо наличие гражданской процессуальной правосубъектности, т.е. правоспособности и дееспособности. Это положение распространяется как на иностранных граждан, так и на лиц без гражданства. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в ст. 399 устанавливает, что гражданская процессуальная правоспособность и дееспособность иностранцев

и лиц без гражданства определяются их личным законом. Под личным законом в данном случае понимается законодательство государства, к которому принадлежит иностранный гражданин.

Возникает вопрос, как же в таком случае установить гражданскую процессуальную правоспособность лиц без гражданства? Ответ достаточно прост, под личным законом лица без гражданства стоит понимать законодательство государства, в котором оно имеет место жительства. Если же иностранное лицо не обладает дееспособностью по личному закону, то не исключается возможность признания его процессуально дееспособным на территории Российской Федерации. Итак, в России иностранное лицо может получить гражданскую процессуальную правоспособность, если обладает ею в соответствии с российским правом.

Как известно, в Российской Федерации гражданская процессуальная дееспособность наступает с момента достижения совершеннолетия, т.е. с 18 лет. В ряде стран возрастной порог наступления гражданской процессуальной дееспособности выше, например, в Южной Корее – 19 лет, в Японии – 20 лет. Таким образом, граждане или подданные данных государств по достижении 18 лет в своем государстве не имеют права обратиться в суд за защитой своих прав, но смогут сделать это в Российской Федерации [3]. Стоит отметить, что иностранные лица могут участвовать в гражданском судопроизводстве как лично, так и через представителя. В соответствии с международными договорами и в силу особенностей положения данной группы лиц, в качестве представителей могут выступать консулы [3]. Если в качестве представителя выступает иностранный адвокат, то вопрос о его участии в процессе будет решаться судом отдельно для каждого частного случая. В качестве иностранных лиц могут выступать не только перечисленные выше субъекты, но и дипломатические представители иностранных государств.

В соответствии с ч. 3 ст. 401 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, представители иностранных государств подлежат юрисдикции судов Российской Федерации по гражданским делам, но в пределах, которые определены общепризнанными принципами и нормами международного права или международными договорами Российской Федерации [5]. Дипломатический агент в государстве, в котором он пребывает, пользуется иммунитетом. Его невозможно привлечь к уголовной и административной ответственности, он не охватывается и гражданской юрисдикцией. Поэтому к нему нельзя предъявить иск, принудительно привлечь к даче свидетельских пока-

заний, экспертного заключения, к совершению каких-либо иных процессуальных действий. Необходимо учитывать, что дипломатический иммунитет не распространяется на некоторые категории дел. Например, он не распространяется на вещные иски, на иски, которые касаются наследования, на иски, которые относятся к профессиональной или коммерческой деятельности [5].

Юрисдикция судебных или административных органов государства не распространяется на консулов, которые совершают те или иные действия в связи с осуществлением своих консульских полномочий.

Помимо всего прочего, иммунитет не распространяется на гражданские иски, которые вытекают из договора, в соответствии с которым консулом прямо или косвенно были приняты на себя обязательства агента представляемого государства. Также не охватываются иммунитетом иски третьей стороны по поводу вреда, который был причинен в государстве пребывания источником повышенной опасности. К таким источникам Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г. относит дорожное транспортное средство, судно, самолет [6].

Иностранные граждане и лица без гражданства, осуществляющие предпринимательскую и иную экономическую деятельность, обладают правом обращения в арбитражные суды Российской Федерации для защиты прав и охраняемых законом интересов.

Данные граждане несут процессуальные обязанности и наделены правами в равном объеме с российскими гражданами. Этот принцип носит название национального режима.

Арбитражные суды Российской Федерации рассматривают споры, возникающие из экономической деятельности, которая может осуществляться также лицами иностранных государств. Арбитражные суды выступают как орган правосудия. В этом российские арбитражные суды тождественны иностранным, например торговым судам Англии, Франции или специальным отделениям для коммерческих дел в судах Германии. Иностранные хозяйствующие субъекты могут не только участвовать на суде как истцы или ответчики, но также выступать в качестве третьих лиц, заявляющих и не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, также принимать участие в делах о несостоятельности (банкротстве), об установлении действий, имеющих юридическую значимость, обращаться за услугами представителей. Это вытекает из распространения национального режима на иностранных хозяйствующих субъектов.

В АПК РФ особенностям рассмотрения дел, осложненных иностранным элементом, посвящена отдельная глава. В то же время АПК РФ включает в себя мало статей, закрепляющих такие особенности, в

основном они указаны в конвенциях, многосторонних и двусторонних договорах, ратифицированных Российской Федерацией.

Разбирательство дел с участием иностранных лиц в арбитражных судах осуществляется преимущественно в соответствии с национальным процессуальным законодательством. Если правила судопроизводства, установленные национальным законодательством, противоречат правилам, предусмотренным международными договорами и соглашениями, то применяются последние. В связи с этим необходимо провести анализ правил судопроизводства, особенностей правового регулирования рассмотрения дел с участием иностранных лиц с точки зрения законодательства Российской Федерации, а также применения и реализации положений международного и иностранного процессуального законодательства. Процессуальная правоспособность заинтересованного лица действует при подачи заявления в арбитражный суд. С момента подачи заявления начинается работа арбитражных процессуальных правоотношений. Процессуальная правоспособность определяется как способность иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности. Процессуальной правоспособностью на равных обладают все граждане и организации.

Иностранным лицам предоставляется национальный режим для участия в арбитражном процессе. Иностранцы наравне с российскими несут процессуальные обязанности и пользуются процессуальными правами.

Они обладают правами, закрепленными в ст. 41 и других статьях АПК РФ, иных федеральных законах. Процессуальные льготы могут быть предоставлены иностранным участникам арбитражного процесса только в том случае, если они предусмотрены международными соглашениями Российской Федерации.

АПК РФ предусматривает, что услуга переводчика, привлеченного судом к участию в процессе, выплата ему суточных, а также возмещение расходов, понесенных в связи с явкой в арбитражный суд, производятся за счет средств федерального бюджета. Конвенция о защите прав человек и основных свобод от 04.11.1950 г. не содержит положения о праве участников гражданского спора на использование бесплатной помощи переводчика.

В соответствии с действующим законодательством судебные расходы рассчитываются и уплачиваются в валюте Российской Федерации, в том числе взыскиваемые с иностранных участников. При рассмотрении экономических споров между субъектами предпринимательской деятельности, являющимися резидентами стран-участников

СНГ, госпошлина уплачивается в рублях Российской Федерации с пересчетом по курсу национальных валют, установленных национальными банками стран-участников СНГ. Для данных случаев размер государственной пошлины определяется отдельным протоколом.

Практикой подтверждается существование трех способов уплаты государственной пошлины иностранными участниками арбитражного процесса. Пошлина может оплачиваться со счетов иностранных компаний в кредитных учреждениях, расположенных на территории Российской Федерации. Государственная пошлина может оплачиваться уполномоченным представителем иностранного юридического лица. Если отсутствуют счета в банках на территории Российской Федерации и компания не имеет представителей в России, то арбитражный суд взыскивает размер государственной пошлины с помощью вынесения об этом решения и направляет его в порядке судебного поручения в иностранный суд в соответствующем порядке [4]. Равенство иностранных участников арбитражного процесса с участниками, являющимися резидентами какой-либо страны, равенство их процессуальных прав проявляются в одинаковом доступе к национальному механизму защиты в суде. Вместе с тем механизм судебной защиты в разных странах может отличаться.

Национальный режим в арбитражном процессе предполагает также и распространение в отношении иностранных субъектов положений законодательства Российской Федерации о представительстве. Представительство иностранных субъектов имеет ряд особенностей, которые затрагивают вопросы оформления полномочий представителя и их подтверждения, а также правила определения круга лиц, имеющих право выступать в качестве представителей иностранных граждан и организаций.

Представителями могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, интересы иностранных лиц могут защищаться и представляться более широким кругом лиц, в том числе иностранными консулами и адвокатами [3]. В Российской Федерации разрешена деятельность адвокатов иностранных государств, хотя существуют некоторые ограничения. Адвокатам иностранных государств, осуществляющим свою деятельность на территории Российской Федерации, необходимо регистрироваться в специальном реестре. Они могут также оказывать юридическую помощь по вопросам применения права иностранных государств. Стоит отметить, что иностранные адвокаты не допускаются к оказанию своих услуг в вопросах, в которых затрагивается государственная тайна Российской Федерации. Если в

процессе рассмотрения экономического спора арбитражным судом затрагиваются права и законные интересы иностранного лица, обязательным является привлечение в судебный процесс иностранного субъекта в качестве третьего лица.

По результатам работы были выявлены конкретные процессуальные особенности рассмотрения арбитражным судом дел с участием иностранного элемента. Было осуществлено описание порядка рассмотрения указанных дел, процессуальные права и обязанности иностранных лиц.

В целом можно отметить, что современная правовая система Российской Федерации и мировое сообщество в контексте международных соглашений с Российской Федерацией постоянно совершенствуют порядок и конкретные особенности рассмотрения в арбитражных судах дел с участием иностранных лиц, происходит заметная либерализация данного процесса. Однако отмечу, что еще большая работа в данном направлении, улучшение и упрощение порядка взаимодействия иностранных судов, рассматривающих экономические споры, пойдет только на пользу объективному рассмотрению дел и совершенствованию отправления правосудия в арбитражных судах. Необходимо продолжать начатую деятельность по разработке и заключению международных соглашений, совершенствованию взаимодействия и работы уполномоченных государственных органов. Большее и планомерное внедрение современных технологий в сфере правовой помощи также окажет необходимую роль в улучшении судебного процесса с участием иностранных элементов. Все названные меры возможны только при активном взаимодействии судебных и исполнительных органов, а также всего мирового сообщества.

Подводя итог, можно сказать, что регулирование гражданского и арбитражного процессуального статуса иностранных лиц основывается на двух принципах: принципе приоритета международно-правовых норм, в соответствии с которым государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения правил международного договора, и принципе действующего национального режима.

Список литературы

1. О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 01.05.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2031; 2016. № 18, ст. 2500.
2. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. Т. 2. 778 с.

3. Арбитражный процесс: учебник / К.М. Арсланов [и др.]; отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Чельшев. М.: Статут, 2016. 572 с.
4. *Аргунов А.В., Загидуллин М.Р., Крашенинников П.В., Лисицын В.В.* Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (продолжение) // Вестник гражданского процесса. 2017. № 1. С. 97–144.
5. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2016. № 27 (ч. I), ст. 4205.

СОГЛАШЕНИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВОПОРЯДКЕ

К.А. Туловчикова, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье затронут вопрос соглашения о международной подсудности, так как далеко не всегда данная формулировка позволяет однозначно установить вид соглашения, компетентный суд и на какую категорию споров оно распространяется. На практике нередко возникает необходимость в толковании соглашения о международной подсудности для того, чтобы определить, какие обязательства оно налагает и какие права предоставляет сторонам соглашения.

Ключевые слова: соглашение о международной подсудности; международный спор; участие иностранных лиц; компетенция; судебная практика.

Толкование соглашений о международной подсудности имеет крайне важное практическое значение. Во многих случаях разрешение вопроса о подсудности спора напрямую зависит от того, какую интерпретацию спорного условия суд посчитает правильной. Например, соглашение о международной подсудности, сформулированное как «споры из настоящего договора подлежат компетенции судов государства X», может породить следующие разногласия между сторонами:

- о виде соглашения (исключается ли таким соглашением компетенция судов других государств (т.е. соглашение является исключительным), либо такое соглашение не запрещает подачу иска в суды других государств в соответствии с правилами общей международной подсудности (т.е. соглашение является неисключительным));

- об объеме споров, подсудность которых изменяется соглашением (охватывает ли такое соглашение спор о неосновательном соглашении, возникшем в связи с исполнением указанного договора);

- об обозначении суда, наделяемого компетенцией (достаточным ли является указание в соглашении лишь на суды государства X без указания какого-то определенного суда первой инстанции данного государства) [3].

Ответы на эти вопросы влияют на наличие или отсутствие у соглашения юрисдикционного эффекта, т.е. позволяют разрешить вопрос о компетенции суда по рассмотрению спора. Рассмотрим данные вопросы более подробно.

Актуальные наднациональные источники международного гражданского процесса при отсутствии явно выраженного волеизъявления сторон об обратном исходят из презумпции исключительности заключенного соглашения. Указанные положения содержатся в ст. 25 (1) Регламента (ЕС) № 1215/2012 о подсудности, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам от 12 декабря 2012 г. (далее – Регламент № 1215/2012); ст. 3 (b) Конвенции в отношении соглашений о выборе суда от 30 июня 2005 г. (далее – Гаагская конвенция 2005 г.). Презумпция исключительности заключенного соглашения также содержится во внутреннем праве Швейцарии (абз. 1 ст. 5 Закона Швейцарии о международном частном праве от 18 декабря 1987 г.). В отечественном законодательстве отсутствует презумпция в пользу исключительности либо неисключительности соглашения. Также не приходится утверждать о наличии устоявшейся судебной практики по этому вопросу [6].

В одном из дел Московский городской суд указал, что оговорка о международной подсудности, содержащаяся в трудовом договоре, в соответствии с которой «стороны согласны передать спор в суд провинции Луанда с отказом от решения спора в любом другом суде», обладает не только пророгационным, но и дерогационным эффектом, в связи с чем производство по делу было прекращено [2]. В другом деле российский государственный арбитражный суд кассационной инстанции истолковал следующую оговорку о международной подсудности, содержащуюся в договоре займа, как неисключительную, и отказался признать за ней дерогационный эффект, поскольку стороны явным образом не указали на исключительный характер оговорки, но лишь согласовали следующее: «...все споры, возникающие из настоящего договора и в связи с ним, могут быть рассмотрены Токийским окружным судом, юрисдикцию которого все заключившие настоящий договор стороны прямо обязуются признавать».

Суд кассационной инстанции указал, что из буквального толкования названного условия не следует, что все споры, вытекающие из ука-

занного договора, рассматриваются только Токийским окружным судом; формулировка данного условия может означать лишь возможность обращения одной из сторон договора в названный суд. Суд кассационной инстанции направил дело на новое рассмотрение. При повторном рассмотрении дела суд апелляционной инстанции, применив правила о толковании условий договоров (ст. 431 ГК РФ, несмотря на то что договор займа, содержащий спорную оговорку, регулировался правом Японии), пришел к выводу, что воля сторон была направлена на установление исключительной компетенции Токийского окружного суда. Однако суд указал, что поскольку иск уже принят к производству, то отсутствует возможность возратить исковое заявление или передать его по подсудности [4].

В результате в нарушение оговорки о международной подсудности дело было рассмотрено российскими судами по существу. Представляется, что при таких обстоятельствах суду следовало оставить исковое заявление без рассмотрения по аналогии с п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, но не рассматривать спор по существу. Также обращает на себя внимание, что в судебных актах по указанному делу термин «исключительная подсудность» неверно использован как синоним понятия «исключительное соглашение о международной подсудности».

Также необоснованными являются ссылки судов на ст. 249 АПК РФ, поскольку указанная статья лишь говорит о пророгации споров с участием иностранных лиц в пользу российских государственных арбитражных судов: но указанная статья не касается соглашений о подсудности, наделяющих компетенцией иностранные государственные суды, как это имело место в настоящем деле (подробнее см. судебные акты по делу № А33-13302/2010).

В США суды, как правило, при отсутствии четкой формулировки об обратном склонны считать соглашение неисключительным. Английские суды, в свою очередь, придерживаются более широкого подхода. Не придерживаясь строгой презумпции неисключительности соглашений, при рассмотрении каждого конкретного спора английские суды считают необходимым установить волеизъявление сторон.

В германском праве отсутствует презумпция в пользу исключительности либо неисключительности соглашения. Вид соглашения подлежит определению отдельно для каждого конкретного случая в процессе толкования.

Таким образом, при наличии спора о виде соглашения в зависимости от применимого права суд может посчитать соглашение исключительным либо нет и в силу этого прийти к выводу о наличии или отсутствии компетенции по рассмотрению спора.

При отсутствии четкого указания в соглашении между сторонами может возникнуть спор о распространении либо нераспространении оговорки, содержащейся в договоре, на иски о взыскании неосновательного обогащения, о диффамации, о взыскании убытков в связи с нарушением антимонопольного законодательства, о взыскании убытков в связи с мошенничеством при заключении договора, о взыскании убытков в связи с нарушением фидуциарной обязанности и т.п.

Германский исследователь У. Магнус со ссылками на доктрину и судебную практику указывает, что в Германии при наличии спора об объеме оговорки оговорка распространяется на деликтные иски, а также на споры о недействительности основного договора [5].

В США в зависимости от штата вопрос толкования соглашения разрешается по-разному и какое-либо законодательное регулирование по данному вопросу отсутствует. Так, Г. Борн со ссылками на ряд решений американских судов указывает, что формулировка соглашения «споры, возникающие из настоящего договора» является более узкой, чем формулировка «споры, относящиеся к настоящему договору» и по этой причине не охватывает внедоговорные требования. Однако далее Г. Борн подчеркивает, что такая практика не является устоявшейся. В большинстве дел нижестоящие суды при толковании соглашений исходят из того, что формулировка «споры из настоящего договора» охватывает как договорные, так и внедоговорные требования, поскольку, по мнению судов, рассмотрение всех споров (как договорных, так и внедоговорных, но связанных с договором) в одном форуме позволяет осуществить более тщательное и эффективное рассмотрение дела. Такой подход американских судов основан на аналогичной позиции, сформированной для толкования объема арбитражных соглашений.

Актуальная английская доктрина и судебная практика исходят из того, что формулировка соглашения «споры, в связи с настоящим договором» является достаточной и охватывает любые требования, в том числе внедоговорные, но связанные с договором (например, требования в связи с введением в заблуждение на преддоговорной стадии или нарушением обязанности по раскрытию документов на этапе заключения договора). Сказанное основано на презумпции, что стороны, действуя как разумные предприниматели, имели своим намерением подчинить все споры компетенции одного форума.

Таким образом, по утверждению английского исследователя Р. Фентимана, современный английский подход по толкованию соглашений заключается в том, чтобы отказаться от «хитрого использования

слов и формулировок» и толковать соглашения о международной подсудности максимально широко в соответствии с их естественным предназначением [5].

В отечественном правопорядке, если стороны не договорились об ином, соглашение о международной подсудности по спору, возникающему из договора или в связи с ним, распространяется и на любые действия сторон пророгационного соглашения, направленные на исполнение, изменение или расторжение указанного договора. Соглашение, содержащееся в договоре, распространяется также на любые споры, связанные с заключением договора, его вступлением в силу, изменением, прекращением, действительностью, в том числе с возвратом сторонами всего исполненного по договору, признанному недействительным или незаключенным, если иное не следует из самого пророгационного соглашения [1]. Таким образом, в отечественном правопорядке имеет место широкое толкование объема соглашения.

В заключение необходимо отметить, что в иностранных правопорядках отсутствуют какие-либо жесткие презумпции в пользу более широкого или узкого подхода для определения объема споров, включенных в оговорку. Напротив, суды при толковании соглашений о подсудности применяют общие принципы толкования гражданско-правовых договоров в целях установления волеизъявления сторон.

В ряде случаев суду, рассматривающему спор о подсудности, посредством толкования необходимо установить не только объем споров, охватываемых соглашением, но и установить, согласован ли сторонами в принципе компетентный форум и компетентный суд. Место рассмотрения спора должно быть указано ясным и однозначным образом в соглашении, в противном случае может возникнуть спор о том, имеет ли соглашение юрисдикционный эффект. Поскольку соглашение о международной подсудности не имеет своей целью определение компетенции конкретного суда (как в случае с территориальной или родовой подсудностью при наличии внутреннего спора), то отечественные и зарубежные суды, как правило, признают исполнимыми соглашения о международной подсудности, которые не содержат указания на конкретный суд, но указывают лишь на государственные суды определенного государства.

Практика российских судов общей юрисдикции свидетельствует, однако, о том, что суды общей юрисдикции придерживаются в ряде дел иного подхода, часто требуя четкого указания в соглашении о международной подсудности конкретного суда, компетентного по вопросам рассмотрения споров. Представляется, что такой подход российских судов общей юрисдикции нельзя признать правильным, поскольку он

полностью противоречит понятию соглашения о международной подсудности. Необходимость точного обозначения компетентного суда характерна для пророгационных соглашений без иностранного элемента, но не для международной договорной подсудности.

Список литературы

1. О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом: постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23 (п. 10). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Определение Московского городского суда от 20.10.2010 № 4Г/1-7776.
3. Богданова Н.А. Регулирование соглашений о международной подсудности в соответствии с новым Регламентом ЕС о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 8. С. 47–52.
4. *Лебедев М.Ю.* Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 218 с.
5. *Саенко А.В.* Принципы международного гражданского процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 27 с.
6. *Шак Х.* Международное гражданское процессуальное право: учебник. М.: БЕК, 2014. 560 с.

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА – ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

М.С. Турхин, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье освещаются вопросы регулирования одного из основных направлений деятельности российской прокуратуры – надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, практика работы органов прокуратуры по данному вопросу.

Ключевые слова: права; свобода; прокурорский надзор; правовой статус; личность.

Россия является правовым государством, один из важнейших признаков которого – провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью. Права и свободы человека характеризуют уровень разви-

тия общества, обуславливают взаимоотношения личности и государства, а гарантом их реализации на территории нашей страны служит Конституция Российской Федерации. Иными словами, правовой статус личности определяют как совокупность прав и свобод, обязанностей и ответственности, которыми обладает личность в рамках существующих норм права.

Права человека принадлежат каждому члену общества и составляют одну из важнейших общечеловеческих ценностей, а государство, в свою очередь, обязано обеспечить их защиту и реализацию. Понятие «права человека» сегодня широко используется в различных научных исследованиях, в общественно-политической жизни, однако до сих пор отсутствует единое четкое определение данной категории. Так, например, ученый-юрист Л.С. Явич писал: «Права человека – это социальный феномен, отражающий важные черты, свойства, качества человеческой личности, обусловленные данной ступенью исторического развития общества» [6, с. 117]. В политико-терминологическом словаре отмечено, что права человека – это «принципы и нормы взаимоотношений между государством и людьми», а значит, это некие государственно-властные отношения.

Таким образом, анализ научной литературы позволил обобщить мнения известных авторов и сформулировать свое определение: права человека – это конкретные правила поведения, которые базируются на моральных нормах всего человечества и определяют минимум условий для сохранения человеческого достоинства и жизни.

Права человека являются производной категорией, вытекающей из самой природы человека пользоваться элементарными, наиболее важными благами и условиями безопасного, свободного существования личности в обществе. Анализ различных характеристик данного определения дает возможность сделать вывод, что «права человека» определяются и как понятие, и как система принципов, норм и традиций, и как мера свободы [1].

Защита прав и свобод человека – это обязанность государства, которую оно реализует с помощью системы правоохранительных органов, таких как органы внутренних дел, органы прокуратуры, судебная система и др. В рамках настоящего исследования хотелось бы уделить особое внимание вопросам защиты прав и свобод человека посредством органов прокуратуры.

Прокуратура является главной инстанцией в нашей стране, куда люди потенциально готовы обратиться в случае нарушения гражданских и предпринимательских прав. Такой вывод можно сделать, ознакомившись с результатами опроса Всероссийского центра изучения

общественного мнения (ВЦИОМ), изучившего отношение граждан и представителей бизнеса к правоохранительным и судебным органам. Согласно данным ВЦИОМ, почти половина респондентов (48 %) и 2/3 представителей бизнеса (67 %) подали бы заявление именно в прокуратуру [7].

Будучи одним из наиболее эффективно действующих правоохранительных и правозащитных институтов, прокуратура имеет следующие функции: надзорную, уголовное преследование в определенных законом рамках, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие в отправлении правосудия, участие в правотворческой деятельности, сотрудничество с международными организациями и соответствующими органами по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, информационно-аналитическую.

Внимательный анализ содержания данных направлений деятельности свидетельствует о правозащитном характере абсолютно всех функций прокуратуры, поскольку все они связаны с предупреждением, выявлением, пресечением нарушений прав, свобод и законных интересов различных субъектов права, а также их охраной и защитой.

В недалеком прошлом прокуратура выступала не только надзорной структурой, но и органом, осуществляющим уголовное преследование. Сегодня прокуратура находится практически вне уголовно-правовой сферы. Эффективность данной формы реализации полномочий прокуратуры показала положительность ее функционирования в практической деятельности.

Существенное место в прокурорской деятельности занимает надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Казалось бы, в интересах человека и гражданина действуют и иные правоохранительные органы. Вместе с тем только прокуратура является гарантом реального соблюдения прав, свобод и законных интересов различных субъектов, поскольку выступает наиболее эффективным правозащитным органом в силу своей централизованности, наличия особых правовых средств воздействия.

Еще несколько лет назад генпрокурор Ю. Чайка в интервью «Российской газете» заявил, что одна из главных функций прокуратуры – правозащитная. Функции прокуратуры реализуются посредством выполнения основных видов деятельности, которые закреплены законодательно, и осуществляются ее органами и учреждениями в соответствии с наделенными на то полномочиями по достижению целей и задач, стоящих перед прокуратурой Российской Федерации [4]. Это, в

свою очередь, позволяет сделать вывод, что работа российской прокуратуры направлена на защиту конституционных прав и свобод человека.

К сожалению, в сегодняшней России по-прежнему еще не сформировано реальное уважение к человеку, его правам, свободам и законным интересам как со стороны представителей власти, так и других людей. Данный вывод подкрепляется статистическими данными обращений граждан по поводу нарушения их прав и свобод.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации отметил, что «ведомству важно повысить эффективность работы по защите социальных прав граждан». В ходе заседания глава государства также отметил, что на особом контроле должны оставаться вопросы господдержки многодетных и малообеспеченных семей, граждан с ограничениями по здоровью, пенсионеров и охрана прав несовершеннолетних.

Во исполнение данного поручения, в целях усиления надзорной деятельности в обозначенных сферах руководством Генпрокуратуры выработаны механизмы эффективного контроля, своевременного выявления и реального устранения нарушений прав граждан, в том числе прав и интересов несовершеннолетних.

Ежегодно органы прокуратуры встают на защиту интересов миллионов граждан, чаще всего в сфере социального обеспечения, трудового, семейного, жилищно-коммунального законодательства. Однако наибольшую озабоченность во втором полугодии 2019 г. вызывало состояние законности в сфере соблюдения прав и интересов несовершеннолетних. В указанный период в подростковой среде актуальным «развлечением» закрепилось жевательное (сосательное) вещество, так называемый СНЮС с высоким содержанием никотина, в частности, содержание никотина в одном пакетике вещества превышает его присутствие в одной сигарете в десятки раз.

В обозначенном периоде СНЮС на территории Российской Федерации приобрел характер эпидемии, поразившей подростковую среду. За 2 полугодие 2019 г. – 2 месяца 2020 г. зафиксированы многочисленные факты отравления несовершеннолетними никотиносодержащей продукцией СНЮС, что в свою очередь вызывает широкий общественный резонанс. Вместе с тем прямого запрета законодателем на продажу данного вещества не установлено, ввиду того, что СНЮС считается бестабачной продукцией и соответственно не подпадает под установленные федеральным законодательством ограничения.

В рамках проводимого нами исследования хотелось бы обратить внимание на опыт работы органов прокуратуры Чувашской Республики в сфере защиты прав и свобод граждан, в частности охраны жизни и здоровья несовершеннолетних.

В целях организации результативной работы по пресечению фактов распространения и употребления никотиносодержащей продукции (СНЮСа) на территории региона органами прокуратуры республики принимаются меры по предотвращению употребления и распространения никотиносодержащих (бестаbachных) смесей (СНЮСа).

Так, только в декабре 2019 г. прокуратурами районов и городов региона проведены проверки образовательных организаций и торговых сетей на предмет реализации никотиносодержащей продукции СНЮС, ее распространения среди несовершеннолетних. В ходе надзорных мероприятий в торговых точках изъято свыше 140 упаковок никотиносодержащих (бестаbachных) смесей. По фактам продажи названной продукции прокурорами инициированы процессуальные проверки, в рамках которых назначены исследования изъятой продукции.

Основное количество продукции в ходе прокурорских проверок изъято на территории г. Чебоксары.

Владельцам организаций розничной торговли и региональным руководителям торговых сетей органами прокуратуры республики объявлено 11 предостережений о недопустимости продажи СНЮСа несовершеннолетним, учитывая, что данная продукция негативно влияет на их психическое и физическое развитие.

По фактам ненадлежащей работы по профилактике потребления никотиносодержащей продукции обучающимися в адреса руководителей ряда образовательных организаций республики прокурорами внесено 14 представлений об устранении имеющихся нарушений. По результатам рассмотрения акты прокурорского реагирования удовлетворены, образовательными организациями активизирована профилактическая работа в указанной сфере, виновные лица привлечены к дисциплинарной ответственности.

Кроме того, в целях устранения пробела регионального законодательства, регулирующего вопросы реализации бестаbachной (никотиносодержащей) продукции, создания дополнительных мер по защите здоровья детей прокуратурой республики в Государственный Совет Чувашской Республики в рамках законодательной инициативы внесено 2 законопроекта, предусматривающие установление запрета на продажу СНЮСа несовершеннолетним и закрепление административной ответственности за нарушение этого запрета.

Прокуратурой республики принимаются меры по блокированию доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию о продаже СНЮСа и табачных изделий. Так, за указанный период в суды направлено 29 административных исков о признании данной информации запрещенной, все из которых удовлетворены.

Перечисленные факты убедительно свидетельствуют о том, что надзор за соблюдением прав и свобод человека как одно из приоритетных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации «должен быть сохранен, чтобы обеспечивать оперативное, своевременное, а самое главное, действенное реагирование на нарушения прав человека и гражданина» [1].

По словам доктора юридических наук Т.А. Ашурбекова, заслуженного юриста Российской Федерации, «сегодня сотни тысяч актов прокурорского реагирования, содержащих квалифицированную правовую оценку по всему спектру правовых отношений, зачастую выступающих единственными в своем роде образцами (ориентирами) правомерного поведения, играют значительную позитивную роль в формировании надлежащей правоприменительной практики» [5, с. 137].

Таким образом, практика показывает, что деятельность органов прокуратуры – важнейший инструмент защиты прав и свобод человека, к которому граждане достаточно часто обращаются в досудебном и внесудебном порядке. Наличие альтернативных суду средств отстаивания нарушенных прав в системе государственного аппарата способствует повышению эффективности всей правовой системы.

Нарушения прав и свобод человека и гражданина, являющиеся актуальной проблемой в современный период развития российской государственности и правовой системы, снижение эффективности работы судов (волокита) вследствие увеличения объема рассматриваемых дел, недоступность для многих граждан услуг адвокатов ввиду финансовой составляющей, что в совокупности ведет к ослаблению правовой защищенности граждан, подчеркивают необходимость совершенствования и активизации прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [3].

Правозащитная деятельность прокуратуры должна быть направлена на реальное соблюдение прав и свобод граждан государственными органами и должностными лицами, чтобы граждане были уверены в том, что их права и интересы надежно защищены и что они в случае нарушения этих прав и свобод могут рассчитывать на помощь прокуратуры.

В результате проведенного исследования можно сделать следующий вывод: деятельность органов прокуратуры в первую очередь

направлена на реализацию правозащитной функции, а также на сокращение деструктивных явлений, которые, к сожалению, пока характерны для нашего общества.

Список литературы

1. *Громова О.М.* Права и свободы человека и гражданина как одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры // Стратегическое управление: теория, практика, проблемы: материалы XIV Регион. науч.-практ. конф. Владимир, 2017. Т. 3. С. 93–104.
2. *Каинов А.С.* Место и роль прокуратуры в функционировании институтов гражданского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Пенза: Пензенский гос. ун-т. 2018. № 1 (45). С. 81–88.
3. *Коваленко Т.С.* Защита прав и свобод человека и гражданина как основа взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры // Вестник Костромского гос. ун-та. 2018. № 1. С. 224–229.
4. *Лебедев В.А.* Место прокуратуры в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина // Южно-Уральский юридический вестник. 2018. № 1 (65). С. 20–24.
5. Научные основы определения приоритетов деятельности органов прокуратуры / К.И. Амирбеков [и др.] // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2014 году. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. С. 120–148.
6. Общая теория права / С.С. Алексеев [и др.] // Известия высших учебных заведений. Правоведение. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. 1976. № 4. С. 117–119.
7. Прокуроров оценили в баллах. Опубликован рейтинг доверия к силовым структурам и судам // Рос. газ. 2018. № 109 (7572).

ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Х.М. Файзрахманов, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современный конституционный строй в Российской Федерации формирует собственность в качестве базиса политических и рыночных отношений. В частности, из всех объектов прав собственности наибольшей значимостью характеризуются объекты недвижимости, в силу выполняемой социальной функцио-

нальной роли. Осуществление любых вещных прав, включая право собственности, должно быть обеспечено гарантией защиты со стороны государства, поскольку владение создает ту основу, без которой удовлетворение потребностей субъектов гражданского права в вещах затруднительно или вовсе невозможно.

Ключевые слова: собственность; охрана права собственности; защита права собственности; присвоение.

Рассмотрение вопроса о понятии и функциях охраны и защиты права собственности предопределяет необходимость прежде определиться с тем, что представляет собой право собственности вообще. Однако вопрос о собственности по сей день в науке не решен однозначно. Так, можно выделить несколько теорий о собственности.

Прежде всего, это теория о собственности как продолжение личности человека в вещах. Так, К.И. Скловский, считая, что любое определение собственности будет ограничивать данное правовое явление, выделяет такие свойства собственности, как исключительность, абсолютность и бессрочность [7]. Н.Н. Алексеев также полагает, что собственность является выражением качеств личности, ее свойств [1].

В науке существует теория о собственности как о форме присвоения, послужившая основанием для понимания собственности в экономическом значении, т.е. не как природного и экономического процесса – «присвоения», а как его результата – особого объективного факта «присвоенности», «принадлежности» [3]. В данном аспекте собственность одними учеными понимается как результат присвоения [4], а другими, как процесс присвоения, который в то же время «не может быть специфическим признаком права собственности» [5].

Можно обозначить и еще одну теорию собственности, определяющую собственность посредством отношения лица к вещи [9] и тем самым «выражает отношения между людьми по поводу материальных благ, заключающиеся в принадлежности благ одним лицам (или их коллективам) и в отчужденности от них всех других лиц» [6].

Несмотря на критику некоторых ученых данной теории, трактовка собственности посредством отношения к вещи как к своей собственной является наиболее ценной, «поскольку отражает саму суть: отношение лица к вещи, что не зависит от категории субъекта вещного права».

Право собственности рассматривается как правовой институт, как субъективное право и как правоотношение. Как пишет Е.А. Суханов, «в отечественной юридической литературе с дореволюционных времен отношения собственности характеризуются двояко: во-первых,

как отношение лица к имуществу (материальным благам) как к своему, присвоенному, поскольку его можно непосредственно использовать по своему усмотрению и в собственных интересах (вещественная сторона отношений собственности); во-вторых, как отношение между людьми по поводу этого имущества, которое состоит в том, что лицу, присвоившему конкретный объект, другие лица не должны препятствовать в его самостоятельном использовании, а лицо может отстранять или допускать этих лиц к его использованию, в том числе путем заключения различных договоров (общественная сторона отношений собственности)» [8].

В российском гражданском праве доминирует классическая либеральная концепция собственности, обогащенная российскими правовыми традициями. Представители науки гражданского права полагают справедливым утверждение многих исследователей, «что понятие «частная собственность» стало собирательным понятием – общим термином, противостоящим публичному или общественному присвоению, т.е. государственной и муниципальной (публичной) собственности».

Основные начала гражданского законодательства, закрепленные в ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), – это и есть черты и требования частного права. Для частного права особо важна «недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела». Это означает, что право собственности, закрепленное в ГК РФ, только одно – это частная собственность. В теории гражданского права принято считать, что право собственности имеет абсолютный характер. Так, Е.А. Суханов считает, что «вещные права носят абсолютный характер, и их содержание важно знать всем третьим лицам, значит, оно должно быть заранее определено законом». Вещные – абсолютные права, обязательственные – относительные [8].

Е.А. Суханов, признавая абсолютный характер права собственности, пишет о том, что «собственность, отражая статику имущественных отношений, заключается в установлении над материальными благами такого хозяйственного господства, которое позволяет собственнику по своей воле устранять или допускать всех прочих лиц к использованию своего имущества, самостоятельно определяя характер такого использования» [8].

Праву собственности как абсолютному праву придерживается и судебная практика. Наиболее правильной характеристикой права собственности было бы признание ограниченного характера данного права, что связано с концепцией социальной функции собственности. В доктрине зарубежного права весьма распространено мнение о том, что право собственности утратило свой первоначальный абсолютный

характер, однако, как видно, отечественная теория гражданского права не признает этот факт и то реально существующее положение в сфере регулирования отношений собственности, которое существует в отечественном законодательстве.

В отличие от мнения Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, который, как отмечалось выше, считает, что право собственности имеет абсолютный характер, иной позиции придерживается Конституционный Суд РФ. Он неоднократно отмечал: «право частной собственности и свобода предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности не являются абсолютными и могут быть ограничены, однако как сама возможность ограничений, так и их характер должны определяться на основе Конституции Российской Федерации, согласно статье 55 (часть 3) которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [1].

В действующем гражданском законодательстве отсутствует легальное определение права собственности. В ст. 209 ГК РФ право собственности раскрывается совокупность полномочий собственника: право владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Как можно заметить, законодатель возлагает на собственника только права вне связи с обязанностями, которые возлагаются на собственника в других отраслях права.

Таким образом, главный смысл, заложенный в основу права собственности, – извлечение материальной пользы, выгоды. Особенно важно, что в содержании права собственности отсутствуют внутренние пределы его осуществления. Право собственности определяется как совокупность определенных прав или правомочий вне связи с обязанностями, которые возлагаются на собственника. Права собственника в отношении вещи рассматриваются как свобода, господство, монополия. Данные права реализуются собственником по его воле, по его усмотрению наиболее абсолютно.

Собственность, являясь материальной основой любого общественного строя, предопределяет необходимость ее охраны практически всеми отраслями права. Гарантии защиты права собственности провозглашены в ст. 35 Конституции РФ. Особая форма охраны права собственности предусмотрена нормами гражданского права и представляет собой самостоятельный правовой институт.

В цивилистике ученые предпринимают попытки сформулировать определение защиты права собственности как самостоятельной научно-правовой категории. Так, по общепринятому мнению, охрана и защита права собственности рассматриваются с точки зрения материально-правового аспекта. Однако существует кардинально иная точка зрения, согласно которой рассматриваемая категория включает в свой состав не только возможность применения мер принудительного характера в отношении нарушителя права, но и возможность собственными действиями, совершаемыми в рамках закона, обеспечивать всеобъемлющее осуществление такого права конкретным лицом. Следует подчеркнуть, что защиту целесообразно осуществлять не только после того, как правонарушение и посягательство было совершено, но и в целях профилактики.

Таким образом, под гражданско-правовой защитой права собственности следует понимать совокупность способов (мер) защиты, применяемых правомочным лицом как самостоятельно, так и посредством обращения в органы государственной власти или местного самоуправления, т.е. в определенных формах.

Список литературы

1. *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм // Русская философия собственности. СПб., 1993. 510 с.
2. *Алексеев С.С.* Право собственности. Проблемы теории. М.: Норма, 2008. 239 с.
3. *Братусь С.Н.* Советское гражданское право / под ред. С.Н. Братуся. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 680 с.
4. *Генкин Д.М.* Право собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. 223 с.
5. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. СПб., 2001. Т. 1. 730 с.
6. *Пугинский Б.И.* Право собственности в СССР / под ред. Ю.К. Толстого, В.Ф. Яковлева. М.: Юрид. лит., 1989. 288 с.
7. *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2008. 922 с.
8. *Суханов Е.А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
9. *Чердакова Л.А.* О субъектах права муниципальной собственности: дискуссии продолжаются // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5. С. 25–26.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА

Х.М. Файзрахманов, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Вещные права занимают особое место в общей системе гражданских прав. При этом большое внимание уделяется праву собственности, которое затрагивает практически все сферы жизни и деятельности человека. Исходя из этого, признание права собственности обладает двойственным характером, который проявляется в том, что, с одной стороны, предполагает реализацию правомочий, содержащихся в нем, а с другой – требует его охраны и защиты.

Ключевые слова: право собственности; защита собственности; охрана имущественных прав; охрана собственности; правообладатель.

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации объектами гражданских прав являются, в частности, нематериальные блага. Общепризнанным является тот факт, что объектом права собственности нематериальные блага не являются. Однако на практике, исходя из анализа норм действующего законодательства, можно найти обратное применительно к отдельным видам неимущественных прав.

Так, определенной защите подлежит наименование юридического лица, средство индивидуализации. В ч. 1 ст. 54 ГК РФ указывается, что любое юридическое лицо имеет наименование, которое выполняет определенную утилитарную функцию – индивидуализирует юридическое лицо, выделяя его из массива других юридических лиц. Далее в ГК РФ отмечается, что коммерческая организация имеет фирменное наименование, которое является охраняемым законом средством индивидуализации юридического лица, правовой режим фирменного наименования определен гл. 76 ГК РФ. Предоставляя защиту фирменному наименованию, законодатель стремился защитить коммерческие организации от недобросовестных действий конкурентов, которые могли бы извлекать выгоду из сходства с чужим фирменным наименованием или причинять вред правообладателю фирменного наименования.

Некоммерческие юридические лица, основной целью создания которых не является извлечение прибыли, по логике законодателя, не нуждались в защите своего наименования с точки зрения конкуренции на рынке. Коммерческая деятельность, хотя и разрешена для некоммерческой организации, должна быть побочным видом деятельности и

служить лишь для достижения основной цели создания такой организации. Подобная позиция представляется вполне логичной, однако в условиях российской правовой действительности она оказалась не в полной мере продуманной на перспективу.

Фактически указанные законодательные решения создавали опасность для некоммерческих организаций остаться без защиты прав на свое наименование, что в последующем и показала судебная практика. Некоммерческим организациям отказывали в защите прав на их наименования. При этом аргументация, которую использовали судьи, сводилась к тому, что наименование некоммерческой организации не указано в качестве средства индивидуализации (п. 4 ст. 54, п. 1 ст. 1473 ГК РФ) и на него не распространяется правовая охрана, установленная § 1 гл. 76 ГК РФ. Ввиду этого предусмотренные ст. 1473 ГК РФ правила, в том числе запреты, содержащиеся в п. 4 данной статьи, на некоммерческие организации не распространяются. Тот факт, что некоммерческая организация имела обоснованный интерес защитить свои права на использование наименования, судами не анализировался [3].

Более того, заложниками такого положения вещей оказались и коммерческие организации. Подобное толкование норм ГК РФ породило прецеденты, когда коммерческие организации не получали защиты своего средства индивидуализации (фирменного наименования, коммерческого обозначения или товарного знака). При рассмотрении подобных споров судьи отказывали в защите средств индивидуализации на том основании, что наименование некоммерческой организации не является средством индивидуализации и не может нарушать права на товарный знак, фирменное наименование или коммерческое обозначение [4]. В судебной практике встречались единичные случаи, когда суды, исходя из поведения ответчика, которое явно свидетельствовало о злоупотреблении, защищали интересы коммерческой организации в отношении их средств индивидуализации [5].

В 2011 г. попытку решить эту проблему предпринял законодатель: в ст. 4 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [1] была внесена ч. 1.1, в которой определялось, что некоммерческая организация имеет исключительное право на использование своего наименования. Судам оставалось только определить пределы его защиты. Но эта попытка законодателя не привела к изменению сложившегося в судебной практике подхода. Включение в федеральный закон нового понятия «исключительное право на использование наименования некоммерческой организации», не имеющего ничего общего с исключительным правом на средства индивидуализации, да и вообще с исключительным правом в целом, осложнило его понимание.

В настоящее время в п. 152 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление от 23.04.2019 № 10) [2] решен вопрос о защите права собственника фирменного наименования при прекращении данного права.

Так, требование прекратить использование фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию правообладателя или сходного с ним до степени смешения, в отношении видов деятельности, аналогичных видам деятельности, осуществляемым правообладателем, или изменить фирменное наименование, а также возместить правообладателю причиненные убытки в силу п. 4 ст. 1474 ГК РФ может заявить только правообладатель.

В ходе рассмотрения соответствующего спора судом должно быть установлено, что истец и ответчик имеют тождественные или сходные до степени смешения фирменные наименования и фактически занимают конкретными установленными судом аналогичными видами деятельности.

Различие организационно-правовой формы как части фирменного наименования истца и ответчика само по себе не свидетельствует об отсутствии нарушения права на фирменное наименование.

Требование о прекращении использования фирменного наименования может быть удовлетворено, если нарушение имеет место на момент вынесения судом решения.

При этом выбор способа прекращения нарушения исключительного права – прекращение использования фирменного наименования в отношении конкретных определенных судом видов деятельности или изменение фирменного наименования в силу п. 4 ст. 1474 ГК РФ – принадлежит не истцу, а ответчику. В связи с этим в резолютивной части решения суда, установившего факт нарушения права на фирменное наименование истца, указывается на запрет ответчику осуществлять определенные виды деятельности под определенным фирменным наименованием. Выбор способа исполнения такого решения суда осуществляется ответчиком на стадии исполнения решения суда.

Исковая давность распространяется на требования о возмещении убытков, причиненных неправомерным использованием фирменного наименования.

Органу, осуществляющему государственную регистрацию юридических лиц, на основании п. 5 ст. 1473 ГК РФ предоставлено право предъявить в суд только иск о понуждении к изменению фирменного наименования и только в том случае, если фирменное наименование юридического лица не соответствует требованиям пунктов 3 или 4 этой

статьи. Такой иск может быть предъявлен в суд, пока действует исключительное право на фирменное наименование.

Иным лицам право требования от юридического лица прекращения нарушения положений § 1 гл. 76 ГК РФ не предоставлено.

Проведенный анализ проблем, возникающих при охране и защите права собственности, позволяет сделать следующие выводы.

В случае принятия Российской Федерацией закона, прекращающего право собственности на движимое имущество, убытки, причиненные собственнику в результате принятия этого акта, в том числе стоимость имущества, возмещаются государством. Споры о возмещении убытков разрешаются судом [6].

Несмотря на то, что в настоящее время в Российской Федерации сложился единый механизм правового регулирования изъятия у собственников (владельцев) земельных участков для государственных и муниципальных нужд, многочисленные судебные споры, связанные с предварительным и равноценным возмещением, а также компенсацией убытков (прежде всего упущенной выгоды) за изъятый земельный участок, подтверждают наличие определенной проблемы, требующей своего разрешения на уровне вынесения отдельного постановления Верховного Суда РФ с целью выработки единого ориентира для всех участников гражданского оборота.

Действующая правоприменительная практика позволяет по-новому взглянуть на требования о защите прав на наименование юридического лица. Учитывая, что неимущественное право на наименование юридического лица принадлежит не только некоммерческим организациям, а юридическим лицам в целом, представляется, что иском о защите неимущественного права на наименование юридического лица могут воспользоваться коммерческие организации в случаях злоупотребления со стороны некоммерческих организаций при выборе и использовании своего наименования.

Список литературы

1. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 145.
2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 07.03.2014 № С01-106/2014 по делу № А40-64429/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.10.2016 № С01-813/2016 по делу № А60-47048/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 06.04.2015 по делу № А79-7106/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Некеров Е.А.* Защита неимущественного права на наименование некоммерческой организации. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 11.07.2017 № 53-КГ17-12 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 4–7.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПЕЦИФИЧЕСКИХ СПОРОВ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ДТП

Д.В. Федоров, магистрант, **А.А. Синичкин**, канд. юрид. наук, доц.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Вопросы формирования и реализации позиции адвоката являлись и являются одними из центральных областей исследований современной юридической науки. Адвокатура неотделима от общества, в котором она существует, что прослеживается на всех исторических этапах ее развития. Состояние адвокатуры определяется уровнем развития общественных отношений в разрезе того или иного исторического периода, а также национальными, религиозными, экономическими, культурными и другими особенностями. В статье рассматривается деятельность адвоката при разрешении специфических споров о возмещении вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: адвокат; доверитель; представительство; суд; дорожно-транспортное происшествие; ответственность; транспорт.

Квалифицированная юридическая помощь, оказываемая адвокатами, невозможна без выработки позиции применительно к особенностям отдельно взятого дела. Позиция адвоката по конкретному делу (правовая позиция) всегда специфична ввиду того, что в юридической практике не существует абсолютно одинаковых адвокатских ситуаций. Цели сторон по одному и тому же делу, как минимум, нетождественны, способы достижения целей разнообразны. Тем не менее в задачи юридической науки входит не только исследование отдельно взятых явле-

ний, но и их систематизация, поиск взаимосвязей, разработка универсальных алгоритмов – подходов к решению схожих по своей природе проблем, казусов.

Обратной, негативной стороной автомобилизации являются дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП) – события, которые, к сожалению, невозможно полностью исключить из дорожного движения. Ежегодный ущерб от ДТП в России, который складывается из стоимости сокращения объема производства и потребления со стороны пострадавших, расходов на восстановление транспортных средств и лечение пострадавших, составляет порядка 2,5 % ВВП [5].

Очевидно, что эффективно регулировать вопросы возмещения вреда в результате ДТП на заре XXI столетия с учетом массовости данных событий, основываясь исключительно на нормах гражданского законодательства, стало весьма проблематично. Возникла необходимость внедрения новых правовых инструментов, что и обусловило принятие в 2002 г. Федерального закона (далее – ФЗ) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» («Об ОСАГО») [3]. Примечательно, что ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» был также принят в 2002 г. [2]. Именно в тот период времени в России наметилась смена вектора общественного развития от модели «дикого рынка» к построению правового государства.

Механизм ОСАГО с момента его создания и вплоть до настоящего времени постоянно совершенствуется. За период действия закона было принято свыше 35-ти его редакций. Размер суммарных страховых выплат увеличился в 2014 г. по сравнению с 2004 г. в 4,8 раза – с 18,5 млрд руб. до 89,08 млрд руб. За период с 2004 по 2014 гг. было осуществлено страховых выплат на сумму 551,2 млрд руб. Общее число потерпевших, получивших возмещение по ОСАГО в 2014 г., по сравнению с 2004 г. выросло в 2,8 раз – с 891 тыс. до 2490 тыс. Тем не менее размер средней страховой выплаты за рассматриваемый период практически не изменился (20790 руб. в 2004 г. и 35772 руб. в 2014 г.), а если учесть инфляционные процессы – снизился, минимум, в 2,5 раза без учета скачкообразной девальвации национальной валюты в 2014 г. [4].

Кроме того, минимум в 2 раза в среднем операторами рынка ОСАГО занижается размер страховой выплаты [4]. Таким образом, действующий механизм ОСАГО не решает в полной мере вопросов, связанных с возмещением вреда в результате ДТП, что, в свою очередь, в массовом порядке порождает судебные споры. Согласно исследованиям, проведенным автором, в среднем в судах общей юрисдикции и

мировыми судьями ежегодно 3–5 % дел (от общего количества) рассматриваются именно по искам, связанным с возмещением вреда в результате ДТП. За период 2012–2014 гг. 2–3 % гражданских дел, рассмотренных Мосгорсудом в апелляционном порядке, составляют дела о возмещении вреда в результате ДТП. Кроме того, судами также в достаточном большом количестве рассматриваются дела, связанные с обжалованием решений должностных лиц Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) Министерства внутренних дел РФ, уголовные дела (по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 г. общее число осужденных по основной статье по гл. 27 УК РФ составило 28 276 чел., из них число осужденных по ст. 264 УК РФ – 9227 чел., а по ст. 264.1 УК РФ – 18987 чел. по отдельным преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта), прочие дела [6].

В свою очередь отметим, что, несмотря на относительную справедливость приведенных выше аргументов, обобщать все же не стоит. Так, в делах о ДТП в ряде случаев ответчиками наряду со страховыми компаниями являются более двух юридических и физических лиц, фигурируют третьи лица. По некоторым делам по ходатайству сторон назначаются судебные автотехнические экспертизы, используются результаты судебно-медицинских экспертиз. В процессе рассмотрения подобных дел и в целом дел о ДТП по существу, реагируя на действия процессуальных оппонентов и (или) определения суда, адвокату приходится значительно менять изначально выбранную позицию, например, в порядке ст. 31 ГПК изменять основание или предмет иска, отказываться от иска; представлять суду иные процессуальные документы и пр. [1].

В соответствии с п. 2. ст. 18 ФЗ об ОСАГО компенсационная выплата в счет возмещения вреда, причиненного имуществу потерпевшего, осуществляется в случаях, если страховая выплата по обязательному страхованию не может быть осуществлена вследствие: применения к страховщику процедуры банкротства, предусмотренной федеральным законом; отзыва у страховщика лицензии на осуществление страховой деятельности.

Согласно п. 1 ст. 19 ФЗ об ОСАГО, по требованиям потерпевших компенсационные выплаты осуществляются профессиональным объединением страховщиков, действующим на основании учредительных документов и в соответствии с настоящим Федеральным законом [6].

Таковым профессиональным объединением страховщиков является РСА, которое в соответствии с п. 7.1 Устава РСА (в ред. 12.03.2012) осуществляет предусмотренные Федеральным законом

№ 40-ФЗ компенсационные выплаты [3]. Исходя из практики, в большинстве случаев РСА осуществляет компенсационные выплаты в связи с отзывом у страховщика лицензии на осуществление страховой деятельности. Однако в ряде случаев РСА необоснованно отказывает в компенсационных выплатах. В такой ситуации адвокатам следует руководствоваться ч. 1 ст. 931, ч. 3 ст. 1079 ГК РФ, ч. 1, ст. 3, 6, 18, 19 ФЗ об ОСАГО.

Споры о возмещении вреда в целом весьма специфичны. При обосновании своих позиций стороны, как правило, вынуждены проводить независимые экспертизы (оценку ущерба) с привлечением экспертов (специалистов), обладающих специальными знаниями, в рамках которых должен быть установлен размер вреда, подлежащий возмещению, в денежном выражении. В свою очередь, именно результаты данных экспертиз служат *lapis offensiois* при разрешении указанных правовых споров, арбитром в которых неизменно выступает суд. Учитывая правовую специфику споров о возмещении вреда, к их разрешению, в большинстве случаев, привлекаются адвокаты, которые представляют интересы сторон в суде. Не являются исключением и споры о возмещении вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

Таким образом, квалифицированная юридическая помощь в случае споров, возникших в результате участия субъектов в дорожном движении, с каждым годом становится все более востребованной, а среди адвокатов появилось относительно новое направление специализации, получившее неофициальное название «автоадвокатура». В свою очередь эффективность юридической помощи, оказываемой адвокатом доверителю либо подзащитному, во многом зависит от правильности разработки позиции по делу – определении стратегии и тактики, основанной на всестороннем анализе и оценке адвокатской ситуации.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.06.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО): федер. закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 18, ст. 1720; Рос. газ. 2012. № 136. 18 июня (с изм. и доп., вступившими в силу с 21.07.2014).
4. Годовой отчет РСА 2015 г. URL: <http://www.autoins.ru/media> (дата обращения: 07.01.2019).

5. Потери экономики страны от ДТП за последние 5 лет составляют 5,5 триллиона рублей // Рос. газ, 2009. 18 дек. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 12.01.2019).
6. Состояние дорог в России. URL: http://forexaw.com/NEWS/EconomyRF/Politics_industries/More_news_on_Russia/94390 (дата обращения: 04.01.2019).
7. Доманов В.Н. Правовые и этические аспекты позиции адвоката по делам, связанным с дорожно-транспортными происшествиями // Адвокатская практика. 2015. № 2. С. 15–19.
8. Доманов В.Н. Формирование позиции адвоката по делам, связанным с дорожно-транспортными происшествиями // Вестник РУДН. 2015. № 1. С. 75–85.
9. Доманов В.Н., Лебедева М.Л. Деятельность адвоката при разрешении специфических споров о возмещении вреда, причиненного в результате ДТП // Вестник Марийского гос. ун-та. 2014. № 2 (14). С. 100–105.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ АВАРИЙНЫХ КОМИССАРОВ НА МЕСТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Д.В. Федоров, магистрант, **А.А. Синичкин**, канд. юрид. наук, доц.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Безопасность дорожного движения выступает одним из социально значимых факторов обеспечения национальной безопасности. В этой связи управлению ею уделяется значительное внимание, равно как и регулярному проведению мониторинга динамики и причин ДТП, их разновидностей и особенностей. Несмотря на тенденцию последних лет, свидетельствующую об общем сокращении аварийности в целом по России, это не должно успокаивать должностных лиц, от действий которых зависит снижение тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий: во-первых, отдельные регионы страны демонстрируют рост и общего количества, и тяжести ДТП, во-вторых, оба эти показателя остаются довольно высокими и в целом по стране. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования деятельности службы аварийных комиссаров на месте дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия; авария; аварийные комиссары; помощь на дороге.

Безопасность участников дорожного движения в значительной степени зависит от скоординированности и грамотности действий субъектов, которые, согласно распределению полномочий, призваны уменьшить тяжесть последствий дорожно-транспортных происшествий (Госавтоинспекция, аварийно-спасательные службы, медицинские работники). В связи с этим определение направлений и принципов эффективного управления безопасностью дорожного движения выступает одним из важнейших элементов государственного управления в сфере обеспечения национальной безопасности.

Институт аварийных комиссаров является сравнительно новым явлением в российской правовой системе, и законодательство РФ не содержит каких-либо специальных нормативных актов, регулирующих их деятельность. Юридические основы этой деятельности определены нечетко.

В п. 9 ст. 294 ч. 2 Налогового кодекса РФ [1] об аварийных комиссарах говорится как о виде специалистов (в том числе экспертов, сурвейеров, юристов), привлекаемых для оценки страхового риска, определения страховой стоимости имущества и размера страховой выплаты, оценки последствий страхового случая, урегулирования страховых выплат.

Также понятие «аварийный комиссар» существует в общероссийском классификаторе профессий, утвержденном Госстандартом в категории ОК 016-94 [3].

Аварийный комиссар (от фр. *commissaire d'avaries*, от средневекового лат. *commisarius* – уполномоченный) – юридическое или физическое лицо, обладающее специальными квалифицированными познаниями по оценке причиненного ущерба, причин страхового случая и др., которое по поручению страховщика оказывает услуги по определению причин и характера события, имеющего признаки страхового случая, и размера причиненных им убытков [4; 5].

В связи с таким определением на практике часто возникает вопрос, не является ли деятельность аварийного комиссара страховой деятельностью, подлежащей лицензированию в соответствии со ст. 32 Закона «Об организации страхового дела в РФ»? Здесь важно, что выполнение функций аварийных комиссаров не связано с заключением договора страхования, не оплачивается непосредственно из денежных фондов, формируемых из страховых взносов, и, соответственно, не является страховой деятельностью и не подлежит лицензированию.

Подобная деятельность не запрещена законом и не входит в перечень видов деятельности, которыми юридическое лицо может зани-

маться только на основании специального разрешения (лицензии). Поэтому в соответствии со ст. 49 ч. 1 Гражданского Кодекса РФ [1] создание службы аварийных комиссаров возможно в любой организационно-правовой форме.

Согласно ст. 25.5 КоАП РФ [2], для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, защитник и представитель допускаются к участию в производстве по делу с момента составления протокола об административном правонарушении. По гражданским делам возможно ведение дел в суде через представителей.

В соответствии с п. 2.5 Правил дорожного движения [6] водитель, причастный к ДТП, обязан произвести ряд обязательных действий, невыполнение которых влечет за собой административную ответственность (ст. 12.27 КоАП РФ) [3]. Закон, однако, не запрещает третьим лицам, в частности, представителям службы аварийных комиссаров, при этом помогать водителю в осуществлении данных обязанностей, к примеру, оказывать доврачебную медицинскую помощь участникам ДТП, содействовать в установлении очевидцев происшедшего и др.

По сведениям ГИБДД, за последние 8 лет количество автотранспорта в России увеличилось почти в полтора раза. Оренбургская область не стала исключением из общероссийской тенденции и на 2016 г. в регионе зарегистрировано свыше 700 тыс. автотранспортных средств. В самом Оренбурге количество автомобилей также с каждым годом неуклонно увеличивается, что не могло не отразиться на количестве дорожно-транспортных инцидентов (ДТИ) и происшествий (ДТП).

ДТИ – это случай, вызванный нарушением составляющей системы дорожного движения и включает в себя все события, начиная от неправильной парковки, заканчивая гибелью людей. ДТП – случай, являющийся определенным сегментом в структуре ДТИ и вызвавший гибель, ранение или телесное повреждение участников дорожного движения, поэтому на его регистрацию и ликвидацию должны выезжать исключительно сотрудники ГИБДД в отличие от простого инцидента, где его участники могут самостоятельно разобраться в сложившейся ситуации [6].

В условиях медленной модернизации дорожной инфраструктуры крупные населенные пункты, где сосредоточена большая часть автотранспортных средств, столкнулись с проблемой резкого увеличения количества именно ДТИ и, как следствие, возникновения дорожных заторов из-за медленного устранения их последствий.

В настоящее время объем потенциальных работ для сотрудников ГИБДД велик, поэтому оперативность выполнения их работ очень

важна. Ввиду большого количества ДТП на дорогах, сотрудники ГИБДД не успевают вовремя и оперативно ликвидировать последствия ДТП, а уровень бытовой культуры у многих водителей оставляет желать лучшего, поэтому разбирательства на месте аварии могут закончиться и дракой, и причинением вреда личному имуществу. Поэтому все чаще автовладельцы предпочитают вызывать аварийных комиссаров [6].

Необходимо отметить, что обязательно должна существовать нормативно-правовая база, регулирующая процесс осуществления деятельности аварийных комиссаров, которая будет подконтрольна ГИБДД, а также необходимо получать разрешение на осуществление данного рода деятельности.

Итогом данных преобразований должно стать наделение аварийных комиссаров необходимыми полномочиями по оформлению необходимых документов, касающихся ДТП, даже в тех случаях, когда согласие между водителями отсутствует. В таком случае сотрудники полиции смогут не выезжать на малозначительные ДТП, значительно экономя при этом свое служебное время. В то же время законные интересы водителей транспортных средств будут защищены.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сделать вывод, что организация деятельности службы аварийных комиссаров нуждается в усовершенствовании с законодательной точки зрения, а именно:

- 1) необходимы государственная поддержка деятельности аварийных комиссаров и закрепление их статуса на законодательном уровне;
- 2) деятельность аварийных комиссаров должна носить подконтрольный характер;
- 3) для допуска к осуществлению своей деятельности в области разбора ДТП аварийный комиссар должен проходить профессиональную подготовку с последующей сдачей квалифицированного экзамена по Правилам дорожного движения, правилам заполнения документации по дорожно-транспортным происшествиям и иным навыкам, необходимым в деятельности сотрудника ГИБДД.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Парламентская газета. 2000. 10 авг. № 151–152.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. М.: Рид Групп, 2012. 416 с.
3. ОК 016-94 Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР). Введ. 1996-01-01. М.: Изд-во стандартов, 2012. 197 с.

4. *Алексеев А.П.* Правила дорожного движения 2016 с иллюстрациями с самыми последними изменениями. М.: ЭКСМО, 2016. 160 с.
5. *Рустем Т.Ю.* Кто вы, аварийный комиссар: андеррайтер, аджастер, диспашер, сюрвейер? Терминологический обзор // Финансовый бизнес. 2008. № 5. С. 25–27.
6. *Шевченко К.А.* О деятельности служб аварийных комиссаров с позиции законодательства // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 1. URL: <http://www.eduherald.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

КОРРУПЦИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. Федоров, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассматривается проблема коррупции в правоохранительных органах как угроза национальной безопасности Российской Федерации. В последние годы проблема профилактики коррупционных правонарушений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, приобрела особую актуальность. Ежегодно в России сотрудниками органов внутренних дел (далее – ОВД) совершаются сотни правонарушений, связанных с коррупционными проявлениями. Коррупция проникла во все звенья системы органов внутренних дел, присутствует на всех ее уровнях и на настоящий момент создает серьезную угрозу нормальному функционированию правоохранительных органов.

Ключевые слова: коррупция; борьба с коррупцией; правоохранительные органы; профилактика; уголовная ответственность.

Коррупция в правоохранительных органах является одной из основных угроз национальной безопасности, поскольку подрывает финансовую систему, доверие населения к государству, а также способность государственных служащих защищать национальные интересы путем использования должности для собственного обогащения.

Под коррупцией в ОВД можно понимать виновное деяние, совершенное сотрудниками ОВД в целях удовлетворения личных интересов с использованием собственного служебного положения для других юридических или физических лиц, предполагающее наступление юридической ответственности (при наличии достаточных оснований) в

рамках действующего законодательства. При этом каждый случай применения формулировки фиксируется и негативно сказывается на репутации органов внутренних дел.

Борьба с коррупцией не является отраслевой реформой. Она имеет влияние на все сферы жизни общества, но нуждается в системных институциональных изменениях, которые в конце концов должны изменить общественное сознание. Только нулевая толерантность к коррупции позволит ввести новые стандарты поведения для госслужащих и восстановит доверие к государственным институтам. По своей сути коррупция, коррупционные проявления и явления – это категории общественного бытия, которые, конечно, не являются новыми для нашего государства, но в последние годы эта проблема приобрела особую актуальность. Относительно правоохранительной деятельности можно однозначно утверждать, что этот негативный фактор влияет и на национальную безопасность государства. Среди причин возникновения этого явления в сфере деятельности правоохранительной системы можно назвать следующие: стремление человека избежать ответственности за совершенное правонарушение; низкий уровень правового сознания и игнорирование взяточдателем требований законодательства, его убеждение в целесообразности взяток; необоснованная доверчивость лица, склонность действовать «по совету» других лиц; убеждение, что даже правомерные требования невозможно удовлетворить законно; недостаточное финансирование трудовой деятельности работников правоохранительных органов и др.

Типичными причинами коррупционных проявлений со стороны сотрудника полиции являются: корыстность, стремление получить дополнительные блага, используя свои служебные полномочия; неоправданная «мягкость» характера, неумение проявить принципиальность, отказать другим лицам в их незаконных просьбах; конформизм, склонность действовать под влиянием других лиц, предотвращение принятия самостоятельных решений; острая потребность в средствах по стечению сложных личных (семейных) обстоятельств. В этой совокупности детерминант ведущей можно назвать недостаточное финансовое обеспечение работников правоохранительных органов [5]. В условиях распространения этого негативного явления в вышеупомянутой сфере, с одной стороны, в обществе возникает социальная напряженность, недоверие граждан к деятельности правоохранительной системы в целом, а с другой – формируется профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов. Согласно Федеральному Закону Российской Федерации «О противодействии коррупции» [1] коррупцией является использование лицом предоставленных ему служебных

полномочий и связанных с этим возможностей с целью получения неправомерной выгоды или принятия обещания / предложения такой выгоды для себя или других лиц или соответственно обещание / предложение или предоставление неправомерной выгоды с целью склонить это лицо к противоправному использованию предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей.

Итак, прослеживается обратно пропорциональная взаимосвязь между величиной совокупного дохода населения и уровнем восприятия коррупции. Поэтому любые усилия в борьбе с коррупцией при отсутствии мер, направленных на экономическое развитие страны и повышение доли так называемого среднего класса в общей массе населения, будут неэффективными и всегда будут обречены на провал. Следовательно, работник правоохранительных органов обязан соблюдать нормы и предписания законодательства для обеспечения личной безопасности от коррупционных посягательств, несмотря на собственные интересы или материальные потребности, а также психологическое воздействие со стороны коллег.

В случае, если работник нарушает требования действующего законодательства Российской Федерации и легкомысленно относится к возложенным на него обязанностям, он привлекается к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности, следствием чего является освобождение от должности, наложение штрафа или лишение свободы [4].

Коррупцию следует рассматривать не только как объект правового исследования, но и как психологическое и моральное явление, ведь это не только определенные действия, но и система негативных взглядов, убеждений, установок, способ мышления, который формирует стиль жизни полицейского. Коррупция – не просто взятка, не просто злоупотребление служебным положением и завуалированные виды подкупа чиновников. Это явление, которое можно назвать личной «болезнью» государственного служащего, которая требует постоянной профилактики. Искоренить коррупцию возможно тогда, когда работники правоохранительных органов будут иметь высокие нравственные качества, чувство собственного достоинства и будут неподкупными.

В современных условиях непрерывного выполнения сложных задач, которые стоят перед работниками правоохранительных органов, трудно бывает сохранить достаточный уровень самоконтроля, чувство уверенности в себе, помнить о служебной этике и одновременно оценивать риски в опасной ситуации и вести поиск оптимальных дей-

ствий. Это обусловлено особенностями деятельности сотрудника правоохранительных органов, которая происходит в условиях высокой эмоциональной напряженности, экстремальности, стресса.

При этом полицейский обязан всеми возможными средствами избегать любых конфликтных ситуаций, не допускать возникновения конфликтов, которые могут представлять угрозу собственной жизни и здоровью [2]. Важным средством противодействия коррупции как разновидности злоупотребления должностными лицами законодательством и властью является внедрение в Российской Федерации принципа равенства гражданина и государства перед законом и судом. Именно отсутствие этого принципа сегодня приводит к тому, что работники правоохранительных органов под видом реализации приоритета государственных интересов злоупотребляют своими полномочиями. И это делает невозможным противодействие этим злоупотреблениям со стороны граждан. Исходя из этого, следовало бы законодательно обеспечить гражданам России право на конституционную жалобу.

Таким образом, успешная служебная деятельность сотрудников правоохранительных органов возможна при наличии многих условий, из среды которых одним из важнейших является уверенность в надежной защите государством их прав, свобод, интересов и обязанностей и как граждан, и как лиц, осуществляющих функции сотрудников государственного органа. Отсутствие моральной удовлетворенности от содержания работы, уверенности в правовой и социальной защищенности, недовольство организацией, условиями и оплатой труда становятся сегодня главными причинами оттока квалифицированных работников из аппарата правоохранительных органов. Действительно, организация имеет ряд обязанностей перед работником, которые сейчас должным образом не выполняются. И дело не только и не столько в низкой заработной плате или задержках с ее выплатой, сколько в характере и содержании работы, обеспечении правовой и социальной защиты, возможностей повышать профессиональную квалификацию, перспективах служебного роста. Ведь бесспорно, что чем более привлекательной для работников с точки зрения удовлетворения их потребностей и интересов является организация, тем больше у нее возможностей для эффективного функционирования.

Список литературы

1. О противодействии коррупции: федер. закон РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru>.
2. Гамза В.А. Теневая экономика и коррупция: как разорвать замкнутый круг? URL: <http://Nacbez.ru>.

3. *Латов Ю.В.* Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru>.
4. *Сулакшина А.С., Вилисов М.В.* Коррупция и теневая экономика: проблемный анализ // Труды Центра. Вып. 6. М.: Научный эксперт, 2006. 136 с.
5. *Шекультиров Б.И.* Коррупция в России как угроза государственной и национальной безопасности. URL: <http://cyberleninka.ru>.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ УСЛУГА: БОРЬБА С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ

М.В. Федоров, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Задача написания статьи заключается в изучении одного из приоритетных направлений деятельности борьбы с организованной преступностью и коррупцией в рамках правоохранительной деятельности. В статье говорится о тех мерах, которые принимаются для борьбы с данным явлением. Фундаментальным значением правоохранительной деятельности является формирование развитого гражданского общества, а следовательно, и правового государства.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; организованная преступность; борьба с организованной преступностью; коррупция; государственная услуга.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы в нашей стране провозглашаются высшей ценностью. Данное положение – одна из главных основ конституционного строя Российской Федерации, а также важнейший признак и ориентир развития правового и социального государства [1].

Первостепенной целью и обязанностью государства являются охрана и защита прав граждан. В системе государственных органов эту функцию уполномочены выполнять специально созданные структуры – правоохранительные органы. Правоохранительные органы призваны не только восстанавливать нарушенные права и наказывать правонарушителей, но и создавать такие условия, в которых права и вовсе не нарушались бы, т.е. препятствовать всякому посягательству.

Вместе с тем наша страна находится на этапе построения гражданского общества, важнейшим элементом которого является наличие

возможности у граждан создавать независимые от государства объединения для защиты собственных прав и интересов. Общественные правозащитные организации – важнейший институт гражданского общества, также призванный отстаивать и защищать права граждан [4].

Правоохранительные органы в России – это создаваемые государством органы, которые уполномочены осуществлять деятельность по охране прав и свобод личности, общества, государства, охрану законности и правопорядка, осуществлять борьбу с правонарушениями, применяя специальные (юридические) меры воздействия в соответствии с законом. На данный момент не существует единого мнения по вопросу о том, какие органы нужно относить к ним. Многие специалисты убеждены: органы, занимающиеся охраной правопорядка, считаются правоохранительными. Мы же разделяем мнение иных правоведов, значительно расширяющих круг полномочий данных государственных органов.

Уместно отнести к вышеназванным: суды, органы прокуратуры, органы внутренних дел, органы исполнительной власти в сфере юстиции; органы обеспечения безопасности; органы, осуществляющие оказание юридической помощи. Эти органы исполняют определенные функции: осуществление правосудия, конституционный контроль, прокурорский надзор, выявление и расследование преступлений и других правонарушений, обеспечение квалифицированной юридической помощи, обеспечение общественной безопасности и правопорядка, предупреждение правонарушений.

Говоря о правоохранительной деятельности, стоит заметить, что органы, осуществляющие ее, действуют строго в соответствии с нормативно-правовыми актами, среди которых есть те, которые обладают наибольшей юридической силой, например, Конституция Российской Федерации, и такие, которые распространяют свое действие на весьма узкий круг лиц, например, различные ведомственные инструкции.

Кроме того, необходимо отметить, что преступное сообщество обладает своеобразной способностью к «регенерации». Ж.В. Виденькина отмечает, что «даже после ликвидации правоохранительными органами одного или нескольких структурных подразделений и привлечения их членов к уголовной ответственности, преступное сообщество может возобновить криминальную деятельность. Так как в ряды сообщества привлекаются новые участники и, возможно, происходит слияние с другими группировками, одновременно с этим осваиваются новые пути извлечения преступных доходов. Исключение может составлять полная нейтрализация руководящего звена «мозгового центра» преступного сообщества, что, как правило, влечет его полную ликвидацию» [3].

Преступные сообщества действуют как единый слаженный организм, причем не только в период совершения конкретных преступлений, а на протяжении всего времени их существования. На особую природу данной формы соучастия указывает систематичность действий, решение широкомасштабных криминальных задач, требующих единства разнообразных усилий нескольких участников, а порой и большого их числа.

Наличие отдельных подразделений, обеспечивающих безопасное функционирование таких преступных форм, усложняет процесс расследования совершенных ими преступлений и выявления всех лиц, входящих в преступное сообщество. К тому же, преступные сообщества со временем постепенно проникают во все сферы деятельности людей и с развитием информационного общества становятся недостижимыми. Правоохранительные органы должны действовать с учетом этих особенностей, и для того, чтобы избежать ошибок в квалификации и при назначении наказания, необходимо четко уяснить характерные признаки преступного сообщества, содержащиеся как в ч. 4 ст. 35 УК РФ, так и особенности, указанные в ч. 1 ст. 210 УК РФ [5].

В заключение отметим, что активное развитие Российской Федерации зависит не только от экономического роста, но и от информационной защищенности населения, от надежных акцентов проводимой политики и понимания общества не как системы без недостатков. Борьба с коррупцией не увенчается успехом до тех пор, пока сами граждане этого не захотят [2].

По нашему мнению, необходимо продолжать борьбу с коррупционными проявлениями (особенно с феноменом «круговой поруки» коррупционеров), принимая во внимание как социокультурные характерные черты России, так и тот факт, что одна лишь ее криминологическая профилактика неэффективна.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 30.12.2008) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4. 445 с.
2. *Архипов Д.К.* Коррупция как проблема государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 2.
3. *Виденкина Ж.В.* К вопросу об отличии преступного сообщества от иных форм соучастия // Вестник Московского ун-та МВД России. 2011. № 2. С. 82–88.
4. Основы теории национальной безопасности: учеб. пособие / Е.А. Матвиенко [и др.]. Волгоград, 2015.

5. Соколов А.Н. Гражданское общество и важнейшие гаранты его стабильности: монография. Калининград: КЛЮИ МВД России, 2005. 58 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ

С.Г. Федоров, ассистент кафедры криминологии
и правоохранительных органов

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Злоупотребление наркотическими средствами – одна из важнейших проблем в современном мировом сообществе. Данное явление существует практически во всех государствах, способно затрагивать абсолютно все слои населения и все возрастные группы, является питательной средой для преступности, коррупции и терроризма, приносит колоссальные доходы отдельно взятым людям и причиняет огромный вред другим, уносит десятки миллионов жизней и угрожает жизнедеятельности целых общин. В статье рассматриваются некоторые проблемы социальной обусловленности уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков.

Ключевые слова: наркотики; оборот наркотиков; злоупотребление наркотиками; закон; незаконный оборот; уголовная ответственность.

Изучение истории развития незаконного оборота наркотических средств как социального явления, определение этапов его развития позволяет дать объективную оценку подходам государства к борьбе с незаконным оборотом наркотиков, проследить и оценить эффективность правовых запретов в конкретных исторических условиях.

В ст. 228 УК РФ перечислены действия с наркотическими и психотропными веществами, а также их аналогами и наркосодержащими растениями. Как правило, для квалификации преступного посягательства необходимо правильное установление его объекта, так как объектом обуславливается общественная опасность деяния, а верное установление объекта позволяет нам точно и правильно квалифицировать действия лица, а равно отграничить от смежных преступлений все его действия.

Основным объектом преступления, регламентированного ст. 228 УК РФ, служат общественные отношения, нацеленные на охрану здоровья граждан. Данные отношения законодатель указал не только в

рамках Уголовного кодекса РФ, но и в Конституции РФ, что обуславливает выводы о социальной значимости таких отношений.

Разработка эффективных мер по противодействию преступности требует наличия полноценной статистической базы, отражающей как качественные, так и количественные характеристики преступности. Если обратиться к вопросу уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотиков, то с момента принятия в 1996 г. Уголовного кодекса в ст. 228–234 УК РФ более 15 раз вносились различные изменения и дополнения [1]. Обилие изменений может свидетельствовать о поиске законодателем наиболее выверенного и эффективного механизма противодействия наркопреступности.

Вместе с тем стоит отметить, что не все изменения и корректировки могут быть положительно восприняты с точки зрения эффективности и будущей полезности для практики применения. К примеру, в феврале 2015 г. перечень «антинаркотических» статей УК РФ был дополнен ст. 234.1 – «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ». Как отмечалось в пояснительной записке к законопроекту о введении данной статьи в структуру УК РФ, «проект федерального закона направлен на противодействие обороту новых потенциальных психоактивных веществ, воспроизводящих основную химическую структуру наркотических средств или психотропных веществ, схожих с ними по физиологическому воздействию на организм человека (так называемых спайсов)».

Указанная формулировка – «вещества, воспроизводящие основную химическую структуру наркотических средств или психотропных веществ, схожих с ними по физиологическому воздействию на организм человека» – сходна с определением понятия «аналога», содержащегося в ст. 3 Федерального закона 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

До момента появления в структуре УК РФ ст. 234.1 квалификация деяний, связанных с незаконным оборотом веществ, воспроизводящих основную химическую структуру наркотических средств и психотропных веществ, происходила по соответствующим частям ст. 228, 228.1, 229.1 и 232 УК РФ, где санкции статей предполагают суровое наказание. Так, за незаконный сбыт аналога наркотиков в особо крупном размере ч. 5 ст. 228.1 предусматривает вероятность назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы [6]. Тогда как максимально возможная санкция за совершение деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 234.1 УК РФ, составляет всего 8 лет лишения свободы. При этом статья не содержит количественной характеристики деяния, т.е. размера новых потенциально опасных психоактивных веществ. Также

стоит отметить, что конструкция объективной стороны ст. 234.1 УК РФ предусматривает обязательную цель – сбыт – при совершении прочих равных деяний (изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка).

Помимо этого, конструкция объективной стороны ч. 1 ст. 234.1 УК РФ содержит два блока деяний: а) описанные выше деяния в целях сбыта; б) непосредственно сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Таким образом, получается, что законодатель отказался от практики, существовавшей ранее в ст. 228 и 228.1 УК РФ и совместил эти два противоположных с точки зрения общественного вреда возможные варианты преступного поведения. Резюмируя данный тезис, можем отметить, что принятая норма требует серьезного осмысления и криминологической экспертизы эффективности не только со стороны представителей науки уголовного права, но и со стороны непосредственного правоприменителя [3].

Хотелось бы привести слова Т.А. Боголюбовой о том, что «перманентные изменения, вносимые в УК РФ в целом и применительно к регулированию незаконного оборота наркотиков, в частности, не обоснованные научными исследованиями эффективности действующих норм, лишь создают опасную иллюзию решения актуальной общественной проблемы» [2].

М.Ю. Кийко отмечает, что «экономический ущерб нашей страны только от афганских опиатов за счет исчисления из числа экономического активного населения наркозависимых, затрат на их лечение, расходов на пенитенциарную систему, судебные издержки и т.д. оценивается в сумме, равной потерям 3 % ВВП, что примерно в два раза больше, чем США расходуют на военные действия и свое присутствие в Афганистане» [5].

На прошедшем 13 Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (12–19 апреля 2015 г., г. Доха) была принята «Дохинская декларация», где среди прочего закрепляется необходимость активизации усилий всех государств по решению мировой проблемы наркотиков (п. 1 раздела 8), а также необходимость развития предупредительной работы в деятельности органов уголовно-правовой юстиции (п. «а» раздела 9) [4].

Во Всемирном докладе за 2014 г. Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности сообщается: «по оценкам 2012 г., во всем мире какие-либо запрещенные наркотики – преимущественно из группы каннабиса, опиоидов, кокаина или стимуляторов амфетаминового ряда – хотя бы раз в течение предыдущего

года потребляли от 162 до 324 млн чел., что соответствует 3,5–7,0 % мирового населения в возрасте 15–64 лет (при этом число лиц, постоянно употребляющих наркотики колеблется от 16 до 39 млн чел.)».

По данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков в Российской Федерации, в 2014 г. число лиц, с разной степенью периодичности потребляющих наркотики, составило порядка 7,3 млн чел., что существенно ниже оценок за предыдущие годы (8–8,5 млн наркопотребителей).

В нашем случае категория социальной обусловленности преломляется через наличие объективных процессов в сфере оборота наркотиков, происходящих в России и в мировом сообществе и характеризующихся устойчивостью. Специфика таких процессов – детерминация пагубных для здоровья населения последствий вследствие неконтролируемого потребления потенциально опасных веществ, сходных по воздействию на организм с запрещенными и контролируруемыми психоактивными веществами, но отличающихся по своей химической структуре от последних и не имеющих мер санитарно-эпидемиологического контроля и правовой урегулированности.

Список литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50, ст. 7362.
2. Актуальные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков: сб. ст. / под ред.: Т.А. Боголюбова, О.А. Евланова. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010. 164 с.
3. *Аникин В.А.* Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ: анализ изменений ст. 228.2 УК РФ и некоторые перспективы законодательного описания состава // Российский следователь. 2011. № 13. С. 19–21.
4. *Безлепкин Б.Т.* Настольная книга следователя и дознавателя (с учетом изм. и доп., внесенных в УПК РФ № 87-ФЗ). М.: Проспект, 2009. 288 с.
5. *Жариков Ю.С.* К вопросу об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Современное право. 2011. № 3. С. 106–110.
6. *Кийко М.Ю.* Борьба с наркобизнесом в системе национальной безопасности России. Теория, методология, экономическая оценка. М.: СИНТЕГ, 2016. 998 с.
7. *Романова Л.И.* Криминологическая и уголовно-правовая характеристика наркотизма. Владивосток, 2005. 311 с.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА, ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

П.В. Федотов, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

На современном этапе организованная преступность стала не просто серьезной проблемой, но и фактором, непосредственно посягающим на общественную безопасность России. Преступные сообщества действуют как единый слаженный организм, причем не только в период совершения конкретных преступлений, а на протяжении всего времени их существования. На особую природу данной формы соучастия указывает систематичность действий, решение широкомасштабных криминальных задач, требующих единства разнообразных усилий нескольких участников, а порой и большого их числа. Наличие отдельных подразделений, обеспечивающих безопасное функционирование таких преступных форм, усложняет процесс расследования совершенных ими преступлений и выявления всех лиц, входящих в преступное сообщество. К тому же, преступные сообщества со временем постепенно проникают во все сферы деятельности людей и с развитием информационного общества становятся недостижимыми. В статье рассматривается криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Ключевые слова: преступность; преступное сообщество; организованная преступность; борьба с преступностью; предупреждение преступности.

Наиболее опасные и тяжкие преступления совершаются организованными преступными сообществами. Лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность. Однако благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности.

Используя криминологическую литературу, можно заключить, что лидерами в криминальном мире являются «воры в законе», «положенцы», «смотрящие», которые имеют известные клички в этой среде.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12 разъясняется, что лидерство такого лица в преступной иерархии доказывают

связи с экстремистскими и террористическими организациями, коррупционные связи [1]. По мнению В. Быкова, обращение высшей судебной инстанции к психологическим понятиям для объяснения уголовно-правового «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии» не является обоснованным [3].

Поскольку данный признак является факультативным, то в его установлении в ч. 4 ст. 210 УК РФ не было никакой необходимости. К тому же, в судебной практике указание на подобный признак в приговорах не часто встречающиеся случаи. Существуют и другие факультативные признаки, например, наличие у преступного сообщества межсубъектных и международных криминальных связей, жесткой дисциплины и ответственности за неповиновение и т.д. В итоге, чем больше объем таких признаков, тем опаснее преступное сообщество. Но поскольку исчерпывающего перечня таковых не существует ни в литературе, ни в практике, они и являются факультативными. Думается, что все указанные признаки являются важными, но для образования преступного сообщества будет достаточно достижения легальных признаков, указанных в ч. 4 ст. 35 УК РФ. С учетом изложенного, преступное сообщество представляет собой форму соучастия, соединяющую в себе следующие необходимые признаки: оно состоит из одной структурированной организованной группы или из объединения нескольких организованных групп, действующих под единым руководством, включает в свой состав не менее 5 лиц и создано для совершения одного или нескольких тяжких, или особо тяжких преступлений с целью получения прямо или косвенно материальной выгоды. Важно отметить, что законодателю необходимо учесть рекомендации по установлению минимального количественного состава преступного сообщества, а также устранению имеющихся до сегодняшнего дня неясностей и вопросов относительно как обязательных, так и факультативных признаков преступного сообщества. Существует практическая и научная значимость в законодательном порядке или в процессе судебного толкования определить факультативные признаки.

Е.В. Топильская отмечает: «можно предположить, что названные в ч. 1 ст. 210 УК РФ субъекты расположены в порядке убывания их лидирующего положения, т.е. из трех фигур наиболее опасна, так как занимает наиболее высокое положение, фигура организатора – лица, создавшего преступное сообщество. Руководитель (лидер) может занимать высшую ступень в структуре организованной группы, входящей составной частью в сообщество. Представитель преступной группы, очевидно, находится на более низком уровне, но все же является не

просто рядовым ее членом, коль скоро может представлять группу на собрании организаторов и руководителей» [5].

В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ, руководитель преступного сообщества не может быть признан его создателем, когда создатель преступного сообщества может быть одновременно и его руководителем. Необходимость разграничения функций руководителя и создателя преступного сообщества была высказана еще М.И. Ковалевым [4].

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда от 10.06.2010 № 12, «под руководством преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него структурными подразделениями следует понимать осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (их) структурных подразделений или отдельных его (их) участников как при совершении конкретных преступлений, так и в целом при обеспечении функционирования преступного сообщества. Такое руководство может выражаться, в частности, в определении целей, в разработке общих планов деятельности преступного сообщества (преступной организации), в подготовке к совершению конкретных тяжких или особо тяжких преступлений, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных преступным сообществом (преступной организацией) и входящими в его (ее) структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения и сокрытия совершенных преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов преступного сообщества, в конспирации и в распределении средств, полученных от преступной деятельности).

К функциям руководителя преступного сообщества (преступной организации) следует также относить принятие решений и дачу соответствующих указаний участникам преступного сообщества (преступной организации) по вопросам, связанным с распределением доходов, полученных от преступной деятельности, с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов преступного сообщества (преступной организации) в государственные, в том числе правоохранительные, органы».

Функции руководителя преступного сообщества и руководителя структурного подразделения преступного сообщества в целом схожи, однако Пленум Верховного Суда РФ выделяет отдельные действия, которые характерны только для руководителя преступного сообщества.

Для того чтобы определиться с руководством структурным подразделением, необходимо установить признаки последнего. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что под структурным подразделением следует понимать функционально и (или) территориально обособленную группу, состоящую из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая в рамках и в соответствии с целями преступного сообщества (преступной организации) осуществляет преступную деятельность. Такие структурные подразделения, объединенные для решения общих задач преступного сообщества (преступной организации), могут не только совершать отдельные преступления (дачу взятки, подделку документов и т.п.), но и выполнять иные задачи, направленные на обеспечение функционирования преступного сообщества (преступной организации).

Например, приговором Калининградского областного суда оправданы Г., Б. и др. по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 210 УК РФ в связи с отсутствием в преступной группе структурных подразделений. Суд указал, что «осуществление мошеннической деятельности на так называемых двух рабочих столах в торговом павильоне отработанным в группе единым способом, с выполнением участниками аналогичных функций, взаимозаменяемостью участников и места совершения преступления не свидетельствует о делении группы на структурные подразделения» [2].

Таким образом, руководство структурным подразделением применительно к ч. 1 ст. 210 УК РФ должно рассматриваться с позиции руководства входящей в состав преступного сообщества организованной группы.

Руководство преступным сообществом в целом может осуществляться как единолично руководителем преступного сообщества (преступной организации), так и двумя и более лицами, объединившимися для совместного руководства (например, руководителем преступного сообщества (преступной организации), руководителем структурного подразделения, руководителем (лидером) организованной группы).

Таким образом, отмечается ряд проблем и недостатков в законодательном формулировании ч. 1 ст. 210 УК РФ, а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ относительно квалификации по совокупности преступлений с конкретными статьями Особенной части УК РФ, которые нарушают основополагающий принцип уголовного права – справедливости. Однако для более полного изучения преступного сообщества необходимо также проанализировать отражение норм и признаков, установленных Общей частью УК РФ, в Особенной части УК РФ с позиции их совпадения и отграничения.

Список литературы

1. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12 // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 8. С. 5.
2. Приговор Калининградского областного суда. Уголовное дело № 2-11/2006 // Сайт Росправосудие. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 24.03.2014).
3. *Быков В.* Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) // Публичное и частное право. 2011. № 1. С. 74–80.
4. *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Свердловск, 1962. 273 с.
5. *Топильская Е.В.* Некоторые проблемы реализации уголовной ответственности по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 27–31.

ПОНЯТИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

П.В. Федотов, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Проблема организованной преступности является чрезвычайно актуальной. Мировое сообщество ставит ее по значимости на второе-третье место после вопросов об экономическом положении и политическом состоянии в обществе. Организованная преступность использует связи с органами власти на самом высоком уровне и все больше проникает в большую политику. Она навязывает обществу свои представления о системе ценностей и норм поведения, формирует облик героя-дельца теневой экономики и лидера уголовной среды. В арсенале средств организованной преступности не последнее место занимают терроризм, убийства по найму, разжигание межнациональных религиозных конфликтов и т.п. В статье рассматриваются некоторые проблемы социальной обусловленности уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков.

Ключевые слова: преступность; организованная преступность; борьба с преступностью; предупреждение преступности.

Согласно статистике МВД РФ о состоянии преступности на январь-сентябрь 2018 г., организованными группами или преступными

сообществами совершено 13,2 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+21,4 %), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 6,3 % в январе-сентябре 2018 г. до 7,9 % [3]. Это говорит о том, что организованная преступность ставит под удар целостность нашей национальной политики, поэтому еще более актуальной является реализация и развитие концепции борьбы с организованной преступностью, в основе которой лежит указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [2].

Организованная преступность является продуктом общества и пронизывает своим негативным влиянием его различные сферы и социальные отношения. В то же время она как самостоятельное целостное явление обладает собственными закономерностями развития. Ее признаки изменяются одновременно с происходящими в обществе преобразованиями. Появление новых признаков организованной преступности всегда является результатом ее взаимодействия с обществом, проявляющимся как на общероссийском, так и на региональном уровнях.

Уголовная ответственность за создание сообщества преступного характера (организации преступного характера) и за участие в нем предусмотрена в ст. 210 УК РФ [1].

В этом случае в структуре одной статьи, законодатель объединяет, по сути, две составляющие преступного деяния. Во-первых, это создание преступного сообщества (организация преступного характера) с целью совместного совершения одного или нескольких серьезных или особо серьезных преступных действий или направления такого сообщества (организации) или его структурных подразделений, а также координации преступной деятельности, сочетая устойчивые связи между различными независимо действующими группами организованного характера, разработку планов и создание условий для совершения преступных действий такими группами или разделением сфер криминального влияния на участников организованных групп, а также участие на собраниях организаторов, руководителей и других представителей групп организованного характера с целью совершения хотя бы одного из этих преступных деяний (ч. 1 ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации). Вторая часть – участие в преступном сообществе (организация преступного характера) (ч. 2 ст. 210 УК РФ) [5].

Борьба с преступной деятельностью организованного характера предполагает единство организационной, превентивной и правоохранительной деятельности. Специфика борьбы определяется с учетом закономерностей организованной преступности и ее определения, причинности, а также результатов изучения ее особенностей в конкретных

пространственно-временных границах. Так, по статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в период за январь-август 2018 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 11847 (АППГ – 9730; +21,8 %) тяжких и особо тяжких уголовно наказуемых деяний, их удельный вес в общем числе расследованных преступлений названных категорий вырос с 6,4 % до 8 % [3]. Это вызывает серьезную обеспокоенность не только у правоохранительных органов, но и государства в целом, поскольку национально-правовая политика государственного развития должна развиваться без влияния на нее извне, со стороны криминальных структур и преступных организаций, которые негативно влияют на целостность и безопасность нашей страны.

Развитие организованной преступности рассматривается как процесс, в котором количественные изменения при их накоплении и развитии становятся качественными и порождают новые состояния не только организованной преступности, но и всей преступности вообще, а также общества. Это важно для совершенствования борьбы с преступной деятельностью, принимая во внимание необходимость декриминализации деформированных отношений в обществе и институтах [4].

Недопустимо выявлять оценку организованной преступности и оценку деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступной деятельностью. Государство и изменения в организованной преступной деятельности в первую очередь и в значительной степени определяются общими экономическими, социальными, политическими и духовными условиями. В то же время, несомненно, правоохранительные органы и спецслужбы могут своевременно выявлять, пресекать и сокращать преступную деятельность организованного характера, разъединять и ликвидировать организованные преступные ассоциации как таковые, прервать их взаимодействие между собой и взаимодействие их участников. При изучении организованной преступности важно выявлять не только общие черты организованной преступности в разных регионах или организованных ассоциациях преступного характера, но также учитывать особенности и различия для дифференциации с учетом их практической деятельности. Также необходимо обратить внимание как на наиболее распространенные, типичные характеристики, так и на единичные, уникальные, а затем выяснить природу последних. Если в исследуемый период появилось новое преступное объединение с нетрадиционными формами преступной деятельности, что не совсем обычно с точки зрения мотивации, объектов и методов нарушения, оно должно быть тщательно проанализировано.

Это позволит нам своевременно находить новые тенденции и своевременно разрабатывать адекватные меры. В противном случае эти изменения проявятся более четко.

Структурно российская организованная преступность сегодня действительно представляет некое институциональное образование с атрибутами власти. Иными словами, она обладает собственными вооруженными силами, собственным и не подконтрольным легитимному государству мощным финансовым и материальным капиталом, мощной и абсолютно антиобщественной идеологией, независимой системой самоуправления. Считаем, что на сегодняшний день основная совместная цель ученых-криминологов и правоохранительных органов, а также органов законодательной власти – стремление к максимально возможному снижению деятельности организованной преступности путем сплоченной борьбы с организованной преступностью и профилактики ее предупреждения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018; с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 63, ст. 19.
2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7477.
3. Статистические данные по состоянию преступности на январь-сентябрь 2018 г. МВД РФ: офиц. сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф>.
4. *Антонян Ю.М., Бражников Д.А.* Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2018. 86 с.
5. *Воловин А.Е.* Теоретико-методологические подходы к сущности и видам коррупции // Вестник Владимирского юрид. ин-та. 2011. № 1 (18). С. 70–73.
6. *Ильин А.Е., Прокофьева Т.В.* Истоки современной организованной преступности // Российский следователь. 2014. № 13. С. 47–51.

ОТЛИЧИЕ ПРЕСТУПНОГО ЛЕГКОМЫСЛИЯ ОТ КОСВЕННОГО УМЫСЛА

А.С. Филиппов, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Формы вины обусловлены недостаточностью, отсутствием в доктрине, а равно и в законе ясных и полных ответов на вопросы доказывания наличия у преступника вины в форме неосторожности. Установление неосторожной формы вины в общественно опасном деянии влияет на установление и отмену условного осуждения и УДО, неустановление рецидива, определение вида ИУ, отграничение смежных составов преступлений, определение категории преступления. В статье рассматривается вопрос отличия преступного легкомыслия от косвенного умысла.

Ключевые слова: вина; мотив; цель; легкомыслие; умысел; субъект; причинно-следственная связь; последствия.

В легкомысленном поведении, как сознательном, имеется волевая направленность, мотив и цель. Вместе с тем направленность, мотив и цель не охватывают общественно опасного последствия в силу уверенности субъекта в том, что последствие не наступит. В ряде случаев целью субъекта является предотвращение вредных последствий, а одним из мотивов – ненаступление последствий [2].

Мы должны вспомнить, что есть сознание общественной опасности деяния – это сознание, что деяние причиняет вред обществу, причем это сознание определенного характера вреда, причиняемого общественным интересам (в отграничиваемом от легкомыслия косвенном умысле это те общественно опасные последствия, что лицо не исключает – желает или сознательно допускает).

Когда субъект уверен в предотвращении опасных последствий, он уверен и в том, что его деяние не причинит вреда обществу, т.е. не знает его общественно опасный характер. Более того, лицо может считать деяние общественно полезным [2]. Предвидение возможности наступления общественно опасных последствий может иметь место и при совершении правомерных действий, например, при обоснованном риске. Здесь предвидение возможности наступления вредных последствий позволяет осуществить их недопущение, т.е. само по себе предвидение не является порицаемым.

Порицаемым, или, как это называет П.С. Дагель, «моментом вины», является самонадеянный характер расчета на предотвращение,

даже не сам расчет. Будь порицаемым предвидение, различие легкомыслия и умысла ускользало бы [2]. Противоречие заключается в том, что при наличии легкомысленного характера расчета на предотвращение, у лица есть и возможность, и обязанность сознавать общественно опасный характер своего деяния. Отсутствие субъективного или объективного критериев делает невозможным легкомыслие.

Отличием от небрежности является как раз-таки предвидение как фактических признаков, так и общественно опасного характера своих действий/бездействия. Такого не может быть без предвидения причинной связи, поскольку иначе становится невозможным расчет на предотвращение. Абстрактность предвидения может быть большой, но достаточной, чтобы у лица сформировалось понимание, что без расчета на предотвращение исход будет неблагоприятен. Субъект в своем сознании отражает пересечение двух причинно-следственных рядов: источником первого является его деяние, источником второго – те обстоятельства, на которых основывается его расчет на предотвращение. Их взаимодействие, по мнению субъекта, должно повлечь ненаступление результата. Ошибка в представлении причинно-следственном ряде и является характерной чертой легкомыслия. Иначе с умыслом, поскольку там значим только причинно-следственный ряд, соответствующий первому ряду в легкомыслии, ошибка в нем исключает постановку в вину лицу реально наступивших последствий [4].

Главное отличие от умысла, по распространенному в доктрине взгляду – абстрактность предвидения при легкомыслии, причем по разным точкам зрения абстрактный характер у самого предвидения, другие говорят о предвидении лишь абстрактной возможности наступления последствия, иные – о предвидении последствий лишь в абстрактной, общей форме. Отмечают, что хотя вообще исходное действие из причинного ряда согласно сознанию субъекта вызывает общественно опасное последствие, но в данном случае субъект мысленно не допускает их наступления [5].

А.А. Пионтковский пишет, что предвидение при самонадеянности лишено «той конкретной определенности, какой обладает предвидение при косвенном умысле» [5].

П.С. Дагель не соглашается с этим, ведь расчет на предотвращение последствий не изменяет характера предвидения. Напротив, лицо потому и рассчитывает на определенные обстоятельства, что предотвратят в его воображении последствия, что предвидит реальную возможность их наступления. Нельзя также смешивать интеллектуальную сторону психического отношения (предвидение последствий) и его воле-

вую сторону (допущение или недопущение их). Лицо предвидит не вообще какие-то последствия, а те, что охватываются составом. Поскольку ч. 1 ст. 26 УК РФ упоминает именно о последствиях своих действий, то нет и речи о каких-то «последствиях вообще». Это было бы нелепо, поскольку делало бы легкомыслием большую часть видов деятельности. Так, врачебное вмешательство всегда имеет риск неудачного исхода. Кроме того, имеется законодательная грань между легкомыслием и небрежностью, но при согласии с тезисом об абстрактном предвидении можно прийти к выводу об отсутствии такой разницы – ведь и при небрежности есть при ряде обстоятельств абстрактное сознание опасности того или иного нарушения правил предосторожности, однако в конкретной обстановке виновные не предвидят таких последствий. Поэтому, как утверждает П.С. Дагель, абстрактное предвидение – это вообще непредвидение в смысле данной проблематики. Следует различать вопросы абстрактности/конкретности предвидения и определенность предвидения. Умысел может быть неопределенным, но он обладает конкретным характером предвидения. При легкомыслии лицо может и не осознавать, кому конкретно будет причинен вред, что может объясняться мыслью о бессмысленности поисков возможного пострадавшего в силу того, что «все равно будет предотвращено». Тем не менее при обстоятельствах, когда не может быть непонятно, кто пострадает, предвидение соответственно будет определенным. Предвидение легкомысленное отличается от умышленного следующим:

1. При самонадеянности субъект предвидит лишь возможность, но не неизбежность наступления последствия, поскольку при предвидении неизбежности не может быть расчета на предотвращение.

2. При самонадеянности предвидение возможности наступления последствия сопровождается и нейтрализуется предвидением его предотвращения (ложным).

Это важнейший признак легкомыслия, отделяющий его от умысла. Субъект рассчитывает не на авось, не на случайное стечение обстоятельств, а на конкретные обстоятельства. Эти обстоятельства, по мнению субъекта, должны предотвратить наступление последствий, в расчете на них субъект действует или бездействует, не допуская наступления последствий. У расчета есть интеллектуальная и волевая сторона, отсюда неверно отнесение только к интеллектуальному или только к волевому признаку самонадеянности. Интеллектуальная сторона легкомысленного расчета: субъект сознает (как считает П.С. Дагель, как правильно, так и неправильно), что определенные обстоятельства, на которые он рассчитывает, имеются или будут, и отсюда полагает, что их существование прекратит или изменит развитие

причинно-следственной связи, что вызвана его деянием, а тем самым предотвратит наступление общественно опасных последствий [3].

Волевая сторона: активное желание ненаступления общественно опасных последствий, в том, что расчет на их предотвращение является одним из мотивов совершенного лицом деяния. Кроме того, в некоторых случаях недопущение общественно опасных последствий, которые предвидит субъект, является целью его действий [2].

Имеются различные обстоятельства, на которые может рассчитывать субъект:

1. Относящиеся к личности и деятельности самого виновного (как это называет П.С. Дагель, самонадеянность в узком смысле слова). Это уверенность лица в своих навыках, способностях, умениях, опыте, прочих качествах и т.п., которые, по его мнению, позволят ему избежать причинения последствий. Подчас при самонадеянности субъект предпринимает специальные действия, направленные на предотвращение вредных последствий, и рассчитывает, что они окажутся достаточными для их предотвращения.

2. Субъект может иметь расчет на обстоятельства, относящиеся к обстановке, в которой он совершает свои опасные деяния.

3. Расчет лица может основываться на обстоятельствах, относящихся к действиям других лиц, например, потерпевшего. Так, водитель рассчитывает, что пешеход успеет перебежать улицу.

4. Надежда на естественные силы природы, так, костер должен быть погашен дождем.

5. Надежда на особенности орудий и средств, используемых виновным: на кучность боя ружья и тому подобное.

В результате обобщения судебной практики сформировано наше мнение о наличии тенденции отнесения случаев, когда произошедшее стало осуществимым в результате нарушения неких общих правил предосторожности (например, о недопустимости совместного сна матери и младенца), то правоохранительные органы квалифицируют поведение как легкомысленное. Расчет здесь, по-видимому, усматривается в уверенности в собственных силах не допустить такого развития событий. В указанных приговорах также в силу легкомысленного расчета на свои умения, навыки лица полагали, что в критической ситуации угрозы наступления общественно опасных последствий они соригентируются и не позволят свершиться вреду, чего в действительности не происходит и произойти не может.

Список литературы

1. *Гонтарь И.Я.* Преступление и состав преступления как явление и понятие в уголовном праве. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 200 с.
2. *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1974. 243 с.
3. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М.: ИД «Городец», 2007. 336 с.
4. *Макашвили В.Г.* Уголовная ответственность за неосторожность. М.: Госюриздат, 1957. 209 с.
5. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. 666 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОСВЕННОГО УМЫСЛА И ЛЕГКОМЫСЛИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.С. Филиппов, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Неосторожная преступность зачастую более общественно опасна, чем умышленная. Это обусловлено в первую очередь размерами вреда, причиняемого такими преступлениями, высокой латентностью этих преступлений и специфичностью личности неосторожного преступника. Данный факт повышает актуальность предупредительного воздействия на неосторожные преступления со специальным субъектом. Исследование таких преступлений предполагает анализ широкого спектра проблем, включающий в себя различные аспекты, в том числе биологический, социальный, психологический, демографический, антропологический и т.д., в свою очередь ограниченные жесткими уголовно-правовыми и криминологическими рамками специфики изучаемых явлений. В статье рассматривается вопрос сравнительного анализа косвенного умысла и легкомыслия в уголовном праве Российской Федерации.

Ключевые слова: форма вины; вина; легкомыслие; умысел; косвенный умысел; формы неосторожности; неосторожность; бездействие; наказание.

До настоящего времени нашей уголовно-правовой наукой не выработано приемлемой концепции субъективного вменения, позволяющей перевести принцип виновной ответственности в практическую

плоскость. Отсюда вытекает сложность и многообразие проблем, связанных с неосторожной преступностью, их выделением в отдельную, самостоятельную классификационную группу. Много внимания уделяется дисбалансу мнений по проблеме установления и доказывания вины, в том числе ответственности и наказания за неосторожность. В институте вины многоаспектность делает проблему преступной неосторожности одной из наиболее актуальных, недостаточно изученных, сложных и противоречивых криминологических и социально-правовых проблем.

Одной из ключевых обязанностей, существующих в уголовном праве любого государства, в том числе и России, является обязанность субъекта ответить в соответствии с действующим законом за совершенное им противоправное деяние в случае установления его вины. Психическое отношение виновного лица к совершенному им противоправному деянию в науке уголовного права определяется таким понятием, как вина. Действующим уголовным законом Российской Федерации предусмотрены две основные формы вины субъекта преступления, а именно такие как умысел и неосторожность. Отдельно можно отметить, что форма вины представляет собой систему взаимосвязанных между собой волевых элементов и элементов сознания человека, которые непосредственно и определяют его отношение к любому совершаемому им действию [5].

Итак, рассматривая случаи совершения преступлений в результате легкомыслия виновного лица, прежде всего, необходимо отметить то, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации под таким преступлением понимает совершение лицом противоправного деяния, с условием того, что данное лицо могло предвидеть или должно было предположить о возможности наступления общественно опасных последствий совершенного им деяния, но в результате своего легкомыслия указанное выше лицо рассчитывало на самостоятельное устранение данных последствий. Основное смысловое значение при определении легкомыслия, в результате вышесказанного, заключается в том, что субъект преступления, при его совершении, в независимости от формы деяния, которое может быть выражено в виде как действия, так и бездействия, знает о возможности наступления общественно опасных последствий. При этом, учитывая собственные волевые моменты, лицо, как правило, всегда рассчитывает на самостоятельное предотвращение данных общественно опасных последствий, без учета условий объективной реальности, что и приводит к совершению преступления по легкомыслию [1].

Рассматривая интеллектуальный элемент легкомыслия, необходимо отметить его основное отличие от волевого элемента, которое заключается в том, что как преступное действие, так и преступное бездействие лица является его самонадеянным расчетом. В случае же учета волевого элемента, основная роль отводится предвиденью лицом неблагоприятных последствий своих действий [4].

Затрагивая вопрос отношения лица, совершившего какой-либо проступок или правонарушение, к тому, что он совершил. Установление данного отношения обязательно в тех случаях, когда речь идет о совершении преступления умышленно либо по легкомыслию. Однако в случаях совершения преступного деяния по небрежности, в состоянии сильного алкогольного опьянения или в состоянии ограниченной вменяемости, а также в случае совершения большинства административных, дисциплинарных и гражданско-правовых деликтов подобного отношения либо не существует вообще, либо его установление в силу объективных обстоятельств признается невозможным, либо его установления просто не требуется. В этих ситуациях вполне достаточно, чтобы общество в лице его властных структур определило данное деяние виновным, а лицо, его совершившее, подлежащим ответственности.

Далее, рассматривая понятие уголовного умысла в уголовном праве Российской Федерации, прежде всего, необходимо отметить, что на протяжении всего существования уголовного закона умысел является самой распространенной формой вины. В ст. 25 Уголовного кодекса РФ впервые в истории России было произведено разделение умысла на виды, а именно такие как косвенный умысел и прямой [2].

Итак, проведенный анализ определения косвенного умысла показывает, что он может быть только в ситуации, когда виновное лицо, совершая преступное деяние, осознавало степень общественной опасности своих действий и их последствий, однако при этом данное лицо не желало их наступления, но допустило такую возможность, или же относилось к ним безразлично. Также в результате проведенного анализа преступлений, совершенных с косвенным умыслом, становится очевидным, что они имеют такое свойство, как предвидение субъектом общественно опасных последствий. Косвенному умыслу свойственна возможность наступления общественной угрозы, которая является результатом противоправного деяния виновного лица [4].

Так, проводя разграничения преступного умысла и легкомыслия на практике, довольно часто можно встретить неверное определение данных понятий, что в свою очередь приводит к неправильной установке формы вины лица. Именно поэтому при анализе преступного деяния с целью определения косвенного умысла или легкомыслия, прежде

всего, необходимо проводить их соотношение с учетом как волевого признака, так и интеллектуального элемента [3].

Целесообразным является рассмотреть вопрос разграничения формы вины по предвидению, которое представляет собой отражение в сознании лица определенных событий, наступление которых возможно в будущем времени.

Говоря об интеллектуальном аспекте легкомыслия, можно отметить его непосредственное сходство с косвенным умыслом. Но при этом отличительная особенность легкомыслия заключается в том, что при совершении противоправного деяния лицо всегда предвидит реальную угрозу обществу от его действий или бездействий. Также в случае рассмотрения преступлений, совершенных с косвенным умыслом, происходит иная интерпретация предвидения, так как степень опасности действий виновного лица рассматривается с абстрактной стороны. Данное положение можно объяснить тем, что лицо, совершившее преступление, предвидит, что его как действия, так и бездействие могут привести к угрозе наступления общественно опасных последствий, но лицо не рассматривает такого рода последствия или относится к ним равнодушно [5].

Итак, в зависимости от своего характера предвидения две формы вины, рассмотренные ранее, имеют существенные отличия друг от друга. Так, данные отличия в большей степени можно рассмотреть на практике применения уголовного закона, в самом законе они теоретически не отображены. В результате, особенность предвидения при косвенном умысле обусловлена его абстрактным характером, в отличие от легкомыслия.

Таким образом, состав преступления как средство для отграничения преступных деяний от не преступных и как средство для установления различной степени общественной опасности запрещенных Уголовным законом деяний имеет решающее значение для осуществления борьбы с общественно опасными посягательствами на основе единой законности. Уголовное право считает обоснованным применение наказания лишь в том случае, если поведение лица угрожает существованию и целостности охраняемых правопорядком объектов. Не все то, что общественно опасно, является в то же время противоправным в уголовно-правовом смысле. Только определенная степень общественной опасности придает деянию преступный характер. Поэтому неосторожность в преступлениях имеет существенное значение и является основанием для привлечения к уголовной ответственности

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // Собр. законодательства Рос. Федерации от 17.06.1996 № 25, ст. 2954.
3. *Векленко С.В.* Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2002. 191 с.
4. *Звечаровский И.Э.* Уголовная ответственность: понятие, виды, формы реализации: учеб. пособие. Иркутск, 1992. С. 35–36.
5. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. URL: <https://law.wikireading.ru>.

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩУЮ КРИМИНОГЕННУЮ ОБСТАНОВКУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.О. Филипчик, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассмотрен вопрос преступности среди несовершеннолетних и ее влияние на общую криминогенную обстановку в современной России. Преступность несовершеннолетних является одной из наиболее серьезных проблем формирующегося гражданского общества в России. Активными участниками преступной деятельности становятся дети, жизнь которых только начинается. Преступность среди несовершеннолетних исходит из уровня развития общества, его культуры. Бедность, беспризорность и безнадзорность, обострение семейных конфликтов, отсутствие должного педагогического влияния, пропаганда насилия, принятие ложных идеалов и навязывание ложных авторитетов и, как результат, потребительское отношение к жизни приводят к негативным явлениям и общественным противоречиям.

Ключевые слова: преступность; преступность несовершеннолетних; ответственность; дееспособность; уголовное наказание; лишение свободы.

Государство в жизни общества играет немаловажную роль. Одним из направлений его деятельности является защита прав и интересов граждан от преступных посягательств. К одной из основных задач деятельности правового государства относится гарантия защиты детства. Это приводит к возникновению противоречий между ее основными функциями. Встает вопрос, что же первично: восстановление социальной справедливости любыми способами, нарушая основные права ребенка, или же отступление от основных целей наказания и освобождение несовершеннолетнего от ответственности. По этой причине в российском законодательстве сформировался институт «уголовной ответственности несовершеннолетних», который предусматривает особенности, отличные от взрослых, по решению вопроса о назначении и выборе наказания. Немаловажно начинать борьбу с преступностью с лиц, которые в подростковом возрасте встают на преступный путь, ведь большинство криминологических характеристик личностей преступников показывают, что началом их преступной деятельности являлся возраст до 18 лет [6].

Преступность является особой формой поведения людей, нарушающей нормальное функционирование человеческого общества и всех его институтов. Из всех типов человеческого поведения именно преступное представляет наибольшую опасность.

Все больше преступлений совершают подростки. Это прежде всего объясняется особенностями подросткового возраста, присущими подросткам стереотипами поведения. Такими как реакция эмансипации (стремление освободиться от опеки взрослых), реакция увлечения (хобби-реакция). В зависимости от целевой установки выделяют следующие подростковые увлечения: телесно-мануальные (связанные со спортом), лидерские (стремление быть предводителем среди сверстников), эгоцентричные (стремление быть в центре внимания окружающих), азартные (своеобразная жажда обогащения) и др. Некоторые из подростковых реакций (например, реакция группирования) могут способствовать вовлечению подростка в криминогенную группу, в случае непонимания со стороны друзей и товарищей.

Преступность несовершеннолетних отвечает тем же признакам, что и преступность взрослых, так как она является частью общей преступности, ее подвидом, выделенным в отдельную категорию. Потребность создания такой автономной группы продиктована необходимостью особой, специальной правовой защиты несовершеннолетних, обусловленной особыми психофизическими и социальными качествами личности детей и подростков. Таким образом, преступность несовершеннолетних – это вид преступности, выделяемый на основе

такого критерия, как несовершеннолетний возраст субъекта преступления [2]. Возраст – это четкие координаты жизни, количество прожитого времени. По отечественному законодательству несовершеннолетними являются лица, не достигшие возраста 18 лет. В статье первой Федерального закона РФ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» ребенком считается лицо до достижения им 18 лет (совершеннолетия) [2].

С данной нормой закон связывает наступление дееспособности, т.е. способности самостоятельно и в полной мере приобретать и осуществлять права и обязанности. Необходимость специальных норм прямо вытекает из принципов гуманизма и справедливости, установленных международными нормативно-правовыми актами, такими как «Декларация прав ребенка» 1959 г., «Конвенция ООН о правах ребенка» 1989 г., «Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей» 1990 г. и т.д. В соответствии с «Минимальными стандартными правилами ООН, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» 1985 г. (иначе, «Пекинские правила»), несовершеннолетним является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому [1].

По мнению доктора юридических наук Ю.В. Николаевой, возрастные особенности, обуславливающие затруднительную адаптацию несовершеннолетнего к меняющимся условиям жизни, могут быть компенсированы только повышенной защитой лиц, не достигших возраста совершеннолетия [4].

Ведущим показателем преступности несовершеннолетних является ее состояние, которое оценивается в цифровом виде и представляет собой количественно-качественную характеристику. Именно она позволяет достоверно узнать о состоянии преступности в стране и выработать соответствующие меры борьбы. Один из первых специалистов-психологов в системе МВД, доктор психологических наук В.Ф. Пирожков определил следующие критерии преступности: количество совершенных преступлений; количество зарегистрированных преступлений; характер структуры преступности; интенсивность преступности; уровень латентности преступности; величина причиненного преступностью ущерба.

Орган, осуществляющий надзор за исполнением наказания, в случае необходимости способный скорректировать исправительное воздействие на подростка, имеет право предоставлять сведения в суд о

необходимости отменить частично либо дополнить установленные ранее ограничения (ч. 3 ст. 53 УК РФ). Несмотря на применение таких строгих ограничений к несовершеннолетнему, данное наказание имеет плюс в том, что оно пресекает противоправное поведение подростка, без вырывания его из привычной социальной среды, и при этом ограничивает воздействие на него криминального окружения.

Д.М. Фаретдинова и Л.А. Камалиева считают, что лишение свободы зачастую не может оказывать положительное воздействие на перевоспитание несовершеннолетних осужденных, оно наоборот служит «школой криминального мастерства». Основным карательным элементом в первую очередь является изоляция малолетнего преступника из общества, с целью пресечь его дальнейшее противоправное поведение. Это способствует потери положительных связей с близкими родственниками, взамен в местах лишения свободы формируется преступный круг общения, который затрудняет достижения цели исправления подростка. Поэтому наказание в виде лишения свободы на определенный срок следует назначать несовершеннолетним лишь в исключительных случаях, с учетом его личностных качеств и особенностей [6].

На наш взгляд, было бы оптимальным пересмотреть систему наказаний и систему принудительных мер воспитательного воздействия и исключить из них те, которые, по мнению большинства научных деятелей, не достигают поставленных перед ними целей.

Список литературы

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985, ст. 2.2 / Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru>.
2. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 24.07.1998 № 124-ФЗ. М.: Норматика, 2016, ст. 1.
3. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.
4. Николаева Ю.В., Белякова И.М. Социально-правовая защита прав несовершеннолетних нуждается в совершенствовании // Образование и право. 2016. № 5. С. 22–24.
5. Фаретдинова Д.М., Камалиева Л.А. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 21. С. 108–109.
6. Эминов В.Е. Криминология: учеб. пособие / под ред. В.Е. Эминова. М.: ИНФРА-М, 2017.

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

А.О. Филипчик, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Комплекс исследуемых обстоятельств и признаков личности несовершеннолетних преступников значительно шире, чем при изучении преступности взрослых. Вместе с тем установление состояния, динамики, структуры преступности несовершеннолетних при анализе статистических показателей и качественных характеристик преступности несовершеннолетних (то, чем во всем мире занимается ювенальная криминология) обращает внимание следователей и судов по конкретному уголовному делу на серьезные изменения в условиях жизни и воспитания, ценностных ориентациях самих подростков.

Ключевые слова: преступность; несовершеннолетние; уголовная ответственность; ювенальная криминология; предупреждение; ресоциализация; подросток; уровень преступности.

Преступность несовершеннолетних является актуальной проблемой современного российского общества, это важный показатель криминогенной ситуации в стране. Для подростков, совершающих противоправные деяния, значительно затрудняется дальнейшая интеграция в общество, им сложнее, чем взрослым, пойти процесс ресоциализации и встать на путь исправления.

Несовершеннолетние преступники являются основным ресурсом для взрослой и рецидивной преступности. Современное состояние преступности несовершеннолетних является показателем уровня преступности будущего, его следует рассматривать как потенциальную угрозу безопасности и дальнейшего благополучного развития России. В связи с этим необходимо уделять особое внимание проведению профилактики данного негативного явления и в особенности эффективности воздействия уголовной ответственности, применяемой к несовершеннолетним за совершенные ими преступления [6].

По данным официальной статистики, количество зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними на территории России, имеет тенденцию к снижению в последние десятилетия. По данным Генеральной прокуратуры РФ, количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в 2017 г., уменьшилось на 14,2 %,

почти на 16 % сократилось число подростков, привлеченных к уголовной ответственности, в том числе на 16,7 % – ранее совершавших преступления. Однако этот показатель связан не только с успешностью мер по предупреждению этого негативного явления, а также данному состоянию существуют объективные причины, такие как демографический кризис, высокая латентность данного вида преступности, повышение криминальной активности детей в возрасте до 14 лет [1].

При исследовании преступности несовершеннолетних необходимо уделять внимание ее особенностям, которые с течением времени претерпевают изменения, влекущие проблемы по предупреждению и пресечению такой преступности. Характерны отличительные черты подростковой преступности, которые связаны с особым правовым статусом подростков и социально-психологическими особенностями данной группы, прежде всего высокой значимостью социально-групповых факторов. Наибольшее значение имеют проблемы материальной обеспеченности, а также воздействие массовой культуры, затрудняющей формирование просоциального поведения. Следовательно, требуется более тщательное изучение преступности и анализ мер по ее противодействию.

Существует прямая взаимосвязь между уровнем психических отклонений, имеющих место в среде несовершеннолетних, и криминализацией данной социальной группы. Такие подростки характеризуются весьма значительным уровнем криминогенности, они зачастую действуют спонтанно и при появлении «удобных» ситуаций совершают преступления. Естественно, при доказывании эти обстоятельства должны приниматься следователем во внимание и доказываться со всей скрупулезностью и полнотой.

При характеристике данной проблемы необходимо также остановиться на популярных видах преступности с привлечением несовершеннолетнего контингента. Так, преобладающей сферой являются преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Лица с целью опосредованного сбыта наркотических веществ пытаются вовлечь категорию несовершеннолетних лиц, поскольку именно они являются наиболее легко подчиняющимися влиянию. Основные приемы, которые используют преступники, представляют собой убеждение в том, что несовершеннолетних лиц не привлекают к ответственности в силу недостижения соответствующего возраста. Поэтому чаще всего в такую деятельность привлекаются подростки 14–15 лет или даже моложе [2].

Преступность несовершеннолетних и ее предупреждение относятся к особенной части криминологии, однако изучение такой категории преступности является и предметом ювенальной криминологии. Данное направление, по аналогии с криминологией, также имеет общую и особенную части.

Ювенальная криминология является основой для разработки концепций, программ и стратегий борьбы с преступностью несовершеннолетних, которая определяет такие элементы по отдельным видам и группам преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами. Следовательно, особенная часть ювенальной криминологии дает характеристику основным видам преступности несовершеннолетних и направлениям их предупреждения [3].

Центральное место в данных позициях занимает система предупреждения насильственных и корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, так как они обладают высокой степенью общественной опасности и продолжают оставаться на относительно стабильном уровне. Среди насильственных преступлений чаще всего встречаются причинение вреда здоровью различной степени тяжести, реже убийства. Поэтому система предупреждения данного направления преступности несовершеннолетних должна включать в себя:

- 1) объекты и субъекты воздействия;
- 2) взаимодействие субъектов по предупреждению преступлений;
- 3) основные направления и конкретные меры предупреждения [4].

Традиционно меры профилактики должны в себя включать общесоциальное, специально-криминологическое и индивидуальное предупреждение.

Но особое внимание необходимо уделять конкретным направлениям, среди которых первоочередным является работа в образовательных организациях. Именно в школах необходимо проводить психологические тестирования подростков на предмет выявления у них агрессивных черт характера, которые определяют предрасположенность к различного рода девиациям, в том числе к насилию. Кроме того, психология и педагогика имеют достаточно внушительный арсенал методов и средств изучения личности, ее воспитания и перевоспитания.

Выбор того или иного метода должен определяться предметом и задачами конкретного исследования. К основным психологическим методам следует отнести наблюдение и эксперимент, беседу, изучение продуктов деятельности, анкетирование, тестирование и др. Отмечается важная роль в изучении личности несовершеннолетнего правона-

рушителя биографического метода, метода «незаконченных предложений», многофазного личностного опросника или теста жизнестойкости, метода самооценки, метода общения независимых характеристик.

Таким образом, работа с подростками, совершившими преступления, представляет собой большой комплекс мер борьбы с преступлениями и правонарушениями, совершаемыми лицами, не достигшими возраста 18 лет. Также требует индивидуального подхода с учетом категории и вида совершенного преступления или правонарушения и с учетом семейной обстановки, особенностей характера, местных особенностей состояния преступности в целом. Необходимо также учитывать практику применения мер предупреждения, которые оказались для региона наиболее эффективными в предыдущем периоде. Ювенальная преступность имеет огромное значение, при ее изучении и исследовании в рамках специальной части криминологии охватывается комплекс проблем, ее определяющих.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 30.12.2008) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Уголовный кодекс РФ: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
3. *Аликова О.П.* Анализ динамики и тенденций состояния преступности несовершеннолетних // Молодежный научный вестник. 2017. № 4 (16). С. 327–338.
4. *Бельский А.И., Ягодин Р.С., Волков П.А.* Предупреждение преступности несовершеннолетних // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 11. С. 105–111.
5. *Загидуллина Л.М.* Подростковая преступность современной России: основные тенденции, факторы и социальные условия // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 6. С. 38–39.
6. *Куринова Я.И.* Современная преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение // Закон и жизнь. 2017. Т. 1. № 2. С. 28–37.

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА

О.О. Хабоян, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Одним из условий жизнедеятельности развитого общества признается забота о благах всех граждан. Конституцией РФ 1993 г. человек, его права и свободы были провозглашены высшей ценностью и поставлены под охрану государства. Среди них значительное место отводится нематериальным благам личности, таким как жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация. Правовое положение личности неотделимо от полного и реального осуществления предоставленных законом прав, включая право на возмещение причиненного вреда, которое обеспечено системой общих и специальных гарантий, одной из которых признается непосредственное гарантирование наиболее справедливого и реального возмещения причиненного гражданину вреда. В статье рассмотрен вопрос компенсации морального вреда, причиненного посягательствами на честь и достоинство человека.

Ключевые слова: вред; моральный вред; компенсация морального вреда; честь; достоинство гражданина; ответственность.

В гражданском праве вредом признаются отрицательные изменения в защищаемых законом благах, которые могут быть как имущественными, так и неимущественными (нематериальными). Возмещение имущественных благ предусмотрено ст. 15 ГК РФ. Так, лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

В отношении неимущественных благ А.М. Эрделевский отмечает, что «охраняемые законом нематериальные блага перечислены в Конституции и Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) [5]. Это жизнь, здоровье, честь, достоинство, доброе имя, свобода, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна. Причем в Конституции РФ (ч. 1 ст. 55 ГК РФ) подчеркивается, что это перечисление основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с п. 2 ст. 150 ГК РФ упомянутые блага защищаются в предусмотренных гражданским законодательством случаях и порядке, а также в тех случаях и тех пределах, в каких

использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального блага и характера последствий этого нарушения».

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

А.В. Жаглин отмечает неточность термина «моральный вред», поскольку под ним понимается как собственно «моральный вред, причиненный в сфере нравственных чувств и отношений, так и всякий иной вред (психические травмы, увечье и т.п.), который хотя далеко выходит за рамки морального, также не является имущественным». На основании сказанного сторонниками данного утверждения предлагается заменить понятие морального вреда понятием вреда неимущественного [3].

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др. [4].

Статьей 151 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая введена в действие с 1 января 1995 г., указанное положение сохранено лишь для случаев причинения гражданину морального вреда действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. В иных случаях компенсация морального вреда может иметь место при наличии указания об этом в законе [1].

Хотя Верховным Судом РФ не дано общего понятия страданий, из содержания текста Постановления явствует, что судом предпринята попытка раскрыть содержание одной из разновидностей морального вреда – нравственных страданий. Несомненно, что под нравственными

страданиями судом понимаются переживания. Определение содержания морального вреда как страданий предполагает, что действия причинителя вреда должны найти выражение в сознании потерпевшего, повлечь определенную психическую реакцию. При этом отрицательные изменения в защищаемых законом благах находят отражение в сознании человека в форме отрицательных ощущений (физические страдания) или переживаний (нравственные страдания). Содержанием переживаний может являться страх, стыд, унижение или иное отрицательное в психологическом аспекте состояние. Несомненно, что всякое незаконное действие или бездействие может вызывать у потерпевшего нравственные страдания в разной мере и лишить его полностью или частично психического благополучия.

Особенность морального вреда заключается в порядке его компенсации: «в денежной форме через гражданско-правовой иск посредством обращения за защитой права, хотя с теоретической точки зрения допустима и иная, альтернативная, форма. Кроме того, моральный вред в зависимости от основания возникновения может иметь самостоятельный характер (например, в случае нанесения оскорбления, унижения чувства собственного достоинства человека), а также сопутствующий нарушению какого-то иного объекта правовой охраны (в частности, при применении физического насилия, уничтожения имущества)» [2].

Конструкция «моральный вред» неоднократно была предметом критики в правовой литературе как не соответствующая его содержанию, предлагались и разные иные предложения о замене слова «моральный» каким-то другим прилагательным. Так, было высказано предложение заменить название данного вида вреда конструкцией «неимущественный вред». Указанное предложение является весьма неудачным, так как при его принятии мы имели бы два варианта неимущественного вреда: сам неимущественный вред как умаление нематериальных благ, о которых говорится в ст. 150 ГК РФ, и нематериальный вред в виде физических и нравственных страданий.

Таким образом, с учетом анализа научной литературы правоприменительной практики можно сделать вывод, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование

своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
2. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) // Рос. газ. 1995. № 29. 8 февр.
3. *Жаглин А.В.* Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // Вестник Воронежского ин-та МВД России. 2010. №.1. С. 64–70.
4. *Трофимова Г.А.* Моральный вред: сущность, основания возникновения и объем // Законодательство и экономика. 2016. № 7. С. 22–30.
5. *Эрделевский А.М.* Компенсация морального вреда. М., 2013.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

О.О. Хабоян, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

С учетом анализа научной литературы и правоприменительной практики можно сделать вывод, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. В статье рассмотрен вопрос компенсации морального вреда, причиненного посягательствами на честь и достоинство человека.

Ключевые слова: вред; ответственность; моральный вред; компенсация вреда; честь; достоинство гражданина.

В обычной жизни человек нередко вынужден претерпевать нравственные и физические страдания, в том числе и в результате незаконных действий иных лиц, однако это не значит, что во всех ситуациях

он получает право на возмещение морального вреда. Указанное право появляется только при наличии установленных законодательством оснований ответственности за причинение морального вреда.

Основания ответственности за причинение вреда, в том числе и морального, предусмотрены в ст. 1064 ГК РФ. Так, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред [3]. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда. Законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда. Законом может быть установлена обязанность лица, не являющегося причинителем вреда, выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда.

Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. В возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества. Основаниями возникновения обязательств по возмещению морального вреда признаются юридические факты, представляющие собой гражданские правонарушения, связанные с причинением потерпевшим физических и нравственных страданий (именно в связи с указанным обязательство является деликтным).

Гражданские правонарушения, как и любые другие правонарушения, представляют собой сложные правовые явления, элементами которых признаются субъект, объект, субъективная сторона, объективная сторона. Некоторые авторы, учитывая сложный состав гражданских правонарушений, к его элементам относят существование морального вреда, противоправность действий, причинивших вред, причинную связь между этими действиями и вредом, а также вину причинителя вреда [4].

Несомненно, что первые три из указанных условий являются объективной стороной правонарушения, а четвертое – это его субъективная сторона. Мы полагаем, что вред, противоправность, причинная связь и вина являются условиями гражданско-правовой ответственности за вред, включая вред моральный.

Гражданским законодательством предусмотрены в качестве оснований возникновения морального вреда действия, нарушающие личные неимущественные права гражданина, и действия, посягающие на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также другие случаи, установленные законом. Рассматривая указанную законодательную формулировку, одни исследователи делают вывод, что основание возникновения морального вреда является лишь посягательством на нематериальные блага [5], другие – что моральный вред появляется и при причинении имущественного вреда, так как здесь также присутствуют страдания в связи с произошедшим [6].

Невозможно не согласиться с тем, что нарушение всякого права – имущественного или неимущественного, причинение вреда всякому благу ведет к возникновению переживаний. Иное дело – мнение законодателя, который может считать допустимым компенсацию указанных переживаний только в некоторых ситуациях. Основания ответственности являются общими во всех ситуациях, с одной только оговоркой: «если иное не предусмотрено законом».

В указанном случае применяется «специальная» деликтная ответственность. Так, в соответствии со ст. 1100 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда: вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности; вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ; вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию; в иных случаях, предусмотренных законом [2]. Лицо, подвергшееся незаконному административному задержанию, вправе требовать возмещения вреда в порядке ст. 1100 ГК РФ [1].

Итак, основания ответственности за причинение вреда, в том числе и морального, предусмотрены в ст. 1064 ГК РФ. В соответствии с данной статьей, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410.

2. По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, п. 1 ст. 1070 и абз. 3 ст. 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и с. 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова: постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009, ст. 3382.
3. *Иванков А.В.* Моральный вред в нормах УК РФ // Адвокатская практика. 2008. № 1. С. 38–40.
4. *Капустянский К.В.* Правовые основы компенсации морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 29 с.
5. *Клочков А.В.* Компенсация морального вреда как мера гражданско-правовой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 24 с.
6. *Сисакьян А.К.* Понятие морального вреда в отечественной и зарубежной юридической науке // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 301–305.

ПРАВООХРАНА И ПРАВОЗАЩИТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

А.Э. Цыпленкова, магистрант, **В.В. Савельев**, канд. юрид. наук
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье рассмотрен вопрос правоохраны и правозащиты в деятельности органов предварительного расследования. Для судебного производства и вынесения объективного приговора необходимо собрать полные и правдивые доказательства, выяснить все необходимые обстоятельства совершенного преступления, изобличить виновного и обеспечить его неуклонение от правосудия. На данный момент этап предварительного расследования нуждается в доработке со стороны законодательства, а также со стороны организации работы органов, осуществляющих предварительное расследование.

Ключевые слова: предварительное расследование; судопроизводство; правоохранительная деятельность; профилактика преступлений; следователь; органы дознания.

Предварительное расследование в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации является одной из стадий, отличающихся от других особыми субъектами, содержанием правоотношений, сроками

и итоговыми решениями. Определения данной стадии уголовного процесса, которые имеются в учебной и научной литературе, различны. Их изучение и сопоставление, анализ истории формирования профилактики преступлений, которая осуществляется в ходе уголовного судопроизводства, могут помочь в составлении представления о предварительном расследовании и разобраться, что же это такое [3].

Неправомерное, несвоевременное производство предварительного расследования отрицательно сказывается на борьбе с преступностью в целом, что негативно сказывается на развитии государства на должном уровне. Низкий уровень деятельности правоохранительной системы является основной причиной ослабления охранительной функции государства.

Предварительное следствие включает в себя и такие действия, как привлечение лица в качестве обвиняемого, применение мер принуждения, допуск к участию в уголовном процессе защитника, законных представителей, гражданских истцов и других субъектов уголовного процесса, ознакомление лиц с материалами уголовного дела и проч. [4].

Состав следственной группы должен быть объявлен участникам уголовного процесса, которые, в свою очередь, могут заявить отвод. Такими лицами являются, согласно ч. 2 ст. 62 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, их законные представители, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. Об изменениях в составе следственной группы также составляется протокол или делаются отметки в постановлении, и сообщается перечисленным лицам.

Одной из задач предварительного расследования является также установление характера и размера ущерба, которое причинено совершенным преступлением, а также принятие мер для его возмещения. Выполнение данной задачи играет важную роль для правильной квалификации содеянного и обеспечения защиты прав граждан и организаций, которые были нарушены.

Существуют определенные санкции, которые могут быть применены к участникам, которые нарушили процессуальные нормы об основаниях, условиях и правилах производства следственных действий. Такими санкциями могут выступать меры принуждения, штраф или уголовная ответственность. Конституция РФ в совокупности с УПК РФ предусматривают санкцию ничтожности, которая является основной и означает утрату доказательственного значения результатов следственного действия. Следователь обязан объективно и всесторонне исследовать все обстоятельства расследуемого преступления. Решения, которые он будет

принимать в ходе расследования, должны быть законными и основываться на собранных доказательствах, оценка которых производится исключительно по его внутреннему убеждению, основанному на полном и объективном изучении всех обстоятельств дела в совокупности. В права следователя также входит возможность в любое время принять дело к своему рассмотрению, по которому предварительное следствие обязательно, несмотря на то, что оно было возбуждено органами дознания, а также, не дожидаясь проведения неотложных следственных действий, которые предусмотрены ст. 119 УПК РФ.

С какой-то стороны, дознание в сокращенной форме похоже на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Сходство заключается в том, что оба эти института основаны на взаимной выгоде, которая выражается в форме соглашения между подозреваемым и государством (в роли следователя или дознавателя). В рамках этого соглашения подозреваемый признает свою вину и, последовательно, полностью на всех этапах предварительного расследования не оспаривает характер и размер причиненного вреда, а также квалификацию инкриминируемого преступления. В свою очередь государство гарантирует сокращение наказания в соответствии со ст. 62 УК РФ. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что инициатива о заключении такого соглашения должна исходить исключительно от подозреваемого в виде ходатайства, регламент которого закреплен в ст. 226.4 УПК РФ [2].

Ходатайство о проведении дознания в сокращенной форме подается дознавателю в течение двух суток со дня разъяснения ему прав на такую форму дознания и должно быть удовлетворено дознавателем в течение 24 часов с момента подачи. Ходатайство может быть отклонено только в случае, если на то есть обстоятельства, которые запрещают производство дознания в сокращенной форме. Такие обстоятельства перечислены в ст. 226.2 УПК РФ. Произвольный отказ в удовлетворении ходатайства о проведении дознания в сокращенной форме не допускается, так как это нарушает законные права подозреваемого на справедливый и скорый суд.

Таким образом, законодатель определяет понятие «дознание» как расследование преступлений в полном объеме, а также как производство неотложных следственных действий по тем преступлениям, которые подследственны следователю.

Деятельность следователей и органов дознания, основанная на законе, принципах, а также общих условиях производства предварительного расследования, способствует эффективной борьбе с преступностью и укреплению правопорядка. Однако производство предваритель-

ного расследования без достаточных к тому оснований, а также решение стоящих перед ним задач недопустимыми средствами являются грубейшими нарушениями законности, которые приносят огромный вред обществу и государству в целом.

В следственной практике психологический контакт носит локальный характер. Это обусловлено тем, что такой контакт ограничен темой допроса и является временным, так как не выходит за рамки сроков расследования. Важной правовой гарантией охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе выступает и институт обеспечения мер безопасности, применяемых в процессуальном порядке на основании ч. 3 ст. 11 УПК РФ, к потерпевшему, свидетелю и иному участнику уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам, которым угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями [2].

Целью применения мер безопасности является предупреждение новых преступлений, в которых жертвами могут стать участники уголовного судопроизводства в связи с расследуемым уголовным делом, а также профилактика совершения ими таких преступлений, как заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ), отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ).

В целях охраны публичных интересов общества и государства при производстве по уголовному делу подлежат выявлению обстоятельства, способствующие совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ) [2]. Это положение свидетельствует о предупредительной деятельности органов предварительного расследования и, конечно, суда, а следовательно, о реализации ими функций правоохраны. При выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступления, следует обращать внимание на те ситуации, явления, факты, которые не соответствуют действующему законодательству, противоречат нормам морали и нравственности, не обеспечивают защиту прав и свобод человека и гражданина. Согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ дознаватель, руководитель следственного органа, следователь, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу такие обстоятельства, вправе вынести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или

других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения [5].

На предупреждение совершения подозреваемым, обвиняемым новых преступлений в период производства по уголовному делу направлено и применение мер процессуального принуждения (п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ). При этом трудно и бессмысленно говорить о следователе или дознавателе как о «правозащитнике» или «правоохранителе». Речь идет не о роли этих должностных лиц в рассматриваемой деятельности, а о задачах, реализуемых ими в соответствующих полномочиях [4].

Органы предварительного расследования, осуществляя уголовно-процессуальную функцию обвинения, посредством правоприменения обязаны защищать нарушенные права и свободы лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу в связи с совершением преступления, а также публичные интересы, обеспечивая законность при производстве по уголовному делу, охранять права физических и юридических лиц, а также публичные интересы от возможных преступных посягательств, реализуя в рамках правоохраны профилактическую составляющую процессуальной деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 30.12.2008) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Адлер А. Наука о характерах. Понять природу человека. М.: Академический проект, 2016. 253 с.
4. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2012. 542 с.
5. Судницын А.Б. Задачи предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 242 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Э. Цыпленкова, магистрант, **В.В. Савельев**, канд. юрид. наук
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Несмотря на активную прокурорскую работу, по сей день остаются проблемы в реализации социально незащищенными категориями граждан своих прав, среди которых на первое место выходят вопросы жилищных, пенсионных, трудовых прав инвалидов, прав на охрану здоровья и лекарственное обеспечение, на образование и социальное обслуживание, на доступность к объектам жизнедеятельности. В статье рассмотрены вопросы теоретической основы правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорский надзор; правозащитная деятельность; охрана прав; законность; незащищенность граждан; надзорные функции.

Провозглашение на уровне Конституции Российской Федерации [1] нашего государства как социального (ч. 1 ст. 7) одной из приоритетных задач ставит заботу о человеке и особенно тех членов общества, которые в силу каких-либо причин, обстоятельств оказываются неспособны самостоятельно обеспечить необходимый уровень жизни. К решению данных задач привлекаются и органы прокуратуры.

Прежде чем перейти к непосредственному исследованию деятельности органов прокуратуры, направленной на защиту прав граждан, которые не способны самостоятельно создать условия, обеспечивающие достойную жизнь и необходимые для свободного развития, следует определиться с теоретической конструкцией «социально незащищенные категории граждан». Конституционные положения, закрепляющие право на социальное обеспечение (ст. 7 и 39 Конституции РФ), раскрываются в нормах действующего федерального и регионального законодательства, а также в местных правовых актах. При этом законодатель не пользуется единой терминологией относительно категории граждан, которые наиболее социально уязвимы.

Рассмотрение обращений в органах прокуратуры Российской Федерации – одна из основных составляющих ее правозащитной деятельности, направленной на охрану прав и свобод человека и гражданина, повышение уровня законности на территории России. Рассмотрение и

разрешение обращений социально незащищенных категорий граждан в органах прокуратуры Российской Федерации является важнейшей составной частью данного вида деятельности прокуратуры.

Право граждан обращаться в органы государственной власти предусмотрено в ст. 33 Конституции РФ. Порядок реализации данного положения Конституции РФ нашел свое закрепление в законодательстве Российской Федерации, законах субъектов РФ, нормативных актах органов местного самоуправления, а также ведомственных нормативных актах и распространяется на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений инвалидов. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2] закрепляет основные права граждан, в том числе и социально незащищенных, на обращение, гарантии их осуществления, устанавливает требования к форме обращения, определяет сроки его регистрации и рассмотрения. Согласно ст. 10 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в органах прокуратуры в соответствии с их полномочиями разрешаются заявления, жалобы и иные обращения, содержащие сведения о нарушении законов. Решение, принятое прокурором, не препятствует обращению лица за защитой своих прав в суд.

Регламентом Генеральной прокуратуры РФ [3] и Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры РФ (далее – Инструкция) [4] описан порядок рассмотрения обращений и организация приема граждан. Рассмотрение обращений социально незащищенных категорий граждан является важнейшей частью правозащитной деятельности прокуроров. По обращениям социально незащищенной категории граждан о нарушениях законов органами прокуратуры принимаются действенные меры, направленные на восстановление нарушенных прав.

Как показывают данные докладных записок и обобщений прокуроров субъектов РФ, в большинстве регионов для реализации прав инвалидов на доступную безбарьерную среду, бесплатное получение жизненно важных лекарств, льготную оплату коммунальных услуг, обеспечение жильем, образование и трудоустройство требовалось прокурорское вмешательство. Зачастую именно обращения инвалидов в органы прокуратуры являются поводом для проведения прокурорских проверок исполнения законов о защите их прав. Значительную часть среди обращений неизменно составляют жалобы на нарушения жилищных и имущественных прав, ненадлежащее обеспечение лекарственными препаратами и средствами реабилитации, обращения, связанные с вопросами социальной защиты и соцобеспечения. В организации работы с обращениями

имеет значение обеспечение их беспрепятственного доступа в помещение прокуратуры для подачи обращения.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, данное положение Указа направлено на обеспечение для инвалидов возможности без очереди попасть на прием к руководителям и другим должностным лицам предприятий, учреждений и организаций, в том числе к должностным лицам государственных органов [4]. Существенное значение имеют новые формы организации работы прокуроров по рассмотрению обращений инвалидов, позволяющие оказать им помощь в реализации права на обращение.

Так, прокуратурами проводятся «горячие линии» по вопросам нарушения прав граждан с ограниченными возможностями здоровья, инвалидов, детей, в ходе которых граждане сообщают по телефону прокуратуры о фактах, к примеру, отсутствия надлежащего доступа для лиц с ограниченными возможностями к социально значимым объектам инфраструктуры района, необеспечения лекарственными препаратами и индивидуальными средствами реабилитации, несвоевременной выплаты пенсии и по другим вопросам в сфере защиты социально уязвимых категорий граждан. В ряде регионов функционируют «телефоны доверия».

Прокурорами принимаются меры, направленные на расширение практики выездного приема жителей отдаленных районов и сельских поселений. Подобные мероприятия очень важны, поскольку в силу материального положения, преклонного возраста или состояния здоровья многие граждане не в состоянии прибыть лично в прокуратуру для решения вопроса о защите своих прав. В ряде прокуратур субъектов РФ созданы и успешно работают мобильные приемные руководителей для оказания правовой помощи населению, особенно социально незащищенным категориям граждан [5].

В завершение исследования основных направлений деятельности прокуратуры в сфере защиты прав социально незащищенных категорий граждан необходимо сделать несколько выводов.

В сфере обеспечения прав социально незащищенной категории граждан предметом деятельности органов прокуратуры является защита их прав и охраняемых законных интересов в различных сферах общественной жизни, в частности, в сфере социального, медицинского и пенсионного обеспечения, в сфере образования, трудовых и жилищных прав, права на беспрепятственный доступ к объектам социальной инфраструктуры, транспорта и других прав.

Необходимо дополнить КАС РФ нормой, отсылающей к рассмотрению нескольких связанных между собой требований, одно из которых возникает из публичных правоотношений, в порядке гражданского судопроизводства (по аналогии с ч. 4 ст. 22 ГПК РФ).

Для повышения эффективности работы с обращениями в органы прокуратуры и совершенствования организации приема граждан из числа социально незащищенных необходимо принять ряд мер, касающихся всех обращений, поступающих в органы прокуратуры. В целом назрела необходимость издания организационно-распорядительного документа Генеральной прокуратуры РФ, в котором целесообразно отразить процедурные моменты, связанные с приемом социально незащищенных категорий граждан, рассмотрением и разрешением их обращений, требования к оборудованию помещений, где осуществляется прием населения, в том числе инвалидов, с учетом особенностей их здоровья.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.11.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2060.
3. Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации: приказ Генпрокуратуры России от 11.05.2016 № 276 // Законность. 2016. № 8. С. 47–73.
4. Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45 (ред. от 07.03.2018) // Законность. 2013. № 4. С. 54–73.
5. Методические рекомендации для создания и организации деятельности мобильных (выездных) приемных прокуроров субъектов РФ, приравненных к ним военных и иных специализированных прокуроров от 24.09.2015 № 24-02-2015. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2018).

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А.А. Яковлев, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В работе анализируются наиболее актуальные проблемы квалификации насильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и малолетних, которым не исполнилось 14 лет.

Ключевые слова: несовершеннолетний; малолетний; уголовное право; половые преступления; потерпевший; изнасилование.

Определенную сложность в деятельности правоохранительных органов, в частности судебно-следственной практике, представляет квалификация насильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних, не достигших 18-летнего возраста, а также малолетних, которым не исполнилось 14 лет. В данном случае речь пойдет о насильственных преступлениях против половой неприкосновенности личности, предусмотренных п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, насильственных действиях сексуального характера п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, а также понуждение к действиям сексуального характера ч. 2 ст. 133 УК РФ.

Следует заметить, что отягчающие квалифицирующие обстоятельства вышеназванных преступлений прежде всего связаны с возрастом потерпевших. При этом такой квалифицирующий признак, как изнасилование потерпевшей, не достигшей 18 лет, и совершение насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней, не содержит существенных различий от квалифицирующего признака как изнасилование несовершеннолетней.

Часто несовершеннолетние и малолетние являются потерпевшими в половых преступлениях в силу своей неопытности или в некоторых случаях провоцирования преступного поведения насильника. Судебная практика руководствуется, как правило, тем, что данные квалифицирующие признаки могут быть вменены виновному лицу при условии, что если оно знало, а также допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней или малолетней. Для квалификации рассматриваемых преступлений в отношении несовершеннолетних и малолетних, самое важное значение имеет понятие «наси-

лие», с которым связано причинение различного степени вреда потерпевшим. Поэтому работникам следствия и суда, при квалификации действий виновного и подсудимого, следует руководствоваться п. 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», в котором говорится, что под насилием в ст. 131 и 132 УК РФ следует понимать как опасное, так и неопасное для жизни, а также для здоровья насилие, а также побои и совершение других насильственных действий, которые причиняют потерпевшему физическую боль либо ограничивают его свободу.

Если при совершении изнасилования и насильственных действий сексуального характера потерпевшему был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозициями данных статей, а если умышленно причинен тяжкий вред здоровью, необходима дополнительная квалификация по соответствующей части ст. 111 УК РФ.

Особые трудности в квалификации при совершении изнасилования представляет совершение данного преступления с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Толкование и понимание беспомощного состояния потерпевшей применительно к изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера вызывает особые трудности на практике, особенно когда речь идет о несовершеннолетних и малолетних. В связи с этим следует отметить, что в п. 5 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного суда от 04.12.2014 № 16 РФ изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, болезненное или бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или других обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий, а также оказать сопротивление виновному. Из приведенного разъяснения следует, что беспомощное состояние потерпевшей представляет собой не только физическую, но и психическую беспомощность. При физической беспомощности потерпевшая не может оказать какое-либо сопротивление преступнику в изнасиловании, а при психической – она не может правильно понимать или верно оценивать характер и значение совершаемых с нею преступных действий.

Вместе с тем, как свидетельствует судебнo-следственнaя практика и различные исследования в области уголовного права и криминологии, причины и обстоятельства беспомощного состояния потерпевшей при совершении преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ могут быть самыми различными. Так, в теории и практике нередко возникают вопросы о квалификации изнасилования с другими половыми преступлениями в отношении несовершеннолетних и малолетних, в частности, с насильственными действиями сексуального характера (ст. 132 УК РФ) и при понуждении к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 133 УК РФ).

Согласно ст. 132 УК РФ, уголовная ответственность предусмотрена за мужеложство, лесбиянство, а также другие действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) либо другим лицам или с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей). При этом потерпевшими несовершеннолетними и малолетними при совершении данного преступления могут быть как лица мужского пола, так и женского. Разграничение изнасилования и преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, необходимо проводить по особенностям объективной стороны, которая, несмотря на общий признак насилия, характеризуется разными действиями и способами сексуального характера, а также видами удовлетворения половых потребностей. Решая вопрос о квалификации данных преступлений, Пленум Верховного суда РФ в п. 9 отмечает, что при совершении виновным в любой последовательности изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении одной и той же потерпевшей содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, независимо от времени совершения данных преступлений.

Что же касается ст. 133 УК РФ, то она предусматривает ответственность за понуждение к действиям сексуального характера. Способы понуждения исчерпывающе перечислены в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ, которыми являются: понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству, а также совершению других действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества или с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей).

В связи с высокой общественной опасностью данного преступления законодатель Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ существенно редакционно уточнил диспозицию ч. 1 данной статьи и ввел квалифицированный состав (ч. 2 ст. 133 УК РФ), в котором установил уголовную ответственность за понуждение к действиям сексуального

характера, совершенные в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней). В отличие от изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) при понуждении к действиям сексуального характера способы воздействия на потерпевшее лицо самые разнообразные, которые исчерпывающе указаны законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ. Возникают проблемы также при квалификации, демонстрации порнографических материалов одновременно мальчику и девочке, не осознающих сути совершаемых с ними действий, ради последующего вступления с ними в половой контакт.

Следуя логике законодателя, такого рода деяние, совершенное мужчиной в отношении не достигшей 12 лет девочки, надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, а в отношении мальчика того же возраста – по ч. 1 ст. 30, по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (идеальная совокупность, грозящая виновному резким усилением окончательного наказания). Налицо идеальная совокупность преступлений, и действия виновного надлежит квалифицировать по обоим составам – п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. В случае если те же деяния совершит женщина, то они будут квалифицированы только по ч. 1 ст. 30, п. «б» ст. 132 УК РФ.

Следовательно, для правильной квалификации рассматриваемых преступлений возникает необходимость определить, кто же относится к категории малолетних, тем более что уголовный закон такого понятия не содержит и не раскрывает его. Таким образом, по нашему мнению, под малолетним в уголовном праве следует понимать лицо, не достигшее возраста 12 лет, а лицо, не достигшее возраста 16 лет, обозначать как «подростка». Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы: беспомощное состояние несовершеннолетних (малолетних) потерпевших (потерпевшего) от насильственных половых посягательств представляет собой физическую и психическую беспомощность. При физической беспомощности потерпевшая не может воспрепятствовать, т.е. оказать сопротивление преступнику в изнасиловании, а при психической беспомощности она не может понимать или верно оценивать характер и значение совершаемых с нею преступных действий со стороны виновного лица.

Разграничение изнасилования и преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, необходимо проводить по особенностям объективной стороны, которая, несмотря на общий признак насилия, характеризуется разными действиями и способами сексуального характера, а также видами удовлетворения половых потребностей. В отличие от изнаси-

лования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) при понуждении к действиям сексуального характера способы воздействия на потерпевшее лицо самые разнообразные, которые исчерпывающе указаны законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ.

При демонстрации порнографических материалов одновременно мальчику и девочке, не осознающих сути совершаемых с ними действий, ради последующего вступления с ними в половой контакт, совершенное мужчиной в отношении не достигшей 12 лет девочки, надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, а в отношении мальчика того же возраста – по ч. 1 ст. 30, по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (идеальная совокупность, грозящая виновному резким усилением окончательного наказания). Налицо идеальная совокупность преступлений, и действия виновного надлежит квалифицировать по обоим составам – п. «б» ч. 4 ст. 131, 132 УК РФ. В случае если те же деяния совершит женщина, то они будут квалифицированы только по ч. 1 ст. 30, п. «б» ст. 132 УК РФ. Дабы избежать эту коллизию, законодатель должен четко определить свою позицию по отношению к так называемым извращенным половым актам – равнозначны ли они естественному соитию или нет? Если нет, то ответственность и наказание за них должны отличаться от карательной реакции на изнасилование. Если равнозначны, то ответственность и наказание за них должны содержаться в одной статье УК РФ. Отсутствие законодательно закрепленного в УК РФ определения «малолетнее лицо» следует считать упущением, поскольку малолетний возраст служит одной из причин признания беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) от преступных посягательств сексуального характера, с чем соглашается и теория, и практика. Данный вопрос имеет принципиальное значение, так как даже при наличии невынужденного согласия малолетнего лица на половой контакт содеянное все равно признается изнасилованием или насильственным действием сексуального характера.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.05.2019 № 112-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного суда РФ от 04.12.2014 № 16 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2015. № 1.

3. Векленко С.В., Николаев К.Д. Преступления против половой неприкосновенности: историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты: лекция. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2010. 75 с.
4. Гертель Е.В. Виды психического насилия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3. С. 16–20.
5. Куманяева Е.А. Понуждение к действиям сексуального характера // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 242–247.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А.А. Яковлев, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье анализируются проблемы квалификации ненасильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и малолетних, которым не исполнилось 14 лет.

Ключевые слова: несовершеннолетние; малолетние; уголовное право; половые преступления; уголовный закон.

Половые преступления издревле вызывали острый интерес не только у специалистов, но и самых широких слоев населения. Актуальность данной проблемы возросла в связи с тем, что в последние годы рост посягательств на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних лиц резко увеличился, о чем довольно часто сообщают средства массовой информации. Заметный рост количества этих преступлений, который оказал большое влияние на криминогенную ситуацию в стране, привел законодателя к необходимости пересмотреть отдельные положения уголовного закона в сторону усиления ответственности за преступления против половой свободы или неприкосновенности личности. Очевидна необходимость совершенствования практики применения уголовно-правовых норм, карающих лиц, совершающих данного рода преступления.

Поэтому, учитывая изменения, внесенные законодателем в действующий Уголовный Кодекс Российской Федерации, особый интерес для практической деятельности органов суда и следствия представляет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой

неприкосновенности и половой свободы личности». Также следует отметить, что предмет его рассмотрения более широк, чем у ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», что в большей степени соответствует потребностям следственной, прокурорской и судебной практики ввиду системного подхода к рассматриваемым общественно опасным деяниям.

Изучение текста постановления показывает, что Верховный Суд РФ вынужден оправдывать или замалчивать многочисленные, в том числе совершенно очевидные, законодательные ошибки, допущенные законодателем в гл. 18 УК РФ. Коллизия, не устранимая даже путем толкования Верховным Судом РФ, выявляется при сопоставлении текстов ст. 132 и 133 УК РФ, с одной стороны, и заголовка, а также текста диспозиций ст. 134 УК РФ – с другой. Если в первых из названных статей иные сексуальные действия понимаются весьма широко, то в ст. 134 в содержание этого термина входит только мужеложство и лесбиянство. Здесь также нельзя обойтись без вмешательства законодателя. К тому же неясно, почему противоправное мужеложство и лесбиянство в ст. 134 УК РФ наказывается более жестко, а в ст. 131–132, как уже указывалось выше, равновелико с противоправным половым сношением в естественной форме. Теоретически и практически оправданным выглядит содержащееся в п. 21 Постановления разъяснение о допустимости квалификации развратных действий по признакам преступлений, предусмотренных по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ лишь при доказанности умысла на совершение таких действий в отношении лица, не достигшего 12 лет.

Современное общество заражено «педо-истерией», массовое распространение информации о сексуальных посягательствах в отношении детей и подростков стирает грани представления о том, что является проявлением нормальной здоровой любви между мужчинами и женщинами, а что относится к патологии. Фантазия детей на эту тему не знает разумных границ. Средства массовой коммуникации и, прежде всего, Интернет оказывают большое влияние на их воображение, постоянно подогревая интерес к разного рода половым извращениям и излишествам.

В предыдущем постановлении Верховный Суд РФ не толковал положения ст. 135 УК РФ. Между тем, как было сказано выше, название ст. 134 УК РФ шире, чем ее содержание. К тому же в ней нет четкого указания на то, что следует понимать под иными действиями сексуаль-

ного характера, а что отнести к собственно развратным действиям. Однако сделанное в п. 17 разъяснение того, что следует считать развратными действиями, видится слишком общим, мало что дающим в плане практического применения: «любые действия <...> которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям». Остается, скажем, неясным, как следует квалифицировать добровольное совершение анально-генитального коитуса между лицом женского и мужского пола или оральным сексом между лицами мужского пола либо взаимную мастурбацию лиц мужского пола с наказуемой разницей в возрасте? Е.Ю. Пудовочкин в свое время подметил, что «половое сношение, к примеру, с девочкой, не достигшей 16 лет, будет квалифицироваться по ст. 134 УК РФ и максимально возможное наказание составляет 4 года лишения свободы, а, скажем, анальный секс с той же девочкой, будет квалифицироваться по ст. 135 УК РФ, и наказание за данное преступное деяние не превысит 3 лет лишения свободы». На наш взгляд, для разрешения этой проблемы недостаточно судебного толкования, а требуется соответствующее перестроение ст. 134 и 135 УК РФ, в результате которого первая из них будет охватывать кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, иное поведение субъекта, связанное с непосредственными сексуальными контактами с лицом, не достигшим 16-летнего возраста; а под развратными действиями – прочие действия сексуального характера, направленные на возбуждение и (или) удовлетворение половой потребности виновного или других лиц, но не связанных с таковым контактом с потерпевшим лицом (проще говоря, не выражающееся в имитации полового акта).

Обращает на себя внимание и существенная разница в наказуемости незаконного полового сношения с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, с одной стороны, и мужеложства (лесбиянства) с ним же (ср. санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ): если первое деяние считается преступлением средней тяжести, то второе – уже тяжким (разница верхних пределов санкций – 2 года). Однако уже в ч. 3 этой статьи законодатель совершенно нелогично унифицирует наказание за обе разновидности половых контактов, хотя для потерпевшей (его) в возрасте от 12 до 14 лет неестественная их форма, на наш взгляд, более вредна, чем для более старших по возрасту подростков. Здесь решение проблемы выходит за рамки компетенции Верховного Суда РФ за исключением вышеупомянутой возможности реализовать право законодательной инициативы.

Особо интересным является подход законодателя к вопросу об освобождении от наказания, в случае создания «особых условий», прописанных в п. 1 примечания к ст. 134 УК РФ, в котором сказано, что «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ (т.е. добровольное половое сношение), освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». Так как наше государство признает законным только брак между мужчиной и женщиной (традиционный), то по смыслу данного примечания следует, что конституционный принцип равноправия в отношении сексуальных меньшинств (гомосексуалов и лесбиянок) не действует. Практически важным является признание развратными действиями поведения виновного, при котором непосредственный контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-коммуникационных сетей. Данному вопросу, по нашему мнению, следовало уделить больше внимания, сформулировав более четкое определение развратных действий, совершенных дистанционно («виртуально»), так как в настоящее время проблема привлечения к уголовной ответственности за сексуальные домогательства к несовершеннолетним средствами сети Интернет и других информационно-коммуникационных сетей носит особый характер. Однако, рассуждая о вопросах квалификации рассматриваемых действий по гл. 18 УК РФ, можно свести умысел виновного лишь к желанию причинения вреда конкретному лицу либо индивидуально-определенному кругу лиц. В иных случаях, когда адресатами информационного воздействия является неопределенная масса людей, предлагается квалифицировать содеянное по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ. Однако различие между названными составами следует проводить по иным критериям. Во-первых, преступления, предусмотренные гл. 18 УК РФ, не содержат цели распространения или публичной демонстрации порнографических материалов. Основной целью виновного является удовлетворение собственной сексуальной потребности путем возбуждения сексуального желания у потерпевшего лица. При этом преступник осознает (сознательно допускает), что субъекту преступного посягательства не исполнилось 16 лет. При совершении преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, посредством сети Интернет или иных информационно-коммуникационных сетей, происходит общение между преступником и жертвой (жертвами), взаимный обмен соответствующей информацией.

Тем не менее, проанализировав действующее уголовное законодательство, можно сформулировать следующие выводы: во-первых следует внести необходимые изменения в УК РФ, дабы устранить коллизию, выявляемую при сопоставлении текстов ст. 132 и 133 УК РФ, с одной стороны, и заголовка, а также текста диспозиций ст. 134 УК РФ – с другой. Если в первых из названных статей иные сексуальные действия понимаются весьма широко, то в ст. 134 – в содержание этого термина входит только мужеложство и лесбиянство. Во-вторых, требуется пересмотр ст. 134 и 135 УК РФ, в результате которого первая статья будет рассматривать кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, иное поведение субъекта, связанное с непосредственными сексуальными контактами с лицом, не достигшим 16-летнего возраста; а под развратными действиями – прочие действия сексуального характера, направленные на возбуждение и (или) удовлетворение половой потребности виновного или других лиц, но не связанных с таковым контактом с потерпевшим лицом (проще говоря, не выражающееся в имитации полового акта). В-третьих, необходимо устранить существенную разницу в наказуемости незаконного полового сношения с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, с одной стороны, и мужеложства (лесбиянства) с ним же (ср. санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ): если первое деяние считается преступлением средней тяжести, то второе – уже тяжким преступлением (разница верхних пределов санкций – 2 года). В-четвертых, следует сформулировать четкое определение развратных действий, совершенных дистанционно («виртуально»), так как в настоящее время проблема привлечения к уголовной ответственности за сексуальные домогательства к несовершеннолетним средствами сети Интернет и других информационно-коммуникационных сетей носит особо актуальный характер. Мы не предлагаем конкретных дефиниций, поскольку их поиск предопределяется необходимостью проведения отдельного исследования, выходящего за рамки отведенного объема настоящей работы.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.05.2019 № 112-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 14.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление. Пленума Верховного Суда РФ 15.06.2004 № 11.
4. Уголовный кодекс РФ с постановочными материалами / под ред. А.И. Рагога. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 818 с.
5. Пудовочкин Ю.Е. Ненасильственные половые посягательства на лиц, не достигших 14 лет // Законность. 2002. № 4. С. 46–47.

ВЫЯВЛЕНИЕ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

А.М. Янешева, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Общество и государство не могут быть безучастными к судьбе детей, оставшихся без попечения родителей. Лишившись естественного семейного окружения и заботы со стороны родителей и близких родственников, эти дети находятся в тяжелой жизненной ситуации, в связи с чем в законодательстве установлены особые, дополнительные юридические гарантии защиты их прав и охраняемых законом интересов.

Ключевые слова: попечение детей; опека; детская беспризорность; устройство ребенка.

Своевременное выявление и учет детей, утративших по тем или иным причинам родительское попечение, является необходимой предпосылкой оказания им соответствующей помощи.

В случае утраты ребенком попечения со стороны родителей должностные лица учреждений (дошкольных образовательных учреждений, общеобразовательных учреждений, лечебных учреждений и других учреждений) и иные граждане, располагающие сведениями о детях, указанных в п. 1 ст. 121 СК РФ, как предусмотрено в п. 1 ст. 122 СК РФ, «обязаны сообщить об этом в органы опеки и попечительства по месту фактического нахождения детей».

К таким должностным лицам относятся руководители образовательных, лечебных учреждений, работники органов внутренних дел, куда поступила информация о ребенке, другие лица, в частности инспекторы комиссий по делам несовершеннолетних.

Правовое положение комиссий по делам несовершеннолетних и обязанности их должностных лиц определяются Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних (ч. 3 п. 1 ст. 121 СК РФ),

которое запрещает осуществление деятельности по выявлению и устройству детей, оставшихся без попечения родителей, любым юридическим или физическим лицам, кроме органов опеки и попечительства.

Так, Конституционный суд РФ в своем определении указал, что в силу конституционных требований федеральный законодатель, реализуя свои полномочия в сфере семейного законодательства, а именно осуществляя правовое регулирование отношений, связанных с защитой семьи, материнства, отцовства и детства, а также с социальной защитой (ст. 72, п. «ж» и «к» ч. 1 Конституции Российской Федерации), вправе отнести вопросы опеки и попечительства над детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, к вопросам муниципального уровня, и с этой точки зрения п. 1 ст. 34 ГК РФ и п. 2 ст. 121 СК РФ не рассматриваются как противоречащие Конституции Российской Федерации.

Законодательство РФ предусматривает различные виды ответственности за нарушение этого правила. Согласно ст. 5.37 КоАП «...незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью – влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти до двадцати пяти минимальных размеров оплаты труда» [2].

Более того, незаконная деятельность, связанная с устройством несовершеннолетних, может быть уголовно наказуемой. «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, совершенные неоднократно или из корыстных побуждений, – наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев» [1]. Названные меры вполне оправданы и справедливы. Однако нельзя полагать, что забота о выявлении нуждающихся в помощи детей должна быть возложена только на органы опеки и попечительства.

Современное состояние детской беспризорности требует особого контроля за информацией о таких детях, который в масштабах государства еще не установлен.

В связи с участвовавшими обращениями региональных операторов государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей (далее – государственный банк данных о детях) Минобр-

науки выпустило информационное письмо, где дает разъяснения законодательства Российской Федерации в части применения норм по выявлению и учету детей, оставшихся без попечения родителей.

Относительно выявления безнадзорных и беспризорных детей, понятия «беспризорного и безнадзорного ребенка» определены Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»:

- безнадзорный – несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц;

- беспризорный – безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания.

В соответствии со ст. 121 Семейного кодекса Российской Федерации в случае болезни родителей защита прав и интересов детей возлагается на орган опеки и попечительства. Однако законодательством Российской Федерации не установлен перечень заболеваний, при которых родители несовершеннолетнего не могут осуществлять свои права и нести обязанности.

В связи с этим орган опеки и попечительства не имеет возможности в административном порядке принять решение, при наличии какого именно заболевания родители (единственный родитель) не могут осуществлять свои права и обязанности. Данный вопрос должен решаться в судебном порядке.

Территориальными органами миграционной службы проводится опрос таких детей с заключением опросного листа, после чего дети передаются органам опеки и попечительства [5].

Проведение мероприятий по выявлению детей, оставшихся без попечения родителей, входит также в компетенцию центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, Примерное положение о которых разработано в соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Положительно зарекомендовала себя практика проведения операций по выявлению беспризорников (органами внутренних дел) «Забота», «Беглец», «Подросток», «Опасный возраст». Например, в результате операции «Табор», проведенной милицией общественной безопасности, было выявлено 5,2 тыс. детей, эксплуатируемых цыганами [4].

Имеются недостатки и в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, основного звена, координирующего эту работу на местах.

Согласно ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления, а значит, и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в районных, городских муниципальных образованиях, не входят в систему органов государственной власти.

В соответствии с действующим в настоящее время Законом «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» органы местного самоуправления имеют возможность принимать превентивные меры в отношении детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, что, в свою очередь, сможет оказать влияние на снижение числа детей, оставшихся без родительского попечения.

В большинстве случаев приведенные юридические факты подтверждаются каким-либо официальным документом. Так, например, смерть или объявление умершим в соответствии со ст. 47 ГК РФ и Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» подтверждаются свидетельством о смерти. Факты лишения родительских прав, ограничения в родительских правах, факт признания родителя недееспособным имеют место при наличии вступившего в законную силу соответствующего решения суда.

В то же время такие обстоятельства, как болезнь или отсутствие родителя, а также уклонение от воспитания ребенка, необязательно должны подтверждаться какими-либо документами. Поэтому СК РФ устанавливает обязанность всех должностных лиц и граждан, которым стало известно об утрате ребенком родительского попечения, сообщить об этом органу опеки и попечительства. В частности, в ст. 121 СК РФ имеется в виду любое длительное отсутствие родителя, а не только его безвестное отсутствие, установленное вступившим в силу решением суда (ст. 42 ГК РФ). Срок отсутствия родителя семейным законодательством не определяется, поэтому орган опеки и попечительства вправе самостоятельно решать вопрос об устройстве ребенка, учитывая то, сколько времени нет родителя рядом с ребенком, по каким причинам он отсутствует, кто в его отсутствие заботится о ребенке, сколько лет самому ребенку. Нет необходимости, например, назначать попечителя в том случае, когда 16-летний студент университета проживает один несколько месяцев в связи с тем, что его родители находятся в командировке.

Рассмотрим судебную практику. 28 ноября 2013 г. начальник управления образования администрации г. Кирова получил заключе-

ние за подписью главного врача Кировской областной детской больницы. Заключение содержало информацию о плохом состоянии здоровья девочки и последовательных отказах родителей в разрешении на необходимое лечение, в частности, на ее помещение в отделение интенсивной терапии.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что родители препятствовали врачам обследовать А. В частности, препятствовали измерению температуры, использованию капельницы или катетеров и приему лекарств. Несмотря на тот факт, что болезнь была атипичной, родители категорически отказывались разрешить помещение А. в отделение специальной терапии. Принимая во внимание особые обстоятельства, а именно смерти двух ранее удочеренных девочек, это могло считаться умышленным уклонением от помощи ребенку в угрожающей жизни ситуации.

При таких обстоятельствах администрация больницы была вынуждена обратиться к начальнику управления образования администрации г. Кирова в целях немедленного отобрания ребенка. А. была отобрана у родителей 11 декабря 2013 г.

Решением от 24 января 2014 г., оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, Первомайский районный суд признал действительность распоряжения о немедленном отобрании и отметил, что отобрание было произведено в ситуации, угрожающей жизни ребенка» [3].

Часть 2 ст. 122 СК РФ устанавливает правовую обязанность руководителей учреждений социальной защиты (независимо от их ведомственной принадлежности и организационно-правовой формы), в которых находятся дети, сообщить в семидневный срок в орган опеки и попечительства по месту нахождения данного учреждения о каждом ребенке, оставшемся без попечения родителей и который может быть передан на воспитание в семью.

Органы опеки и попечительства после получения информации о детях, оставшихся без попечения родителей, обязаны незамедлительно (в течение трех дней) провести первичное обследование условий жизни ребенка для проверки достоверности полученной информации о факте отсутствия попечения его родителей или родственников, а при установлении факта утраты ребенком родительского попечения – выявить других его родственников, которые могут обеспечить временный присмотр за ребенком. В зависимости от обстоятельств ребенок незамедлительно должен быть определен в воспитательное, лечебное учреждение, учреждение социальной защиты населения.

Органом опеки и попечительства после проведения обследования условий жизни ребенка составляются два документа: акт обследования и основанное на нем заключение (оценка собранных фактов, выводы и предложения о форме возможного устройства ребенка), а при необходимости – должны быть приняты меры по охране имущества несовершеннолетнего. После этого данные о ребенке заносятся в журнал первичного учета установленной формы и принимаются меры по его устройству [3].

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством основанием для принятия мер по устройству ребенка, оставшегося без попечения родителей, является получение органом опеки и попечительства информации об утрате им родительского попечения как в письменной, так и в устной форме от любых лиц, а также получение информации любым другим способом (проверка условий жизни ребенка, сообщения в средствах массовой информации и пр.).

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 295.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
3. Постановление ЕСПЧ от 08.01.2009 «Дело «Куимов (Kuimov) против Российской Федерации» (жалоба № 32147/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 12.
4. *Матвиенко В.* Безнадзорность и беспризорность, вместе взятые // Человек и закон. 2003. № 3. С. 4–9.
5. *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2013. 279 с.

ИНЫЕ ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

А.М. Янешева, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Помимо форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, ст. 123 СК РФ предусматривает и возможность пребывания детей в учреждениях для детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей,

всех типов, а также устройство ребенка в какой-либо форме, определенной законом субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: устройство детей; дети-сироты; дети без попечения; патронат; попечительство детей.

Помещение ребенка в учреждение для детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, будучи неиндивидуальной и временной формой устройства ребенка, для него нежелательно. Пребывание в детском учреждении не создает даже суррогатной семьи (как это имеет место при передаче ребенка приемным родителям) [3].

Учреждение, в котором пребывает ребенок, оставшийся без попечения родителей, выполняет функции его опекуна (попечителя) (ст. 35 ГК РФ, ст. 147 СК РФ). Ребенок обладает всем комплексом прав детей, находящихся под опекой и попечительством (ст. 149 СК). Таким образом, правовое отличие пребывания ребенка в учреждении от опеки (попечительства) состоит только в одном: учреждение является юридическим лицом, а опекун (попечитель) – лицо физическое [4].

Законы многих субъектов РФ предусматривают альтернативные федеральным формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей: патронат, семейный детский дом и пр.

Все региональные формы устройства детей объединяет один общий признак: в соответствии с этими формами ребенок временно передается в семью, которая получает за исполнение обязанностей по его воспитанию вознаграждение. Можно выделить несколько разновидностей патронатного устройства детей, которые различаются в зависимости от размера вознаграждения или от того, какой орган или учреждение занимается устройством детей на патронатное воспитание. Однако во всех случаях предусмотренные законами субъектов РФ формы устройства детей являются индивидуальными и временными.

Причислить эти формы к разновидностям опеки (попечительства) в настоящее время невозможно по причине юридического характера. Дело в том, что отношения опеки (попечительства) как разновидности законного представительства входят в круг отношений, регулируемых гражданским законодательством, а значит, могут быть урегулированы только федеральным законодательством (ст. 71 Конституции РФ, ст. 3 ГК РФ).

Вместе с тем распространение названных форм на практике свидетельствует об их востребованности и требует упорядочения возникающих при этом отношений. Такое упорядочение возможно, если в соответствии с федеральным законом к договорным разновидностям опеки и попечительства будут отнесены не только приемная семья, но и иные

правовые конструкции, в том числе и те из них, особенности правового регулирования которых определяются законами субъектов РФ [3].

Среди форм устройства подобной практики, регламентированных действующим законодательством, патронат является сравнительно новой ее разновидностью. Вместе с тем в своей исторической ретроспективе оно насчитывает не одну сотню лет. В этом аспекте разграничить такие формы как «приемная семья» и «патронат» достаточно сложно. Можно назвать Указ 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», который предусматривал возможность передачи новорожденных детей, достигших возраста 2 месяцев, находящихся в воспитательных домах, кормилицам в деревенские семьи. Ребенок пребывал там до достижения возраста 9 месяцев, а впоследствии, до 2–3 лет. Семье, принявшей на воспитание ребенка, выплачивались деньги на его содержание. Помимо этого воспитательный дом осуществлял надзор за выполнением наставником своих обязанностей, присылая в семьи врача и надзирателя.

Свое собственное наименование («патронаж» в переводе с французского означает «покровительство», «попечительство») исследуемый правовой институт получил в связи с принятием «Установления по воспитательным домам» от 24.12.1797 (4 января 1798 г.). Срок пребывания ребенка в патронатной семье значительно увеличился: для мальчиков – до достижения 17 лет, для девочек – до 15 лет. Однако с середины 60-х гг. XIX в. данный институт прекратил свое существование. Его возрождение связано с такими нормативными актами, как Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27.03.1928 «О передаче воспитанников детских домов в крестьянские семьи» [1] и Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28.05.1928 «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов и других несовершеннолетних трудящихся в городах и рабочих поселках» [2]. Данный перечень следует дополнить Постановлениями ВЦИК И СНК РСФСР от 01.04.1936 «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся», СНК СССР от 23.01.1942 «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей» [6].

В современном праве патронат имеет свои особенности. Одна из них проявляется в правовом регулировании, т.е. данная форма устройства детей на воспитание регулируется законодательством субъекта РФ.

Особенность исследуемой формы устройства детей в семью проявляется не только в правовом регулировании. Объем полномочий патронатного воспитателя отличается от того, которым наделены иные законные представители (усыновители, опекуны, попечители, приемные родители). Права и обязанности существуют не только у патронатного

воспитателя, но и у органа опеки и попечительства. С патронатным воспитателем заключается трудовой договор, и соответствующая запись вносится в трудовую книжку. Он получает не только заработную плату, но и пособие на содержание ребенка. Возникают другие права, присущие трудовым отношениям, в частности, воспитателю предоставляется оплачиваемый отпуск [5].

Несмотря на то, что четкие формальные критерии к личности патронатного воспитания не установлены, действуют общие правила, связанные с запретами отдельным гражданам быть усыновителями, опекунами (попечителями), приемными родителями. Таким образом, патронатными воспитателями не могут быть лица, признанные судом недееспособными или ограниченно дееспособными; лишенные родительских прав или ограниченные в родительских правах; имеющие судимость за умышленное преступление против жизни и здоровья граждан и т.д.

Нельзя не сказать и о том, что патронатное воспитание в России является, по своей сути, аналогом фостеровской семьи, существующей в других странах. Например, в США действуют несколько форм семейного устройства детей. Во-первых, это помещение ребенка в семью родственников. Во-вторых, его экстренное определение в приемную семью при обнаружении чрезвычайных обстоятельств, при непосредственной угрозе жизни и здоровью. В-третьих, формой устройства является помещение ребенка в приемную семью, которая осуществляет воспитание на профессиональной основе. Далее, ребенок может передаваться в специализированные приемные семьи, в которых родителей обучают навыкам ухода за ним, если такой уход не требует медикаментозного лечения. Дети также могут помещаться в дома семейного типа (интернаты). Существуют и так называемые программы помощи: если ребенок имеет проблемы со здоровьем, ему оказывается профессиональная медицинская, психологическая, консультативная и другая помощь со стороны специалистов в рамках, действующих на территории округа или штата программ.

Следует отметить, что патронат является наиболее гибкой формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Как экстренная форма она позволяет пережить ребенку кризисный период его жизни. Кроме того, она может служить предпосылкой позитивных изменений в его кровной семье. Если же кровные родители не в состоянии осуществлять надлежащее воспитание ребенка, то патронат устанавливается на более длительный срок. Не исключена возможность и последующего усыновления подопечного его патронатным воспитате-

лем, поскольку такие дети, как правило, имеют мало шансов на усыновление (дети, достаточно взрослые по возрасту, с проблемами в развитии и поведении и т.д.).

Основные вопросы патронатного воспитания определяются соответствующим договором, в котором устанавливается объем полномочий как патронатного воспитателя, так и органа опеки и попечительства. В этом же договоре закрепляются права ребенка, его кровных родителей, либо законных представителей и уполномоченной службы (организации) по патронату. В договоре отражаются вопросы ответственности сторон за соблюдение условий содержания, воспитания и образования ребенка. Основные обязанности возлагаются на патронатного воспитателя, в том числе по безопасности детей, сохранению их жизни и здоровья. Он наделяется полномочиями давать разрешение на экстренную госпитализацию и операцию ребенка. Вопросы о выборе формы обучения, плановом лечении, операции, летнем отдыхе могут решаться как самостоятельно воспитателем, так и с профессиональной службой по устройству детей совместно. Объем полномочий сторон устанавливается в договоре исходя из потребностей ребенка и возможностей семьи.

В случае переезда на постоянное место жительства патронатного воспитателя за пределы данного региона (муниципального образования) договор о патронатном воспитании расторгается. Это связано с необходимостью постоянного личного контакта патронатной семьи и уполномоченной организации.

Завершая исследование вопросов иного воспитания детей, необходимо отметить, что их регулирование на уровне законодательства субъекта РФ открывает путь достаточно широкому произвольному региональному нормотворчеству. Представляется правильным на уровне федерального законодательства закрепить общие положения, которые регламентировали бы различные формы патронатного жизнеустройства детей по опыту зарубежного законодательства, порядок заключения и условия договора, в котором устанавливается объем полномочий патронатного воспитателя, органа опеки и попечительства, права ребенка, его кровных родителей либо законных представителей и уполномоченной службы (организации) по патронату, вопросы ответственности сторон за соблюдение условий содержания, воспитания и образования ребенка. Вопросы материального обеспечения патроната целесообразно устанавливать законодательством субъекта РФ.

Список литературы

1. О передаче воспитанников детских домов в крестьянские семьи: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27.03.1928 // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1928. № 27, ст. 196.
2. О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов и других несовершеннолетних трудящихся в городах и рабочих поселках: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28.05.1928 // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1928. № 35, ст. 224.
3. *Гришаев С.П.* Новое в законодательстве об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2016.
4. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / З.А. Ахметьянова [и др.]; отв. ред. О.Н. Низамиева. М.: Проспект, 2011. 560 с.
5. *Михайлова А., Королева С.* Патронат: целостная педагогическая система // ЭЖ-Юрист. 2012. № 19. С. 21–28.
6. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве», Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / О.Г. Алексеева [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2012. 654 с.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ю.Г. Янышева, магистрант, **М.А. Кириллов**, д-р юрид. наук, проф.
*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

В статье приводится информация о состоянии, уровне и динамике дорожно-транспортных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в России. Рассматриваются некоторые особенности дорожно-транспортных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, позволяющие правильно определить направления деятельности органов внутренних дел и иных субъектов в профилактике указанных преступлений.

Ключевые слова: Правила дорожного движения; преступления против безопасности дорожного движения; нарушение ПДД в отношении несовершеннолетних.

В современный период проблема нарушений правил дорожного движения по вине и в отношении несовершеннолетних приобретает особую актуальность. Это связано с тем, что дорожно-транспортные происшествия с их участием являются негативным показателем в структуре дорожно-транспортной аварийности, а в случае причинения вреда здоровью и жизни несовершеннолетних обладают повышенной общественной опасностью.

По словам начальника Главного управления ОБДД МВД России, генерал-лейтенанта полиции В.И. Нилова: «на протяжении последних лет последовательно снижалось количество детей, погибших в результате дорожных аварий. В 2014 г. этого добиться не удалось. Несмотря на то, что рост составил менее 1 %, гибель каждого ребенка – это чрезвычайное происшествие». Сегодня несовершеннолетний является участником каждого десятого дорожно-транспортного происшествия. В связи с этим особое значение приобретает выполнение одной из задач, сформулированных в Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах», по формированию у детей навыков безопасного поведения на дорогах [2].

Роль несовершеннолетнего в механизме дорожно-транспортного происшествия может быть различной: от основного виновника создания аварийной ситуации до лица, пострадавшего от нее. Зачастую несовершеннолетний пешеход, нарушивший правила дорожного движения тем или иным образом, сам становится жертвой им же созданной ситуации [4].

По достижении шестнадцатилетнего возраста нарушители правил дорожного движения при наличии уголовно наказуемых последствий могут подлежать ответственности по ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» или ст. 268 УК РФ «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта», в зависимости от их роли в качестве виновного участника дорожного движения.

К числу наиболее распространенных нарушений правил дорожного движения, совершаемых несовершеннолетними нарушителями, относится переход проезжей части в неустановленном месте или вне пешеходного перехода. Следствием этого является ситуация, когда наезды на пешеходов являются одним из основных видов дорожных происшествий с участием детей.

С наступлением летнего периода возрастает количество дорожно-транспортных происшествий с участием подростков, управляющих велосипедами, мопедами, скутерами и мотоциклами. При этом наблюдается как увеличение числа дорожно-транспортных происшествий по их вине, так и случаев наездов на несовершеннолетних велосипедистов по причине нарушения ими требований правил дорожного движения. В целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий и преступлений с участием несовершеннолетних необходим комплекс мероприятий по их своевременному выявлению и пресечению.

По мнению В.В. Лунеева: «более полное выявление нарушений, несомненно, дисциплинирует участников дорожного движения и снижает уровень автотранспортных преступлений» [6].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [2] внимание судов обращается на необходимость учитывать в отношении несовершеннолетнего нарушителя условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности..., в том числе влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц (п. 17).

По данным исследований, в структуре пешеходов-нарушителей доля лиц несовершеннолетнего возраста составляет около 11 %. При этом недостаточно высоким уровнем знаний и соблюдения правил дорожного движения, т.е. недостаточно развитым интеллектуальным компонентом правосознания обладает каждый третий учащийся.

Важная роль в предупреждении детского дорожно-транспортного травматизма принадлежит семье, члены которой должны собственным положительным примером и проведением разъяснительной работы призывать подростков к соблюдению правил дорожного движения.

Важным является устранение таких криминогенных факторов, как негативное влияние на подростка со стороны недостойных родителей, безнадзорность подростка, употребление им алкоголя, наркотиков [5].

Устранить проблему нахождения несовершеннолетнего в момент нарушения правил дорожного движения в состоянии опьянения призвано установление, наряду с административной, уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Криминализацию подобного рода деяний, совершаемых в

отношении несовершеннолетних, можно рассматривать как тенденцию роста защищенности прав и интересов несовершеннолетних в сфере действия уголовного законодательства.

Это должно оказать эффективное воздействие на подростков, а применение на практике будет способствовать значительному снижению уровня потребления алкогольной продукции несовершеннолетними [3]. Важным направлением предупреждения нарушений правил дорожного движения может стать уголовно-правовое воспитание, которое применительно к несовершеннолетним представляет собой целенаправленную систематическую деятельность, осуществляемую государственными и общественными учреждениями, направленную на формирование устойчивых качеств несовершеннолетних, обеспечивающих как знание, так и соблюдение ими уголовно-правовых норм, а также смежных с ними составов административных правонарушений в сфере дорожного движения [7].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Очевидно, что сократить уровень детского дорожно-транспортного травматизма и количество травмированных в происшествиях детей, снизить число дорожно-транспортных происшествий и преступлений по детской неосторожности призван комплекс мероприятий правового, организационного, воспитательного характера. В связи с тем, что большинство дорожно-транспортных происшествий связаны с нарушениями правил дорожного движения со стороны детей-пешеходов или велосипедистов, первоочередными должны стать пропагандистские мероприятия в отношении данной категории участников дорожного движения. Не менее важным является профилактика нарушений со стороны подростков, управляющих мотоциклами, мопедами и т.п., а также ограничение их доступа к транспортным средствам родителей.

Ежегодно сотрудники подразделений ГИБДД обращаются к родителям и педагогам с просьбой о ежедневном напоминании детям о необходимости соблюдения правил дорожного движения, важности контроля за действиями своих детей на дороге, а также значимости личного примера правомерного поведения на улицах и дорогах. Сегодня забота о безопасности несовершеннолетних, обучение их правильному поведению на дороге, соблюдению законов и общепринятых мер предосторожности в дорожных условиях являются важной составляющей в политике государства по обеспечению безопасности дорожного движения.

Список литературы

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
2. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах»: постановление Правительства РФ от 03.10.2013 № 864 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 41, ст. 5183.
3. Баранчикова М.В. К вопросу о квалификации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2014. № 1 (2). С. 41–45.
4. Баранчикова М.В. Проблемы квалификации нарушений Правил дорожного движения пешеходами // Мировой судья. 2011. № 8. С. 9–12.
5. Величко А.Н., Шатилович С.Н. Предупреждение преступлений в деятельности суда: монография. Тюмень, 2006. 204 с.
6. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
7. Стецура С.В. Уголовно-правовое воспитание как средство предупреждения преступности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. 24 с.

ТАКТИКА ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ

Ю.Г. Янышева, магистрант

*Чебоксарский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (г. Чебоксары)*

Преступность несовершеннолетних была всегда интересна для ученых и практиков, так как общественно опасный характер у таких преступлений всегда больше, нежели чем у преступлений, совершаемых совершеннолетними. Процессуальный порядок и тактические особенности производства допроса несовершеннолетнего включают в себя выделяемые в международном законодательстве и юридической литературе критерии, правила производства допроса несовершеннолетнего, а также условия действия правовых норм.

Ключевые слова: допрос; несовершеннолетний; тактика; показания; следователь; преступление.

Допрос – это один из распространенных следственных действий, стержневая цель которого – получение новых и конкретизация уже установленных обстоятельств расследуемого преступления.

Р.С. Белкин, один из ведущих криминалистов современности, утверждает, что: «допрос – это процессуальное (следственное или судебное) действие, заключающееся в получении показаний (информации) о событии, ставшем предметом уголовного судопроизводства, лицах, проходящих по делу, причинах и условиях, способствовавших совершению и сокрытию преступления» [2].

Т.В. Лутошкина в своем исследовании отмечает, что «допрос несовершеннолетнего является тактически сложным следственным действием, требующим от следователя высокого профессионального уровня: глубоких юридических знаний, высокой культуры, владения приемами криминалистической тактики, положениями логики, психологии, педагогики. Квалифицированное производство допроса требует не только знания закона и творческого его применения, но и житейского опыта, умения интерпретировать и варьировать различные допустимые меры воздействия на личность с учетом ее индивидуально-возрастных особенностей» [6].

Соответственно, получить следователю в ходе допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) полноценную и соответствующую действительности информацию по делу почти невозможно, когда у лица, проводящего допрос, отсутствуют знания о психологических особенностях подростков и способности находить с ними психологический контакт, главной целью которого является появление у допрашиваемого желания давать правдивые показания.

Таким образом, профессиональное общение следователя при производстве допроса, помимо процессуальных, должно включать и непроцессуальные формы, которые основаны на знании психологических закономерностей межличностного взаимодействия с несовершеннолетними и умении использовать их в процессе расследования преступления.

Следует заметить, что «при проведении допроса положительное воздействие на несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) оказывает фактор внезапности при постановке вопросов и предъявлении доказательств, поскольку если между данным и предыдущим вопросом или доказательством нет логической связи, несовершеннолетний допрашиваемый может не суметь сориентироваться и непроизвольно сообщит сведения, которые он пытался скрыть» [5].

Если у следователя появляются подозрения о том, что несовершеннолетний допрашиваемый излагает ложные сведения, не обусловливается тем, что при даче ложных показаний подростки нередко допускают несоответствия, противоречия, которые были вызваны тем, что

они изначально не продумали детали их «придуманного рассказа». Поэтому дальнейшее сопоставление его показаний с другими материалами уголовного дела позволит следователю выявить ложную информацию, которую он сообщил. Если по окончании детализации и конкретизации показаний несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) появились противоречия между его показаниями и другими материалами уголовного дела, так и в самих показаниях несовершеннолетнего, следователю рекомендовано сосредоточить внимание на выяснении потенциальных причин, которые мешают подростку сказать то, что произошло на самом деле.

Основными мотивами дачи ложных показаний несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми являются: «боязнь наказания; стремление уклониться от ответственности; отрицательное эмоциональное отношение к правоохранительным органам; особые отношения с организатором, соучастником; стремление скрыть соучастников; воздействие иных лиц; неправильное представление о последствиях своих действий» [4].

Для эффективного проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) особую ценность имеет подготовительная стадия допроса, включающая:

Во-первых, собирание исходной информации, которая относится к личности несовершеннолетнего и к предмету допроса. Эффективным будет проведение допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), основанного на знании особенностей личности допрашиваемого и умения этим определить свое личное направление поведения, чтобы успешное решение поставленной задачи было соблюдено при строгом исполнении закона.

Важную информацию о несовершеннолетнем подозреваемом (обвиняемом), как показывает практика, следователь может получить не только из материалов уголовного дела, характеристик, данных подростку педагогами, инспектором по делам несовершеннолетних, участковым уполномоченным полиции, но и путем личного наблюдения, беседы с ним. Данная задача существенно может упроститься, если следователь сам произвел задержание подростка и имел возможность провести анализ поведения и личностных черт несовершеннолетнего.

Во-вторых, тактическое обеспечение допроса. Для целенаправленного и качественного проведения такого следственного действия, как допрос, рекомендуется спланировать его проведение, которое предполагает избрание более предпочтительных приемов тактики допроса, а также учет психологических особенностей подростка.

В-третьих, подготовка тех доказательств, которые, вероятно, нужно будет предъявить при допросе. В ходе допроса правильно выстроенное и прокомментированное следователем предъявление доказательств может оказать влияние на несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого).

Вместе с тем наличие у следователя достаточной совокупности уличающих доказательств еще не может означать, что с их помощью он получит от несовершеннолетнего правдивые показания. Эффективно собранный доказательственный материал во многом будет зависеть от тактически правильного распоряжения им при проведении допроса.

В криминалистической теории выработано несколько способов предъявления доказательств: «раздельное предъявление имеющихся доказательств в различной последовательности; одновременное предъявление всех доказательств; неожиданное предъявление доказательств; предъявление доказательств по нарастающей их весомости; предъявление вначале косвенных, а затем прямых доказательств; предъявление доказательств после беседы по его поводу и т.д.» [3]. Выбор следователем способа предъявления доказательств зависит от характера складывающейся ситуации и от непосредственных действий допрашиваемого несовершеннолетнего.

В-четвертых, выбор времени, места и способа вызова на допрос. Согласно ст. 424 УПК РФ, «вызов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, производится через его законных представителей». Следует добавить, что вызов несовершеннолетнего через родителей в некоторых случаях расценивается им как неуважение к его персоне. Поэтому следователю рекомендуется выбор такого способа вызова на допрос, который в каждом конкретном случае поспособствует установлению психологического контакта с несовершеннолетним допрашиваемым.

Время проведения допроса, если оно не является неотложным следственным действием, то целесообразным будет выбрать в соответствии с интересами несовершеннолетних, а также следует учесть тот факт, что вечерний и утренний промежуток времени во многих случаях не способствует конструктивной беседе с несовершеннолетними.

В-пятых, надо учитывать техническое обеспечение. Использование технических приемов и средств, которые будут фиксировать показания, значимо ввиду того, что на практике достаточно часто бывают

случаи, когда подростки под разнообразными предложениями меняют ранее данные показания. К этому следует добавить, что зафиксированный процесс допроса может служить предметом анализа, сопоставления с показаниями других участников уголовного судопроизводства, а также предметом исследования.

Определение и привлечение для участия в допросе несовершеннолетнего иных лиц. В проведении допроса несовершеннолетнего может принимать участие весьма обширный круг лиц со своими правами и обязанностями: защитник, психолог, законный представитель, педагог. Их первостепенной задачей является помощь следователю в допросе несовершеннолетнего и контроль за соблюдением его прав.

Перечень лиц, которые могут выступать в качестве законных представителей, содержащийся в п. 12 ст. 5 УПК РФ, является исчерпывающим: «к законным представителям относятся родители, усыновители, опекуны и попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства» [1].

Среди основополагающих тактических правил производства допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) можно выделить главное – это создание комфортных условий для допрашиваемого. Для этого необходимо отключить телефоны, закрыть двери и исключить любые другие внешние помехи.

В соответствии со ст. 425 УПК РФ: «в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно» [1].

Н.А. Курмаева полагает: «в рамках функции по защите законных прав и интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого педагог или психолог способствуют ограждению несовершеннолетнего от нежелательного воздействия со стороны следователя (неверный тон, непродуманная формулировка вопросов и пр.). Целью при этом является охрана психического здоровья несовершеннолетнего от травмирующего воздействия необычной для него ситуации» [4].

Таким образом, соблюдение вышеизложенных рекомендаций и требований значительно повысит эффективность допросов несовершеннолетних на первоначальном этапе расследования преступлений, а

также позволит получить исчерпывающую и достоверную информацию уже по итогам первого допроса несовершеннолетних.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018; с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019).
2. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. доп. М., 2000. 334 с.
3. *Ищенко Е.П.* Криминалистика: Курс лекций. М. 2017. 416 с.
4. *Курмаева Н.А.* Использование специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве по делам с участием несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2014. 249 с.
5. *Лифанова М.В.* Участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего // Эксперт-криминалист. 2015. № 3. С. 18–20.
6. *Лутошкина Т.В.* Методика расследования преступлений несовершеннолетних в условиях большого города: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 23 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алеева Е.В., Кириллов М.А.</i> Отграничение от злоупотребления должностных полномочий	3
<i>Алеева Е.В., Кириллов М.А.</i> Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями по зарубежному законодательству	7
<i>Алексеев А.М.</i> О технике опубликования нормативных актов	12
<i>Алексеев А.М.</i> Особенности юридической техники в различных правовых семьях	19
<i>Безруков А.С., Кириллов М.А.</i> Вина в системе смежных правовых категорий	28
<i>Безруков С.А., Кириллов М.А.</i> Развитие представлений о вине в истории права	34
<i>Биктимерова Л.Р., Кириллов М.А.</i> История развития норм о злоупотреблении должностными полномочиями в дореволюционный период	41
<i>Биктимерова Л.Р., Кириллов М.А.</i> Отграничение получения взятки от иных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	46
<i>Бойко С.Я., Кузнецов А.П.</i> Мошенничество: проблемы понимания и практического применения	50
<i>Борисов В.Э.</i> Меры по предупреждению коррупционной преступности в зарубежных странах	57
<i>Борисов В.Э.</i> Основы выявления взяточничества правоохранительными органами	61
<i>Бузина В.В., Кириллов М.А.</i> Конфликт интересов в системе государственной службы России	67
<i>Бузина В.В., Кириллов М.А.</i> Коррупция как «недуг» государственной службы Российской Федерации: причины существования и распространения	73
<i>Васильев Р.И.</i> Некоторые исторические аспекты становления и развития института недействительности сделок ...	77
<i>Васильев Р.И.</i> Основания признания сделки недействительной	83
<i>Григорьев А.С., Кириллов М.А.</i> Виктимологическая характеристика жертв внутрисемейного насилия, осуществляемого в отношении несовершеннолетних	89

<i>Григорьев А.С., Кириллов М.А.</i> Криминологическая характеристика корыстно-насильственной преступности	94
<i>Данилова В.Ю.</i> Влияние судебной практики на законодательство как проявление диалектики нормативного и индивидуального в правовом регулировании	98
<i>Данилова В.Ю.</i> Судебная практика и развитие законодательства в период Российской империи (XVIII – начало XX вв.)	104
<i>Деягина М.П., Кириллов М.А.</i> Методы борьбы с коррупцией в современном Китае	110
<i>Деягина М.П., Кириллов М.А.</i> Сущность и содержание антикоррупционного психолого-этического обеспечения профессиональной деятельности государственных служащих	115
<i>Дубинина Э.В., Кириллов М.А.</i> Латентность как одна из главных проблем борьбы с коррупцией в системе государственной службы Российской Федерации	120
<i>Дубинина Э.В., Кириллов М.А.</i> Понятие коррупции и уголовно-правовые средства воздействия	123
<i>Дусмухаметов Ф.А., Кириллов М.А.</i> Зарубежная антикоррупционная практика	127
<i>Дусмухаметов Ф.А., Кириллов М.А.</i> Основные направления по совершенствованию антикоррупционной политики в России	132
<i>Захаров Е.А., Кириллов М.А.</i> Состояние организованной преступности в современной России	137
<i>Захаров Е.А., Кириллов М.А.</i> Факторы, обуславливающие существование и развитие организованной преступности... ..	141
<i>Захарова К.Ю., Кириллов М.А.</i> Система мер по противодействию коррупции, применяемых в отношении сотрудников органов внутренних дел	145
<i>Захарова К.Ю., Кириллов М.А.</i> Совершенствование системы мер по борьбе с коррупцией в органах внутренних дел	151
<i>Ибетов М.В., Кириллов М.А.</i> Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за преступления в сфере финансово-кредитных отношений	155
<i>Ибетов М.В., Кириллов М.А.</i> Становление и развитие уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности	161

<i>Иванченко В.Р., Кириллов М.А.</i> Теоретические и правовые основы исследования криминальной деятельности этнических преступных формирований	166
<i>Иванченко В.Р., Кириллов М.А.</i> Характеристика личности участника этнической организованной преступности	170
<i>Крупка И.А., Кириллов М.А.</i> Коррупционные преступления в сфере государственной власти	174
<i>Крупка И.А., Кириллов М.А.</i> Правовые основы противодействия коррупции в зарубежных странах	180
<i>Кудрявцева Н.А., Савельев В.В.</i> Проблемы реализации полномочий суда в уголовно-процессуальном доказывании	186
<i>Кудрявцева Н.А., Савельев В.В.</i> Соотношение международных стандартов и принципов правосудия	191
<i>Кутуев А.З., Кириллов М.А.</i> Снятие судимости по действующему уголовному законодательству России	196
<i>Кутуев А.З., Кириллов М.А.</i> Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные последствия судимости	200
<i>Майорова А.И.</i> Гражданско-правовой аспект регулирования системы страхования вкладов	204
<i>Майорова А.И.</i> Пути и перспективы развития системы страхования вкладов	208
<i>Максимчук А.-С.А., Кириллов М.А.</i> Квалифицированные виды изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг.....	214
<i>Максимчук А.-С.А. Кириллов М.А.</i> Международные акты о борьбе с фальшивомонетничеством	219
<i>Маркушева К.А., Кириллов М.А.</i> Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление против жизни и здоровья человека на территории Российской Федерации	223
<i>Маркушева К.А., Кириллов М.А.</i> Действие уголовного закона в пространстве	230
<i>Орлов Е.Н., Кириллов М.А.</i> Взаимодействие органов прокуратуры с органами государственной власти и институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции	235
<i>Орлов Е.Н., Кириллов М.А.</i> Особенности коррупции в системе органов внутренних дел	239
<i>Павличенко М.В.</i> Актуальные вопросы криминалистики:	

относится ли деятельность адвоката-защитника к криминалистической тактике	245
Петров С.А., Кириллов М.А. Роль институтов гражданского общества в вопросах противодействия коррупции в России	251
Петров С.А., Кириллов М.А. Современные тенденции развития борьбы с коррупцией в России	255
Разина А.П. История развития законодательства об ответственности за преступления против собственности	259
Разина А.П., Кириллов М.А. Ответственность за преступления против собственности по зарубежному уголовному законодательству	265
Садрtdинов А.Ф., Кириллов М.А. Анализ состояния противодействия отмыванию денег в дистанционном банковском обслуживании	270
Садрtdинов А.Ф., Кириллов М.А. Историко-правовые основы по обеспечению противодействия коррупции и легализации полученных доходов	275
Семенова Е.Е. Перспективы развития принципа состязательности и равноправия сторон в свете судебного реформирования	280
Семенова Е.Е. Развитие института представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации	285
Слепцова Т.А. Институты осуществления власти народа: выборы и референдум	289
Слепцова Т.А. Конституционно-правовое регулирование выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, процедура голосования	295
Сохин Т.Р., Савельев В.В. Критерии правомерности ограничений: основания, цели и принципы	303
Сохин Т.Р., Савельев В.В. Совершенствование конституционных норм и норм федерального законодательства в области ограничений прав и свободы человека и гражданина	306
Суярембитов И.У., Кириллов М.А. Вопросы совершенствования применения запретов и ограничений в сфере государственной и гражданской службы	311

Суярембитов И.У., Кириллов М.А. Юридическая ответственность в сфере государственной гражданской службы	315
Тарасова Е.В., Васильев И.И. О совершенствовании законодательного обеспечения правоохранительной деятельности	320
Тарасова Е.В., Васильев И.И. Теоретические аспекты принципов президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов	324
Терентьева Е.А. Анализ приказного производства в арбитражном процессе в России	328
Терентьева Е.А. Некоторые аспекты порядка рассмотрения арбитражным судом первой инстанции дел в порядке упрощенного производства	332
Туловчикова К.А. Правовой статус иностранных лиц в российском гражданском и арбитражном процессе	336
Туловчикова К.А. Соглашения о международной подсудности в отечественном правопорядке	342
Турхин М.С. Защита прав и свобод человека и гражданина – приоритетное направление прокурорского надзора	347
Файзрахманов Х.М. Понятие и функции охраны и защиты права собственности	353
Файзрахманов Х.М. Проблемы прекращения права собственности на неимущественные права	358
Федоров Д.В., Синичкин А.А. Деятельность адвоката при разрешении специфических споров о возмещении вреда, причиненного в результате ДТП	362
Федоров Д.В., Синичкин А.А. Проблемы правового регулирования деятельности службы аварийных комиссаров на месте дорожно-транспортного происшествия	366
Федоров М.В., Кириллов М.А. Коррупция в правоохранительных органах как угроза национальной безопасности Российской Федерации	370
Федоров М.В., Кириллов М.А. Правоохранительная деятельность как государственная услуга: борьба с организованной преступностью и коррупцией	374
Федоров С.Г. Социальная обусловленность уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков	377
Федотов П.В., Кириллов М.А. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии	381

Федотов П.В., Кириллов М.А. Понятие организованной преступной деятельности в России на современном этапе	385
Филиппов А.С., Кириллов М.А. Отличие преступного легкомыслия от косвенного умысла	389
Филиппов А.С., Кириллов М.А. Сравнительный анализ косвенного умысла и легкомыслия в уголовном праве Российской Федерации	393
Филипчик А.О., Кириллов М.А. Преступность несовершеннолетних и ее влияние на общую криминогенную обстановку в современной России	397
Филипчик А.О., Кириллов М.А. Проблемы криминологической характеристики преступности несовершеннолетних в России	401
Хабоян О.О. Компенсация морального вреда, причиненного посягательствами на честь и достоинство человека ...	405
Хабоян О.О. Специальные условия ответственности за причинение морального вреда	408
Цыпленкова А.Э., Савельев В.В. Правоохрана и правозащита в деятельности органов предварительного расследования	411
Цыпленкова А.Э., Савельев В.В. Теоретические основы правозащитной деятельности прокуратуры Российской Федерации	416
Яковлев А.А. Проблемы квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних	420
Яковлев А.А. Проблемы квалификации ненасильственных половых преступлений против несовершеннолетних	425
Янешева А.М. Выявление детей, оставшихся без попечения родителей	430
Янешева А.М. Иные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей	435
Янышева Ю.Г., Кириллов М.А. Криминологическая характеристика преступлений против безопасности дорожного движения, совершенных в отношении несовершеннолетних	440
Янышева Ю.Г. Тактика допроса несовершеннолетних по делам об убийствах.....	444

Научное издание

**Актуальные проблемы уголовного,
уголовно-исполнительного права и криминологии**

Сборник материалов

*Республиканской научно-практической конференции,
посвященной памяти доктора юридических наук, профессора,
почетного работника высшего профессионального образования
Российской Федерации, заслуженного работника образования
Чувашской Республики Аркадия Сизого
(8 ноября 2019 г.)*

Ответственный за выпуск *М.А. Кириллов*
В авторской редакции

Подписано в печать 30.09.2020. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать оперативная. Печ. л. 28,5. Тираж 100 экз. Заказ № 3283.

ЧКИ РУК

428025, г. Чебоксары, пр. М. Горького, д. 24.

Отпечатано в типографии «Новое время»
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. М. Павлова, д. 50/1.